GALACTICA MEDIA

JOURNAL OF MEDIA STUDIES

VOL 4 NO 4 (2022)

www.galacticamedia.com

E-ISSN: 2658-7734 18+

Galactica Media

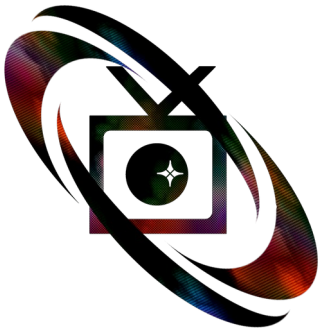
Journal of Media Studies

Academic E-Journal

www.galacticamedia.com

Vol. 4, No 4

https://doi.org/10.46539/gmd.v4i4

2022

E-ISSN: 2658-7734 18+

Галактика медиа

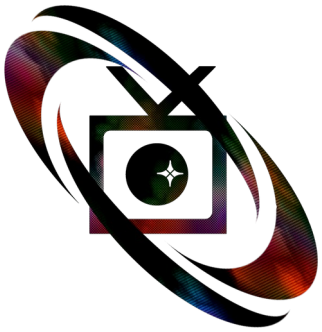
журнал медиа исследований

Исследовательский электронный журнал

www.galacticamedia.com

Том 4, No 4

https://doi.org/10.46539/gmd.v4i4

2022

Table of Content

SUBALTERN STUDIES AND MEDIA

Míša Stekl
The Global Village and Its Others: 'Squid Game' and Subaltern Mediality 17

NEW MEDIA AND HUMAN COMMUNICATION

Nairui Xu, Lixiong Chen, Zizheng Yu & Xiaoni Zhu
An Epistemic Trend or a Digital Pitfall?
De-Westernizing Media and Communication Studies in Digital China 30

Rastyam T. Aliev & Olesya S. Yakushenkova
A Comparative Analysis of the Transformation of the Other's Image: 2018-2022 47

Elena V. Morozova & Anastasiya K. Lomaeva
Civic Participation Platform:
Implementation Practices in the Russian Greater Caspian Sea Region 63

Darya V. Meretina & Irina V. Kucheruk
Representation of Urban Myth-Making in Social Media 76

MEDIA ACTIVISM

Kelvin Inobemhe & Tsegyu Santas
#EndSARS Protest:
A Discourse on Impact of Digital Media on 21st Century Activism in Nigeria 100

Anna S. Krasnikova
"Nobody Asked You to Nicker" – Monstration Slogans as a Speech Genre 125

Alla V. Kornienko
Verbal Aggression in Statements Made
by the Authorities (based on materials from the "Word of the Year" contests) 143

Yulia N. Alisievich
Laughter Protest: The Comical in Contemporary Activism 160

CINEMA STUDIES

Menderes Akdağ, Serhat Yetimova & Hatice Yaren Eser
Children's Victimization in Turkish Cinema
between the 1970s and the 1980s: A Political Economy Perspective 189

Yaroslav A. Levin
Image of Ally: Great Britain in American Cinema, 1942 210

GAME STUDIES

Vladislav V. Kirichenko
Speedrunner as a Virtual Naturalist 223

HUMOR IN THE "OLD" MEDIA

Sergei O. Buranok
Palestine and the British Empire in US Political Cartoons, 1917-1919 244

MEDIA LITERACY SKILLS

Sergey V. Teterskiy, Aman I. Izmailov, Elena R. Obukhova & Svetlana V. Ilyasova
Digitalization of Creative Spaces of the Caspian Region Youth 265

Elena G. Timofeeva & Anastasiya A. Dorofeeva
Digital Transformation of the Russian Historical Education: Regional Aspect 284

GENERAL THEORY

Natalia B. Kirillova
Strategic Concepts of Media Studies: from Marshall McLuhan to Manuel Castells 295

Svetlana V. Shibarshina
Scientists in Power in Science and Techno-Utopias
("Flight of the Earth" and "The Transhumanist Wager") 309

CRITICS & REVIEWS

Dmitry V. Solomko
Review of the Dictionary "Ecology of Human Existence. Part II. Media Ecology" 327

Содержание

ТЕОРИЯ МАЛЫХ ГРУПП И МЕДИА

Штекл М.
Глобальная деревня и её Другие: «Игра в кальмара» и медиальность малых групп 17

НОВЫЕ МЕДИА И КОММУНИКАЦИИ

Сюй Н. Чэнь Л., Юй Ч., Чжу С.
Эпистемический тренд или цифровая западня?
Девестернизация медиа и коммуникационных исследований в цифровом Китае 30

Алиев Р. Т., Якушенкова О. С.
Сравнительный анализ трансформации образа Чужого: 2018-2022 гг. 47

Морозова Е. В., Ломаева А. К.
Платформа гражданского участия:
практики внедрения в российских регионах Большого Каспия 63

Меретина Д. В., Кучерук И. В.
Репрезентация городского мифотворчества в социальных сетях 76

МЕДИА-АКТИВИЗМ

Инобемхе К., Сантас Ц.
Протест #EndSARS:
дискурс о влиянии цифровых медиа на активизм в Нигерии XXI века 100

Красникова А. С.
«Никто не просил вас ржать»: лозунги Монстрации как речевой жанр 125

Корниенко А. В.
Речевая агрессия в высказываниях власти (на материалах конкурсов «Слово года») 143

Алисиевич Ю. Н.
«Смеховой протест»: комическое в современном активизме 160

ИССЛЕДОВАНИЯ КИНЕМАТОГРАФА

Акдаг М., Йетимова С., Эсер Х. Я.
Детская виктимизация в турецком кино 1970-х и 1980-х годов:
политико-экономическая перспектива 189

Левин Я. А.
Образ союзника: Великобритания в американском кино 1942 г. 210

ИССЛЕДОВАНИЯ ИГР

Кириченко В. В.
Спидраннер как виртуальный натуралист 223

ЮМОР В «СТАРЫХ» МЕДИА

Буранок С. О.
Палестина и Британская империя в карикатурах США 1917–1919 гг. 244

МЕДИЙНАЯ ГРАМОТНОСТЬ

Тетерский С. В., Измаилов А. И., Обухова Е. Р., Илясова С. В.
Цифровизация творческих пространств Прикаспийской молодёжи 265

Тимофеева Е. Г., Дорофеева А. А.
Цифровая трансформация
российского исторического образования: региональный аспект 284

ОБЩЕТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ

Кириллова Н. Б.
Стратегические концепции медианауки:
от Маршалла Маклюэна до Мануэля Кастельса 295

Шибаршина С. В.
К проблеме власти ученых в научных и техно-утопиях
(на примере романов «Бегство земли» и «Пари трансгуманистов») 309

КРИТИКА И РЕЦЕНЗИИ

Соломко Д. В.
Рецензия на словарь «Экология человеческого бытия. Часть II. Медиаэкология» 327

Dear friends, colleagues, readers and authors!

Galactica Media: Journal of Media Studies is a periodic academic e-journal without printed forms (since 2019). The journal publishes scholastic articles, reviews, information resources, reports of expeditions, conferences and other scientific materials.

This project is a truly ambitious initiative that serves to disseminate scientific intellectual knowledge and information in the field of media and popular culture (history, cultural studies, anthropology, philosophy, etc.) in the modern world community.

It is not for nothing that we used the epithet ambitious, since from the very beginning of its inception and preparation, it really is such. The project was started in 2018 by a small group of enthusiasts, young scientists whose interests lie in the above-mentioned areas of research.

First of all, we have assembled a truly big international team to become the members of our editorial board, people from different parts of our "small global village" called planet Earth, as media culture theorist Herbert Marshall McLuhan put it. Our editors are leading scholars in the field of media and popular culture from Russia, USA, UK, Spain, Austria, Sweden, India, Sri Lanka, China, Malaysia, Ghana.

Therefore, we chose English (the international language of science) and Russian (as the project is an initiative of Russian scientists) as the working languages of the online journal.

Openness, and peer reviews by leading scholars are the fundamental principles of our project (Ethics). And the digital character of modern international communications made us choose the electronic version of the journal (without physical printing). Based on the above while choosing a platform we preferred an open and free engine called Open Journal Systems, which ideally allows to organize the entire publishing process.

This allowed us to automate each stage of publication through the user registration system.

The names and e-mail addresses entered on the website of this online journal will be used solely for the purposes indicated by the journal and will not be used for any other purposes or passed to other individuals or organizations.

Journal publishes articles on quarterly basis.

Our online edition is devoted to the topical issues in the field of studies of media and mass culture in the broadest coverage of: history, cultural studies, anthropology, philosophy, etc.

The title of the journal was chosen as a reference to the work of the famous theorist of media culture, Herbert Marshall McLuhan, who in his periodization of the invention and assimilation by mankind of mass communications (media) introduced the concept of "Galaxy" (Galaxy of Gutenberg, Galaxy Marconi, etc.).

Aim and Scope

To create a virtual platform for exchange of views and discussions in the field of studies of media and mass culture. We strive to ensure that our network publishing performs an important scientific function – communication and information, which allows not only to accumulate new achievements in this area, but also serves as the basis for new discoveries and insights.

Online edition maintains its principles – to ensure the intercultural dialogue and to reduce the conflict of civilizations. It adheres to the philosophy of non-violence, cultural and religious tolerance. The editorial Board aims at removing language barriers while maintaining respect for the national culture of each nation, residing on the small planet Earth.

All materials submitted to the editors will be carefully selected and sent for double-blind review.

Which does not mean though that any article sent to the editor will be accepted for our online edition. Any unscientific or not based on facts article will be rejected by the editors.

All articles are published FREE, but the fee is not paid to the authors.

Best regards,
Editors

- Certificate of registration issued by Roskomnadzor: ЭЛ № ФС77-75215 since 07 march 2019
- Materials are intended for persons over 18 years old.

Уважаемые друзья, коллеги, читатели и авторы!

Сетевое издание Galactica Media: Journal of Media Studies является периодическим научным изданием, не имеющим печатной формы, и выпускается с 2019 года. В сетевом издании публикуются научные статьи, рецензии, информационные ресурсы, отчеты об экспедициях, конференциях и прочие научные материалы.

Данный проект является поистине амбициозной инициативой, служащей распространению научных интеллектуальных знаний и информации, посвящённых исследованиям в области медиа и массовой культуры (история, культурология, антропология, философия и т.д.) в современном мировом сообществе.

Мы не зря использовали эпитет амбициозный, так как с самого начала его зарождения и подготовки он действительно является таковым. Проект был задуман в 2018 году небольшой группой энтузиастов, молодых учёных, сферой интересов которых оказалась вышеуказанная область научных исследований.

Первым делом мы собрали по-настоящему огромную международную команду, которая представлена в редколлегии сетевого издания и охватывает большинство континентов, как выразился теоретик медиакультуры Герберт Маршалл Маклюэн, нашей «маленькой глобальной деревни» под названием планета Земля. Сюда вошли ведущие учёные в сфере медиа и массовой культуры следующих стран: Россия, США, Великобритания, Испания, Австрия, Швеция, Индия, Шри-Ланка, Китай, Малайзия, Гана.

Поэтому в качестве рабочих языков сетевого издания мы выбрали английский (международный язык науки) и русский (так как проект является инициативой российских учёных).

Открытость и рецензируемость ведущими учёными всех поступающих для публикации материалов являются основополагающими научными принципами нашего проекта (основные этические принципы представлены здесь). А цифровой характер современных международных коммуникаций заставил нас выбрать электронный вариант публикации статей (без физической печати). Исходя из вышеперечисленного в выборе платформы для реализации задуманного, мы остановились на открытом и бесплатном движке под названием Open Journal Systems, который позволяет идеально организовать весь издательский процесс.

Это дало нам возможность автоматизировать каждый этап на пути к опубликованию научных материалов через систему регистрации пользователей.

Имена и адреса электронной почты, введенные на сайте этого сетевого издания, будут использованы исключительно для целей, обозначенных этим

сетевым изданием, и не будут использованы для каких-либо других целей или предоставлены другим лицам и организациям.

Мы выходим ежеквартально 4 раза в год.

Сетевое издание посвящено актуальным вопросам в сфере исследований медиа и массовой культуры в самом широком их охвате: история, культурология, антропология, философия и т.д.

Название проекта было выбрано в качестве отсылки к творчеству известнейшего теоретика медиакультуры Герберта Маршалла Маклюэна, который в своей периодизации изобретения и усвоения человечеством средств массовой коммуникации (медиа) использовал понятие «Галактика» (Галактика Гуттенберга, Галактика Маркони и т.д.).

Цель проекта

создание виртуальной площадки для обмена мнениями и дискуссий в области исследований медиа и массовой культуры.

Исходя из цели, мы стремимся к тому, чтобы наше сетевого издание выполняло важные научные функции – коммуникативную и информационную, которые послужат основой для новых открытий и озарений.

Сетевое издание выступает с позиций «идеологии» диалога культур и устранение условий конфликта цивилизаций. Оно придерживается принципов философии ненасилия, культурной и религиозной толерантности. Редакция преследует цель устранения языковых барьеров и уважительного отношения к границам национальной культуры каждого народа, проживающего на маленькой планете Земля.

Все материалы, поступающие в редакцию проходят тщательный отбор и отправляются на двойное слепое рецензирование.

Вместе с тем это не означает, что любая, присланная в редакцию статья, будет напечатана в нашем сетевом издании. Любая антинаучная и не подкрепленная фактологически статья будет отклонена редакторами.

Все статьи публикуются в сетевом издании БЕСПЛАТНО, но и гонорар авторам не выплачивается.

С уважением,
редакция журнала

- Свидетельство о регистрации выдано Роскомнадзором: ЭЛ № ФС77-75215 от 07 марта 2019
- Опубликованные в журнале материалы предназначены для лиц старше 18 лет

Editorial Team

Editor-in-Chief	**Rastyam T. Aliev** PhD, Associate Professor, Astrakhan State University, Russia
Associate Editors	**Serguey N. Yakushenkov** Dr. Habilitatus in History, Professor, Astrakhan State University, Russia **Olesya S. Yakushenkova** PhD, Associate Professor, Astrakhan State University, Russia
Copy editors	**Emilia A. Taysina** Dr. Habilitatus in Philosophy, Professor, Kazan State Energy University, Russia **Elina A. Sarakaeva** PhD, Hainan Professional College of Economics and Business in Haikou, China **Isabeau Vollhardt** B.A. Philosophy/English University of Washington, USA **Ekaterina V. Teneva** PhD, Saint Petersburg State University, Russia
Editorial Board	**Aleksandr V. Pavlov** Dr. Habilitatus, Associate Professor, Higher School of Economics, Russia **Amador Iranzo** PhD, Universitat Jaume I de Castelló, Spain **Christophe Duret** PhD Université de Sherbrooke, Canada **David Hesmondhalgh** PhD, Professor, University of Leeds, UK **Elena V. Khlyscheva** Dr. Habilitatus, professor, Astrakhan State University, Russia **Gautam Basu Thakur** PhD, Associate Professor, Boise State University, USA **Ibitayo Samuel Popoola** PhD, University of Lagos, Nigeria **Joan Copjec** PhD, Brown University, USA

Editorial Board

Konstantin A. Ocheretyaniy
PhD, Senior Lecturer, St. Petersburg State University, Russia

Kwasu David Tembo
PhD, Independent Researcher, Zimbabwe

Ludmila V. Scheglova
Dr. Habilitatus, Professor, Volgograd State Socio-Pedagogical University, Russia

Madina Tlostanova
PhD, Professor, University of Linköping, Sweden

Maksim V. Kirchanov
Dr. Habilitatus, Associate Professor, Voronezh State University, Russia

Natalya B. Kirillova
Dr. Habilitatus, Professor, Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin, Russia

Neeraj Khattri
PhD, Associate Professor, Jaipur National University, Jaipur Rajasthan, India

Qiao Li
Associate Professor, University of Wollongong in Malaysia, Malaysia

Robert Pfaller
Dr. philos., Professor, niversity of Art and Design Linz, Austria

Stephen Duncombe
PhD, Professor, Steinhardt School New York University, USA

Todd A. Comer
PhD, Professor, Defiance College, USA

Todd McGowan
PhD, Associate Professor, University of Vermont, USA

Theodora Dame Adjin-Tettey
PhD, Lecturer, University of Professional Studies, Accra, Ghana

Valeriy V. Savchuk
Dr. Habilitatus, Professor, St. Petersburg State University, Russia

Wasana Maithree Herath
PhD, Senior Lecturer, Uva Wellassa University, Sri Lanka

Главный редактор	**Растям Туктарович Алиев** к. ист. н., Астраханский государственный университет, Россия
Заместители главного редактора	**Сергей Николаевич Якушенков** д. ист. н., профессор, Астраханский государственный университет, Россия
	Олеся Сергеевна Якушенкова к. филос. н., Астраханский государственный университет, Россия
Литературные редакторы	**Эмилия Анваровна Тайсина** д. филос. н., профессор, Казанский государственный энергетический университет, Россия
	Элина Алиевна Саракаева к. филол. н., Хайнаньский профессиональный колледж экономики и бизнеса Хайкоу, Китай
	Изабо Воллхардт Бакалавр философии университет Вашингтона, Сиэтл Вашингтон, штат Вашингтон, США
	Екатерина Веселиновна Тенева к. филол. н., Санкт-Петербургский государственный университет, Россия
Редакционная коллегия	**Александр Владимирович Павлов** д. филос. н., Факультет гуманитарных наук / Школа философии НИУ ВШЭ, Россия
	Амадор Иранцо PhD, Университет Хайме I, Испания
	Кристоф Дюре PhD, Университет Шербрука, Канада
	Дэвид Хесмондхалг PhD, профессор, Университет Лидса, Великобритания
	Елена Владиславовна Хлыщёва д. филос. н., профессор, Астраханский государственный университет, Россия
	Гаутам Басу Тхакур PhD, профессор, Государственный университет Бойсе, США
	Ибитайо Самюэль Популa PhD, профессор, Лагосский университет, Нигерия
	Джоан Копьек PhD, профессор, Университет Брауна, США

Редакционная коллегия

Константин Алексеевич Очеретяный
к. филос. н., Санкт-Петербургский государственный университет, Россия

Квасу Дэвид Тембо
PhD, Независимый исследователь, Зимбабве

Людмила Владимировна Щеглова
д. филос. н., профессор, Волгоградский государственный социально-педагогический университет, Россия

Мадина Тлостанова
д. филол. н., профессор, Университет Линчепинг, Швеция

Максим Валерьевич Кирчанов
д. ист. н., доцент, Воронежский государственный университет, Россия

Наталья Борисовна Кириллова
доктор культурологии, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (УрФУ), Россия

Нирадж Хаттри
PhD, профессор, Джайпурский национальный университет, Индия

Сяо Ли
PhD, профессор, Университет Вуллонгонга в Малайзии, Малайзия

Роберт Пфаллер
Dr. philos., профессор, Университет искусств и дизайна Линца, Австрия

Стивен Дункомб
PhD, профессор, Школа Стейнхардта Нью-Йоркского университета, США

Тодд А. Комер
PhD, профессор, Колледж Дефайнс, США

Тодд МакГован
PhD, профессор, Вермонтский университет, США

Теодора Даме Аджин-Тетти
PhD, лектор, Профессиональный университет в Аккре, Ghana

Валерий Владимирович Савчук
д. филос. н., профессор, Санкт-Петербургский государственный университет, Россия

Васана Мейтри Герат
PhD, старший лектор Университет Ува Велласса, Шри-Ланка

CONTACTS

Founder	Limited Liability Company Scientific Industrial Enterprise “Genesis. Frontier. Science”
Address	57, Granovskiy St. apt. 2, Astrakhan, Russia 414038
Editor-in-Chief	Rastyam T. Aliev
Email	admin@galacticamedia.com
CEO	Rastyam T. Aliev
Email	rastaliev@galacticamedia.com

The opinion of the editorial board
may not coincide with the opinion of the authors

Учредитель	Общество с ограниченной ответственностью научно-производственное предприятие «Генезис.Фронтир.Наука»
Адрес редакции	414038, Астраханская обл., г. Астрахань, Грановский пер., д. 57, кв. 2
Главный редактор	Алиев Растям Туктарович
Email	admin@galacticamedia.com
Дирекция журнала	Алиев Растям Туктарович
Email	rastaliev@galacticamedia.com

Мнение редколлегии журнала
может не совпадать с мнением авторов

Galactica Media: Journal of Media Studies. 2022. No 4 | ISSN: 2658-7734
Subaltern Studies and Media | https://doi.org/10.46539/gmd.v4i4.261

The Global Village and Its Others: 'Squid Game' and Subaltern Mediality

Míša Stekl

Stanford University. Stanford, USA. Email: mstekl[at]stanford.edu

Received: 1 February 2022 | Revised: 24 May 2022 | Accepted: 14 June 2022

Abstract

This paper opens a dialogue between Marshall McLuhan and *Squid Game*, the hit 2021 Netflix series. I argue that *Squid Game* both exposes and reproduces the repressed libidinal economy that underwrites media studies' understandings of political economy and of the global circulation of media. Many media theorists after McLuhan have extended his "global village" thesis, according to which globalization has birthed a nascent universal consciousness. What are we to make, then, of McLuhan's affirmation that "it is no longer possible to adopt the aloof and dissociated role of the literate Westerner" when, roughly six decades later, "we" in the West are witnessing a decidedly "aloof and dissociated" VIP audience spectate, alongside us, the suffering of South Korean subalterns (4)? My paper critically questions McLuhan's "global village" by reflecting on the contradictions inherent in *Squid Game*'s anti-capitalist desire to expose the suffering of subaltern masses for the pleasure of bourgeois voyeurs, given that the show's own audience is composed of many such Western bourgeois voyeurs. If "we," like "Gganbu" in *Squid Game*, seek pleasure and above all *fun* as we consume the violent objectification of the Other, perhaps the "global village" is not so peaceful after all. After considering how the show may be read both through and against McLuhan's analysis of violent "retribalization" in "our" (post)modern electric age, I conclude that the political economy of the global village runs on a hidden structure of desire that only produces an elite few (VIPs) as full human subjects by brutally reducing subaltern masses to objects. It is this libidinal economy that *Squid Game* forcefully brings into view, so forcefully that its own mass appeal may feed the violent desires of Netflix audiences rather than vanquish them. The question, ultimately, will be: can subaltern media(lity) speak?

Keywords

Squid Game; Marshall Mcluhan; Global Village; Subaltern; Media Economy; Libidinal Economy

This work is licensed under a Creative Commons "Attribution" 4.0 International License

Galactica Media: Journal of Media Studies. 2022. No 4 | ISSN: 2658-7734
Теория малых групп и медиа | https://doi.org/10.46539/gmd.v4i4.261

Глобальная деревня и её Другие: «Игра в кальмара» и медиальность малых групп

Штекл Миша

Стэнфордский университет. Стэнфорд, США. Email: mstekl[at]stanford.edu

Рукопись получена: 1 февраля 2022 | Пересмотрена: 24 мая 2022 | Принята: 14 июня 2022

Аннотация

Эта статья открывает диалог между Маршаллом Маклюэном и «Игрой в кальмара», популярным сериалом Netflix 2021 года. Я утверждаю, что «Игра в кальмара» одновременно разоблачает и воспроизводит подавленную либидинальную экономику, лежащую в основе понимания политической экономии и глобальной циркуляции медиа в медиаисследованиях. Многие теоретики медиа после Маклюэна расширили его тезис о «глобальной деревне», согласно которому глобализация дала толчок к зарождению универсального сознания. Что же нам тогда делать с утверждением Маклюэна о том, что «более невозможно принимать отчужденную и разобщенную роль грамотного жителя Запада», когда примерно шесть десятилетий спустя «мы» на Западе являемся свидетелями того, как явно «отчужденная и разобщенная» VIP-аудитория вместе с нами наблюдает за страданиями бедствующих южных корейцев. Моя статья подвергает критическому сомнению «глобальную деревню» Маклюэна, размышляя о противоречиях, присущих антикапиталистическому стремлению «Игры в кальмара» выставлять напоказ страдания подчиненных масс ради удовольствия буржуазных вуайеристов, учитывая, что собственная аудитория шоу состоит из многих таких западных буржуазных вуайеристов. Если «мы», подобно «Гганбу» в «Игре кальмаров», ищем удовольствия и, прежде всего, веселья, потребляя жестокую объективацию Другого, возможно, «глобальная деревня» не так уж и миролюбива. Рассмотрев, как это шоу может быть прочитано как при помощи, так и в противовес анализа Маклюэном насильственной «ретрайбализации» в «нашу» (пост)современную электрическую эпоху, я прихожу к выводу, что политическая экономия глобальной деревни работает на скрытой структуре желания, которая только производит элитное меньшинство (VIP) как полноправных людей, жестоко превращая низшие массы в объекты. Именно эту либидинальную экономику настойчиво демонстрирует «Игра в кальмара», настолько мощно, что ее собственная массовая привлекательность может подпитывать бурные желания зрителей Netflix, а не побеждать их. Вопрос, в конечном счете, будет заключаться в следующем: может ли вспомогательное средство / подчиненное меньшинство говорить?

Ключевые слова

«Игра в кальмара»; Маршалл Маклюэн; глобальная деревня; подчиненные; медиаэкономика; либидинальная экономика

Это произведение доступно по лицензии Creative Commons “Attribution” («Атрибуция»)4.0 Всемирная

Introduction

"Trust me," one VIP tells fellow spectators (on episode 7) of *Squid Game*, "the screens we have at home are plenty big, but nothing beats seeing it with your own eyes." This essay will suggest that the VIP's stated desire reflects, rather disturbingly, the mass desire that drove *Squid Game* to become the largest original series in Netflix history (Hirwani 2021). The desire in question looks to take in — to hold up close and relish in the flesh, with the maximum degree of reality and the minimum mediation possible — the suffering of the subaltern: in this case, the naked strife of indebted masses competing to the death, by playing children's games, for an unimaginable sum of money which only grows with each additional player's "elimination." For students of media studies, such desire might recall Don Ihde's account of "Man"'s desire to enjoy all the new capabilities made possible by technology, such as the voyeuristic capacity to watch the Other suffer on the big screen, *without* thereby taking on the inconvenience of technological mediation, in all its impure presence. Here I am more concerned, though, with the ways in which the VIP's desire — and no doubt also "our" desire, as the show's audience — play out, or fail to play out, the media theory of Marshall McLuhan. My contention, ultimately, will be that media studies' understandings of media economy as well as political economy, after McLuhan, are underwritten by a repressed *libidinal* economy that desires the endless recirculation of the subaltern's suffering, as simultaneously exposed and performed by *Squid Game*.

I. Squid Game in the "Global Village"

It has now been almost 60 years since McLuhan declared, in *Understanding Media* (1964), that "we have extended our central nervous system itself in a global embrace, abolishing both space and time as far as our planet is concerned" (3). This paper was initially conceived as a takedown of McLuhan's now-(in)famous "global village" thesis, which holds that globalization, and particularly global interconnectivity as facilitated by electric networks, have birthed a nascent universal consciousness. I find this thesis particularly important to contest as it continues to resonate across time and space today; to take just one example, German sociologist Ulrich Beck has become renowned for his own analysis of "global interconnectivity" as spelling out "the end of the 'global other'": as though riffing on McLuhan, Beck claims, "Everybody is connected and confronted with everybody" (Beck, 2011, 1348). The plan was to pit *Squid Game* against McLuhan, Beck, and their countless peers — as though to reproduce in essay form the same sort of childish match that director Hwang Dong-hyuk has so successfully televised. I wanted to ask: What are we to make of McLuhan's affirmation that "it is no longer possible to adopt the aloof and dissociated role of the literate Westerner" when, roughly six decades later, "we" in the West are witnessing — via our own "plenty big" screens from on far —

a decidedly "aloof and dissociated" VIP audience spectate, alongside us, the suffering of the South Korean subaltern (4)? If it must be admitted that some of us are indeed sitting in the VIP section as we consume this most popular show on the most popular streaming service in the world, then we must further admit that not only is *Squid Game* more or less complicit in the very capitalist violence it decries (Pitcher 2021); furthermore, this violent complicity demonstrates that Western epistemology, hegemony, and individualism are still alive and kicking today, no matter how far into the "electric age" "we" may have advanced — or descended. This is what I wanted to intimate: If VIP audience and Netflix audience alike could be seen to get off on seeing *Squid Game*'s gory violence on screen, or better yet "with [their] own eyes," then perhaps TV's technological extension of "our" senses has not "involve[d] us in the whole of mankind," let alone "incorporate[d] the whole of mankind in us," quite as much as McLuhan might have liked (4). Whereas McLuhan testified that "the position[s] of the Negro, the teen-ager, and some other groups" have now been radically altered (such that "they can no longer be *contained*, in the political sense," but "are now *involved* in our lives, as we in theirs, thanks to the electric media"), *Squid Game* would seem to bear out the inverse of this universal humanist hypothesis (5). On a first reading, Hwang's series performatively shows how "electric media" may work to further distance or dissociate "us" Western spectators from the violently marginalized global periphery, who remain the objects of such televised mediations rather than mutual subjects intimately "involved in our lives."

The problem, of course, is that McLuhan's vision turned out to be (at least) as *dy*stopian as it could be considered *u*topian. On the one hand, I remain comfortable calling the McLuhan of *Understanding Media* a technological optimist — though the book's introduction specifically avoids answering the question of "whether the [technological] extension of consciousness … will be 'a good thing'" (4), this ambivalent stance already begins to fall apart not even two pages later, when McLuhan confesses that "this book has been written" in the very same "deep faith" it diagnoses in "our" "electric age": that is, "a faith that concerns the ultimate harmony of all being" (5-6). It is unsurprising, then, that the "global village" has so often been read as a utopian prophesy; even without taking into account McLuhan's fervent Catholicism, it is hard to miss the teleological or even eschatological overtones of his professed "*faith*" in this universal harmony that is supposed to come online in the "electric age." On the other hand, McLuhan would appear to have adopted a more pessimistic outlook on technology, no more than five years after publishing *Understanding Media* — in a 1969 interview with *Playboy*, of all magazines/media, McLuhan warned that the "decentralizing" force of electric media may well precipitate an identity crisis "which generates tremendous violence" (239). This is to say that "the global village" is by no means a peaceful one. (What then remains of its "ultimate harmony"?) Already in 1964, McLuhan had observed that the "electric age" effects a "retribalization," the third step in his linear schema of

"Man's" History. First there was the "tribal" stage, which centered around orality and which McLuhan still found in his contemporary Africa; then Western Man was "detribalized" through the invention of the phonetic alphabet, which extended the sense of sight and so privileged it over all other senses, establishing a culture of *visuality* over and against orality, which is also to say a culture of *individuality* over and against (tribal) community; and now, the "electric age" would be in the process of "retribalizing" "us" by undoing the boundaries of national and individual identity built up over centuries of individualistic, ocularcentric Western culture. And already in *Understanding Media*, McLuhan displayed at least a minimal awareness of the dangers posed by electric retribalization; not only did he caution that radio possesses the "power to turn the globe into a single echo chamber" (137), but he even went so far as to blame Hitler's rise to power on the medium of the radio (for "had TV come first there would have been no Hitler at all": 299). In the first instance, we might be tempted to understand the "tribe" in "retribalization" as the global "tribe" that now extends to all of humanity, and so risks turning the entire globe into one big echo chamber. What McLuhan would increasingly highlight in the wake of *Understanding Media*, however, is a different sense of the "tribe" in "retribalization": insofar as the universal "tribe" of the globalized human comes to subsume, and moreover to dissolve, the identities that "we" in the West have established for "ourselves" over millennia of "tribalization" and then "detribalization," "we" now cling to "our" established (de/tribal) identities all the more dearly. Retribalization can also be read, then, as a violent reassertion of the very national and individual boundaries of identity that the electric age is deconstructing all around "us." As McLuhan tells *Playboy*, "we all become Chicken Littles, scurrying around frantically in search of our former identities, and in the process unleash tremendous violence" (239). Eight years later, on his final television appearance, McLuhan was even more explicit, going out of his way to mock the inference that "the closer you get together, the more you like each other"; on the contrary, he asserted, "when people get close together, they get more and more savage" (McLuhan 1977). By this time, the "global village" had become "a place of very arduous interfaces and very abrasive situations" (1977).

Does *Squid Game*, on further consideration, simply treat us to the darker underside of McLuhan's "global village"? To be sure, there is some reason to read the series as playing out the violent contradictions of retribalization in the electric age. The point bears repeating that this is a show about South Korean adults, all saddled with impossibly high debts, who "consent" to play children's games, on pain of death, not only for the increasing cash prize, but also because most of them "don't have a home; in here, [they] stand a chance; but out there? [They] got nothing out there." (Episode 2) Hwang Dong-hyuk himself has confirmed that the story is "an allegory or fable about modern capitalist society," a society in which the poor are divided and conquered, practically killing each other for the scraps off the table of the bourgeoisie, who watch on eagerly (Hwang, quoted in Mistry 2021).

In McLuhan's "history" of "Man," capitalist society corresponds to the later period of detribalized Man's existence, a period McLuhan prefers to define by literacy, individualism, and nationalism. Even as these self-same values should, presumably, be fading away as "we" enter the electric age, McLuhan has already demonstrated how electric deterritorialization may incur further reterritorialization — and in *Squid Game*, we witness just such a violent drive to fix, for once and for all, the unfixed and unfixable boundaries of Self and Other. Whence the individualism overtly promoted by the game; "players" are monetarily incentivized to backstab or even kill each other, as money is added to the cash prize for every player that dies, and perhaps most extremely, they are made to play a game of marbles with a partner of their choice — for most, a dear friend or loved one — only for the losing partner to be eliminated, forever. I would be hard pressed to find a better illustration of how (post)modernity compels subjects to cling to their individual Selves/identities at all costs, in the face of unbound chaos. For the show also forces "us" to confront the inevitable instability of the borders that constitute the Self/identity. To begin with, one might recall that the VIPs mostly sound American; the very fact of their presence on this South Korean island attests to the phenomenon of globalization that McLuhan attributes to the electric age — not to mention a whole history of American imperialism in Korea that escapes McLuhan. As one critic has written, "they speak English and Mandarin, but their wealth erases every national and moral boundary" (Kim 2021). As late capitalism, in "our" "electric age," continuously (re)erases *and* (re)instates such boundaries, we might ask: does the VIPs' spectatorship speak to a violently nostalgic desire to police the lost boundaries that capital itself has effaced, and continues to efface — all while holding them*selves* at a safe distance, yet not *too* far from the real *thing itself*? What are we to make of the golden animal masks (reindeers, tigers, cougars, and more abound) that cover the VIPs' faces — how to read these masks, if not as some nostalgic return to the tribal by retribalized "Man"? All while watching a most "savage" competition unfold… As though to play out Renato Rosaldo's concept of "imperialist nostalgia," the VIPs gather to spectate the violent restaging of the bounded tribal identities supposed to differentiate Self and Other, West and the rest, even as their gathering is only made possible by the partial dissolution of these very boundaries under conditions of globalization.

But again, how then to understand our own spectatorship, as the Netflix audience? Not for nothing is the phrase "the medium is the message" one of McLuhan's key contributions to media studies, to say nothing of pop culture — and perhaps my analysis so far has overfocused on the *content* of *Squid Game*, overlooking the medial *form* that alone allows the show to mass communicate its "message," which is nothing other than this very mediality (according to McLuhan). What are "we" to make of *Squid Game*'s mediality, if "we" agree with McLuhan that media primarily affect human experience, not through their content, but through their technical and formal properties, insofar as these properties extend "our" very

senses/sensory experience of the world? A lengthier paper might inquire more thoroughly into the particular medial qualities that contributed to *Squid Game*'s instant hit status. (I might start by contextualizing the show's popularity within the rising genre of South Korean class-divide dramas, from *Snowpiercer* [2013] to *Parasite* [2019]. Some harsher critics have also suggested that *Squid Game* owes as much to Hollywood as to such Korean drama: "The central group of game players is straight out of the Hollywood war-movie playbook: the strong and silent leader, the moody outsider, the violent thug, the kindly old guy and the gentle naïf who serves as audience surrogate." [Hale 2021] It would be interesting to analyze how the series' reproduction of this repertoire of stock characters, who nearly qualify as serial figures, might be related to both its mass appeal, as well as the global electric networks that facilitate media's international circulation, much as McLuhan predicted. However, it is also important to avoid reducing South Korean directors' engagements with various Hollywood tropes to uncritical regurgitations; as Christina Klein has pointed out, South Korean filmmakers have often taken up Hollywood themes critically, as "a reservoir of symbolic resources from which Korean filmmakers draw as they navigate their way through their own globalized cultural economy" [Klein, 2008, 873]. *Squid Game*'s mass appeal must be understood within the context of this "globalized cultural" — and, I would add, *medial* — economy, which is defined by exchanges between Hollywood and South Korean film industries [among others] on the levels of theme, form, and serial figures [again, among others].)

In any case, what is most essential for my argument here is that this media economy is equally marked by relations of power — relations that *Squid Game*'s mediation at once resists and reinforces. On the one hand, these power relations are never unidirectional; as Klein argues, even South Korean media that explicitly mimes Hollywood blockbusters often does so critically, speaking back to Western norms by reiterating them otherwise and foregrounding Korean differences that the West might prefer to efface (874). In this respect, *Squid Game* might be celebrated as resisting American narratives that heroize neoliberal capitalism, by thematizing its devastating effects on the South Korean proletariat. And if Hwang Dong-hyuk borrows some pages from "the Hollywood war-movie playbook," he only does so to localize and deconstruct their core Western values. (Is this localization of Hollywood yet another instance of retribalization, this time from within South Korea?) On the other hand, the "de-Westernizing potential" of "localizing Hollywood" in this way is ultimately limited by the simple fact that its condition of possibility is the globalization of Hollywood. As Nikki J.Y. Lee has put it: "In the contemporary South Korean context, localizing Hollywood does not de-Westernize the practice of making blockbusters so much as it globalizes the domestic film industry. Globalization in this sense refers to how the Korean film industry has been reorganized and integrated into an internationally standardized system established and promulgated by 'global Hollywood.'" (Lee, 2011, 46)

Lee's invaluable analysis of how the Korean film industry has participated in the globalization of Hollywood returns us to McLuhan's "global village," reminding us that the global circulation of media upsets any boundaries between national and international film/televisual industries, as well as the boundaries between resistant and hegemonic media.

Again, though, McLuhan readily observed the ways in which global media economies ceaselessly reinstate the very national/"tribal" boundaries they disrupt. In this context, it is worth recalling that *Squid Game* comes to us via the world's largest streaming service, Netflix — a key player in the globalization of Hollywood-style media, but also a company whose international operations are grounded on U.S. soil. Moreover, *Squid Game* has generated a staggering amount of value for Netflix — almost $900 million to date (Shaw 2021). What does it mean that *Squid Game*'s mediation works to directly profit this (inter)national conglomerate, one that has faced numerous strikes over trans issues and labor exploitation in recent years (Musil and Solsman 2021)? I want to argue that this condition of the show's mediation immediately complicates its anti-capitalist potential, as imagined by its director. And in spite of Hwang Dong-hyuk's best anti-capitalist wishes, the show's impacts have remained far short of sparking global revolution. Rather, the primary effects of the series' instantaneous roll-out across the globe seem to be limited, at least so far, to generating (admittedly hilarious) anti-capitalist memes, on the one hand, and generating the notorious "SQUID" cryptocurrency scam, on the other (Britton 2021). (Though the Korean Confederation of Trade Unions did organize a workers' strike in which many South Koreans donned *Squid Game*-themed costumes, in fall of 2021, it would be tremendously reductive to understand that strike as a causal outcome of the series; if the strikes are tied to the long and complex history of labor organizing in South Korea, the *Squid Game* apparel reads more like a strategic reference to pop culture, meant to popularize the workers' cause, rather than their catalyst or organizing principle. [Kwon 2021]) My suspicion, ultimately, is that the series' online mediation via Netflix hinders any revolutionary potential that could be ascribed to its content. While I can only speculate about the specific reasons *why* the show has enjoyed such popularity, I think we can safely conclude that the undeniable fact of its popularity, on Netflix, reflects the simultaneous detribalization and retribalization of the globe effected by modern media economies.

II. From Media Economy to Libidinal Economy

But I would insist, at this point, that the "retribalization" reading fails to exhaust either the form or the content of *Squid Game*. The basic problem is that McLuhan presupposes a universal capacity for subjectivity; even if the electric age is understood to generate conflict among the unstable identities it brings together, it remains a guiding presupposition that "our" global age allows, at least potentially, "the creative process of knowing" to "be collectively and corporately extended

to the whole of human society" (*Understanding Media* 3-4). To be sure, this creative, rational subjectivity is unevenly distributed; as I have mentioned, McLuhan holds the racist belief that his contemporary (tribal) Africa *is* where (detribal) Europe once *was*, and where Europe *will* return as it "retribalizes." Yet even as the Global South is consigned to the periphery of not-quite-subjects, McLuhan still seems to see a potential for such "subaltern" (non)subjects to acquire subjectivity, as their creations and knowledge *will* one day be mutually recognized in the global electric network interconnecting all human subjects.

No such luck in *Squid Game*. At no point could the "players" be seen as agential subjects; assembled from the dregs of society and made to kill each other for show, they are hardly imbued with much agency (the "choice" to partake in the Squid Game is no choice at all, severely constrained as it remains by economic necessity and spiritual homelessness). The game is not interested in their subjective interiority, desires, or past, but rather positions them as the objects of the VIPs' (subjects') gaze. In lieu of mutual recognition, all but one — Seong Gi-Hun, the main character — meet with death. Any attempts at resistance or reversal are quickly squashed. Two quick examples will suffice on this point. Recall, first of all, the fate of Officer Hwang Jun-ho's effort to turn the media apparatus against the operators of the Squid Game: in search of his missing brother, Jun-ho infiltrates their camp, takes on their equipment/extensions, and even films evidence of their crimes on his phone — only to be killed by his own brother, who has become the "Front Man" presenting the Squid Game. Jun-ho's attempt to subvert the media apparatus, then, is quickly thwarted by the powers that be, who have absorbed even his own family. To take another example, we might consider Gi-Hun's bond with Yeong-su Oh, the sick old man with whom Gi-Hun partners for the aforementioned marbles game. More utopian viewers might, initially, be tempted to see their comradery as a reclaiming of marginalized agency ("Gganbu," Oh calls them: "neighborhood best friends"); queer utopians, for instance, have long celebrated this sort of collective agency as resisting the divide-and-conquer, individualizing tactics of neoliberalism. But in *Squid Game*, of course, "Gganbu" comradery turns out to be no more than a fresh deceit, as Oh too is not only affiliated with the game-masters, but is in fact their leader (the final episode reveals that Yeong-su Oh's real name is Oh Il-Nam, and that he is the host of the game, playing in disguise). Again and again, attempted reclamations or reimaginations of subjectivity are turned back against themselves, twisting further and further back into the objectifying machinery of the game.

To understand this recurring objectification, I would conclude that we need to turn away from the levels of media and political economy that McLuhan sketched for us, toward the underlying *libidinal* economy that only produces a privileged few (VIPs) as mutually recognized subjects by positioning others (players) as the objects of their desire. It is Yeong-su Oh/Oh Il-Nam who reveals that it is *desire* that has been running the show all along; when the gloves are off in the final episode, he tells

Gi-Hun that he and some wealthy "clients" of his — fellow *subjects* — started the game because they "had no joy in life anymore," and so they "all got together and did some pondering. What can we do to have some fun?" Gi-Hun is incredulous, unwilling or unable to accept that there is no deeper justification for Squid Game's mass atrocities and unimaginable flows of capital than "fun." After all, how many hundreds of Gi-Hun's peers have been reduced to fungible, disposable, and finally dead objects so that these privileged few subjects could have their "fun"? But Il-Nam makes it clear that the irreducible desire for "joy" or "fun" has always been primary in relation to the complex technological and economic realities of the game. Making an almost psychoanalytic case for the priority of desire/libidinal economy over capital/material economy, Il-Nam asks Gi-Hun: "Do you know what someone with no money has in common with someone with too much money? Living is no fun for them." The psychoanalytic resonances do not stop there; the "fun" sought out in *Squid Game* hearkens back to a lost presence projected on to childhood: "When I was a child," Il-Nam goes on, "no matter what I did with my friends, I had so much fun that I lost track of time. I wanted to feel the same thing one more time before I die." It is in pursuit of this childish, time-shattering "fun" — what Lacanians might call *jouissance* — that Il-Nam decided to join the game himself, to feel "something," some overwhelming presence, that "you can never feel if you're in the audience as a spectator." We could read this desire as the extreme point of the same drive for unmediated "realness" voiced by the VIPs; for Il-Nam, not even "seeing it with your own eyes" is "real" — or "fun" — enough, when he can join in on the games himself. Never has the desire to suppress mediation, to accede directly to pure content/presence, stood forth so clearly. At the same time, neither Il-Nam nor the VIPs are ready to give up the benefits afforded them by the game's mediation — neither wants things to get *too* real, and so when Il-Nam loses the game of marbles, he is not shot like all other "eliminated" players, but is instead escorted off-screen. The libidinal economy in question offers these privileged subjects moments of self-undoing, but the subject always emerges whole on the other side of its shattering. The objectified subaltern masses, on the other hand, are not afforded any such fluidity. The spectacular circulation and appropriation of their suffering thus remain essential to the smooth functioning of civil society.

It should be clear that my understanding of libidinal economy here owes more to Lacan than to Lyotard, though I owe the most to Jared Sexton, who defines the psychoanalytic concept as "the economy, or distribution and arrangement, of desire and identification (their condensation and displacement), and the complex relationship between sexuality and the unconscious" (Sexton, quoted in Wilderson, 2010, p. 7). The violent desires that drive *Squid Game* clearly show why the libidinal economy "is linked not only to forms of attraction, affection and alliance, but also to aggression, destruction, and the violence of lethal consumption" (7). Moreover, *Squid Game* dramatizes the inherent racialization of this often-destructive play of desire and identification, as our white VIP subjects are identified primarily through

the scopophilic pleasures they derive from their literally "lethal consumption" of poor South Koreans' suffering.[1] We have seen how this racialized specificity of *Squid Game*'s libidinal economy, in my analysis, intervenes in the egalitarian assumptions central to media studies à la McLuhan — in this violent globalized distribution of desire, not all are permitted access to subjectivity, and those who are subjects exist only in relation to others' objectification. In this way, libidinal economy conditions media economy; and if the latter is now claimed to "incorporate the whole of mankind in us," the former (pre)determines the racialized and exclusionary contours of "mankind" in the first place (McLuhan, 2011, 4).

While my analysis has also drawn upon the notion of scopophilia that has been central to feminist film theory, I would insist that film and media studies attend to the *racialization* of scopophilia, which feminist film theorists have at times sidelined. Certainly, I have been taking for granted Laura Mulvey's foundational insight that "the cinema," and television after it, "pose questions of ways the unconscious (formed by the dominant order) structures ways of seeing and pleasure in looking" (Mulvey, 1999, 834). My thinking is also informed by Mulvey's insistence that cinematic — and, we could add, televisual — scopophilia oscillates between the spectator's separation from objects on the screen and their identification with certain on-screen subjects. The VIPs in *Squid Game* exhibit both of these "two contradictory aspects of the pleasures of looking in the conventional cinematic situation" (836). In the first instance, their subjectivity is differentiated from the South Korean proletarians whom they take "as objects, subjecting them to a controlling and curious gaze" (835). Yet this libidinal separation between subjects and objects of the gaze is immediately complicated insofar as these subjects are equally driven by a certain "identification … with the object on the screen through the spectator's fascination with and recognition of his like" (837). We could read Oh Il-Nam's entrance into the Squid Game as an extreme form of this contradiction between libido and ego — while we have seen how he chases after the voyeuristic pleasure of ego-loss, it is only temporarily that he forgets himself, as he is equally driven by an ego-idealization whereby he emerges unscathed at the end of the game. And on another level, Oh Il-Nam's participation in the game allows the show's spectators — us — to temporarily forget themselves/ourselves, only to re-fortify their/our egos as they/we can identify with Il-Nam, who survives over and against the hundreds of poor South Koreans whom he puts to death. In this respect, we might read the VIPs' presence in *Squid Game* as a *mise en abyme*, whereby the spectator's

1 In borrowing from Afropessimist accounts of libidinal economy to analyze *Squid Game*, my intention is not to suggest that the show's South Korean characters inhabit quite the same position of abjection as Blackness, in Afropessimist analyses. While I take to heart Wilderson's point that the socio-ontological *position* of Blackness is not analogous to contingent categories of racial *identity*, I also appreciate his acknowledgement that certain identities may become subject, contingently, to the violence of social death (though such violence is not what calls other identities into being, unlike in the case of Blackness: cf. Wilderson, 2010, 37-38). It is this analysis of desire's distribution, as that which positions Human subjects in relation to the violent objectification of racialized others, that I find most useful in Wilderson and Sexton's elaboration of "libidinal economy," for my own purposes here.

gaze is staged within the series' diegesis so that that gaze — our gaze — is effectively sutured to that of the bourgeois voyeurs. Then again, the libidinal economy of the gaze must be understood in its racialized and classed particularity — it is not so much the male gaze (à la Mulvey) that is at stake here as it is the gaze of a bourgeois Western(ized) elite. For that reason, my analysis of *Squid Game* has also been informed by Jane Gaines' critical observation that "white privilege" operates in and through cinematic "looking relations" — an insight that has sparked decades of academic inquiry into the racialization of scopophilia (Gaines, 1986, 65).

To return one last time to the series' form, we could now say that the message of *Squid Game* as a medium consists in its extension of the Western subject's scopophilic consumption of subaltern suffering. In a longer essay, I would like to further unpack the show's rehearsal of the very voyeuristic desires it depicts, especially by contrasting its *real*istic, gory scenes of violence — which McLuhan might consider "hot" media ("hot" in the sense of sensory overload, requiring little imagination on behalf of the audience) — with its rather sparse and stereotypical characterization of most *dramatis personae* — "cold" media, perhaps? I would also like to delve deeper into the following lines of inquiry: How might *Squid Game*'s cinematic decisions reproduce the subject/object dichotomy at the heart of its narrative? And how might the stubborn return of that repressed dichotomy trouble McLuhan and co.'s "faith" in the universal inclusion of subaltern groups in the "global village"? If the subaltern is only ever mediated as object — even in the most critical South Korean re-stagings of globalized Hollywood tropes — then just what kind of medium/media *is* the subaltern? How does the libidinal media(lity) of the subaltern precondition the whole media economy that unites McLuhan's subjects? And, ultimately, can subaltern media speak?

References | Список литературы

Beck, U. (2011). Cosmopolitanism as Imagined Communities of Global Risk. *American Behavioral Scientist*, 55(10), 1346–1361. https://doi.org/10.1177/0002764211409739

Britton, B. (2021, November 3). *Squid game' crypto collapse pushes investors to cry scam*. NBC News. https://www.nbcnews.com/tech/tech-news/squid-game-crypto-collapse-pushes-investors-cry-scam-rcna4399

Gaines, J. (1986). White Privilege and Looking Relations: Race and Gender in Feminist Film Theory. *Cultural Critique*, 4, 59. https://doi.org/10.2307/1354334

Hale, M. (2021, October 11). Haven't Watched 'Squid Game'? Here's What You're Not Missing. *The New York Times*. https://www.nytimes.com/2021/10/11/arts/television/squid-game-violence.html

Hartman, S. V. (2010). *Scenes of subjection: Terror, slavery, and self-making in nineteenth-century America*. Oxford University Press.

Hirwani, P. (2021, October 13). *Squid Game is officially Netflix's biggest launch ever*. The Independent. https://www.independent.co.uk/arts-entertainment/tv/news/squid-game-netflix-most-watched-bridgerton-b1937363.html

Hwang Dong-hyuk (Director). (2021). *Squid Game. Whole series*. Netflix.

Ihde, D. (1996). *Technology and the Lifeworld: From Garden to Earth*. Indiana University Press.

Kim, E. T. (2021, October 20). "*Squid Game*"'s *Capitalist Parables*. https://www.thenation.com/article/culture/squid-game-review/

Klein, C. (2008). Why American Studies Needs to Think about Korean Cinema, or, Transnational Genres in the Films of Bong Joon-ho. *American Quarterly*, 60(4), 871–898. https://doi.org/10.1353/aq.0.0041

Kwon, J. (2021, October 21). *South Korean workers channel "Squid Game" to protest their real-life economic woes*. CBS News. https://www.cbsnews.com/news/south-korea-squid-game-labor-union-protest/

McLuhan, M. (1977). *Violence as a Quest for Identity*. Marshall McLuhan Speaks Special Collection. http://www.marshallmcluhanspeaks.com/interview/1977-violence-as-a-quest-for-identity/

McLuhan, M. (1997). Playboy Interview: A Candid Conversation with the High Priest of Popcult and Metaphysician of Media. In *Essential McLuhan* (pp. 239–275). Routledge.

McLuhan, M. (2001). *Understanding media*. Routledge.

Mistry, R. (2021, October 18). *Squid Game: No winners under capitalism*. In Defence of Marxism. https://www.marxist.com/squid-game-no-winners-under-capitalism.htm

Mulvey, L., Braudy, L., & Cohen, M. (1999). Visual Pleasure and Narrative Cinema. In *Film Theory and Criticism: Introductory Readings* (pp. 833–844). Oxford UP. https://doi.org/10.1515/9781474473224-009

Muñoz, J. (2009). *Cruising Utopia: The Then and There of Queer Futurity*. NYU Press.

Musil, S. (2021, October 20). *Netflix strikes softer tone ahead of worker walkout over Dave Chappelle's anti-trans comments*. CNET. https://www.cnet.com/tech/services-and-software/netflix-strikes-softer-tone-ahead-of-worker-walkout-over-dave-chappelles-anti-trans-comments/

Rosaldo, R. (1989). Imperialist Nostalgia. *Representations*, *26*, 107–122. https://doi.org/10.2307/2928525

Shaw, L. (2021, October 17). Netflix Estimates 'Squid Game' Will Be Worth Almost $900 Million. *Bloomberg.Com*. https://www.bloomberg.com/news/articles/2021-10-17/squid-game-season-2-series-worth-900-million-to-netflix-so-far

Spivak, G. C. (1988). Can the subaltern speak? In *Marxism and the Interpretation of Culture* (pp. 271–313). Macmillan Education UK-London. https://doi.org/10.1007/978-1-349-19059-1_20

Wilderson, F. B. (2010). *Red, White & Black: Cinema and the structure of U.S. antagonisms*. Duke University Press. https://doi.org/10.2307/j.ctv11cw61k

Galactica Media: Journal of Media Studies. 2022. No 4 | ISSN: 2658-7734
Новые медиа и коммуникации | https://doi.org/10.46539/gmd.v4i4.288

An Epistemic Trend or a Digital Pitfall? De-Westernizing Media and Communication Studies in Digital China

Nairui Xu[1] (a), Lixiong Chen (b), Zizheng Yu (c) & Xiaoni Zhu[2] (a)

(a) Beijing Normal University. Beijing, China.

(b) Southern University of Science and Technology. Shenzhen, Guangdong, China. Email: chenlx[at]sustech.edu.cn

(c) University of Greenwich. London, UK. Email: z.yu[at]greenwich.ac.uk

Received: 1 June 2022 | Revised: 20 October 2022 | Accepted: 30 October 2022

Abstract

Governments hiding facts and truth from the public seems to have become a common phenomenon, especially during the social crisis in China. The practice of the public using various media to express dissent and opinions, to overcome government censorship, appears to contribute to freedom of speech. Inspired by widespread online articles during the COVID-19 pandemic in 2020, this paper argues that the flaws in this logic are the dualism, which digital media created (pro-democracy vs authoritarian; freedom vs control), in understanding media in China. By borrowing the discussion of the de-westernization of media and communication studies, the paper argues that the introduction of digital media makes de-westernized studies in China harder because it prompts us to think "digitally."

Keywords

Chinese Media; Social Media; Online Users; Digital; De-Westernization; Quantify

This work is licensed under a Creative Commons «Attribution» 4.0 International License

1 Email: nairuixu[at]163.com
2 Email: 139988882445[at]139.com

Galactica Media: Journal of Media Studies. 2022. No 4 | ISSN: 2658-7734
New Media and Human Communication | https://doi.org/10.46539/gmd.v4i4.288

Эпистемический тренд или цифровая западня? Девестернизация медиа и коммуникационных исследований в цифровом Китае

Сюй Найжуй[1] (a), Чэнь Лисинг (b), Юй Чжичжэн (c), Чжу Сяони[2] (a)

(a) Пекинский педагогический университет. Пекин, Китай

(b) Южный научно-технологический университет. Шэньчжэнь, Китай.
Email: chenlx[at]sustech.edu.cn

(c) Гринвичский университет. Лондон, Великобритания. Email: z.yu[at]greenwich.ac.uk

Рукопись получена: 1 июня 2022 | Пересмотрена: 20 октября 2022 | Принята: 30 октября 2022

Аннотация

То, что Правительство скрывает факты и правду от общественности, кажется, стало обычным явлением, особенно во время социального кризиса в Китае. Практика использования общественностью различных средств массовой информации для выражения инакомыслия и собственных мнений ради преодоления государственной цензуры, по-видимому, способствует свободе слова. Заинтересованный широко распространенными во время пандемии COVID-19 в 2020 году онлайн-материалами, автор данной статьи утверждает, что недостатки такой логики заключаются в дуализме, созданном цифровыми СМИ (про-демократия против авторитаризма; свобода против контроля), в понимании СМИ в Китае. Вступая в обсуждение девестернизации медиа и коммуникативных исследований, автор утверждает, что внедрение цифровых медиа затрудняет анализ девестернизации в Китае, поскольку побуждает нас мыслить «цифровым образом».

Ключевые слова

китайские СМИ; социальные сети; онлайн-пользователи; цифровые технологии; де-вестернизация; квантификация

Это произведение доступно по лицензии Creative Commons “Attribution” («Атрибуция»)4.0 Всемирная

1 Email: nairuixu[at]163.com
2 Email: 139988882445[at]139.com

Introduction

On the 10 of March 2020, *People* (*ren wu*), a Chinese magazine specializing in feature and biography reporting, released an article titled "The Whistle-giver (*fa shao zi de ren*)" from its WeChat account. This article shocked all of Chinese society, introducing the "truth" about how medical staff first noticed coronavirus in Wuhan in December 2019, and local authorities ignored it. The main feature of this article was Dr. Ai Fen, the director of the emergency room of Wuhan Central Hospital in Hubei, explaining how she noticed a patient from Wuhan Huanan Seafood Wholesale Market that she suspected of being infected with an unknown virus (later confirmed as coronavirus). She realized the possibility of human-to-human transmission of this virus as she saw the medical test report of another patient with no direct contact with the Seafood Market showing "SARS coronavirus." Later, *People* published the interview as a first-person account. Dr. Ai Fen exposed many details about how she identified coronavirus, and she received criticism from leaders after she circulated the test report of the infected patient in her network. This reporting survived only several hours before the propaganda department deleted it. However, afterward, users on WeChat spontaneously created many different versions of this reporting in different languages and expressions, including English, German, Japanese, emoji, *pin yin*, oracle bone inscription, Morse, screenshots of original reporting, base 16 (computing numeral system), barcode, Braille alphabet, QR code, and "elvish" language (Tolkien invented this language in the book *The Lord of the Rings*). The exact number of those reinvented articles published on the Internet is unknown, but according to the calculation of a WeChat user, there were 33 versions of this reporting online, as the original one was censored (Zaixiangjixuan, 2020).

WeChat is an application that combines the functions of instant messaging and social networking. WeChat has a powerful function for enabling "one to an unlimited number of strangers" communication, or "public account" (Harwit, 2017, p. 318). This function benefited from different versions of reporting that WeChat users created and distributed widely through public accounts. All users who subscribe to the public account can access the articles it publishes; then, subscribers can repost the article to their online network (Stockman & Luo, 2017). Although some articles were censored during circulation and disappeared afterward, WeChat users reinvented more and different versions to detour the censorship and enlarge the circulation. Borrowing an online user's words, 10 March 2020 was the most absurd day since the birth of WeChat.

Later, "The Whistle-giver" spread from WeChat to other social media platforms (i.e., Douban, Zhihu, and Douyin), which triggered extensive public debates on the Internet. Many scholars, and public intellectuals started to voice their opinions on social media and commented on this phenomenal event. Ye Daying,

a Chinese film director, said that "deleting post is an act of a fascist" (Yun, 2020). The editor-in-chief of *Global Times*, Hu Xijin, wrote on his personal Weibo post:

> "[…] This is not a big deal. It is a form of online behavioral art [for netizens] to express grievance. There has been a long history for such grievances, which requires outlets and opportunities to give away. Social media provides an opportunity for the release [of it] in a collective manner, because it does not cost anything."

Such a phenomenon in Chinese media studies never lacks academic attention. Extensive works have investigated the relationship between the Party's Internet control and the creative practices of Chinese social media users regarding how these user practices contribute to freedom of speech in China (Gallagher & Miller, 2019; Yang & Jiang, 2015; Xu, 2015). Researchers have found that social media empower Chinese citizens to challenge the propaganda of the Party and develop their own narratives of controversial public events (Song et al., 2017). As Tang and Yang (2011) argue, "[C]ontrol inevitably incurs public resentment and induces various forms of subversion" (p. 680). To retain control over online territory, the propaganda department tirelessly develops new strategies to censor sensitive and dissenting content online, such as the filtering system for sensitive words and, since 2018, shutting down more VPN services by which online users access foreign websites. At the 12th session of a study group that the Political Bureau of the CPC Central Committee at *People's Daily* held in 2019, President Xi Jinping mentioned that it was important to strengthen the ideological works in the information age and "make the Party's voice spread widely and deeply" (Xinhuanet.com, 2019).

Controls and restrictions not only occur in the form of administrative orders; fully aware individual users recognize them. Gueorguiev, Shao, and Crabtree (2017) argue that most Chinese online users have a strong awareness of what sort of topics could violate Party taboos. Those who may have no experience with the use of media are less likely to discuss forbidden affairs. Scholars identify online users as having already carried out self-censorship prior to posting information online (Esarey & Xiao, 2011; Sullivan, 2012). However, self-censorship is a complicated process, and it is hard to know the specific reasons leading up to it because part of the process occurs as individual cognition (Gueorguiev, Shao & Crabtree, 2017).

Against this background, this paper would deny either the unprecedented changes that social media brought to Chinese society or the multiple layers of censorship that have occurred on the Internet so far. Rather, this paper tries to introduce the hidden aspects of Chinese media studies, which mainstream research neglects. Circulating the censored content as a way to express dissent and combat "authoritarian controls" has been taken for granted. But to what degree are such practices an indication of freeing online discourse in China? How do we measure it "scientifically," and what do the findings imply for future research?

Borrowing the discussions of de-westernizing journalism, media, and communication studies, this paper critically engages with existing scholarship and identifies three issues in contemporary Chinese media studies. First, regarding the appli-

cation and adaptation of western-evidence-supported theories, Chinese media studies did not realize de-westernization because the emergence of digital media complicates the decision of what to de-westernize. On the one hand, it strengthens collective awareness because online users are fully aware of the presence of censorship online (Tsai, 2016), leading to users disguising their true feelings or expressing them in a performative manner. On the other hand, although China has its own social media platforms, these platforms are frequently compared with their western counterparts. Some platforms were created to mimic those from the West, such as Weibo-Twitter and Zhihu-Quora. The logic of how a social media platform operates seems comparable between the East and the West.

Second, achieving de-westernized Chinese studies should combine the evidence collected from the field at the micro-, meso-, and macro-levels, evaluating the importance of discrepancies in evidence at the micro-/individual level. This is particularly important in digital times. As mentioned, online users quite often fall into a circumstance about with whom to agree or disagree when a controversial event appears online (Chen, 2018). Agree with the government or agree with victims? The polarized expressions frequently occupy social media.

Third, current scholarship largely approaches online practices in China by quantifying their influences and users' behaviors (Huang & Sun, 2014; Tang, Chen & Wu, 2018). China is a country with a huge population and an equally large number of online users (netizens), but to what extent can the numerical measurement of online users' behaviors validate the knowledge to date of social media's fast-growing impacts? Situated in a global context, knowing how the social-media-empowered phenomena in China differ from other nations by evaluating its significance with quantitative methods is still not enough, due to the discrepancies in political systems and cultural reality. Especially in the wake of the COVID-19 pandemic, media content relating to this crisis circulates widely because of its relevance to the public interest. Stories with a large number of reposts attract the attention of both social media users and academic scholars. The focus of this study is not to document the numerical significance of the click rate and the number of viewers of Dr. Ai Fen's reporting. That case triggered this paper's effort to contemplate these questions.

People can have a voice online without exposing their identities in different contexts. We suggest the importance of knowing the motivations behind online users' creating and sharing information at a micro-level. Extant studies shed light on the Party's suppression of information dissemination at the macro-level and the meso-level, by investigating the regulations, orders, bans, and guidelines that regional and local authorities or media organizations issue (Gallagher & Miller, 2019; Yang & Jiang, 2015; Fang & Repnikova, 2018). This research addresses the importance of giving more space to exploring how individual users in China perceive online "sensitive" content and its circulation. Despite our inability to test the truthfulness of individuals' thinking, we could find reasons why they act as they do.

Why do "digital media" matter?

Since the introduction of the Internet there in 1987, China has become a place where different social forces have fought, united, and struggled with each other. According to Hassid (2016),

> "the Internet brings systemic and irreversible changes to the Chinese political system" (p. 133).

This argument resides in a political-economic context that treats the Internet as a tool for political governance, not only regulating the dissemination of opinion online but also masquerading its function of eradicating dissent to maintain its authority. Taken together, the current debates concerning the Chinese Internet become two streams. The basis for the innovations in the daily use of technology is the well-developed telecommunication technologies; the online discourse concerning political/controversial issues is an indication of digital resistance.

Daily use of media technology

The first stream examines various Internet-based media platforms, such as WeChat, Weibo, Douban, and Douyin, and how the use of the privileged functions of these platforms technologically inspires the daily practices of different social groups (Harwit, 2017; Herold, 2014; Tu, 2016). This stream has benefited from the rapid development of the Chinese Internet system. According to the China Internet Network Information Centre (CNNIC), as of December 2020, Internet penetration in China had reached 70.4%, and the number of netizens (*wang min*) had reached 989 million. Access to the Internet through mobile devices has skyrocketed to 99.7%. The main Internet activities in which netizens engage are instant messaging (99.2%), Internet searches (83.0%), and online news browsing (80.9%) (CNNIC, 2021, p. 29). The technological achievements associated with the Internet have become an important index by which to measure the level of China's communication system infrastructure. Some scholars have proposed the idea that Chinese society is a platform society, indicating that the institutional governance of the Party and the daily practices of the public are mostly based on a well-developed technological infrastructure; meanwhile, this platform reshapes the production of cultural and political meaning in daily life (De Kloet et al., 2019; Van Dijck & Poell, 2013).

Within this line of research, the innovative application of online media has twofold significance: the government's use and the public use. Here, the use of online media by governments and the public is a confrontational stance. As stated at the beginning of this section, governments learn quickly to use social media to implement governance and keep developing new functions. For instance, along with the proliferation of microblogging, early research shows that local authorities frequently use the Internet to collect public opinions and provide public services (Schlæger & Jiang, 2014; Zheng, 2013). Schlæger and Jiang (2014) argue that "research on state-netizen relations tends to emphasize confrontation while largely

neglecting the more mundane and conciliatory use of social media by local governments" (p. 204). Nowadays, Douyin, one of the most popular short-video platforms, is a main platform the government uses to publish information. CNNIC report (2021) indicates that by the end of 2020, different levels of governments had opened a total of 26,098 Douyin accounts. In addition to the open policy, Chen et al. (2021) notice that Douyin is also a major terrain for those governmental accounts to promote patriotism playfully. When controversial issues arose between China and other nations, interesting short videos reflecting nationalism and patriotic ideology were widely circulated online. Making memes and writing thrilling stories are no longer an advantage that netizens apply, but governments use them skillfully. A recent article from a social media account called "*ji ben chang shi*" ("Basic knowledge") published a survey showing that the mouthpiece media (e.g., Xinhua News Agency, People's Daily, CCTV News) have the potential to irritate their news subscribers by using too many sensational headlines for brief news on their WeChat accounts. The WeChat account of Xinhua News Agency is an example. From 1 January 2021 to 31 March 2021, the title of one hundred news popups applied sensationalist skills. Commercial media have extensively employed such a strategy to attract audiences, known as "shocking style."

Compared with governmental use of social media, public use is more diverse, largely because it does not always have a clear purpose, and it does not always match the original intention of the media platform founders. Chan's (2020) recent research on a popular dating app in China, Momo, shows that its users' motivations to use the app are not only about dating but about "everything." She notices that users use it according to their own needs, instead of in accordance with the app designers' expectations. Dating is only one of the reasons for users to download this app, and more people use it for purposes of killing time, socializing, and developing business. Lu and Lu's (2019) study concerns why ordinary people use Douyin. They argue that browsing news and keeping up with fashion have become major purposes. Apart from informative and entertaining functions, users also use social media to satisfy their psychological needs. Especially when an emergent crisis occurs, online users urgently engage in sharing and disseminating the information they know on social media, hoping to contribute to the truth of events (Chen et al., 2021).

Digital resistance

Another stream of Internet knowledge argues that digital resistance and online mobilization are signs of another liberal force emerging after marketization (Esarey & Xiao, 2011; Hassid, 2016; Gao & Stanyer, 2014). The Internet is more than a tool for retrieving information in China, which also creates a place that resembles the "public sphere" (Hassid, 2016). Shao and Wang (2017) consider the structure of this public sphere as fragmented, because governmental forces, private power, and the market all mix together. Although the Chinese government has been developing strategies to keep the Internet under its control, such as filtering sensitive words,

netizens can always find new approaches to enlarge the impact of debates, putting pressure on the government and mainstream media to echo public demands (Tang & Sampson, 2012). For instance, a common strategy that environmental activists apply is using memes, adding censored textual content on memes, and making it into a video (Deluca et al., 2016). Some activists take advantage of the walkie-talkie function of WeChat to disseminate pictures and text, to achieve their protest goal. Zidani (2018) finds that Chinese netizens ironically use subversive language to express their grievance against society, one of the few ways that they could do so without being censored immediately.

Against this backdrop, studies on Chinese digital media share different focuses, including online activism (Gleiss, 2015), feminism (Wang & Driscoll, 2018), populism (Tai et al., 2018), and nationalism (Fang & Repnikova, 2018; Han, 2015). Most themes here relate to the question of the extent to which the advent of digital media can provide more freedom to the Chinese public in the government-controlled media environment. "Government-controlled" here refers not only to the controls and restrictions imposed in political sectors but also to reducing the economic and financial sustainability of the state-funded media. Nevertheless, Benney and Xu (2018) argue that scholars' observations on the Chinese social media phenomenon center on the aspects that interest western scholars, such as power, gender, equality, and freedom, while overlooking some alternative aspects. The next section analyzes how this digital backdrop relates to de-westernizing media and communication studies in China.

De-westernization in the context of China

As Xin (2018) notes, the unique social development of Chinese society calls for "developing new theoretical perspectives to explain its social reality" (p. 16). New theoretical insights do not come from a vacuum. As scholars from non-western societies introduce the indigenous presence to the western audience, non-western scholars must understand how the related discourse develops in a context with which they are familiar. Albuquerque (2020) wrote that scholars without western background fall into a loop that "western ideas do not predominate in consequence of their intrinsic merits, but as a result of the socialization of scholars from all parts of the world in western educational institutions, and the networks built around them" (p. 16). Therefore, de-westernization has become an important part of contemporary media and communication studies, whether in academic research or higher education (Dube & Rabe, 2017; De Burgh, 2003).

Practicing de-westernization is not easy to do, theoretically or methodologically. First, to know what is "non-West," the conceptualization of the West requires clarification. To what extent does our analysis, built upon the dichotomy of West and non-West, help to broaden the horizon of examining the media phenomena in the world? West and non-West could appear as a pair of notions in the comparative studies of media and communication, or as a set of paradigms where more

patterns of communication can develop (Hanitzch, 2007). Meng and Rantanen (2015) suggest that what is beyond the West is more than non-West. Binary terms, such as "the West and the rest, the Global South and the Global North, the West and the East," have been out of date for capturing geography or culture-based distinctions because these terms limit the variety of cultural forms and generalize the transition within one system (Ranji, 2021). Moving to media studies, we use binary terminology to study the structural and political differentiation of media configuration (Ranji, 2021), but the media systems in the world are not a static concept. The development of media marketization in China since the 1980s is a good example (Zhao, 1998; 2008). Along with the growth of digital media, the transformation of media systems, platforms, and patterns takes place simultaneously in China. State-funded media, "state-preneurship" media, private media groups, semi-commercial/official media appear in the market and race with each other. The characteristics of each media system that Hallin and Mancini (2004) identify are nowadays not as distinct as decades ago. Scholars industriously use new phrases, such as "ecosystem" and "hybridity," to explain the digitized media system in the world, which carefully captures the fluidity and porousness of media systems today (Anderson, 2016; Chadwick, 2017). While scholars look at the nuances of how media content is produced or consumed at a micro-/meso-level among nations, to what extent can we argue that the similarity or discrepancy in individual behaviors between different systems affords the changes of a "system?" A case study of the transformation of a Party organ newspaper, *China Youth Daily*, suggests that even Party media could employ the narrative strategies that popular journalism uses, without conflicting with its propaganda role (Wang, Sparks & Yu, 2018). But to say that the media system in China is a hybrid is insufficient. Since the encouragement of digital transformation from the Party in 2014, newspaper, magazine, and Internet portal media have urged their media professionals to use digital technologies to accelerate the production of media contents and brand-building that attracts all types of audiences. Chinese journalists and media professionals have significantly shifted their work from offline to online. This is similar to the findings of the national survey that Weaver and Willnat (2016) launched, namely, that social media and the life and work of journalists tightly connect them. However, we cannot argue that the Chinese media system is similar to that in the United States, even though media professionals share behavioral similarities in their daily routine.

Second, drawing from the first concern, the different interpretations of de-westernization between the West and the non-West are worth investigating. Assuming that the dichotomy helps in understanding the globe, the second issue concerns how the different parts of the world comprehend the importance of de-westernization and what to de-westernize. Less research clarifies the differences between them. Waisbord and Mellado (2014) maintain that "de-westernization in the West, refers to a shift in academic knowledge to broaden the analysis by considering experiences, research findings, and theoretical frameworks devel-

oped in the rest of the world" (p. 362). As Curran and Park (2000) argue, granting the preservation of discussing "national" and "local," globalization matters more in media and communication studies. "In making the case for de-Westernizing media studies, we are not suggesting that normative values have only a zonal application. On the contrary, the values of liberty, equality, and solidarity seem to us to have a universal validity" (Curran & Park, 2000, p. 12). Although these narratives from the West seemingly demonstrate an inclusive view that exploring the debate of non-western media and communication phenomena should occur under the tenet of "common good," the interest and value that the West advocates still embed their narratives. Demeter and Goyanes (2021) refute that "the so-called globalization of knowledge is conceived as an encounter of cultures that implies the abolishment of the knowledge of the subordinated participants" (p. 2). De-westernization contains profound meanings. Scholarly, non-western researchers hope to defend their domestic cultures, industrially and politically arguing that de-westernization is an act of eliminating post-colonial characteristics (Waisbord & Mellado, 2014; Waisbord, 2015; Thussu, 2018).

Third, Iwabuchi (2010) states that "we all know that theories, concepts and methods which have been developed in a particular place and at a specific historical juncture must always be imaginatively translated when they are applied to other times and places (or to the same place but at a different time)" (p. 404). The prevailing academic debates in non-western contexts could have nothing to do with the values or norms the West proposes. This may not be due to the lack of interest in western studies but rather to the disconnection between methods, their applications, and theoretical assumptions—in other words, how to scientifically explore the occurrences which share little similarity with the West. With the background of globalization and the rise of media technology, studying the differences and making comparisons between the West and non-West includes identifying the geographical flow of knowledge, experience, and information between nations and presenting the findings to western academia. De-westernization has become a systematic act that requires scholars to critically study the context in which theories grow and face the cultural issue pertinent to a particular social condition (Jin, 2020). A recent paper discussing the feminist movement and media in China notes that introducing Chinese phenomena to western academics would encounter methodological difficulties, including translating and decoding the cultural meaning of colloquial language (Huang & Sun, 2021).

We have known that "all theory is situated somewhere—there is no such thing as a decontextualized theory" (Wasserman & de Beer, 2009, p. 429). The introduction of western media, journalism, and communication theories to China brought the social, cultural, historical, and philosophical underpinnings of these theories along. In Qi's book (2014) documenting the knowledge flow from the West to the East, she writes as follows:

> Alien concepts and theories were carefully selected by Chinese innovators, who assimilated versions of these concepts and theories into an environment that was both hostile to Western thought in general and accommodating of select elements of Western thought, especially those elements that were conceived to strengthen Chinese capacities for independence and advancement in the emerging involvement in a world dominated by foreign powers. (pp.65-66)

Put another way, the contrast between China and the West is at the center of academic concern. As mentioned at the beginning of this paper, "freedom vs suppression" is a theme that mostly non-western media and journalism studies explore (Wasserman & de Beer, 2009). The means that non-western scholars use to organize and narrate their stories have embedded the values that western societies promote. Much research seemingly adopts an inductive approach to look at the "go viral" of public events online, regarding the volume of information that online citizens consume, the flow of dissemination, or the click-rate stream. However, grounded on the established scholarship that the voice of dissent is a form of social mobility that should have online advocacy, and the surveillance of such dissent online is sinful, how do follow-up studies borrow the meaning this argument contains, to investigate dissenting for other purposes, without preconceptions?

Based on these points, de-westernizing media and communication studies is tough work. Researchers from non-western countries attempt to break through the Eurocentrism, and then American centrism in media and communication studies, by publishing their indigenous stories through western academia. However, such efforts turn to enhancing the status and prestige of Western-experience-based academic research, which ascribes to an institutional bias (Albuquerque, 2020). As more junior researchers join into the Western academia, they enhanced such status by publishing in prestigious academic journals (Albuquerque et al., 2020). But, apart from the difficulties that all non-western scholars must face, scholars working on Chinese media and communication studies face additional challenges in this digital age.

De-digitization or De-westernization?

We mentioned in the introduction of this paper that digital media brings difficulties for scholars in thinking beyond the methods and theories we have already used to approach digital life. Here, we borrow the explanation by Fussey and Roth (2020) that "digital" refers to "Information and Communication Technologies (ICT), computer mediated communication, the internet and the web, social media, Big Data, artificial intelligence, computational decision making and, increasingly, nanotechnologies" (p.2). This section will blend the three issues we proposed earlier to argue what scholars face when they adopt a de-westernized perspective to examine Chinese media studies.

Years ago, while carrying out a study about the digital impact on journalism in China, the first author met an editor during her fieldwork. The editor had been working in a newspaper group for 8 years, and he once told the first author in their

personal communication that the reasons for certain online articles getting popular were rather more complicated than we had known. He said that many faddish (*wang luo bao kuan*) articles online that circulated to a significant number usually would experience a process of emergence—deletion—re-emergence—re-deletion. "After several rounds of deletions, readers will be more curious to read it," he said. Using deletion to intrigue the public about a topic had become a strategy that online media organizations used to draw the attention of potential audiences. Both Party-organ media and commercial media would use certain means to attract audiences for a living.

As in the case of Dr. Ai Fen, we cannot easily conclude that the massive click rate and the number of reposts indicate netizens' endorsement. The netizens who built a sequence to share this story in different versions tried to uncover the truth or support the idea that authorities covered the truth, but what is the "true" reason that netizens chose to do so, maintaining their social networking or joining a spiral of "voicing"? An act of sharing on Chinese social media merely means a form of participation (Zhao & John, 2020). Researchers argue that sharing content online in personal networks is not only for Chinese online users to maintain and construct social ties; it also contributes to understanding the digital platforms, with numbers for scholars (Zhao & John, 2020, p.10). Today, if a particular post circulates online with a significant number, the assumption is that it contained social significance in the context of China.

Studying digital things does not necessarily mean that we should think digitally. (The Chinese translation of "digital" is the same as "numerical/numeric.") As "digital" came into the world of academia from the field of daily life, the meaning of this word has been transferred into a term and highlighted for its intangible and omnipresent power both online and offline. The obsession with social media, AI, Big Data, and algorithms has permeated every corner of life. Although platform owners could monitor the trends and predict the development of a public issue, the data collected from digital platforms cannot explain the reasons why people act so. Providing interpretations cannot enable realizing the subjectivity of humans. Pan (2016) argued that by over-relying on digital tools to understand human life, technicians construct an epistemic hegemony. Although we did not fully agree with the idea that technicians could claim hegemony over others by constructing a digital kingdom, digital media is much more powerful and dangerous than we think.

We argue that digital media, especially social media, complicates the motivations and behavioral choices of individuals. The central goal of this paper is not to critique Chinese media and communication studies. It aims to elicit a critical issue, namely, how to treat the relationship between Chinese digital media, western knowledge, and the use of methods to explore the issues this entangled relationship involves. The space digital media has created brings opportunities for both researchers and Chinese citizens, and much scholarship has investigated how these challenges that digital media has initiated have changed China. However, this paper

points out that so far, studies of Chinese digital media cannot fully reveal the nature of its inner logic. Existing literature about this field parallels what is interesting or heatedly discussed in the West. This forges an epistemic tradition of examining media and communication studies as a dichotomy, although some researchers have made attempts to break this thinking. Also, studying digital presence with digital methods (e.g., data mining, modeling, social network analysis) is another epistemic pitfall. Indeed, numerical data are evident, open, and easy to obtain, and using them avoids touching the taboos of governmental censorship in China. But what leads to the choices of researchers applying these methods? The theoretical assumption in the hypothesis drives researchers who choose to use quantitative methods to be strongly aware of the ties between theory and methods. Conversely, qualitative researchers call for expanding or refining a theory from new findings (Collins & Stockton, 2018). That is to say, quantitative researchers rely on the theory to interpret their data. In this scenario, how do scholars realize de-westernization? An epistemic disposition sets a digital pitfall, namely, the role that theory plays in de-westernization studies.

For this paper, we reflected on our experience in western academia and the daily consumption of digital media for years. They inspired us to argue the worthiness of exploring many hidden aspects of media and communication studies in the digital age if we could be clear about the pitfalls that "digital" creates. Exploring these aspects does not require maintaining our attention on the digital devices or platforms themselves. More interesting findings could arise from interrogating individuals offline on their feelings.

The views in this paper probably seem cynical to the researchers favoring big data, algorithms, and quantitative research. As we argued, the concerns put forward here came from our observations that a data society was overwhelming us. This situation creates tension between how we tell stories about Chinese culture and how scholars not from this culture hope to know about that. This tension is an ongoing situation, blending debates about western knowledge, Chinese experience, method and theory in academia.

References | Список литературы

Albuquerque, A. de. (2021). The institutional basis of anglophone western centrality. *Media, Culture & Society*, 43(1), 180–188. https://doi.org/10.1177/0163443720957893

Albuquerque, A. de, Oliveira, T. M. de, dos Santos Junior, M. A., & Albuquerque, S. O. F. de. (2020). Structural Limits to the De-Westernization of the Communication Field: The Editorial Board in Clarivate's JCR System. *Communication, Culture and Critique*, 13(2), 185–203. https://doi.org/10.1093/ccc/tcaa015

Anderson, C. W. (2016). News Ecosystems. In T. Witschge, C. W. Anderson, D. Domingo, & A. Hermida (Eds.), *The SAGE handbook of digital journalism*. SAGE. https://doi.org/10.4135/9781473957909.n28

Benney, J., & Xu, J. (2018). The decline of Sina Weibo: A technological, political and market analysis. In K. Eills, M. Kent, & J. Xu (Eds.), *Chinese Social Media: Social, Cultural and Political Implications* (pp. 221–235). Routledge. https://doi.org/10.4324/9781315160214-21

Chadwick, A. (2017). *The Hybrid Media System: Politics and Power*. Oxford University Press. https://doi.org/10.1093/oso/9780190696726.001.0001

Chan, L. S. (2020). Multiple uses and anti-purposefulness on Momo, a Chinese dating/social app. *Information, Communication & Society*, 23(10), 1515–1530. https://doi.org/10.1080/1369118X.2019.1586977

Chen, H.-T. (2018). Spiral of silence on social media and the moderating role of disagreement and publicness in the network: Analyzing expressive and withdrawal behaviors. *New Media & Society*, 20(10), 3917–3936. https://doi.org/10.1177/1461444818763384

Chen, X., Valdovinos Kaye, D. B., & Zeng, J. (2021). # *PositiveEnergy* Douyin: Constructing "playful patriotism" in a Chinese short-video application. *Chinese Journal of Communication*, 14(1), 97–117. https://doi.org/10.1080/17544750.2020.1761848

Collins, C. S., & Stockton, C. M. (2018). The Central Role of Theory in Qualitative Research. *International Journal of Qualitative Methods*, 17(1), 160940691879747. https://doi.org/10.1177/1609406918797475

Curran, J., & Park, J. (2000). Introduction: Beyond globalization theory. In *De-westernizing media studies* (pp. 1–15). Routledge.

De Burgh, H. (2003). *The Chinese journalist: Mediating information in the world's most populous country*. Routledge. https://doi.org/10.4324/9780203323267

De Kloet, J., Poell, T., Guohua, Z., & Yiu Fai, C. (2019). The platformization of Chinese Society: Infrastructure, governance, and practice. *Chinese Journal of Communication*, 12(3), 249–256. https://doi.org/10.1080/17544750.2019.1644008

Deluca, K. M., Brunner, E., & Sun, Y. (2016). Weibo, wechat, and the transformative events of environmental activism on China's wild public screens. *International Journal of Communication*, 10(1), 321–339. Scopus.

Demeter, M., & Goyanes, M. (2021). A world-systemic analysis of knowledge production in international communication and media studies: The epistemic hierarchy of research approaches. *The Journal of International Communication*, 27(1), 38–58. https://doi.org/10.1080/13216597.2020.1817121

Dube, B., & Rabe, L. (2017). Spaces of resistance in the de-westernization of journalism curricula narrative in post-1994 South Africa. *Journal of African Media Studies*, 9(3), 415–433. https://doi.org/10.1386/jams.9.3.415_1

Esarey, A., & Xiao, Q. (2011). Digital Communication and Political Change in China. *International Journal of Communication*, 5, Article 0.

Fang, K., & Repnikova, M. (2018). Demystifying "Little Pink": The creation and evolution of a gendered label for nationalistic activists in China. *New Media & Society*, 20(6), 2162–2185. https://doi.org/10.1177/1461444817731923

Fussey, P., & Roth, S. (2020). Digitizing Sociology: Continuity and Change in the Internet Era. *Sociology*, 54(4), 659–674. https://doi.org/10.1177/0038038520918562

Gallagher, M., & Miller, B. (2021). Who Not What: The Logic of China's Information Control Strategy. *The China Quarterly*, 248(1), 1011–1036. https://doi.org/10.1017/S0305741021000345

Gao, L., & Stanyer, J. (2014). Hunting corrupt officials online: The human flesh search engine and the search for justice in China. *Information, Communication & Society*, 17(7), 814–829. https://doi.org/10.1080/1369118X.2013.836553

Gleiss, M. S. (2015). Speaking up for the suffering (br)other: Weibo activism, discursive struggles, and minimal politics in China. *Media, Culture & Society*, 37(4), 513–529. https://doi.org/10.1177/0163443714566897

Gueorguiev, D., Shao, L., & Crabtree, C. (2017). Blurred Lines: Uncertainty and Self-Censorship in China. *SSRN Electronic Journal*. https://www.researchgate.net/profile/Dimitar-Gueorguiev-2/publication/321636833_Blurred_Lines_Uncertainty_and_Self-Censorship_in_China/links/5f4d44c192851c6cfd13c841/Blurred-Lines-Uncertainty-and-Self-Censorship-in-China.pdf

Hallin, D. C., & Mancini, P. (2004). *Comparing Media Systems: Three Models of Media and Politics*. Cambridge University Press. https://doi.org/10.1017/CBO9780511790867

Han, R. (2015). Defending the Authoritarian Regime Online: China's "Voluntary Fifty-cent Army." *The China Quarterly*, 224, 1006–1025. https://doi.org/10.1017/S0305741015001216

Harwit, E. (2017). WeChat: Social and political development of China's dominant messaging app. *Chinese Journal of Communication*, 10(3), 312–327. https://doi.org/10.1080/17544750.2016.1213757

Hassid, J. (2016). *China's Unruly Journalists: How Committed Professionals are Changing the People's Republic*. Routledge. https://doi.org/10.4324/9781315666112

Herold, D. K. (2014). Users, not netizens spaces and practices on the Chinese Internet. In P. Marolt & D. Herold (Eds.), *China Online: Locating Society in Online Spaces* (pp. 20–30). Routledge; Scopus. https://doi.org/10.4324/9781315750101

Huang, R., & Sun, X. (2014). Weibo network, information diffusion and implications for collective action in China. *Information, Communication & Society*, 17(1), 86–104. https://doi.org/10.1080/1369118X.2013.853817

Huang, S., & Sun, W. (2021). #Metoo in China: Transnational feminist politics in the Chinese context. *Feminist Media Studies*, 21(4), 677–681. https://doi.org/10.1080/14680777.2021.1919730

Iwabuchi, K. (2010). De-Westernization and the governance of global cultural connectivity: A dialogic approach to East Asian media cultures. *Postcolonial Studies*, 13(4), 403–419. https://doi.org/10.1080/13688790.2010.518349

Jibenchangshi. (2021, April 1). *Right now! Xinhua News Agency and People's Daily are investigated!* https://chinadigitaltimes.net/chinese/664310.html (In Chinese)

Jin, D. Y. (2021). Encounters with Western media theory: Asian perspectives. *Media, Culture & Society*, 43(1), 150–157. https://doi.org/10.1177/0163443720939482

Liaoxinzhong. (2020). *Today is the most absurd day since the birth of WeChat*. https://mp.weixin.qq.com/s/roTg_r57btmPD_vXa21Izg (In Chinese)

Lu, X., & Lu, Z. (2019). Fifteen Seconds of Fame: A Qualitative Study of Douyin, A Short Video Sharing Mobile Application in China. In G. Meiselwitz (Ed.), *Social Computing and Social Media. Design, Human Behavior and Analytics* (Vol. 11578, pp. 233–244). Springer International Publishing. https://doi.org/10.1007/978-3-030-21902-4_17

Meng, B., & Rantanen, T. (2015). A Change of Lens: A Call to Compare the Media in China and Russia. *Critical Studies in Media Communication*, 32(1), 1–15. https://doi.org/10.1080/15295036.2014.997831

Pan, S. (2016). *How life is manipulated into data?—Big Data in social science research*. Xin Shi Ye 3. https://mp.weixin.qq.com/s/JCY99YTAzosgfctqauci6w (In Chinese)

Qi, X. (2014). *Globalized Knowledge Flows and Chinese Social Theory* (1st ed.). Routledge. https://doi.org/10.4324/9781315882710

Ranji, B. (2021). Traces of orientalism in media studies. *Media, Culture & Society*, 43(6), 1136–1146. https://doi.org/10.1177/01634437211022692

Schlæger, J., & Jiang, M. (2014). Official microblogging and social management by local governments in China. *China Information*, 28(2), 189–213. https://doi.org/10.1177/0920203X14533901

Shao, P., & Wang, Y. (2017). How does social media change Chinese political culture? The formation of fragmentized public sphere. *Telematics and Informatics*, 34(3), 694–704. https://doi.org/10.1016/j.tele.2016.05.018

Statistical Report on WeChat. (2020). https://www.sohu.com/a/367340225_760428 (In Chinese)

Stockmann, D., & Luo, T. (2017). Which Social Media Facilitate Online Public Opinion in China? *Problems of Post-Communism*, 64(3–4), 189–202. https://doi.org/10.1080/10758216.2017.1289818

Sullivan, J. (2012). A tale of two microblogs in China. *Media, Culture & Society*, 34(6), 773–783. https://doi.org/10.1177/0163443712448951

Tai, Z., Liang, J., & Liu, X. (2017). Populist Sentiments and Digital Ethos in the Social Media Space: Revelations of Weibo Celebrities in China. In M. Kent, K. Ellis, & J. Xu (Eds.), *Chinese Social Media* (pp. 59–74). Routledge. https://doi.org/10.4324/9781315160214-6

Tang, L., & Sampson, H. (2012). The interaction between mass media and the internet in non-democratic states: The case of China. *Media, Culture & Society*, 34(4), 457–471. https://doi.org/10.1177/0163443711436358

Tang, L., & Yang, P. (2011). Symbolic power and the internet: The power of a 'horse.' *Media, Culture & Society*, 33(5), 675–691. https://doi.org/10.1177/0163443711404462

The 47th China Statistical Report on Internet Development in China. (2021). China Internet Network Information Center (CNNIC).

To strengthen the mainstream public opinion—Xi Jinping's important speech at the 12th group study session of the Political Bureau of the CPC Central Committee leads new efforts in the development of integrated media. (2019, January 26). Xinhuanet.Com. http://www.xinhuanet.com/politics/leaders/2019-01/26/c_1124047510.htm (In Chinese)

Tsai, W.-H. (2016). How 'Networked Authoritarianism' was Operationalized in China: Methods and procedures of public opinion control. *Journal of Contemporary China*, 25(101), 731–744. https://doi.org/10.1080/10670564.2016.1160506

Tu, F. (2016). WeChat and civil society in China. *Communication and the Public*, 1(3), 343–350. https://doi.org/10.1177/2057047316667518

van Dijck, J., & Poell, T. (2013). *Understanding Social Media Logic* (SSRN Scholarly Paper No. 2309065). https://doi.org/10.12924/mac2013.01010002

Waisbord, S. (2015). De-Westernization and Cosmopolitan Media Studies. In C. Lee (Ed.), *Internationalizing "International Communication"* (pp. 187–200). University of Michigan Press. https://doi.org/10.2307/j.ctv65sxh2.11

Waisbord, S., & Mellado, C. (2014). De-westernizing Communication Studies: A Reassessment. *Communication Theory*, 24(4), 361–372. https://doi.org/10.1111/comt.12044

Wang, B., & Driscoll, C. (2019). Chinese feminists on social media: Articulating different voices, building strategic alliances. *Continuum*, 33(1), 1–15. https://doi.org/10.1080/10304312.2018.1532492

Wang, H., Sparks, C., & Yu, H. (2018). Popular journalism in China: A study of *China Youth Daily*. *Journalism*, 19(9–10), 1203–1219. https://doi.org/10.1177/1464884917691987

Wasserman, H., & de Beer, A. (2009). Towards de-westernizing journalism studies. In K. Wahl-Jorgersen & T. Hanitzsch (Eds.), *The handbook of journalism studies* (pp. 448–458). Routledge.

Xin, X. (2018). Popularizing party journalism in China in the age of social media: The case of Xinhua News Agency. *Global Media and China*, 3(1), 3–17. https://doi.org/10.1177/2059436418768331

Xu, D. (2015). Online Censorship and Journalists' Tactics: A Chinese perspective. *Journalism Practice*, 9(5), 704–720. https://doi.org/10.1080/17512786.2014.982968

Yang, G., & Jiang, M. (2015). The networked practice of online political satire in China: Between ritual and resistance. *International Communication Gazette*, 77(3), 215–231. https://doi.org/10.1177/1748048514568757

Yun S. (2020, March 11). *Covid-19 Pandemic: Whistle-give's anti-censorship and creative fight back of Chines*. BBC News. https://www.bbc.com/zhongwen/trad/chinese-news-51831652 (In Chinese)

Zaixiangjixuan. (2020). *People's art: Documenting 33 editions*. https://mp.weixin.qq.com/s/ovPd-xhmLMBQfIfuJUSYkw

Zhao, L., & John, N. (2022). The concept of 'sharing' in Chinese social media: Origins, transformations and implications. *Information, Communication & Society*, 25(3), 359–375. https://doi.org/10.1080/1369118X.2020.1791216

Zhao, Y. (1998). *Media, Market, and Democracy in China: Between the Party Line and the Bottom Line*. University of Illinois Press.

Zhao, Y. (2008). *Communication in China: Political Economy, Power, and Conflict*. Rowman & Littlefield Publishers.

Zheng, L. (2013). Social media in Chinese government: Drivers, challenges and capabilities. *Government Information Quarterly*, 30(4), 369–376. https://doi.org/10.1016/j.giq.2013.05.017

Zidani, S. (2018). Represented Dreams: Subversive Expressions in Chinese Social Media as Alternative Symbolic Infrastructures. *Social Media + Society*, 4(4), 205630511880951. https://doi.org/10.1177/2056305118809512

Galactica Media: Journal of Media Studies. 2022. No 4 | ISSN: 2658-7734
New Media and Human Communication | https://doi.org/10.46539/gmd.v4i4.347

A Comparative Analysis of the Transformation of the Other's Image: 2018-2022

Rastyam T. Aliev[1] & Olesya S. Yakushenkova[2]

Astrakhan State University. Astrakhan, Russia

Received: 5 June 2022 | Revised: 3 September 2022 | Accepted: 20 September 2022

Abstract

The article is the final in a series of studies we conducted in the period from 2018 to 2022, and focuses on the transformation of the image of the Other in the period of the Covid-19 pandemic. For this study, we used Internet query statistics, extracting a series of markers, which we divided into three groups: food, clothing(appearance), and sexuality. The data was used to compile a correlation matrix and identify the strongest correlation between the markers. The study showed that the most diverse in the number of different markers is the food aspect. The appearance and sexual aspects are less distinctive during the pandemic but also play an important role in shaping the Other's image. It is also worth mentioning the fact that in the post-Covid time (2022) the difference between various models is blurred and some of them are enlarged by the inclusion of representatives of other ethnic groups. In particular, today we can distinguish several big clusters of the Other's models holding common structural markers: some models are united according to their "food" aspect (Far Eastern cluster), others according to their appearance and sexual aspects (cluster of the former Soviet Union ethnic groups). However, within these clusters, models also share structural markers, so that they can be combined into subgroups based on one feature or another.

Keywords

The Other; Models; Internet; Internet Queries; Search Engines; Food; Clothes; Sexuality; the Digital Other

This work is licensed under a Creative Commons «Attribution» 4.0 International License

1 Email: rastaliev[at]gmail.com
2 Email: jestershadow[at]mail.ru

Galactica Media: Journal of Media Studies. 2022. No 4 | ISSN: 2658-7734
Новые медиа и коммуникации | https://doi.org/10.46539/gmd.v4i4.347

Сравнительный анализ трансформации образа Чужого: 2018-2022 гг.

Алиев Растям Туктарович[1] **& Якушенкова Олеся Сергеевна**[2]

Астраханский государственный университет. Астрахань, Россия

Рукопись получена: 5 июня 2022 | Пересмотрена: 3 сентября 2022 | Принята: 20 сентября 2022

Аннотация

Данная статья является финальной в серии исследований, проводимых нами в период с 2018 по 2022 гг., и фокусируется на трансформации образа Чужого в период пандемии Covid-19.
Для реализации исследования была использована статистика поисковых запросов пользователей сети Интернет, что позволило выявить ряд маркеров, которые мы разделили на три группы: алиментарные, вестиментарные и сексуальные. На основе полученных данных была составлена корреляционная матрица и выявлены сильнейшие корреляционные связи между маркерами. Исследование показало, что максимально разнообразным по количеству различных маркеров оказывается алиментарный аспект. Вестиментарный и сексуальный аспекты в период пандемии менее выражены, но также играют важную роль в формировании образа Чужого. Стоит отметить и тот факт, что в постковидное время (2022 г.) разница между различными моделями размывается и некоторые из них укрупняются, включая в себя представителей других этносов. В частности, сегодня мы можем говорить о нескольких крупных кластерах моделей Другого / Чужого, имеющих те или иные общие структурные маркеры: некоторые модели объединяются по принципу алиментарной составляющей (Дальневосточный кластер), другие же по вестиментарному и сексуальному аспекту (кластер этносов бывшего Советского союза). При этом внутри таких кластеров модели также имеют общие структурные маркеры, что позволяет объединить их в подгруппы по тем или иным признакам.

Ключевые слова

Другой; модели; Интернет; интернет-запросы; поисковики; алиментарность; вестиментарность; сексуальность; цифровой Чужой

Это произведение доступно по лицензии Creative Commons “Attribution” («Атрибуция»)4.0 Всемирная

1 Email: rastaliev[at]gmail.com
2 Email: jestershadow[at]mail.ru

Введение

Пандемия Covid-19 оказалась серьезным вызовом для человечества. Хотя в ней не было ничего экстраординарного и с похожими эпидемиями мир уже сталкивался раньше, она выявила слабые стороны в самых разных элементах нашей реальности. Кроме того, стали очевидными слабые стороны информированности общества в новых условиях стратегий безопасности.

Одной из проблем сложившейся ситуации явилось восприятие пандемии широкими массами. Общество поделилось на тех, кто следовал всем правилам, стараясь как можно скорее пережить эту трагедию, и ту часть, которая конструировала свое видение сложившейся ситуации. Учитывая тот факт, что в самом начале пандемии ее происхождении было соотнесено с КНР, в различных обществах происходило изменение отношения к Чужому, что порождало межэтническую напряженность. Помимо собственно КНР, многие соотносили данную проблему и с другими странами, воспринимая ее не как случай естественного происхождения, а как некий вирус, созданный искусственно. Даже если речь не шла о происхождении вируса, появление новых штамов усиливало тревожность относительно отдельных этнических групп или государств в целом[1].

В этих условиях изучение алертности общества относительно Чужого представляется нам достаточно актуальной проблемой. В данной статье мы намереваемся суммировать накопленный в предыдущих исследованиях материал, проследив динамику изменений отношения к Чужому в постковидный период, сравнив ее с доковидными моделями.

Основной упор был сделан на 3 ключевые составляющие образа Чужого: алиментарность, вестиментарность, сексуальность. Все эти три аспекта, учитывая специфику связанных с пандемией стереотипов, приобретают особую значимость в изучаемый период. Именно с алиментарностью Чужого связывают в первые дни пандемии причину появления вируса, а необходимость носить маски и перчатки заставляет нас изменить свою привычную вестиментарную модель – отчасти, даже позаимствовав ее у Чужого, поскольку до 2020 года маски ассоциировались у интернет пользователей в основным с населением восточно-азиатских стран. Сексуальные маркеры также становятся заметны, поскольку, оказавшись в изоляции и лишившись возможности вести прежнюю жизнь, пользователь начинает больше времени проводить в интернете, в том числе интересуясь сексуальной жизнью Чужого.

Таким образом, даже на поверхностном уровне мы наблюдаем определённую трансформацию заинтересованности россиянина Другим / Чужим. Поэтому цель данного исследования – проследить трансформацию этих

1 Здесь можно отметить, к примеру, серию протестов «Stop Asian Hate», которые прошли в США в 2021 году. Их причиной стала расовая дискриминация и ксенофобные нападения и убийства людей азиатского происхождения на фоне слухов, связанных с распространением Covid-19.

образов в контексте пандемии Covid-19 и выявить основные опорные точки изменений, произошедших в структурных маркерах этнических образов Другого / Чужого.

Методология и методы

В основу нашей статьи лег вебометрический анализ. Теоретическое обоснование данного метода представлено в работах Майка Телволла (Thelwall, 2009), Ливен Воган и Леннарта Бьернборна (Thelwall et al., 2005). Данные исследователи определили суть вебометрики как «изучение веб-контента с использованием преимущественно количественных методов для достижения целей исследований в области социальных наук и с использованием методов, не характерных для области исследований» (p. 6). Вебометрический анализ активно используется различными науками, поскольку предоставляет ученым необъятный набор различных данных.

На основе анализа веб-запросов возможно прогнозирование безработицы (Ахмадеев & Юревич, 2021), анализ состояния экономики (Guzman, 2011; Li et al., 2015; Петрова, 2019), и даже предсказание эпидемий (Chang et al., 2020; Yang et al., 2015). Анализ поисковых запросов позволяет проводить мониторинг экологических установок (Burivalova et al., 2018; Забокрицкая & Орешкина, 2021), или выступать надежным инструментом отслеживания депрессивных и тревожно – депрессивных состояний (Woo et al., 2020; Черненко et al., 2022). С его помощью можно анализировать и стереотипные представления (Силаева, 2015). Вебометрический анализ применялся для анализа алиментарного поведения и сексуальности (Markey & Markey, 2013a, 2013b; Scrutton Alvarado & Stevenson, 2018). Интернет-запросы пользователей анализировались как часть фольклора (Лазарева, 2019).

Есть к данному моменту уже отдельный пласт работ, посвященных поисковым запросам в период распространения Covid-19 (Awijen et al., 2022; Barbosa et al., 2021).

Специфике формулирования интернет-запроса посвящена работа Е.Ю. Распопиной, в которой автор приводит концептуальную систематику поисковых запросов, выделяя пять когнитивных стратегий формулировки запроса, в числе которых: стратегия определения предмета поиска, стратегия первичной категоризации, стратегия последующей категоризации, стратегия проверки объективности знаний, стратегия получения предмета поисков (Распопина, 2011). В ходе нашей работы наибольший интерес для нас представляли запросы, попадающие в 4 и 5 пункты, как содержащие наиболее стереотипные представления о Чужом, однако анализировались и иные варианты запросов.

В данном исследовании в качестве инструментов были использованы статистические методы сбора данных в сети Интернет, составление корреляционной матрицы, расчёт парной корреляции по Пирсону каждого из струк-

турных маркеров и выявление сильнейших корреляционных связей между этими маркерами. Для конструирования, структурирования и классификации моделей Воображаемого Чужого мы использовали визуализацию корреляционных связей маркеров на плоскости, что дало возможность выделить, с одной стороны, количество моделей, а с другой – их качественную характеристику, выраженную в наполненности моделей этими сгруппированными маркерами. Более подробно с методами можно ознакомиться в предыдущих наших исследованиях (Алиев & Якушенкова, 2018, 2021a, 2021b, 2022).

Для прикладной части нашего исследования мы использовали статистические методы сбора больших данных в сети Интернет. В частности, для выявления количества тех или иных запросов нами были проанализированы данные с сервисов https://wordstat.yandex.ru/ и https://trends.google.ru/. Эти сервисы позволяют увидеть конкретные запросы в разные промежутки времени и классифицировать их по регионам. Применив расчёт корреляции по Пирсону каждой пары структурных маркеров, мы выявили сильнейшие корреляционные связи между ними. А для визуализации этих корреляционных связей маркеров на плоскости мы использовали метод графов (семантические связи) с помощью пакета программного обеспечения для сетевого анализа и визуализации данных Gephi. Это дало возможность выделить, с одной стороны, количество моделей, а, с другой, их качественную характеристику, выраженную заполненностью моделей сгруппированными маркерами.

Данное исследование было выстроено поэтапно. Прежде всего, мы выбрали 12 больших этнических групп, куда вошли китайцы, японцы, корейцы, французы, немцы, англичане, казахи, армяне, азербайджанцы, грузины, таджики[1]. Выбор на них пал в силу многих причин, которые мы можем сгруппировать в две большие:

1. Представители геополитических партнёров или конкурентов современной России.

2. Представители стран бывшего СССР.

На втором этапе мы определились с формой поисковых запросов для выявления структурных маркеров. Исходя из предмета исследования и учитывая то, что методологически это исследование зиждется на трёхчленной структуре образа Другого / Чужого, мы сформировали шаблоны поисковых запросов по типу «“представители этноса” едят / пьют...» «“представители этноса” носят / надевают...» и т.д. (См. Рис. 1)[2]

1 Стоит отметить, что изначальная выборка состояла из большего числа этносов, которые были затем исключены из нашего списка по причине отсутствия систематических данных для анализа.

2 Мы хотим отметить, что не разделяем данные стереотипы, а лишь фиксируем их.

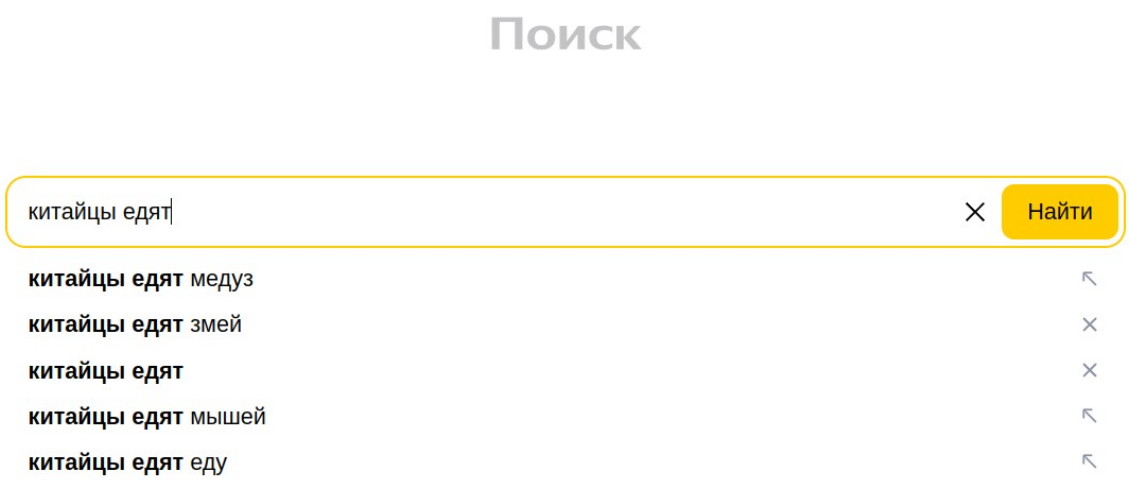

Рисунок 1. Пример поисковых запросов в Яндексе

Figure 1. Example of search query in Yandex

Далее мы собрали данные с сервисов https://wordstat.yandex.ru/ и https://trends.google.ru/ в одну базу данных поисковых запросов россиян.

На следующем этапе мы провели расчёт корреляции каждой пары выявленных нами маркеров. И определив сильнейшие корреляционные связи между найденными нами структурными маркерами, мы с помощью пакета программного обеспечения для сетевого анализа и визуализации данных Gephi построили на плоскости граф, в котором эти маркеры сгруппировались в отдельные кластеры, образовавшие структурные модели инаковости в отношении того или иного исследуемого нами этноса (см. Рис. 2).

Результаты исследования

В 2022 году мы получили новые результаты моделирования образа цифрового Другого. На этот раз картина оказалась более размытой, чем в предыдущие годы исследования. В частности, прошлые результаты показали нам комплиментарные модели Другого / Чужого, которые усиливали свою инаковость за счёт индивидуальных маркеров, свойственных только отдельным моделям. Например, «Другой-китаец» всегда выделялся в отдельную модель, хотя и входил в общий кластер Дальневосточных Других / Чужих вместе с японцами и корейцами. Модели инаковости, построенные на основе этносов из бывших республик Советского Союза также выглядели более или менее самостоятельными даже в пик распространения пандемии (Алиев & Якушенкова, 2021b). А европейские и американская модели не входили даже в общий кластер.

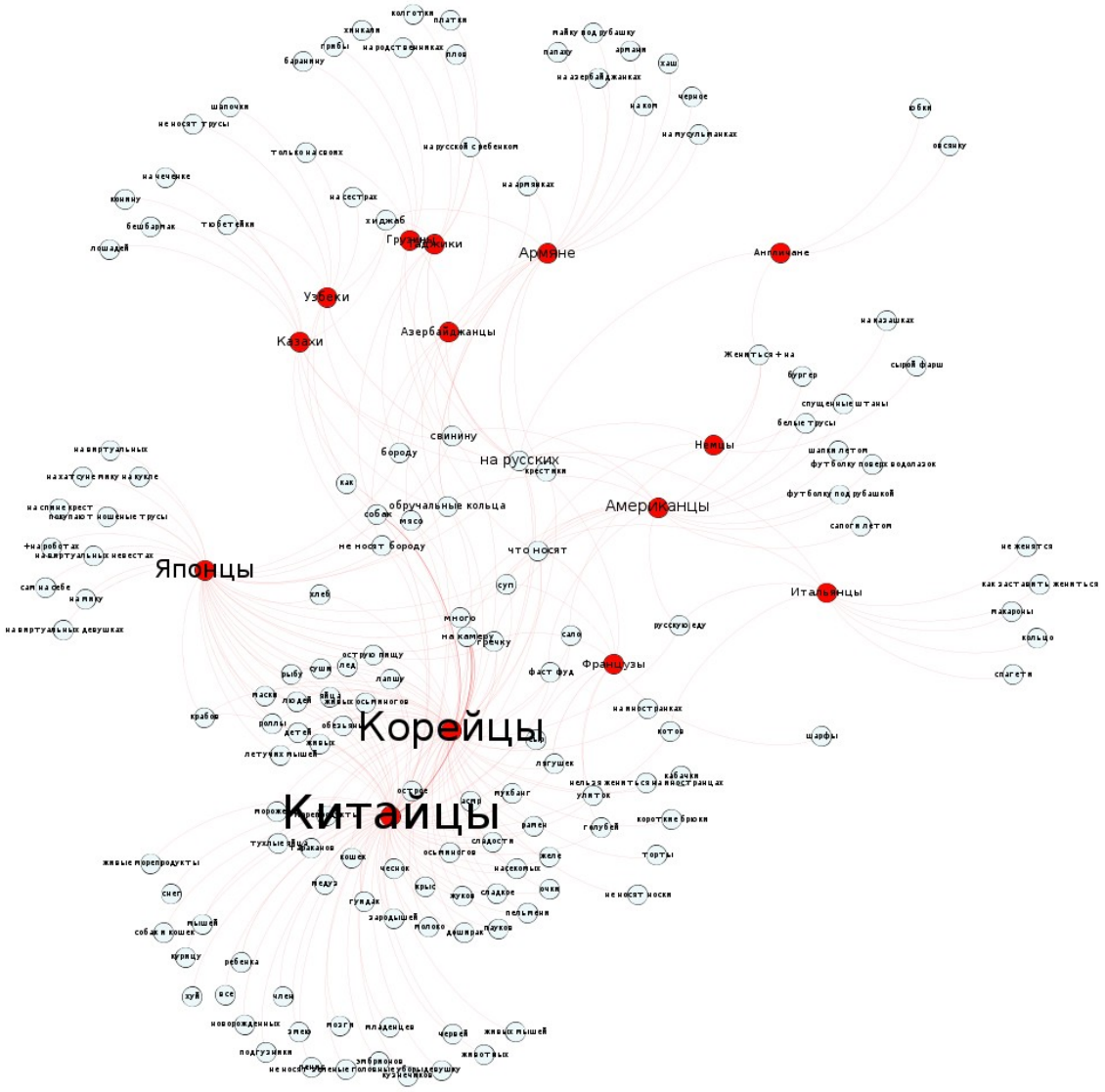

Рисунок 2. Построенная на плоскости карта сгруппированных между собой выявленных структурных маркеров инаковости

Figure 2. Plane-based map of the identified structural markers of the otherness grouped together

На этот раз ситуация оказалась несколько иной (см. Рис. 2): здесь мы наблюдаем три больших кластера, в которых выделяются такие модели, как «Дальневосточный Другой», «Другой-японец», «Другой-американец», «Другой-европеец» и «Другой-СНГ».

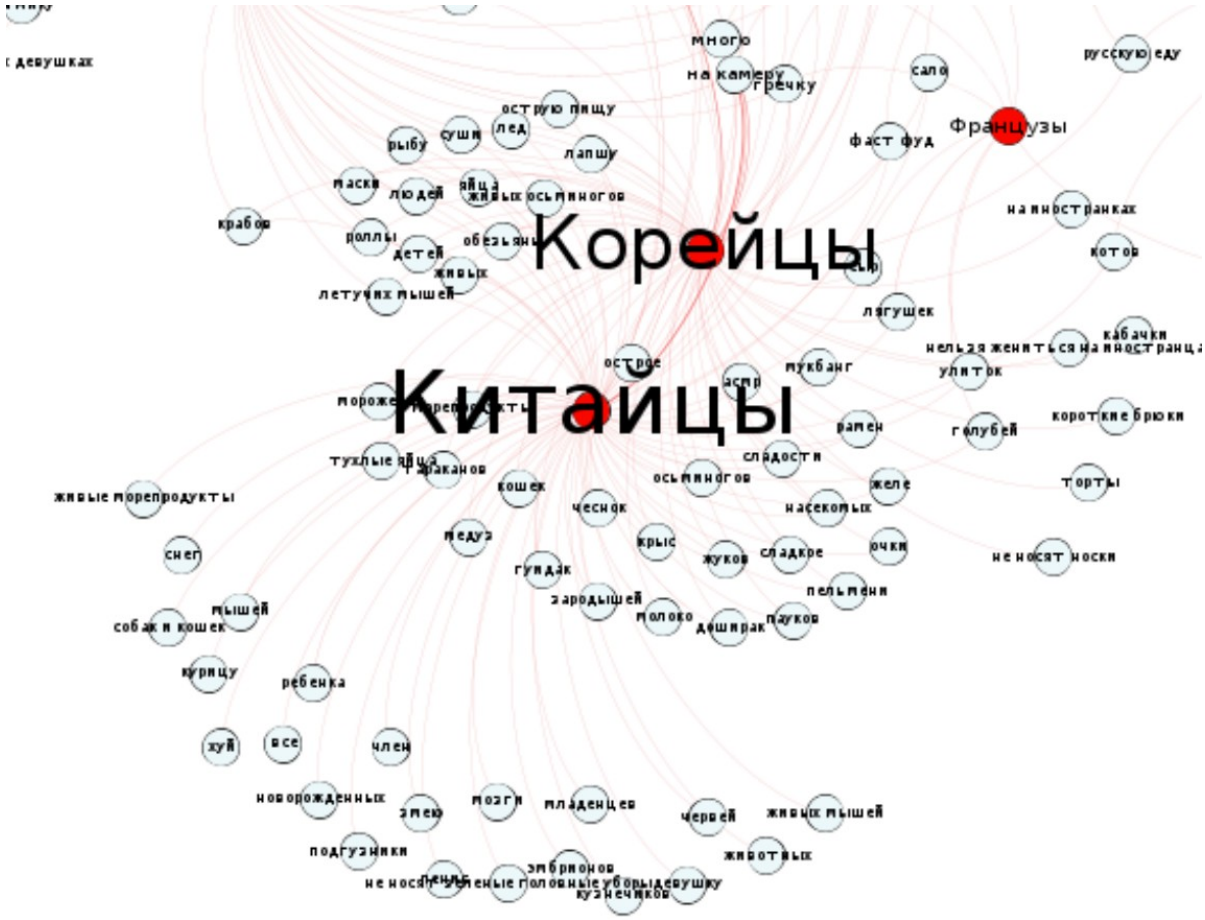

Рисунок 3. Модель №1 – Дальневосточный Другой

Figure 3. Model No 1 – Far Eastern Other

Модель №1 – Дальневосточный Другой

Данная модель объединила два этноса: китайцев и корейцев (см. Рис. 3). Анализ структурных маркеров указал на тот факт, что особых изменений в модели Чужого-китайца не произошло. Она по-прежнему является алертной и включает в себя каннибалистические маркеры. Показателен тот факт, что «Другой-кореец» сблизился по алиментарным маркерам с «Другим-китайцем», что не наблюдалось в предыдущие годы, а их характер указывает на повышенную алертность по отношению к корейцам. Примечательно, что раньше по отношению к корейцам такой алертности не наблюдалось. Тяжело сказать, что спровоцировало подобную трансформацию, но мы можем предположить, что виной тому – размытое внимание массмедиа к теме Covid-19, что привело к переориентации характера интереса россиян к данным этносам.

В целом, модель Другой-китаец оказывается наиболее разнообразной по алиментарным маркерам, связанным с ней, однако можно отметить и

значительный интерес к сексуальности Чужого, хотя китайские автомобили сейчас интереснее пользователю, чем китайское порно.

Модель №2 – Другой-японец

Эта модель имеет много общих нейтральных алиментарных маркеров с предыдущей, что заставляет включить её в один кластер с китайцами и корейцами, но в данном случае «Другой-японец» «стоит» отдельно, как и в предыдущие годы исследования (см. Рис. 4).

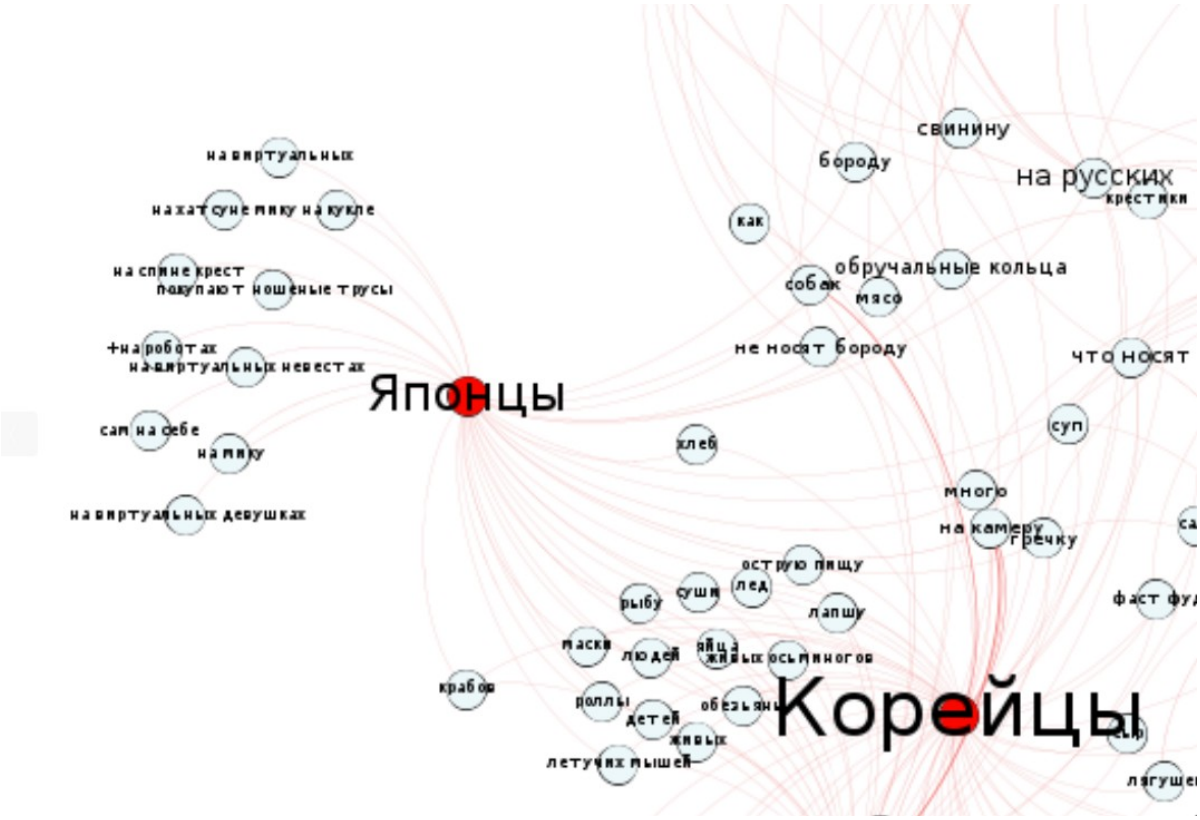

Рисунок 4. Модель №2 – Другой-японец

Figure 4. Model No 2 – The Other-Japanese

В данном случае особых трансформаций не наблюдается. Стоит только отметить, что данная модель выделяется наличием большого числа «необычных» вестиментарных и сексуальных маркеров (носят ношенные трусы; женятся на виртуальных девушках; женятся на кукле и т.д.), что говорит пусть и об алертно-нейтральном статусе отношения к японской модели инаковости, но всё же о присутствии алертности. Иными словами, если модель Другой-китаец вызывает максимальный интерес пользователей к алиментарному аспекту, то данная модель связанна именно с сексуальными маркерами Чужести: лидирующие ключевые слова, связанные с ними в запросах пользователей, – это «порно» и «секс». К примеру, «японское порно» искали

1 234 580 раз в месяц, а «немецкое» всего 402 577. По остальным анализируемым моделям это число еще меньше. В то же время, сложно сказать, насколько связан интерес к порнографии с интересом к сексуальному поведению Чужого.

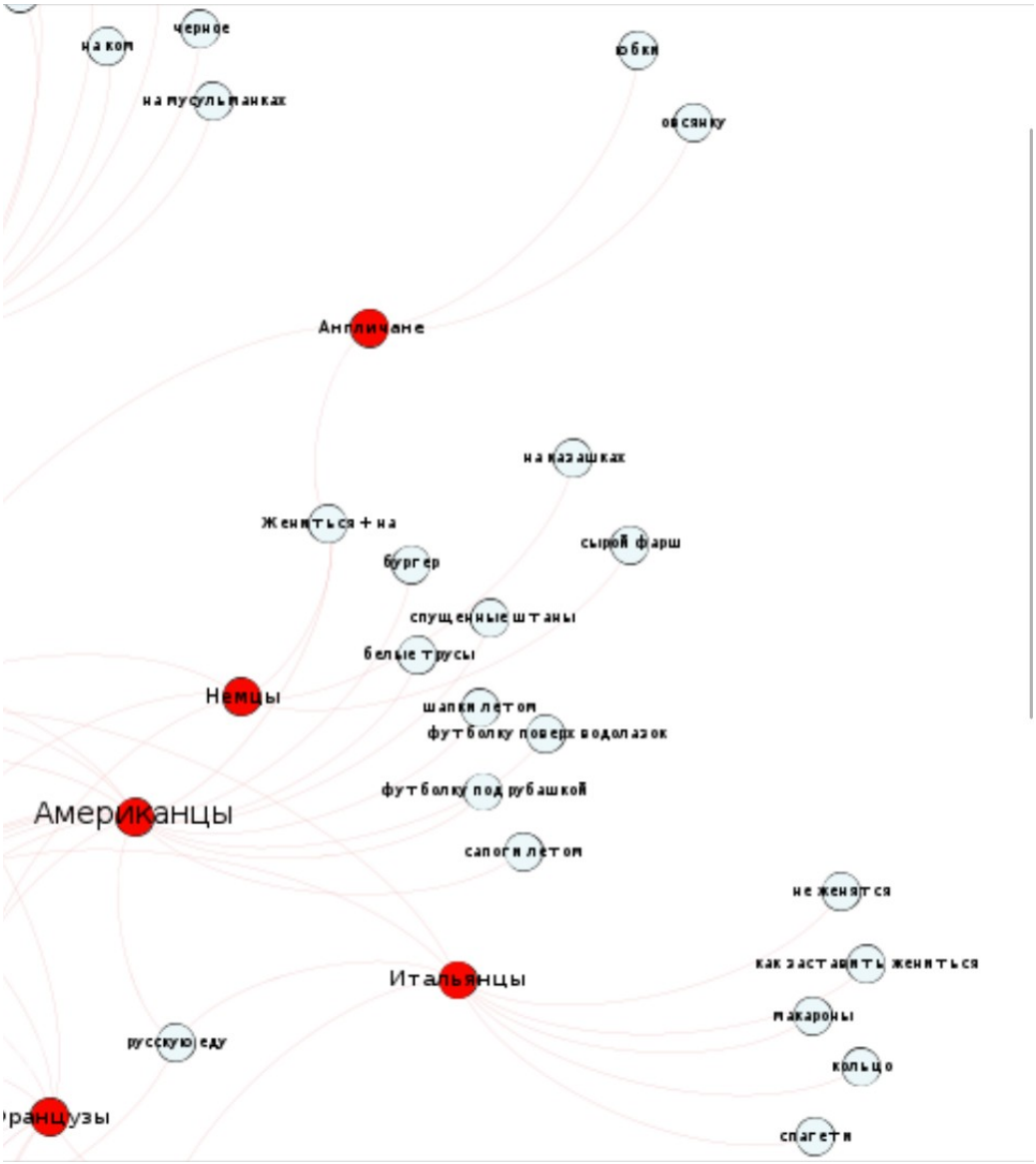

Рисунок 5. Модель №3 – Другой-американец и Модель №4 – Другой-европеец

Figure 5. Model No 3 – The Other-American and Model No 4 – The Other-European

Модель №3 – Другой-американец

Мы выделили эту модель отдельно, хотя вместе с моделью «Другой-европеец» она составляет единый кластер (см. Рис. 5). Не смотря на текущие

геополитические события и на пандемию Covid-19, каких-либо трансформаций в данной модели выявлено не было. Основными маркерами с алертной составляющей, как и в предыдущие годы, являются «женятся на русских», «едят русскую еду», но не более. Это, на наш взгляд, является стандартным бессознательным страхом перед Чужим («он может забрать нашу еду и наших женщин» (Романова и др., 2013)). Следует также отметить, что не смотря на текущие геополитические события, данная модель вызывает достаточно умеренный интерес пользователей (здесь в топе находятся запросы не про алиментарную или сексуальную жизнь конкретного этноса, а запросы типа «форд фокус американец»). К примеру, запрос «американская кухня» ищется около 7 тыс. раз и связан в основном с интерьером, а «китайская» – 70 тыс., но здесь уже доминирует именно способ ее попробовать. Американские сериалы же ищутся всего 290 тыс. раз, дорамы – 12 млн., турецкие – 15 млн., а аниме – почти 29 млн. Иными словами, здесь оказывается несостоятелен стереотип об американской культуре как основном поставщике массового контента.

Модель №4 – Другой-европеец

Как и предыдущая модель, не отличается высокой степенью алертности, а маркеры не содержат в себе каннибалистических составляющих (см. Рис. 5). Лишь в случае с французами, которые по «необычности» алиментарных маркеров приблизились к Дальневосточному кластеру (едят улиток; едят лягушек и т. д.) можно говорить об алертно-нейтральном статусе. Но в целом модель «Другой-европеец» довольно нейтральна.

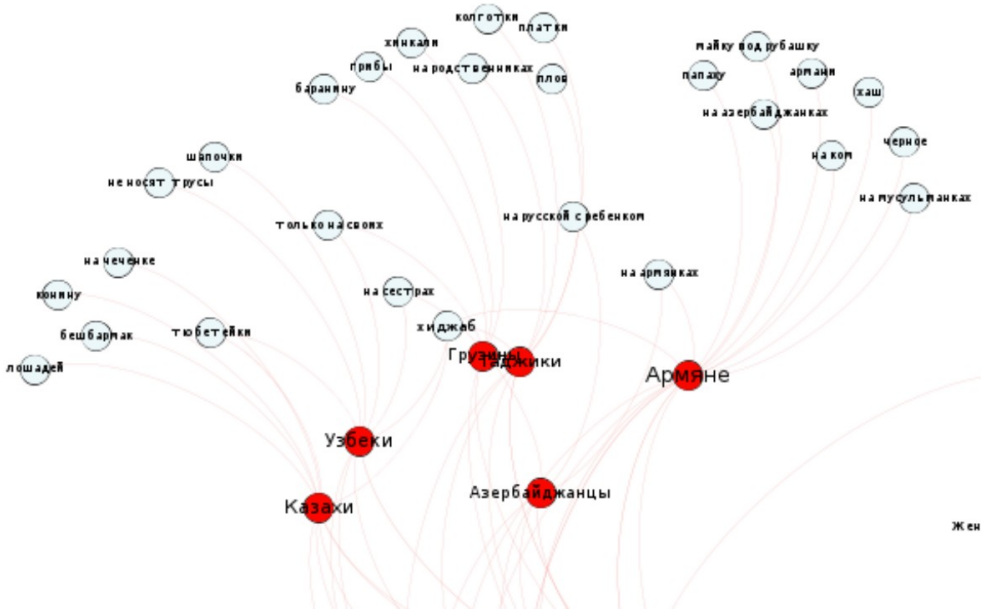

Рисунок 6. Модель №5 – Другой-СНГ

Figure 6. Model No 5 – The Other-CIS

Модель №5 – Другой-СНГ

В предыдущих исследованиях мы получали отдельные среднеазиатские и кавказские модели инаковости (Алиев & Якушенкова, 2018, 2021a, 2021b, 2022), но в данном случае они объединились в один общий кластер, что говорит о качественных изменениях в восприятии россиянами данной модели. В частности, по-прежнему доминируют стандартные вестиментарные и сексуальные маркеры, являющиеся отражением страха перед Чужим («женятся на русских»; «носят бороды»; «женятся на сёстрах» и т. д.), что является доминирующим критерием объединения комплиментарных моделей в единый кластер. В алиментарном аспекте инаковости можно провести черту между религиозностью представителей этносов, входящих к данную модель. Иными словами, россияне чётко разделяют мусульман и христиан, и интересуются гастрономические пристрастия соседей.

Здесь стоит отдельно отметить присутствие особого интереса к белорусской культуре, и, в частности, белорусской одежде, что свидетельствует о том, что пользователи сети находят ее соответствующей их запросам.

Выводы

Проанализировав трансформацию образов инаковости, мы можем говорить о том, что на пике пандемии Covid-19 (2020-2021 гг.) актуальным аспектом оказался алиментарный. В связи со стереотипами, связанными с пандемией, особое внимание российский пользователь уделяет гастрономическими пристрастиями тех или иных этносов. Именно запросы, связанные с алиментарностью оказываются наиболее разнообразны. Данные, связанные с вестиментарным и сексуальным аспектами за этот период, менее отличаются от полученных ранее, и продолжают играть роль в формировании образа Чужого. Стоит также отметить и тот факт, что в постковидное время (2022 г.) разница между этими аспектами размывается, а некоторые модели укрупняются, включая в себя представителей других этносов. В частности, сегодня мы можем говорить о нескольких крупных кластерах моделей Другого / Чужого, имеющих те или иные общие структурные маркеры: некоторые модели объединяются по принципу алиментарной составляющей (Дальневосточный кластер), другие же по вестиментарному и сексуальному аспекту (кластер этносов бывшего Советского союза). При этом внутри таких кластеров модели также имеют общие структурные маркеры, что позволяет объединить их в подгруппы по тем или иным признакам.

Таким образом, сравнив новые данные с ранее полученными (доковидного периода), мы пришли к выводу, что пандемия безусловно сыграла свою роль в трансформации образов Другого / Чужого. Однако, на этот процесс повлияли также и иные факторы. Исследование этих факторов кажется довольно перспективной линией дальнейших исследований

Благодарности

Работа выполнена при финансовой поддержке Совета по грантам Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских учёных. Проект МК-66.2021.2 «Компаративистский анализ доковидных и постковидных образов Воображаемого Чужого: моделирование на основе поисковых запросов россиян в сети Интернет».

Список литературы

Awijen, H., Ben Zaied, Y., & Nguyen, D. K. (2022). Covid-19 vaccination, fear and anxiety: Evidence from Google search trends. *Social Science & Medicine*, 297, 114820. https://doi.org/10.1016/j.socscimed.2022.114820

Barbosa, M. T., Morais-Almeida, M., Sousa, C. S., & Bousquet, J. (2021). The "Big Five" Lung Diseases in CoViD-19 Pandemic – a Google Trends analysis. *Pulmonology*, 27(1), 71–72. https://doi.org/10.1016/j.pulmoe.2020.06.008

Burivalova, Z., Butler, R. A., & Wilcove, D. S. (2018). Analyzing Google search data to debunk myths about the public's interest in conservation. *Frontiers in Ecology and the Environment*, 16(9), 509–514. https://doi.org/10.1002/fee.1962

Chang, Y.-W., Chiang, W.-L., Wang, W.-H., Lin, C.-Y., Hung, L.-C., Tsai, Y.-C., Suen, J.-L., & Chen, Y.-H. (2020). Google Trends-based non-English language query data and epidemic diseases: A cross-sectional study of the popular search behaviour in Taiwan. *BMJ Open*, 10(7), e034156. https://doi.org/10.1136/bmjopen-2019-034156

Guzman, G. (2011). *Internet Search Behavior as an Economic Forecasting Tool: The Case of Inflation Expectations* (SSRN Scholarly Paper No. 2004598). https://papers.ssrn.com/abstract=2004598

Ivanov, S., Dubravčíková, K., & Turcsányi, R. Q. (2020). *Russian public opinion on China in the age of COVID-19*. Central European Institute of Asian Studies. https://ceias.eu/wp-content/uploads/2021/08/RUS-poll-report.pdf

Li, X., Shang, W., Wang, S., & Ma, J. (2015). A MIDAS modelling framework for Chinese inflation index forecast incorporating Google search data. *Electronic Commerce Research and Applications*, 14(2), 112–125. https://doi.org/10.1016/j.elerap.2015.01.001

Markey, P. M., & Markey, C. N. (2013a). Seasonal Variation in Internet Keyword Searches: A Proxy Assessment of Sex Mating Behaviors. *Archives of Sexual Behavior*, 42(4), 515–521. https://doi.org/10.1007/s10508-012-9996-5

Markey, P. M., & Markey, C. N. (2013b). Annual variation in Internet keyword searches: Linking dieting interest to obesity and negative health outcomes. *Journal of Health Psychology*, 18(7), 875–886. https://doi.org/10.1177/1359105312445080

Scrutton Alvarado, N., & Stevenson, T. J. (2018). Appetitive information seeking behaviour reveals robust daily rhythmicity for Internet-based food-related keyword searches. *Royal Society Open Science*, 5(7), 172080. https://doi.org/10.1098/rsos.172080

Thelwall, M. (2009). *Introduction to Webometrics: Quantitative Web Research for the Social Sciences*. Springer International Publishing. https://doi.org/10.1007/978-3-031-02261-6

Thelwall, M., Vaughan, L., & Björneborn, L. (2006). Webometrics. *Annual Review of Information Science and Technology*, 39(1), 81–135. https://doi.org/10.1002/aris.1440390110

Woo, S. E., Tay, L., & Proctor, R. W. (Eds.). (2020). *Big data in psychological research*. American Psychological Association.

Yang, S., Santillana, M., & Kou, S. C. (2015). Accurate estimation of influenza epidemics using Google search data via ARGO. *Proceedings of the National Academy of Sciences*, 112(47), 14473–14478. https://doi.org/10.1073/pnas.1515373112

Алиев, Р. Т., & Якушенкова, О. С. (2018). Алиментарные модели воображаемого Чужого. *Каспийский регион: Политика, Экономика, Культура*, 4, 160–166.

Алиев, Р. Т., & Якушенкова, О. С. (2021a). Алиментарные модели этнического Чужого в (пост)ковидный период. *Журнал Фронтирных Исследований*, 6(3), 213–226. https://doi.org/10.46539/jfs.v6i3.322

Алиев, Р. Т., & Якушенкова, О. С. (2021b). Образ Чужого в (пост)ковидный период: Анализ русскоязычных интернет-запросов. *Galactica Media: Journal of Media Studies*, 3(4), 163–190. https://doi.org/10.46539/gmd.v3i4.237

Алиев, Р. Т., & Якушенкова, О. С. (2022). Компаративистский анализ трансформации алиментарного аспекта образа Чужого: 2018-2022 гг. *Журнал Фронтирных Исследований*, 7(3), Art. 3. https://doi.org/10.46539/jfs.v7i3.436

Ахмадеев, Д. В., & Юревич, М. А. (2021). Возможности прогнозирования уровня безработицы на основе анализа статистики запросов (в поисковых системах). *Terra Economicus*, 19(3), 53-64. https://doi.org/10.18522/2073-6606-2021-19-3-53-64

Забокрицкая, Л. Д., & Орешкина, Т. А. (2021). Анализ статистики поисковых запросов как инструмент мониторинга экологических установок населения региона. *Вестник Института Социологии*, 12(2), 175–193. https://doi.org/10.19181/vis.2021.12.2.721

Лазарева, А. А. (2019). Сновидения online: Интернет-запрос как фольклорный факт. *Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология*, 4, 68–83. https://doi.org/10.28995/2686-7249-2019-4-68-83

Петрова, Д. А. (2019). Прогнозирование инфляции на основе интернет-запросов. *Экономическое развитие России*, 26(11), 55–62.

Распопина, Е. Ю. (2011). Концептуальная систематика речевых и когнитивных стратегий формулировки поисковых запросов в интернет-дискурсе. *Вестник Иркутского государственного лингвистического университета*, 4, 121–128.

Романова, А. П., Хлыщева, Е. В., Якушенков, С. Н., & Топчиев, М. С. (2013). *Чужой и культурная безопасность*. РОССПЭН.

Силаева, В. Л. (2015). Высшее образование в представлениях интернет-пользователей (на примере поисковых запросов Яндекса). *Высшее образование в России*, 11, 47–52.

Черненко, А. М., Агарков, В. А., & Бронфман, С. А. (2022). Анализ поисковых запросов как инструмент сравнительной оценки потребности в психотерапевтической помощи. *Психология и Психотехника*, 1, 67–79. https://doi.org/10.7256/2454-0722.2022.1.34873

References

Akhmadeev, D. V., & Yurevich, M. A. (2021). Predicting the unemployment rate: Analyzing statistics on search engine query. *Terra Economicus*, 19(3), 53–64. https://doi.org/10.18522/2073-6606-2021-19-3-53-64 (In Russian).

Aliev, R. T., & Yakushenkova, O. S. (2018). Alimentary Models of the Imaginary Alien. *Caspian Region: Politics, Economics, Culture*, 4, 160–166. (In Russian).

Aliev, R. T., & Yakushenkova, O. S. (2021a). Alimentary Models of the Ethnic Other in the (Post-)Covid Period. *Journal of Frontier Studies*, 6(3), 213–226. https://doi.org/10.46539/jfs.v6i3.322 (In Russian).

Aliev, R. T., & Yakushenkova, O. S. (2021b). The Image of the Other in the (post-)Covid Period: Analysis of Russian-language Internet Queries. *Galactica Media: Journal of Media Studies*, 3(4), 163–190. https://doi.org/10.46539/gmd.v3i4.237 (In Russian).

Aliev, R. T., & Yakushenkova, O. S. (2022). A Comparativistic Analysis of the Transformation of Alimentary Aspect of the Other's Image: 2018-2022. *Journal of Frontier Studies*, 7(3), Art. 3. https://doi.org/10.46539/jfs.v7i3.436 (In Russian).

Awijen, H., Ben Zaied, Y., & Nguyen, D. K. (2022). Covid-19 vaccination, fear and anxiety: Evidence from Google search trends. *Social Science & Medicine*, 297, 114820. https://doi.org/10.1016/j.socscimed.2022.114820

Barbosa, M. T., Morais-Almeida, M., Sousa, C. S., & Bousquet, J. (2021). The "Big Five" Lung Diseases in CoViD-19 Pandemic – a Google Trends analysis. *Pulmonology*, 27(1), 71–72. https://doi.org/10.1016/j.pulmoe.2020.06.008

Burivalova, Z., Butler, R. A., & Wilcove, D. S. (2018). Analyzing Google search data to debunk myths about the public's interest in conservation. *Frontiers in Ecology and the Environment*, 16(9), 509–514. https://doi.org/10.1002/fee.1962

Chang, Y.-W., Chiang, W.-L., Wang, W.-H., Lin, C.-Y., Hung, L.-C., Tsai, Y.-C., Suen, J.-L., & Chen, Y.-H. (2020). Google Trends-based non-English language query data and epidemic diseases: A cross-sectional study of the popular search behaviour in Taiwan. *BMJ Open*, 10(7), e034156. https://doi.org/10.1136/bmjopen-2019-034156

Chernenko, A. M., Agarkov, V. A., & Bronfman, S. A. (2022). Analysis of search queries as a tool for comparative assessment of the need for psychotherapeutic help. *Psychology and Psycho-Technniques*, 1, 67–79. https://doi.org/10.7256/2454-0722.2022.1.34873 (In Russian).

Guzman, G. (2011). *Internet Search Behavior as an Economic Forecasting Tool: The Case of Inflation Expectations* (SSRN Scholarly Paper No. 2004598). https://papers.ssrn.com/abstract=2004598

Ivanov, S., Dubravčíková, K., & Turcsányi, R. Q. (2020). *Russian public opinion on China in the age of COVID-19*. Central European Institute of Asian Studies. https://ceias.eu/wp-content/uploads/2021/08/RUS-poll-report.pdf

Lazareva, A. A. (2019). Dreaming Online: Search Queries as Reflections of Folklore. *RSUH/RGGU Bulletin. "Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies" Series*, 4, 68–83. https://doi.org/10.28995/2686-7249-2019-4-68-83 (In Russian).

Li, X., Shang, W., Wang, S., & Ma, J. (2015). A MIDAS modelling framework for Chinese inflation index forecast incorporating Google search data. *Electronic Commerce Research and Applications*, 14(2), 112–125. https://doi.org/10.1016/j.elerap.2015.01.001

Markey, P. M., & Markey, C. N. (2013a). Seasonal Variation in Internet Keyword Searches: A Proxy Assessment of Sex Mating Behaviors. *Archives of Sexual Behavior*, 42(4), 515–521. https://doi.org/10.1007/s10508-012-9996-5

Markey, P. M., & Markey, C. N. (2013b). Annual variation in Internet keyword searches: Linking dieting interest to obesity and negative health outcomes. *Journal of Health Psychology*, 18(7), 875–886. https://doi.org/10.1177/1359105312445080

Petrova, D. A. (2019). Inflation forecasting based on internet queryingв. *Economic development of Russia*, 26(11), 55–62. (In Russian).

Raspopina, E. Y. (2011). Conceptual Systematics of Speech and Cognitive Strategies of Search Query Formulation in Internet Discourse. *Bulletin of the Irkutsk State Linguistic University*, 4, 121–128. (In Russian).

Romanova, A. P., Khlyscheva, E. V., Yakushenkov, S. N., & Topchiev, M. S. (2013). *Alien and Cultural Security*. ROSSPEN. (In Russian).

Scrutton Alvarado, N., & Stevenson, T. J. (2018). Appetitive information seeking behaviour reveals robust daily rhythmicity for Internet-based food-related keyword searches. *Royal Society Open Science*, 5(7), 172080. https://doi.org/10.1098/rsos.172080

Silaeva, V. L. (2015). Higher Education in the Perceptions of Internet Users (on the Example of Yandex Search Queries). *Higher Education in Russia*, 11, 47–52. (In Russian).

Thelwall, M. (2009). *Introduction to Webometrics: Quantitative Web Research for the Social Sciences*. Springer International Publishing. https://doi.org/10.1007/978-3-031-02261-6

Thelwall, M., Vaughan, L., & Björneborn, L. (2006). Webometrics. *Annual Review of Information Science and Technology*, 39(1), 81–135. https://doi.org/10.1002/aris.1440390110

Woo, S. E., Tay, L., & Proctor, R. W. (Eds.). (2020). *Big data in psychological research*. American Psychological Association.

Yang, S., Santillana, M., & Kou, S. C. (2015). Accurate estimation of influenza epidemics using Google search data via ARGO. *Proceedings of the National Academy of Sciences*, 112(47), 14473–14478. https://doi.org/10.1073/pnas.1515373112

Zabokritskaya, L. D., & Oreshkina, T. A. (2021). Analysis of search query statistics as a tool for monitoring the ecological attitudes of the region's population. *Vestnik Instituta Sociologii*, 12(2), 175-193. https://doi.org/10.19181/vis.2021.12.2.721 (In Russian).

Galactica Media: Journal of Media Studies. 2022. No 4 | ISSN: 2658-7734
New Media and Human Communication | https://doi.org/10.46539/gmd.v4i4.348

Civic Participation Platform: Implementation Practices in the Russian Greater Caspian Sea Region

Elena V. Morozova[1] & Anastasiya K. Lomaeva[2]

Kuban State University. Krasnodar, Russia

Received: 15 May 2022 | Revised: 6 September 2022 | Accepted: 1 October 2022

Abstract

Nowadays, daily life is unimaginable without information and communication technologies (ICTs). "New" reality dictates tectonic changes in communication processes that affect all spheres of life, including political ones. In recent years, there has been a trend towards more open and transparent governance. The purpose of this article is to assess the current status of civic participation platforms in the Russian regions of the Greater Caspian Sea on the basis of a comparative analysis of the institutional foundations and practices of their operation. The main empirical method of the research was the monitoring of civic participation platforms in Astrakhan region, the Republic of Dagestan and the Republic of Kalmykia, as well as qualitative content analysis of the texts posted on the above-mentioned portals. Civic participation platforms have a positive impact on the community. Despite the wide range of opportunities that new technologies offer to engage the party concerned and the citizens, the initiatives fail to achieve the expected results and to mobilize a sufficient number of active users. New forms of interaction between the authorities and civic society are just beginning to develop in our country. The development of electronic civic participation portals in the three Russian regions of the Greater Caspian Sea is taking place in different; their level of development can be estimated as average (in Astrakhan region), below average (in the Republic of Dagestan) and zero (in the Republic of Kalmykia). The main reasons for this state of affairs are digital divide between the regions and the governance practices of the federal and local governments in the regions.

Keywords

E-Democracy; E-Participation; Civic Participation; Political Communication; Internet; Digital Divide

This work is licensed under a Creative Commons «Attribution» 4.0 International License

1 Email: morozova_e[at]inbox.ru
2 Email: lomaevank[at]ya.ru

Galactica Media: Journal of Media Studies. 2022. No 4 | ISSN: 2658-7734
Новые медиа и коммуникации | https://doi.org/10.46539/gmd.v4i4.348

Платформа гражданского участия: практики внедрения в российских регионах Большого Каспия

Морозова Елена Васильевна[1], Ломаева Анастасия Константиновна[2]

Кубанский государственный университет. Краснодар, Россия

Рукопись получена: 15 мая 2022 | Пересмотрена: 6 сентября 2022 | Принята: 1 октября 2022

Аннотация

Сегодня повседневную жизнь невозможно представить без информационно-коммуникационных технологий (ИКТ). «Новая» реальность диктует тектонические изменения в процессах коммуникации, которые затрагивают все сферы жизни, в том числе и политическую.
В последние годы наметилась тенденция к более открытому и прозрачному управлению. Целью данной статьи является оценка современного состояния платформ гражданского участия в российских регионах Большого Каспия на основе сравнительного анализа институциональных основ и практик их функционирования. Основным эмпирическим методом исследования стал мониторинг платформ гражданского участия в Астраханской области, Республике Дагестан и Республике Калмыкия, а также качественный контент-анализ текстов, размещенных на указанных порталах. Платформы гражданского участия оказывают положительное влияние на сообщество. Несмотря на широкий спектр возможностей для вовлечения заинтересованных сторон и граждан, предлагаемых новыми технологиями, отмечается общая слабость этих инициатив для достижения ожидаемых результатов, мобилизации достаточного числа активных пользователей. Новые формы взаимодействия власти и гражданского общества только начинают развиваться в нашей стране. Развитие порталов электронного гражданского участия в трех российских регионах Большого Каспия происходит разнонаправленно, уровень их развития можно оценить как средний (Астраханская область), ниже среднего (Республика Дагестан) и нулевой уровень (Республика Калмыкия). Основные причины такого состояния – цифровое неравенство регионов и управленческие практики органов государственной власти и местного самоуправления регионов.

Ключевые слова

электронная демократия; электронное участие; гражданское участие; политическая коммуникация; интернет; цифровой разрыв

Это произведение доступно по лицензии Creative Commons “Attribution” («Атрибуция»)4.0 Всемирная

1 Email: morozova_e[at]inbox.ru
2 Email: lomaevank[at]ya.ru

Introduction

In 2011, the United Nations Human Rights Council recognized the right of access to the Internet as a basic human right (Human Rights Council, 2011). The speed of its global coverage is reaching enormous proportions. According to the data of "Digital 2019: Global Internet use accelerates" provided by "We are social" agency, the audience of the Internet grows at the rate of approximately 1,000 users per day. In 2020 it totaled 4.5 billion unique users (Digital 2020: Global Internet use accelerates, 2020).

Today, technology is creating an entirely new generation of forms and tools of public participation that promise to raise the level of public discourse in unprecedented ways, while providing an interactive network environment for decision-making.

New channels of communication allow marginalized groups to be heard. Online interaction reveals a diversity in a society that has always existed but previously had no voice in decision-making.

The most popular view today is that new forms of communication are emerging in the political space through which citizens can obtain important social and political information through access to information and communication technologies.

New forms of interaction between the authorities and civil society are only just beginning to develop in our country. This is particularly the case at the regional level, where examples of the use of e-participation technologies are common but do not always successfully achieve their objectives.

The analysis of Russian and foreign practices, as well as theoretical studies, shows that digital transformation of social and political systems is carried out on the basis of digital platforms integrating economic, social and technological processes, that form digital service ecosystems.

The creation of platforms specifically designed for democratic participation is the key to creating a digital space for political communication. They operate on the basis of people's motivation to assert their rights, discuss and vote, or simply facilitate access to information and the state. Unlike most other information technology tools (e.g. social networks, portals), the platforms are a space created by the state for comfortable two-way dialogue between the local government and the citizens.

The aim of the study is to assess the implementation practices of civil participation platforms and their current status in the Russian regions of the Greater Caspian Sea.

Theoretical framework and research methods

The concepts of the Information Society (J. Masouda, E. Toffler), Network Public Communication (M. Castells), States as platforms (T. O'Reilly), Participatory

Democracy (J. Zimmerman), Electronic Democracy (L. Grossman, A. Etzioni) and digital divide (E. Helsper) were used as the theoretical basis.

The study used the traditional analysis of legal and regulatory instruments of the Russian Federation, which studied the quality of the regional institutions' of institutional readiness to introduce electronic participation mechanisms, in combination with the analysis of statistical data of Russian scientific and analytical centers: E-government Expertise Centre[1], Federal State Statistics Service[2], and Unified Interdepartmental Information and Statistics System[3]. The main empirical method of the research was monitoring civil participation platforms in Astrakhan region, the Republic of Dagestan and the Republic of Kalmykia, as well as qualitative content analysis of texts posted on the above-mentioned portals.

Key results

Participation in public and political life has long been recognized as an essential element of democracy and an important expression of civil society. In recent years, various forms of civic engagement have become increasingly important in the debate on the role of public policy openness.

Civic participation is characterized by a variety of forms and an even greater variety of technologies that arise within these forms.

In 1969, American researcher Sherry Arnstein defined civic participation as synonymous with civil governance. That is, the redistribution of power that enables citizens to participate in political, economic and social processes (Arnstein, 1969). He also for the first time systematized eight possible strategies (levels) of citizen participation. For illustration they are represented in the form of a staircase (Sh. Arnstein's "ladder of participation) (Fig.), where each of the eight steps corresponds to the degree of citizen participation in the final decision:

1 Manipulation is an "illusory" form of participation, where state institutions, officials or administrators mislead citizens into believing that they are being given power in a process that was deliberately fabricated.

2 Therapy – Participation as a therapy occurs when government officials and administrators "assume that powerlessness is synonymous with mental illness", and they create pseudo-programs of participation.

3 Information Level with no action with Civil society actors. It is one-sided information channels.

4 Consultation – two-channel channels of communication through which the authorities receive information and feedback from citizens come to the fore.

5 Placation – Participation as appeasement occurs when citizens are given a limited degree of influence in the process, but their participation is largely or

1 E-State Expertise Center. https://d-russia.ru/
2 Federal State Statistics Service. Official Website. https://rosstat.gov.ru
3 Integrated interdepartmental statistical information system. Official Website. https://fedstat.ru

entirely symbolic: citizens simply participate to demonstrate that they were involved.

6 Partnership – Participation as a partnership occurs when government agencies, officials or administrators allow citizens to negotiate better deals, veto decisions, share funding or make requests, which will be partially implemented.

7 Delegated Power – Participation as a delegation of authority occurs when public agencies, officials or administrators transfer a certain degree of control, management, decision-making or funding to citizens.

8 Citizen Control – Participation as Civic Control takes place: participants or residents can handle a program or institution, have full political and managerial responsibility and are able to negotiate terms and conditions.

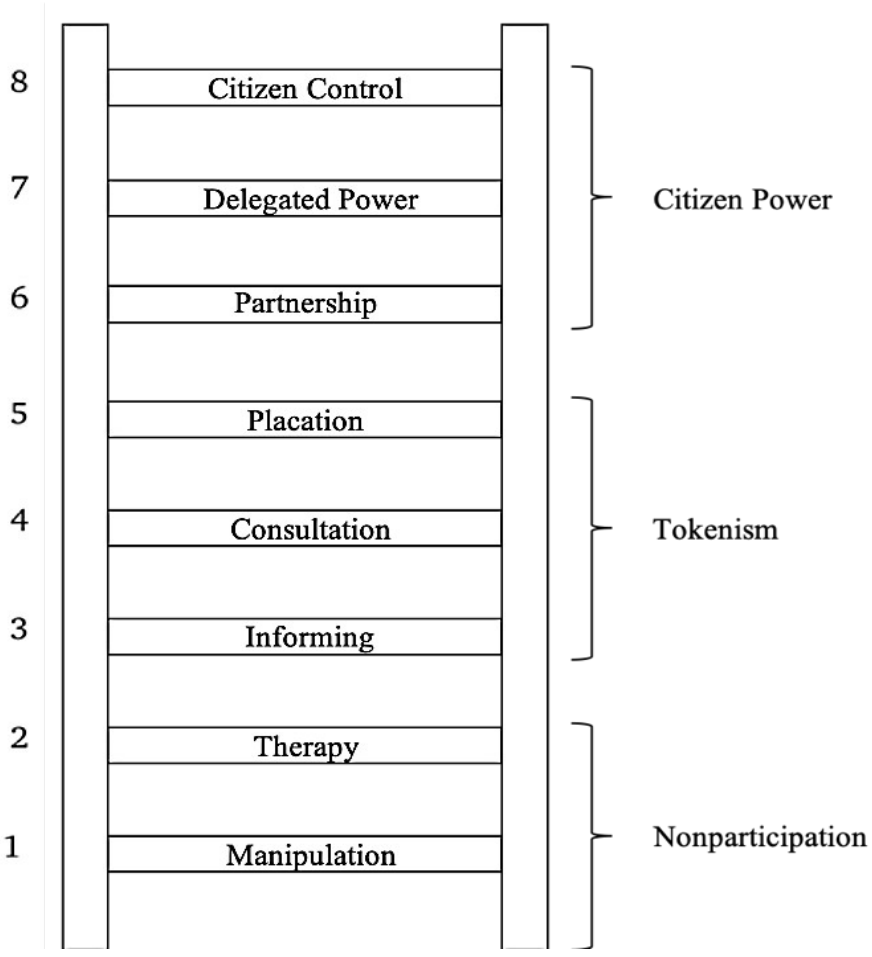

Figure 1. Sh. Arnstein's "ladder of participation".

The role of the citizen changes at all stages, from the information consumer to the active decision maker. At the latter levels, information and communication

technologies support citizens in their willingness to cooperate with the authorities (G2C and C2G) and among themselves (C2C) to develop policies and make decisions.

Today, a more frequent distinction is made between formal (constitutive) and informal (unconstitutional) participation (Müller, 2011).

Formal participation encompasses all forms of legal power to influence decision-making. They vary according to the contemporary forms of democracy. In both direct and representative democracy, participation is linked to the right to vote, so that some groups, such as children, adolescents and migrants, are excluded from formal participation. In most cases, procedures in the formal system are regulated by law.

Informal participation permits and allows for the inclusion of some issues of groups that are unable (for example, migrants) or not yet able (for example, children and adolescents) to participate formally in decision-making processes. Informal participation also allows interested groups or the party concerned to contribute, depending on the issue or problem (Müller, 2011).

In this study, "civic participation" is considered (to be) a category that, on the one hand, differs from "political participation", but on the other hand, cannot be attributed entirely to the non-political sphere. One of the main purposes of civic participation is to influence power and influence decisions taken in public power structures. In this sense it is inseparable from the political process. The forms of such influence are thus integral to the political process.

Today, so-called "digital aborigines", representatives of digital generations will be the main actors of political life. The term was introduced by Mark Prensky in 2001 (Prenski, 2001). "Digital Aborigines" or "Generation Z" are people born in the mid 1990s – early 2000s, for whom digital environment is the norm. They seek to use their skills in dealing with the new environment to solve socially significant problems. The Internet for the younger generation has become part of the fabric of everyday civic life.

The goal of civic engagement is to improve the standard and quality of life of the community through commitment and motivation. Young people are important actors in civic engagement as they bring new and innovative ideas. Besides, due to the increasing challenges and limited resources to address them, many government leaders recognize the opportunities that Web 2.0 technologies offer not only for the electoral process, but also for improving the quality of life.

Web 2.0 replaced Web 1.0 in 2004. The main differences are the flexibility of web design and the ability to co-create content (Murugesan, n.d.). In other words, Web 2.0 provides an opportunity for people to interact and share their experiences and knowledge. The most relevant technologies created at this stage are blogs, social networking sites of the platform for data exchange and problem solving.

In the digital world, the word "platform" is used to denote the technologies that are the basis for developing applications. It may be hardware or software, an operating system or a web browser with appropriate application programming interfaces.

The term "platform" burst into the political research environment in 2010, when Tim O'Reilly proposed the concept of "States as platforms" (O'Reilly, 2010). O'Reilly emphasizes that "Government 2.0", like "Web 2.0", uses technology to better solve collective problems at the city, state, national and international levels. This is much more than the use of social media by government agencies. It's the transparency of government built through cloud computing, crowdsourcing, mobile applications, and other Web 2.0 by-products that can be applied to government activities.

One of the functions of the platforms is to increase the level of coordination among the users. They are a new open ecosystem that provides dialogue and produces network effects (Jang, 2016).

The implementation of e-participation platforms can help to:

- to enable citizens to engage in dialogue with the State;
- optimize the flow of information from civil society to the State;
- to build an image of a government open to the ideas of its inhabitants.

The Government, as a provider of the platform, creates the necessary infrastructure and major applications that demonstrate the power of the platform, inspires external actors to promote it, and ensures compliance with the "rules of the road".

The Platform has the potential to create a Government where citizen participation does not end on Election Day. In this model, the Government is the initiator and organizer. This is a radical departure from the model that Donald Kettle described as "the vending machine government", where "we pay taxes and expect services" (Greve, 2009). If the services we receive don't meet our expectations, we protest.

Platforms are an important management tool, as they imply that no problem can be solved by one organization alone, and solutions can only be found collectively with motivated participants. A State can provide the basis for a reliable, diverse and sustainable ecosystem of tools and mechanisms to unite efforts in meeting societal challenges.

In 2018, the Center for Strategic Development published a report stating that the goal of the state as a platform is the well-being of citizens and the promotion of technology-based economic growth. The priority is to create conditions conducive to the development of human potential, to the creation of a comfortable and safe environment for human life and to the creation and implementation of innovative technologies (Petrov et al., 2018). As the concept suggests, the development of the State as a platform implies not only passive receipt of public services online, but also the active participation of the citizen in management activities.

In the context of e-government, the web platform should meet the following requirements (Cabrera-Guzman et al., 2020):

- compatibility – the platform should be accessible for any type of device using any type of communication based on international standards;
- flexibility – the platform must be accessible to any citizen from any place and at any time;
- inclusiveness – the platform should be accessible to any citizen with or without physical limitations;
- scalability – the platform should have sufficient capacity to process and store data to process every request from citizens;
- security – the platform should be based on security standards that ensure authentication, confidentiality, integrity in every transaction between government and citizens.

The development of information and communication technologies in Russia is steadily improving. This is the reason for the illusion that the Internet is ubiquitous in our country. However, it is not. With a steady increase in the number of Internet users in the country, almost a quarter of the population over the age of 12 is still outside the World Wide Web (Mediascope: The Internet Does Not Reach a Quarter of Russians, 2018). Ninety-four per cent of citizens aged between 14 and 23 use the Internet, while in the 54-63 age group the proportion is 37 per cent, while among persons aged over 64 it is 13 per cent (Broadowskaya & Shumilova, 2013). This shows that the proportions of social groups in the virtual world are unequal, which can lead to discrimination in the interests of part of the population.

In addition to the age criterion of digital inequality in Russia, access to the network is uneven in different entities. Despite the relatively low cost of the Internet in Russia compared to other countries, according to "Rostelekom" data for 2017, the average cost of the Internet (up to 10 mb/s) varies from 300 rubles in Voronezh to 1999 rubles in Petropavlovsk-Kamchatsky. Also indicative, within the framework of the digital inequality of regions, is the index "Digital Russia" for federal districts. The first place is held by the Ural Federal District with the index of 65.81, which is 1.5 times bigger than the index of the North Caucasus Federal District closing this rating (Index "Digital Russia"..., n.d.).

At the beginning of 2021, the Center for Financial Innovation and Non-cash Economy of the Moscow School of Management "Skolkovo" presented the full version of the rating "Digital Russia" for the subjects of the Russian Federation for the second half of 2020. On a 100-point scale, the interval of "Digital Russia" indices in the second half of 2020 has narrowed and is in the range from 39.2 to 81.14 (in 2019 this interval was 36.06-78.01) (Digital Life of Russian Regions 2020 What Defines Digital Gap?, 2020). This result shows a decrease in the gap between leading and closing rating subjects of the Russian Federation.

To date, feedback platforms based on the Unified Identification and Authentication System have been operating since 2020 in all regions of Russia. At the same time, external regional projects for electronic interaction between power and

society are operating successfully in many entities. The large number of different, overlapping services makes it difficult to build a quality dialogue between government and society. Three entities of the Russian Federation belonging to the macroregion of the Greater Caspian Sea were selected to analyze the implementation of civic participation platforms: the Astrakhan Region, the Republic of Dagestan and the Republic of Kalmykia.

These regions are not characterized by a high rate of development and adoption of digital forms of communication in public space. In August 2021, the Ministry of Digital Development, Communications and Mass Communications of the Russian Federation presented a rating of the "digital maturity" of the subjects, which demonstrates the level of progress of the regions within the framework of digital transformation measures. The Astrakhan region is one of the group of subjects with a medium level of digital maturity (values from 50% to 25%). Dagestan and Kalmykia were among the 14 entities whose level of digital maturity was identified as lagging behind (Filatov, 2021).

In November 2020, the digital resource "We the Astrakhans' started to work in Astrakhan region. According to the Centre for Strategic Analysis and Project Management of Astrakhan Oblast, the idea of the Internet platform was to become an effective mechanism for conveying public opinion to the authorities in the field of urban development in the region. Registration on this platform is possible through a single identification and authentication system, after which all platform services will be available. At this stage, the platform is divided into modules:

- voting;
- regional News;
- surveys;
- master plan.

As of 1 September 2021, there are no active votes on the platform. Since 2020, there have been 5 votes on the platform on the improvement of public spaces in Astrakhan. There is no survey information on the portal. The news module is operational and highlights implemented initiatives for urban improvement in the region.

The big project on the platform was the discussion of the master plan of the Astrakhan agglomeration. Any authorized user from 1 to 31 August 2021 had the opportunity to send his initiatives and suggestions, ask questions and make comments.

The platform "We the Astrakhans" has good potential and functionality covering all levels of civic participation (from information to control), but the platform interface does not allow to assess the degree of citizen involvement. It is worth noting that the platform does not have information support, which hinders the introduction and popularization of electronic communication mechanisms in the region.

In the Republic of Dagestan in 2019 the platform "Active Citizen" was launched, analogous to the platform of electronic interaction of Moscow. Every inhabitant of the Republic of Dagestan had the opportunity to vote on various topics. Later, in parallel with the platform "Active Citizen", the digital resource "My Dagestan" was launched. It was intended to be a platform for monitoring the implementation of priority projects of the Republic. The key project on the portal was the "Interactive Map", where priority projects were marked, clicking on which it was possible to get detailed information.

It is noteworthy that as of September 2021 the platform "Active Citizen" does not function, and the platform "My Dagestan" has stopped performing tasks that were assigned to it at the start. With the arrival of the pandemic, "My Dagestan" became an information resource about COVID-19. On-line information is provided on vaccinations (percentage of those vaccinated, number of vaccines allocated) throughout the Republic. The news part of the portal has not been updated since May 2021.

Thus, to date, there is no operational platform for real electronic interaction between the authorities and civil society in the Republic of Dagestan.

The Republic of Kalmykia is currently lagging behind Astrakhan region and the Republic of Dagestan in the development of electronic civic participation platforms. To date, there is no civic engagement platform in the region, and there are few electronic communication channels. They are developed only at the first stage of e-participation and consist in informing the public through Internet resources. The only two-way channel of communication is the Internet in the Head of the Region reception room. Such a channel does not respond to the trend of modern communications in the information and communication environment.

The development of civil participation platforms in the regions faces a number of obstacles:

- low level of involvement of citizens in determining the development of State;
- shortage of information on the results and contributions to public objectives.

As a result, the State makes decisions on limited vision and sometimes does not know the real needs of citizens at all. Many web-based platforms created by the State or local authorities do not contain elements to establish a real link between the authorities and civil society.

Conclusions

The analysis of electronic cooperation practices in the constituent entities of the Russian Federation in the Caspian Sea region has shown that the level of development of civil participation platforms is low. The real functioning platform exists only in the Astrakhan region. There is lack of involvement not only of citizens but also of the authorities into electronic communication processes. Platforms functionality which should cover all levels of civic engagement (from information

to monitoring) is not well developed. The management practices of the State authorities and local governments of the regions, the underestimation of the role and prospects of the digitization of the public sphere are one of the reasons for this state of affairs. The main reason, according to the authors, is the digital divide between regions, at all three levels: access, digital skills and motivation.

Authors' contributions

The paper was written by two authors who were equally involved in theoretical analysis of the problem and in the conduct of research. Anastasiya K. Lomaeva has collected and processed empirical data. Elena V. Morozova has interpreted the results and contributed to scientific editing of the article.

Acknowledgments

The study was carried out by a grant from the Russian Science Foundation No. 22-18-00301 «The process of constructing new identities in the Caspian macroregion in the context of societal security».

References

Arnstein, S. R. (1969). A Ladder of Citizen Participation. *Journal of the American Institute of Planners*, 35(4), 216–224. https://doi.org/10.1080/01944366908977225

Broadowskaya, E. V., & Shumilova, O. E. (2013). Russian users and non-users: Ratio and main features. *Monitoring Public Opinion: Economic and Social Change*, 3, 5–18.

Cabrera-Guzman, J. L., Villaverde-Hidalgo, L. C., Parra-Michel, J. R., & Martínez-Peláez, R. (2020). A Web-Based Platform Prototype to Enhance e-Participation and e-Transparency in Local Government. *ICDS 2020: The Fourteenth International Conference on Digital Society*, 4, 61–66.

Digital 2020: Global Internet use accelerates: (n.d.). We are social. https://wearesocial.com/2020/79/4830.pdf

Digital life of Russian Regions 2020 what defines digital gap? (2020). SKOLKOVO Institute for Emerging Market Studies (IEMS). https://iems.skolkovo.ru/downloads/documents/SKOLKOVO_IEMS/Research_Reports/SKOLKOVO_IEMS_Research_Digital_life_of_russian_regions_2020-06-09_ru.pdf

Filatov, A. (2021, August 12). 9 regions have reached a high level of digital maturity—MinTsifry. *Digital Russia*. https://d-russia.ru/vysokogo-urovnja-cifrovoj-zrelosti-dostigli-9-regionov-mincifry.html

Greve, C. (2009). The Next Government of the United States: Why Our Institutions Fail Us and How to Fix Them. *Public Management Review*, 11(4), 541–542. https://doi.org/10.1080/14719030903030963

Human Rights Council (2011). *Resolution 20/8 of 16 May 2011. United Nations, Human Rights Council.* https://www2.ohchr.org/english/bodies/docs/17session/A.HRC.17.27_en.pdf

Index "Digital Russia". Image of the digitization of the constituent entities of the Russian Federation through the prism of open sources (pp. 8392–1070118). (n.d.). http://finance.skolkovo.ru/jfhsk_?8392-1070118

Jang, S. H. (2016). A Comparative Study on the Development of K-MOOC Platform. *Journal of Platform Technology*, 4(1), 33-38.

Mediascope: The Internet does not reach a quarter of Russians. (2018, April 19). Sostav.Ru - Advertising and Marketing News. https://www.sostav.ru/publication/mediascope-internetom-ne-okhvachena-chetvert-rossiyan-31282.html

Müller, E. (2011). *Public Participation Manual*. http://www.alpine-space.org/20072013/uploads/tx_txrunningprojects/Demochange_Public_Participation_Manual.pdf

Murugesan, S. (n.d.). Handbook of Research on Web 2.0, 3.0, and X.0: Technologies. *Business, and Social Applications*. https://doi.org/10.4018/978-1-60566-384-5

O'Reilly, T. (2010). Government as a Platform. In *Open Government: Collaboration, Transparency, and Participation in Practice* (pp. 11–40). O'Reilly Media.

Petrov, M., Burov, V., Sharov, A., & Shklyaruk, M. (2018). "*The State as a Platform" Cyber State for the Digital Economy. Digital Transformation*. Center for Strategic Development. https://wwww.csr.ru/upload/iblock/313/3132b2de9ccef0db1eecd56071b98f5f.pdf (In Russian)

Prenski, M. (n.d.). *Digital Natives, Digital Immigrants*. https://gimc.ru/content/statya-marka-prenski-aborigeny-i-immigranty-civofrogo-gomira9

Schugurensky, D., & Myers, J. P. (2008). Informal Civic Learning Through Engagement in Local Democracy: The Case of the Seniors' Task Force of Healthy City Toronto. In K. Church, N. Bascia, & E. Shragge (Eds.), *Learning through Community* (pp. 73–95). Springer Netherlands. https://doi.org/10.1007/978-1-4020-6654-2_5

Список литературы

Arnstein, S. R. (1969). A Ladder of Citizen Participation. *Journal of the American Institute of Planners*, 35(4), 216–224. https://doi.org/10.1080/01944366908977225

Cabrera-Guzman, J. L., Villaverde-Hidalgo, L. C., Parra-Michel, J. R., & Martínez-Peláez, R. (2020). A Web-Based Platform Prototype to Enhance e-Participation and e-Transparency in Local Government. *ICDS 2020: The Fourteenth International Conference on Digital Society*, 4, 61–66.

Digital 2020: Global Internet use accelerates: (n. d.). We are social. https://wearesocial.com/2020/79/4830.pdf

Greve, C. (2009). The Next Government of the United States: Why Our Institutions Fail Us and How to Fix Them. *Public Management Review*, 11(4), 541–542. https://doi.org/10.1080/14719030903030963

Human Rights Council (2011). Resolution 20/8 of 16 May 2011. *United Nations, Human Rights Council*. https://www2.ohchr.org/english/bodies/docs/17session/A.HRC.17.27_en.pdf

Jang, S. H. (2016). A Comparative Study on the Development of K-MOOC Platform. *Journal of Platform Technology*, 4(1), 33-38,.

Mediascope: Интернетом не охвачена четверть россиян. (2018, апрель 19). Sostav.ru – новости рекламы и маркетинга. https://www.sostav.ru/publication/mediascope-internetom-ne-okhvachena-chetvert-rossiyan-31282.html

Müller, E. (2011). *Public Participation Manual*. http://www.alpine-space.org/20072013/uploads/tx_txrunningprojects/Demochange_Public_Participation_Manual.pdf

Murugesan, S. (б. д.). Handbook of Research on Web 2.0, 3.0, and X.0: Technologies. *Business, and Social Applications*. https://doi.org/10.4018/978-1-60566-384-5

O'Reilly, T. (2010). Government as a Platform. В *Open Government: Collaboration, Transparency, and Participation in Practice* (pp. 11–40). O'Reilly Media.

Prenski, M. (б. д.). *Digital Natives, Digital Immigrants*. https://gimc.ru/content/statya-marka-prenski-aborigeny-i-immigranty-civofrogo-gomira9

Schugurensky, D., & Myers, J. P. (2008). Informal Civic Learning Through Engagement in Local Democracy: The Case of the Seniors' Task Force of Healthy City Toronto. В K. Church, N. Bascia, & E. Shragge (Eds.), *Learning through Community* (pp. 73–95). Springer Netherlands. https://doi.org/10.1007/978-1-4020-6654-2_5

Бродовская, Е. В., & Шумилова, О. Е. (2013). Российские пользователи и непользователи: Соотношение и основные особенности. *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*, 3, 005–018.

Петров, М., Буров, В., Шаров, А., & Шклярук, М. (2018). *Государство как платформа. (Кибер) государство для цифровой экономики*. https://www.csr.ru/upload/iblock/313/3132b2de9ccef0db1eecd56071b98f5f.pdf

Филатов, А. (2021, август 12). Высокого уровня цифровой зрелости достигли 9 регионов— Минцифры. *Digital Russia*. https://d-russia.ru/vysokogo-urovnja-cifrovoj-zrelosti-dostigli-9-regionov-mincifry.html

Цифровая жизнь российских регионов 2020: Что определяет цифровой разрыв? (б. д.). Институт исследований развивающихся рынков бизнес-школы СКОЛКОВО (IEMS). https://iems.skolkovo.ru/downloads/documents/SKOLKOVO_IEMS/Research_Reports/SKOLKOVO_IEMS_Research_Digital_life_of_russian_regions_2020-06-09_ru.pdf

Galactica Media: Journal of Media Studies. 2022. No 4 | ISSN: 2658-7734
Новые медиа и коммуникации | https://doi.org/10.46539/gmd.v4i4.301

Representation of Urban Myth-Making in Social Media

Darya V. Meretina[1] & Irina V. Kucheruk[2]

Astrakhan State University. Astrakhan, Russia

Received: 10 July 2022 | Revised: 15 October 2022 | Accepted: 25 October 2022

Abstract

The article is devoted to the problems of representation of urban myth-making in social networks. The purpose of the study is to identify the specifics of the representation of urban myth-making in social networks on the example of myth-making activity in the cities of the Volga region. As part of the research, materials published in groups of the VKontakte social network over the past 10 years were studied. In the article, urban myth-making is understood as the process of creating legends reflecting the historical and cultural peculiarity of a particular city. As a result of this research, common characteristic features and distinctive qualities of the myth-making of the cities of the Volga region were identified, directly related to their history, the contingent of the population and the type of its activity. When analyzing the material of the social network, it was revealed that the development of urban myth-making bears the imprint of the peculiarities of the perception of historical events, urban objects, and specific personalities by the population, which are reflected in the images of local legends created. The article is addressed to researchers of the humanitarian field of myth-making activity, as well as to a wide audience of readers interested in this topic.

Keywords

Provincial City; Historical and Cultural Features; Urban Myth-Making; Urban Legend; Rumors; Representation; Images; Motives; Impression; Specifics

This work is licensed under a Creative Commons «Attribution» 4.0 International License

1 Email: dasch.meretina2012[at]yandex.ru
2 Email: mark_9191[at]mail.ru

Galactica Media: Journal of Media Studies. 2022. No 4 | ISSN: 2658-7734
New Media and Human Communication | https://doi.org/10.46539/gmd.v4i4.301

Репрезентация городского мифотворчества в социальных сетях

Меретина Дарья Валерьевна[1], **Кучерук Ирина Владимировна**[2]

Астраханский государственный университет. Астрахань, Россия

Рукопись получена: 10 июля 2022 | Пересмотрена: 15 октября 2022 | Принята: 25 октября 2022

Аннотация

Статья посвящена проблемам репрезентации городского мифотворчества в социальных сетях. Цель исследования - выявить специфику репрезентации городского мифотворчества в социальных сетях на примере мифотворческой деятельности в городах Поволжья. В рамках проведенной работы были изучены материалы, опубликованные в группах социальной сети «ВКонтакте» за последние 10 лет. В статье под городским мифотворчеством понимается процесс создания легенд, отражающих историко-культурную особенность конкретного города.
В результате изучения материала были определены общие характерные признаки и отличительные качества мифотворчества городов Поволжья, непосредственно связанные с их историей, контингентом населения и родом его деятельности. Анализ материалов соцсети показал, что развитие городского мифотворчества несет отпечаток особенностей восприятия населением исторических событий, городских объектов, конкретных личностей, которые находят отражение в создаваемых образах местных легенд. Статья адресована исследователям гуманитарного направления мифотворческой деятельности, а также широкой аудитории читателей, интересующихся данной тематикой.

Ключевые слова

провинциальный город; историко-культурные особенности; городское мифотворчество; городская легенда; слухи; репрезентация; образы; мотивы; впечатление; специфика

Это произведение доступно по лицензии Creative Commons “Attribution” («Атрибуция»)4.0 Всемирная

1 Email: dasch.meretina2012[at]yandex.ru
2 Email: mark_9191[at]mail.ru

Введение

Городское мифотворчество стало объектом научного интереса в XIX веке, однако систематическая работа по сбору и изучению данного материала начинается с 40-х годов XX века и в основном связана с изучением городских легенд (Кирзюк, 2018).

В процессе нашего исследования городского мифотворчества были рассмотрены методологические подходы к анализу мифа, в числе которых структуралистская, психологическая, лингвистическая теории. Следует отметить немаловажную роль историко-культурного и психологического аспектов, неразрывно связанных между собой – психологическое познание основывается на исторических фактах, а историческое не может обойтись без психологических мотивов, которые легли в основание создания легенды (Вундт, 1913).

По мнению Л. Леви-Брюля, на первых стадиях развития сознания человека его субъективное мышление преобладало над объективным. Сущность теории Л. Леви-Брюля выражала принципы партиципации (сопричастия), позволяющие в гносеологическом плане увидеть специфику мифологии (Иванов, 2017).

Именно миф, как полагал З. Фрейд, помогает лучше понять духовную составляющую человека. Согласно его теории, мифы являются результатом подавления инстинктов человека, и они объясняют ключевые моменты его глубинных индивидуальных психологических процессов (Иванов, 2017). В понимании Леви-Стросса, в мифах происходит «варьирование в пределах этнокультурного контекста и символизации не столько предметов или состояний, сколько отношений между объектами и лицами». В своих трудах он делает вывод о том, что миф образован составляющими единицами; эти единицы входят в языковые структуры, такие как фонемы, морфемы, семантемы. Каждая из этих форм по своей сложности стоит на ступень выше предыдущей, что и делает эти формы наиболее сложными, т.е. «большими структурными единицами», характерными для мифов. Леви-Стросс отмечал, что миф имеет слоистую структуру, слои которой не бывают идентичными, а сам миф развивается по спирали до тех пор, «пока не истощится интеллектуальный импульс, породивший этот миф» (Леви-Стросс, 2001).

Согласно семиотическому подходу Ю.М. Лотмана и Б.А. Успенского, следует различать символ по отношению к мифу как тип знака, порождаемый мифологическим сознанием, а также символ как тип знака, предполагающий мифологическую ситуацию (Лотман, 1992). Ученые уподобляли миф языку собственных имен, указывая на то, что в научном описании метаязыку соответствует метатекст в мифологическом описании, согласно которому язык описания и описываемый миф изоморфны (Мелетинский, 2000). Р. Барт полагал, что миф является некой формой, имеющей историческое основание, в мифах выбираются обедненные по смыслу образы, позволяющие придавать

им новые значения, что в итоге миф превращает историю в идеологию (Мелетинский, 2000).

Среди представителей отечественной лингвистической школы можно выделить Ф. Буслаева, А. Потебню и А. Афанасьева. Согласно Ф. Буслаеву, в мифологии заложены нравственные народные принципы, отраженные в преданиях. По Ф. Буслаеву, миф – это один из способов познания мира, как природного, так и социального. Он является одной из форм древнего мышления, сознания, которое отличается от современного. Создание мифа происходило посредством бессознательного творческого процесса, и именно это обстоятельство придает ему особую значимость именно народного сознания, мудрости (Буслаев, 1861).

Теория мифа А. Потебни заключается в диахронической концепции языка и мышления. Миф, по мнению А. Потебни, – это результат деятельности двойной мыслительной процедуры, т.е. первоначально предметы и явления послужили вопросом об устройстве мира, а затем возник вопрос о самих объектах (Буслаев, 1861).

Миф, как определял его А. Афанасьев, представляет собой древнейшую поэзию, зависящую от разнообразия народных воззрений, фантазий. В результате общественного развития в народном сознании происходит слияние мифа и истории, последние события «вставлены в рамки, созданные предшествующими», в итоге «поэтические предания получают историческую окраску, и мифический узел затягивается еще крепче» (Афанасьев, 2014). Данные подходы в изучении мифов легли в основу исследования нами городских легенд.

В западной фольклористике изучение и собирание городских легенд берет свое начало еще в XIX веке, когда ученые фольклористы осознают важность не только деревенского фольклора, но и городского. Однако систематическая работа по собиранию городских легенд началась в 40-е годы XX века.

Считается, что термин «городская легенда» был введен в научный оборот американским фольклористом и антропологом Я.Г. Брунвандом. Согласно его теории, легенды «представляют собой прозаические повествования, которые их рассказчики считают правдивыми». В этом смысле городские легенды в западной научной мысли называют народной историей, переданной в искаженной устной форме (Brunvand, 1968). Значительный вклад в развитие данного направления исследований был внесен американскими учеными Э.Боманом, Р. Бредсли, Р. Дорсоном, Р. Хэнки, Л. Дегом и Э. Важони. Одним из их важных выводов стал тезис о том, что легенды не только рассказывают о реальности, но и сами могут ее формировать, превращая слова в факты (Руей-Уиллоуби, 2018). Факт и нарратив, по мнению исследователей, взаимодействуют между собой, опережая и поддерживая жизнеспособность друг

друга. Городские легенды всегда локализованы, что, однако, не мешает им обретать известность на иных территориях (Brunvand, 1968).

В работах отечественных исследователей термин «городская легенда» появляется с 1990-х годов. На рубеже XX-XXI вв. исследования городских легенд представлялись как «легенды о городе», иными словами, рассказы об истории конкретных городских объектов или рассказы, которые опирались на народно-христианские предания с обязательным мотивом чуда. В понятийном аппарате российской фольклористики термин «городская легенда» не имеет точного аналога и трактуется широко: как былички, городские былички или современные мифологические рассказы. Российские историки и фольклористы рассматривали городские легенды как рассказы религиозной тематики, топонимические, исторические и утопические легенды, в основном не связанные с современностью.

Современные же «мифологические рассказы» начинают собираться в 1990-х гг. и в основном касаются темы НЛО (Кирзюк, 2018). Сегодня исследователи проявляют интерес к мифотворчеству горожан как к выражению городской идентичности, с помощью которого создается и тиражируется в общественном сознании образ города. При этом первичная, историческая форма мифа сменилась на вторичную, а следом на третичную – модернизированную (Мартишина, 2014). Городская идентичность в культурном смысле является отождествлением горожан со значимыми для них символическими средствами. Отмечается многослойность структуры символических кодов городской идентичности, связанная, прежде всего, с его функциональной особенностью, а также с носителями, акторами и репрезентаторами, которые «по-разному представлены в социальной реальности того или иного города» (Федотова, 2020).

Данная область исследования актуальна и сегодня, поскольку составляет в совокупности с другими элементами историко-культурного контекста процесс развития конкретного региона, основные вехи и сюжеты которого ныне тиражируются в социальных сетях.

Настоящая статья посвящена особенностям репрезентации городского мифотворчества Поволжья (Астрахань, Волгоград, Самара), размещенного в группах и сообществах социальных сетей. В качестве основы взяты материалы одной из популярных в России социальных сетей «ВКонтакте» за последние 10 лет. Особый акцент был сделан на установлении общих свойств сюжетных линий, героев, объектов легенд и выявлении их специфических признаков в зависимости от историко-культурного пространства конкретного города. Основным критерием отбора легенд явилась частотность их фигурирования в группах социальной сети, вариантность передачи, а также популярность среди населения указанных городов.

Под репрезентацией в рамках настоящего исследования понимается косвенное или «вторичное» представление в сознании человека образов, материальных или идеальных объектов, их свойств, отношений и процессов (Мике-

шина, 2022). Психологи отмечают, что чаще всего в сознании человека оставляют след наиболее яркие явления, происшествия и т.д., то есть, то, что произвело большое впечатление, удивило или явилось следствием испытанного страха.

Кроме того, психологи акцентируют внимание на том, что в процессе мифотворческой деятельности происходит «оживление» предметов, базирующееся на основе фантазии, «как общей функции индивидуального сознания». Фантазия является выражением душевных переживаний, чувств и эмоций, вызванных в результате оказанного влияния на сознание внешними явлениями, событиями или фактами, которые «проецируются воспринимающим субъектом в объекты, хотя в то же время они и ощущаются как субъективные возбуждения» (Вундт, 1913). Однако именно возникающие при определенных условиях под влиянием аффективных мотивов и впечатлений ассоциации формируют мифологические образы, отдаленно напоминающие реальность, от которой были образованы.

Мифологические образы, аффективные мотивы, мифологическая апперцепция, ассимиляции, ассоциации и впечатления являются частью репрезентации мифотворческой деятельности горожан. Со временем происходила трансформация мифов, что значительно отличает первоначальное их содержание от современного, однако возобновленные в современной культуре логические приемы, способы формирования и обработка содержания позволяют сохранить идентичность мифологического мышления. Всплески мифологического мышления в массовом сознании отмечаются в кризисные моменты социальной и культурной истории (Мартишина, 2014).

Цель исследования состоит в выявлении специфики репрезентации современного городского мифотворчества в социальных сетях на примере мифотворческой деятельности в городах Поволжья. Настоящая цель была реализована в системе **исследовательских задач**, наиболее значимыми из которых стало осуществление компаративного анализа легенд городов Поволжья и выявление их общих характеристик, а также выделение индивидуальных особенностей репрезентации легенд городов Поволжья в социальных сетях.

В качестве основных методов исследования были избраны сравнительный и лингвистический анализ сюжетов легенд, которые применялись для выявления общих характерных признаков городского мифотворчества Поволжья, а также идеографический метод, позволивший описать и выделить в сюжетах городских легенд отраженные в их содержании исключительные, специфические черты реальных исторических личностей, фактов, объектов, и «дополненную» в результате их трансформации в сознании горожан реальность.

Сравнение легенд провинциальных городов Поволжья, представленных в современных социальных сетях

Базой исследования стал материал, содержащейся в широко распространенной в России социальной сети «ВКонтакте, изучение которого позволило охарактеризовать популярность и репутацию объектов, мест, отношение к образам персонажей легенд, под которыми могут подразумеваться реальные личности, фигурирующие в сюжетах.

К общим признакам городского мифотворчества можно отнести объекты, фигурирующие в легендах, а также сюжетную композицию и структуру. Так, например, в Астрахани одним из самых обсуждаемых объектов является недостроенный пожарный полигон, получивший название «Долина Кентавра». В соцсети жители города делятся историями и впечатлениями об этом месте, о том, что им удалось о нем услышать или увидеть. О «Долине Кентавра» отзываются как о самом загадочном месте в городе, «Всё здесь, начиная с экзотичного названия долгостроя и заканчивая аномальными происшествиями на его территории, окутано мраком тайны» (Ложкина, 2010). Рассказы старожил улицы, на которой располагается недостроенный полигон, только дополняют слухи и усиливают мистические впечатления о нем. Версий об этом объекте встречается много, включая то, что было расположено там до строительства полигона и то, что происходило или до сих пор происходит. По одной из версий в «Долине Кентавра» была расположена тюрьма, по другой – братская могила еще со времен гражданской войны. Современные интерпретации историй, связанных с этим местом, чаще всего характеризуют события, которые происходят на протяжении всего периода существования объекта. «Долина Кентавра» стала местом несчастных случаев, самоубийств, ритуальных действий различных сект с жертвоприношениями, а на его стенах можно встретить сектантские символы, жертвенники.

В Волгограде существует подобный недостроенный объект под название «Морятник», о котором тоже распространено множество слухов и легенд. Согласно официальной версии, он предназначался под комплекс для обучения детей плаванию, но его строительство так и не завершилось. Среди жителей встречается множество версий о предназначении недостроенного здания. По одной из них – оно строилось для большого океанариума. Со временем недостроенный объект, как и в случае с астраханским полигоном, обрел мистическую славу из-за происшествий и несчастных случаев, периодически случавшихся на его территории. Например, распространен слух о замурованной комнате здания, в которой на протяжении некоторого времени совершались жертвоприношения сатанистов. Однажды во время очередного ритуального действия в комнату ворвалась милиция, не дав завершить процесс, и арестовала сатанистов. С того момента и было принято решение о забетонировании комнаты (Тайны заброшенного Морятника, 2011). Заброшенная стройка популярна среди молодежи, на ее стенах можно встретить надписи, символы и

даже свастику неформальных групп. В новостных лентах встречается информация о происшествиях на «Морятнике». Пугают такие новости не всех жителей, находятся и такие, для кого данное место становится парком для развлечений. В данном случае рассказы о таких местах как бы предупреждают об опасности нахождения там, пытаясь предотвратить трагические события; с другой стороны, распространение подобных слухов и легенд о них положило начало ритуальным действиям, совершающимся и на сегодняшний день. В отзывах и комментариях встречаются споры о предназначении этих мест, об их истории, о происходящих на них событиях. Одни подписчики пересказывают услышанные версии от третьих лиц, другие, в противовес им, констатируют факты. В случае с Астраханью, жители делятся историями о том, что было до долгостроя, какие события происходили или происходят на объекте сейчас. В группе о волгоградском «Морятнике» можно встретить аналогичные комментарии. К примеру, одна из жительниц города поделилась рассказом, услышанным еще с детства, о пейнтболистах, которые по ночам стреляли из настоящего оружия по бездомным людям (Тайны заброшенного Морятника, 2011). Подобную информацию в комментариях о совершенных убийствах на этом месте встречается неоднократно. Находятся те, кто опровергает версии о жертвоприношениях на «Морятнике», кто-то делится версиями о привидениях, увиденных на этом месте, или неприятными ощущениями, испытанными там, а кому-то даже нравится это место. В основном репрезентация слухов и легенд сводится к представлению недостроя как опасного объекта. Так, астраханский полигон и волгоградский «Морятник» объединяет то, что они стали объектами с мистическими и сверхъестественными характеристиками, на которых периодически случаются трагические события и происходят несчастные случаи, тем самым привлекая к себе различные неформальные группы. С одной стороны восприятие данных объектов можно свести к негативу, но с другой – к проявлению интереса среди населения города. Одни жители находят такие места привлекательными и даже делают из них парки развлечений, другие стараются обходить их стороной.

Слухи о «нехороших» местах широко распространены в провинциальных городах. Например, в обсуждениях астраханских групп соцсетей встречаются версии о происхождении черных крестов и небольшом углублении на старом астраханском кладбище, где расположен памятник военнопленным. В комментариях жители города характеризуют его как: «Самое загадочное и тёмное место на Старом кладбище». Ему дали название «Чёрные кресты». «По слухам, низина образовалась после того, как сгнили трупы военнопленных, сваленные в общую яму – братскую могилу...» (Старое кладбище, 2010).

В Волгоградских группах соцсетей подобные слухи идут об одной из самых высоких точек города – Лысая гора. Тем, кто оказывается на ее вершине, открывается панорама на южную часть города. В сообществе данное место неоднократно фигурирует в обсуждениях. Исходя из комментариев

подписчиков, впечатления от этого места сводятся к таким ощущениям, как «взгляд в спину», «как будто кто-то наблюдает», «кто-то присутствует» и т.д. Связь с боевым прошлым города ощутима, практически, на каждой улице. На Лысой горе в 1942 году шли ожесточенные бои, т.к. оно являлось важным стратегическим объектом. Лысая гора была захвачена немецкими войсками и служила главным узловым пунктом сопротивления. На этом месте погибло много солдат с обеих сторон. На данный момент на восточном склоне горы расположен Волгоградский государственный университет. В комментариях жители рассказывают о неприятных ощущениях, испытанных на этом месте, делятся слухами о призраках неупокоенных душ солдат, о хрономиражах, т. е. о звуках взрывающихся снарядов, голосах солдат и т.д. Так, например, автор, рассказывающий о Лысой горе, упомянул о студенческом общежитии, расположенном поблизости с ВолГУ, где периодически появляется призрак погибшего солдата. «Он выглядит как молодой мужчина, в темной одежде, его рука забинтована и просвечивается. Он просит закурить, а после растворяется в темноте» (Лысая гора служит…, 2011). Согласно другому слуху, в районе Лысой горы появляется более современный призрак женщины. «Неподалеку от кардиоцентра и 17-й психиатрической больницы днем раз в два-три месяца появляется полупрозрачный призрак женщины. Он просит у прохожих грязное белье. По слухам, это дух учительницы, потерявшей сына в катастрофе и лишившейся из-за этого рассудка. Еще при жизни у нее появилась мания – наводить везде чистоту. Особое удовольствие убитая горем мать получала почему-то от стирки белья. А место для своего появления выбрала из-за сочувствия к таким же, как она – потерявшим покой» (Лысая гора служит…, 2011). Отзывы о данном объекте среди населения города многообразны и противоречивы, но большинство из них сводятся к жутким и неприятным впечатлениям.

В самарских группах соцести также встречается слух о таком месте, где обитают призраки неупокоенных душ людей. В нем говорится о парке культуры и отдыха имени Юрия Гагарина. Приведем рассказ об этом месте одного из жителей города: «Многие любят прогуливаться по красивому парку. Но мало кто знает, что здесь находятся девять безымянных могил, в которых лежат жертвы политических репрессий 30-х-40-х годов. По официальной версии, их несколько тысяч. Все расстреляны в Самаре и похоронены в парке. Сотни дубов здесь посадили не случайно. Ходят легенды, что над каждой могилой сажали дуб. Души погибших так и не нашли упокоения и по сей день обречены бродить близ своих могил…» (Парк культуры и отдыха…, 2017).

Еще одной распространенной характерной особенностью провинциального мифотворчества являются легенды о старинных особняках с обитающими в них призраками. В основе сюжета заложена трагическая судьба бывших хозяев особняка. В каждой из легенд рассказывается своя семейная история, но итог всегда один – в результате трагических обстоятельств дом становится местом обитания одного или нескольких призраков. Такие легенды можно встретить в Астрахани, Волгограде, Самаре. В каждом из городов существуют

такие дома, владельцами которых были купцы, меценаты рубежа XIX-XX вв. Например, в астраханских социальных сетях наиболее распространена легенда о «плачущей Маше». Сюжет связан со статуей девушки, расположенной на крыше туберкулезного диспансера. Девушка в раннем возрасте заболела и ушла из жизни. Убитый горем отец заказал за границей памятник своей дочери, который был выполнен очень изящно. В легенде также сказано, что отец обращался к медиумам для переселения души дочери в памятник, а старожилы, жившие по соседству, рассказывали, что мужчина по ночам приходил к статуе и разговаривал с ней, будто с живой. С тех пор в диспансере обитает призрак девушки, предвещающий тяжело больным скорую смерть (Плачущая Маша, 2010).

Другая астраханская легенда повествует о девушке с похожей судьбой. Она также не смогла побороть болезнь и умерла в раннем возрасте. Из-за болезни она практически не могла передвигаться. Тогда ее отец пристроил башню к особняку, служившей обсерваторией для его больной дочери, увлекающейся астрономией. Как и в случае с первой легендой, дух девушки после ее смерти не покинул дом. Согласно легенде, женщина, которая вела хозяйство в доме, рассказывала, что отец девушки после ее смерти часто поднимался в обсерваторию и часами вел с кем-то беседу (Таинственная обсерватория, 2020).

Среди множества волгоградских легенд, связанных с военным периодом города, можно встретить сюжеты о домах с призраками, в число которых попал Донской казачий театр. Легенда, рассказанная одним из жителей города, очень напоминает астраханские легенды о домах с призраками. Особняк, в котором на данный момент располагается Донской казачий театр, находится в самом центре города. Ранее в советское время в этом здании размещался кинотеатр «Гвардеец». Особняк был построен царицынским купцом-лесоторговцем А.М. Шлыковым. Согласно легенде, у купца была дочь, с которой случилось несчастье. С тех пор домом стали управлять неведомые силы, которые в свое время заставляли страдать воспитанниц 4-ой гимназии. О необъяснимых вещах, происходящих на сегодняшний день в особняке, рассказывают актеры театра (Донской казачий театр…, 2011).

Одна из легенд затрагивает еще довоенное время Волгограда, в прошлом Царицына. До начала войны город активно развивался в промышленном направлении, его населяло множество купеческих династий. Как и в случае с астраханскими легендами, образы призраков периода XIX-XX вв. связаны с представителями купечества. Одна из таких историй под названием «Печальный ревнивец» была представлена в группе соцсети. Согласно легенде, рядом с областной станцией переливания крови обитает призрак мужчины – некоего купца Котова. «Предания рассказывают, что купец Котов, безумно влюбленный в юную красавицу из очень состоятельной семьи, вышел из церкви и увидел, как мимо проезжала карета, в которой его любимая обни-

малась с другим. Котов словно помешался. Он, не раздумывая, кинулся за каретой, заскочил в нее и зарезал сначала неизвестного соперника, а потом и кричащую от ужаса возлюбленную. Говорят, что потом несчастного ревнивца видели на берегу Волги. Он плакал и пытался отстирать залитую кровью одежду. А ближе к ночи купец пошел бродить по Царицыну и на том месте, где увидел свою изменницу, воткнул себе в сердце нож. С тех пор привидение купца изредка появляется около станции переливания крови. Оно спрашивает влюбленных о том, любят ли они друг друга, и, если получает утвердительный ответ, то рассказывает им свою печальную историю. Призрак похож на обычного человека, правда, по описаниям очевидцев, руки светятся, и ходит он по воздуху. Вот такая, леденящая кровь, встреча может случиться у волгоградцев!» (Печальный ревнивец, 2011).

Некоторые из самарских городских легенд тоже рассказывают о судьбах старинных домов, но сюжеты своеобразны и отличаются от вышеупомянутых. Так, например, существует легенда о доме купца К.П. Головкина. Дом украшен скульптурами в виде слонов, около него расположен фонтан со статуей девушки, а само здание, по словам горожан, имеет странную архитектуру. Необычное архитектурное исполнение здания и украшающие его скульптуры явились поводом к зарождению о нем легенд. По одной версии дом наполнен призраками, т.к. слоны обладают «негативной энергетикой», а скульптура девушки принадлежит убитой любовнице хозяина и расположена она на месте ее захоронения (Дача со слонами, 2015).

Другая легенда рассказывает о призраке старухи, который якобы обитает на ул. Водников. Призрак периодически появляется и заглядывает в окна дома. Пытаясь найти объяснение причины появления призрака, жители предположили, что во время постройки дома, на месте бывшей часовни, было затронуто одно из захоронений, что и потревожило умершую.

Самарские мистические истории о домах с привидениями также представлены в слухах; например, в одном из них говорится о доме Курлиной. По рассказам собирателя легенд, в стенах подвала дома остались места от пуль: «Как известно, в стене подвала этого дома видны выбоины от пуль. Считается, что здесь белочехи расстреливали коммунистов. Другая версия гласит, что по стенам для развлечения стреляли анархисты, и никого здесь не убивали. Хотя присутствие привидений в этом месте довольно логично, как отголоска памяти о казнях в городе во время Гражданской войны» (Жертвы расстрела..., 2017). Слух о другом доме: «На Галактионовской, 141, где с 1898 по 1918 находилась первая мужская гимназия. Здесь живет дух повесившегося гимназиста. Эта школьная страшилка прожила около века, и в 1980-х вахтерша СамГТУ видела «нечто закутанное в белый балахон» со свечою в руке. Дальше в рассказе у «нечто» появляется «белое, неподвижное лицо-маска» и замогильный взгляд» (Гимназист-самоубийца, 2017).

Суммируя вышеизложенное, отметим, что в мифотворческой деятельности жителей поволжских городов, конкретно в городских легендах, выделя-

ются сходные сюжетные линии, однотипные объекты легенд – старый дом, заброшенное здание или место трагических событий – и общие персонажи, связанные с конкретным объектом. В большинстве случаев в легендах о домах с призраками фигурируют образы представителей купеческого сословия. При этом астраханские легенды насыщены женскими образами, в самарских сюжетах часто встречается образ любовницы хозяина «странного дома», в волгоградской легенде фигурирует «несчастный ревнивец». Остальные персонажи привязаны к местам предположительной гибели или захоронения, разного временного промежутка – от периода Гражданской и Великой Отечественной войны до современности.

Кроме того, сходным является разговорный стиль передачи содержания городских легенд, в котором присутствуют просторечные выражения (по сей день, бродят), похожие эпитеты («белое, неподвижное лицо-маска»), метафоры (убитая горем), в целом способствующие созданию яркого, запоминающего образа. Вместе с тем, следует выделить вариативность содержания легенд, связанных в основном с особенностями исторического пути избранных для исследования городов.

Репрезентация астраханских легенд

Помимо общих признаков городского мифотворчества провинций, выделяются их индивидуальные характеристики. Данные отличительные признаки легенд находятся в прямой зависимости от исторического прошлого города, рода деятельности его жителей, стратегической расположенности и предназначении города. Репрезентация мифотворчества содержит специфические черты городской повседневности, по которым можно идентифицировать отдельную провинцию. Например, в астраханских сообществах социальной сети встречаются легенды не только о городе, но и об области. В их число входят легенды народов, издавна населяющих Астраханский край. Легенды сложены как о населенных пунктах, так и о природных объектах, которые считаются у некоторых народов священными: гора Богдо, соленое озеро Баскунчак и т.д.

Одной из самых популярных легенд среди горожан является история о происхождении названия города. В попытках объяснить его экзотичность поспособствовало проведение аналогии с женским образом. На этой ассоциативной основе зародилась легенда о девушке по имени Астра, в честь которой и был назван город. Сюжет легенды носит романтический и трагический характер. В ней говорится о любовной истории между дочерью хана и юношей. Через трагический финал легенды, результатом которого становится гибель девушки, объясняется происхождение названия города, его необычность и оригинальность. Данная легенда не единственная в своем роде, однако, она занимает ведущую позицию среди остальных (Легенда о названии города, 2010).

Легенды о священных объектах, находящихся за пределами города, носят религиозный характер. Например, гора Богдо имеет необычный красный цвет и форму в виде лежащего на боку Будды. По легенде, «прежде стояла Гора на берегах Урала. Но двое святых калмыков задумали перенести ее на берега Волги. После долгих постов и молитв, калмыки взвалили её себе на плечи и понесли по нескончаемым знойным степям. Но увидел один калмык прекрасную деву, и греховная мысль заполонила думы его. Упал он под тяжестью ноши. Придавила его Гора и оросилась кровью. От того одна из ее сторон и по сей день красная» (Легенда о Богдо, 2010). О соленом озере Баскунчак сложено несколько легенд, одна из них связана с названием озера, которое произошло в результате слияния двух тюркских слов, что в переводе обозначает «собачья голова». Согласно легенде, «обмелело в стародавние времена озеро. Образование из кристаллов соли на дне озера манило своей ровной и белоснежной поверхностью. Не удержался один лихач. Не жалея ни себя, ни лошади, ни верной собаки он пустился по дну озера. Славный конь счастливо перевез хозяина на другой берег, но собака, изранив ноги об острые кристаллы, достигла только его середины. Прошли дни. Пошел сильный дождь. Озеро освежилось дождем, а труп собаки, пропитавшись солью, надолго уцелел. С той поры в течение многих лет в бурную погоду можно увидеть выплывающую собачью голову, пугающую всех, кто находится рядом» (Легенда о Баскунчаке, 2010).

Стиль передачи легенд схож с художественным и по жанру напоминает сказку, так как сказки насыщены изобразительно-выразительными средствами языка, образностью, в них присутствует эпитеты (прекрасная дева, славный конь, белоснежная поверхность, стародавние времена, острые кристаллы), метафоры (озеро освежилось, греховная мысль, нескончаемые знойные степи, прошли дни). Много подобных легенд встречается с оживлением Волги и Каспия, где они наделяются человеческими качествами, проходят через испытания, борются со злом и т.д. Им не чужды любовь, гнев, страдания и переживания и все то, что испытывает человек. Данные разновидности легенд носят мифологический характер с присущей им апперцепцией, оживлением и приданием неодушевленным объектам божественных сил.

К распространенным астраханским легендам также относятся классические легенды об объектах города, о привидениях, встречающихся не только в старинных особняках. Например, наиболее часто в обсуждениях сообществ соцести можно встретить легенды о мраморном памятнике жене купца Марии Шмидт, расположенном на старом кладбище. Женщина умерла в молодом возрасте, но большое впечатление на горожан произвела не ее ранняя смерть, которая была частым явлением среди населения, независимо от возраста, а искусно выделанный из белого мрамора памятник на ее могиле. Именно своей белизной и мастерской отделкой он привлекал к себе внимание и в то же время нагонял страх на местных жителей. Изначально к памятнику было проявлено негативное отношение местного населения. Его изготовили на

заказ за границей, техника исполнения, вид отделки и стиль были наиболее приемлемы для культуры той страны, из которой он был привезен. Нельзя сказать, что техника исполнения не воспринималась провинциальным обществом; скорее, ее вид был непривычен для глаз горожан. Изящная выделка белого мрамора делала скульптуру слишком реалистичной для восприятия. Увидев памятник на кладбище, жители делились сложившимися впечатлениями, которые заключились во фразе «как живая». Именно восприятие «живой» скульптуры сформировало негативное впечатление и ассоциировало ее с духом или привидением. Среди населения были распространены слухи и легенды об «ожившей скульптуре», которая могла передвигаться и даже уводить из семей мужчин (Легенда о статуе Марии Шмидт, 2010).

В данном случае можно проследить процесс мифологической апперцепции, т.е. перенесение живых свойств на неживой предмет (на статую). Согласно исследованиям Я. Брунванда, Ж. Капфереру в легендах скрыто «послание» или «сообщение», (Кирзюк, 2018) т.е. в легенде заложен некий социальный смысл или предупреждение, которое необходимо расшифровать. Для данной эпохи характерен патриархальный уклад жизни. Семьи были большими, состояли из пяти и более человек, соответственно, в случае потери кормильца по каким-либо причинам, вся тяжесть в хозяйственных делах ложилась на плечи женщины. Возможно, что «скрытым посланием» или предупреждением в легенде было послание о необходимости более внимательного отношения жены к своему мужу.

О негативном восприятии к образу можно определить по отрывку одного из произведений астраханского писателя Ю. Селенского, приведенного в сообществе соцсети:

«– Статуя Шмидт! — пояснил Юрка Поп. – Ее приперли из Италии. Матуха рассказывала, что она шмара одного богатея. Мать всегда здесь останавливается и слезы вытирает. А что сопливиться? Он, гадина, людей эксплуатировал, нажил деньги, хотел жениться, а эта девка околела от холеры. Нажралась, как мы, айвы, неспелой, и – тенц! Ваших нет. Вот он ей и заказал статую. Чистый мрамор. Не веришь? Попробуй, отбой кирпичом. Мрамор! От башки до пяток.

За решетчатой ажурной оградой молочно белело изваяние очень молодой женщины. Она поражала не застенчивостью легкой улыбки, а просто живым естеством молодости, которую ваятель удачно передал в мраморе. Среди мертвой мишуры амуров, ангелов, аналоев, всяких завитушек, жестяных цветов, венков, бумажных роз и иного хлама была она, эта женщина, одинока и беззащитна. Понять этого Гошка тогда не умел, но невесомая, сквозная легкость материала памятника удивила его. Даже сильно запыленный, лишенный ухода мрамор торжествовал среди базальтовых и гранитных глыб.

– Она на живую похожа, – сказал Гошка.

– А ты видел ее живую? Ну, и отхли! Мать тоже талдычит: «Похожа, похожа...» Буза все это. Выдумки. И статуя буржуйская.

Гошка не умел пояснить своих мыслей, но все же вступился за скульптуру.

– Может, она похожая, потому что босиком?

– Фигня! Вот титьки у нее как у живой, а при чем здесь вся-то?

– А я не знаю, – вздохнул Гошка, – похожа на живую, а почему – не знаю.

– Это потому, что она лыбится. Вот складки на платье здорово смастырены, да?

– Ага. Они как прозрачные.

– Ну, ну! Ты не очень заглядывайся,— сурово остановил Юрка.— Мал еще. Рано...» (Легенда о статуе Марии Шмидт, 2010).

Как было отмечено, восприятие образа Марии Шмидт было настолько отрицательным, что памятник неоднократно подвергался вандализму – его обливали смолой, а глаза покрывали фосфором для устрашения в темное время суток.

В более современной версии легенды прослеживается трансформация образа Марии Шмидт, заключающейся в кардинально противоположном отношении к образу. Образ стал почитаем среди молодых пар, особенно девушек. К памятнику возлагают цветы, обращаются к нему за советом или с просьбой о помощи решения проблем в отношениях или найти свою вторую половину. Данный вывод об изменившемся отношении к образу Марии Шмидт можно сделать, исходя из комментариев, оставленных горожанами в сообществе.

Отметим, что главной особенностью астраханских легенд является их разнообразие, которое, вероятно, сформировалось под воздействием многонационального состава населения. Другой отличительной чертой астраханских легенд является ассоциативная линия между женским образом и городом. В более современных версиях легенд прослеживается перенос человеческих качеств на неживые объекты (ожившие статуи, антропоморфные Волга и Каспий). При этом стиль изложения легенд варьируется от художественного до разговорного, выражающегося в эпитетах, метафорах, олицетворениях, жаргонных выражениях и диалектизмах.

Репрезентация легенд Волгограда

Городское мифотворчество основывается на историческом прошлом города. В легендах выражена историческая реальность города, сформированная под воздействием событий, оставивших след в коллективной памяти горожан. Волгоград, в прошлом Сталинград, – город, переживший события Великой Отечественной войны и в результате ожесточенных боев, проходивших на его территории, получивший звание Город—герой. В процессе исследования было выявлено множество легенд, связанных именно с военным прошлым города, с боевыми действиями, большим количеством погибших. Определить время появления слухов и сюжетов со сверхъестественной завязкой практически невозможно, однако их актуальность имеет значение в настоящий момент. Например, в волгоградских группах соцсети распро-

странен слух о бункере, который до сегодняшнего дня охраняют погибшие солдаты вместе со своим командиром. В комментариях можно встретить тех, кто верит в эту историю, и находятся те, кто высмеивает данный слух и опровергает его.

Одна из жительниц рассказывает о местном парке, в котором обитает призрак солдата, жалующийся на ранение в голову: «Знакомая мне с детства тень неагрессивная. Скорее несчастное привидение. Жалуется на ранение в голову, старается попасться на глаза, неоднократно встаёт на дороге, только что за руки не хватает. Настойчиво указывает на кусты справа, где кончается улица Энтузиастов и начинается парковая зона. Церковный двор старательно обходит по периметру, ничего спасительного там не ищет. Может, атеист. Ярче впечатление остаётся, когда медленно гуляешь там, в полном одиночестве, отрешившись от своих мыслей». (Спартановка, 2011). В комментариях об этом месте горожане делятся ощущением чьего-то присутствия и взгляда, словно как будто чья-то тень постоянно преследует прохожих. Жители отзываются об этом месте как о нехорошем, и ощущения «варьируется от «неприятное» до «похоже на негостеприимный дом, из которого выгоняют». Еще один пример произведенного впечатления той же жительницей: «постоянное ощущение, что кто-то смотрит в затылок и идёт по пятам. Особенно осенью, прямо-таки жутко становилось, а ходить в музыкалку было нужно. Оглянешься – силуэт прозрачный, как будто из более плотного воздуха. … Взгляд там не только на тропинке ощущается, порой со всех сторон. Если внимательнее приглядеться, можно было самого яркого обитателя рассмотреть. Высокий бледный, худой парень в чёрной куртке». Далее рассказчица сообщает сведения, которые она нашла об этом месте, согласно которым в парке ранее находился овраг: «В августе 1942 г. наступала 16 танковая бригада немцев, а защищать северные окраины рабочих посёлков осталась только горстка плохо вооружённых чекистов и народное ополчение. Их смело первой же атакой. Подоспевшие стрелковые части выбили немцев за овраг. Потом были неоднократные наступления с обеих сторон», – делится жительница города. Она также интересовалась мнением местных жителей об этом месте. Все сводились к тому, что все некомфортно чувствовали себя здесь. «Чуть ниже к Волге, у профилакториев, это ощущение усиливается. Осенью, в пасмурную погоду, порой кажется, что события 42 года особенно близки» (Спартановка, 2011).

Одним из главных мест Волгограда является памятник-ансамбль Мамаев курган, где во время Сталинградской битвы шли наиболее ожесточенные бои. Жительница города поделилась в соцсетях рассказом одного из охранников, ночью наблюдавшего необычные явления на кургане, происходившие во время его дежурства. Так, по его словам, на старых могилах неоднократно наблюдались неестественные свечения, а «на братском кладбище и возле старого дзота, построенного в 1942 году, в лунную ночь появляется фигура воина с автоматом.

Он не разговаривает и не убегает, а просто стоит, будто охраняет военные укрепления или ждет кого-то». По словам местных старожилов в районе храма, по левую сторону от монумента Родины-Матери, видят тень молодой девушки-санитарки. Взволнованная девушка якобы пыталась заговорить и предложить прохожим свою помощь, а затем исчезала. По словам охранника помимо свечений на могилах, «в центральном Пантеоне – Зале боевой славы – ночью в безветренную погоду раздаются шепот и шумы, будто кто-то просит о чем-то». В Пантеоне слышатся периодичные шумовые комбинации. «Сначала где-то вдалеке звучит музыка довоенных лет, возможно, вальс на аккордеоне. Потом тихий спокойный разговор, далеко и глухо – трудно разобрать фразы. Затем гремит война: поезда, танки, моторы, сапоги и грохот этот отдается в стенах Пантеона и тревогой остается в сердце. И в конце раздается крик – тоже вдалеке, как будто через время, а кажется, что внутри вас», а на Аллее Памяти в безветренную тихую погоду слышно как перешептываются тополя, словно скорбят о погибших (Неизвестные страхи кургана, 2011).

Особенностью волгоградских легенд является их привязанность к месту с военным прошлым, с боевыми действиями. Практически в каждой из них можно встретить отголоски войны. Они проявляются в действующих персонажах (призраки погибших военных, медперсонала), в локациях (Мамаев курган, местный парк, т.е. места боевых действий), в сюжете, который постоянно возвращает в прошлое (звуки техники, взрывающихся зарядов; голоса военных лиц, разговоры и т.д.). В сюжетах заключается коллективная память о военном прошлом города, которая улавливается в словах ночного сторожа о Пантеоне, в рассказе о тополином шепоте, символизирующем скорбь по погибшим.

Согласно другой легенде, в районе старой мельницы существует «дыра времени», через которую «открывается временной коридор». Легенда была опубликована в соцсети жителем города. Он ссылается на рассказ своей землячки, описавшей событие 1944 г, произошедшее с ее родственником – дядей, на тот момент 12-летним ребенком. Мальчик, заигравшись в прятки со своими друзьями в районе старых грузовых причалов, побежал прятаться в один из полуразрушенных домов, где оказался в том же месте, только в начале XX века. «С трудом протиснувшись в трещину в фундаменте, он оказался в подвале, в одной из стен которого зиял дверной проем. Он шагнул в него и попал в темный коридор. Пройдя по нему несколько метров, ребенок увидел впереди рассеянный дневной свет. Выход оказался заросшим густым кустарником. Раздвинув ветки, ребенок оторопел: на берегу не было ни одного разрушенного дома, ни одной воронки! От пристани отчаливали колесные пароходы, лошади тянули в гору телеги, груженные рыбой и овощами. В тени одной из них обедали на песке мужчина и женщина. Мальчик подошел к ним и стал смотреть на снедь, разложенную на белом платке. Заметив голодный взгляд ребенка, женщина дала ему полкраюхи темного ржаного хлеба и две вяленые воблы, а мужчина сунул в ладонь монетку. Пере-

пуганный мальчишка помчался обратно в лаз, через который и выбрался в Сталинград 1944-го. Только тогда, взглянув на монетку, он заметил, что это новенькая копейка 1903 года! Дом, в который забрался ребенок, принадлежал царицынскому купцу Голдобину» (Обнаружены «дыры во времени»..., 2011). В данном сюжете прослеживается ностальгия по довоенному прошлому. Об этом свидетельствует образ детей, играющих в прятки, несмотря на военное время, неожиданно открытый ими портал, позволивший временно забыться, момент из прошлого, который увидели ребята, – спокойный ясный день, умиротворение присутствующих людей и обстановка мирного времени.

Таким образом, среди особенностей волгоградских легенд можно выделить следующее: во-первых, в сюжетах ярко выражена связь с военным прошлым города, в большинстве сюжетов фигурируют персонажи погибших военных, жертвы войны, места, где проводились боевые действия; во-вторых, довольно часто используется повествовательный стиль речи в передаче сюжетов, встречается разговорный жанр стиля речи, о чем свидетельствуют небольшие рассказы. На первый план в легендах выходит мистификация памятных мест, указывая на большую жертвенность, значимость этих объектов. Город ассоциируется с местом боевых действий и по настоящий момент. Именно этот образ города содержится в коллективной памяти горожан.

Репрезентация самарских легенд

Кроме легенд о призраках, в группе соцсети Самары встречаются истории о так называемых «местах силы» и подземных ходах, расположенных в городе и области. Историю о тоннеле, соединяющем два берега Волги, в своей группе рассказал житель города – собиратель легенд: «Известен и тоннель, проложенный под Волгой. О нем ходит много слухов, а рассказы, порой, сильно отличаются друг от друга. Говорят, что уже в 30-е годы он был заброшен, и люди могли беспрепятственно по нему лазить. В то время этим занимались, в основном, дети». (Тоннель под Волгой, 2017).

Из обрывочных рассказов можно понять, что тоннель представлял собой сводчатый коридор, который проходил под Волгой и заканчивался на другом берегу. Кто-то говорит просто о проходе, шириной до 3-х метров, стены которого выложены кирпичом. А кто-то утверждал, что в стенах тоннеля имеются заложенные проходы и даже наглухо закрытые металлические двери с винтовыми запорами. Ну а некоторые очевидцы утверждают, что по дну этой коммуникации проложены рельсы и на них даже стоит паровоз с прицепленными вагонами. Трудно раскопать истину в столь противоречивых свидетельствах, и загадочный тоннель еще ждет своих исследователей.

По другой легенде, под Самарой и Жигулями расположен подземный город, построенный древней цивилизацией. Он якобы представляет собой базу с машиной-перемещателем в другое измерение: «Во времена, когда люди только-только начинали освоение Земли, эти обитатели планеты обладали

обширными знаниями и умениями, позволяющими добиться очень многого. Но случилась какая-то катастрофа (вероятнее всего потоп), которая привела к краху этой цивилизации. Сохранился рассказ очевидца, который заблудился и попал в какую-то пещеру, а оттуда в туннель, приведший его к развалинам некоего города, где сохранились остатки домов, непонятных механизмов, странных существ, похожих на человекоподобных насекомых, застывших в глыбах льда (или чего-то похожего на лед)» (Город под Самарой, 2015).

Помимо территории города, слухи о подземных ходах и пещерах встречаются за его пределами. По легенде, один из таких ходов был расположен под горой, «куда разбойники увозили богатство, укрывая его от глаз людских». Его неоднократно пытались найти путники, «но его, по всей видимости, охраняют лесные духи. Кто рискнет к оврагу близко подойти, того привидения в пещеры утаскивают».

Другая пещера, расположенная неподалеку от Большой Рязани, тоже имеет свою легенду, согласно которой в ней прятался Степан Разин со своими людьми. В те времена размер пещеры и вход в нее были такими большими что, можно было въезжать туда, сидя на конях. Сам вход был скрыт лесом, что позволяло отряду появляться, словно из-под земли и также внезапно исчезать. Так, люди Разина совершали набеги на купцов, когда те проплывали мимо Жигулей, а сам Степан Разин хотел пробить вход от пещеры к Молодецкому кургану для соединения берега Самарской Луки с южным. «Говорят, что Стенька Разин до сих пор появляется в этих местах» (Большая Рязань, 2017).

Самара, ранее Куйбышев, в 40-х годах рассматривалась как запасная столица, и именно тогда возникла необходимость в разработке системы подземных ходов и бункеров города. В группе встречается не совсем легенда, а скорее небольшое информационное сообщение о бункере Берия. Основной загадкой для многих остается причина его незавершенности. «Самый известный после бункера Сталина – так называемый, бункер Берия под Хлебной площадью. Он строился в 30-40 годы, и по какой-то причине не был достроен. Об этом можно судить по отсутствию дверей, по грубым бетонным плитам без облицовки, и по остаткам строительных приспособлений. Для проникновения туда нужно пройти 8 этажей вниз по старой проржавевшей лестнице, причём верхнего пролёта не существует, он полностью прогнил и разрушился. Поэтому спуск на глубину тридцати метров, где, собственно, и начинаются подземные коридоры, напоминает небольшое альпинистское или, правильнее, спелеологическое приключение. В принципе, этот бункер изучен достаточно хорошо, существует даже его подробная карта. Однако судить о его предназначении никто не берется. И дело вот в чем. Несмотря на то, что основные работы в бункере выполнены, его забросили на конечной стадии – на стенах нет никакой отделки, только голый бетон, нигде никаких остатков аппаратуры, по которой можно было бы сделать хоть какие-то выводы. Причина прекращения строительства также остается тайной.

А может, просто немцев отбросили от Москвы, и интерес Сталина к подземной столице иссяк» (Бункер Берии, 2015).

В группе соцсети встречается много легенд, посвященных «местам силы» и аномальным зонам, которые расположены далеко за пределами города. К ним относятся слухи о Жигулевском карьере, о голубом озере, а также легенды о каменной чаще, о селе Аскулы и т.д. Под «местом силы» в легендах подразумеваются места, обладающие определенной «энергетикой». Например, по приведенным в группе местным легендам, одно из таких мест в форме круга расположено на возвышении. Таких возвышений насчитывается семь. «Никому достоверно не известно происхождение этого загадочного объекта. Это семь возвышений диаметром несколько метров каждое и высотой земляного вала до двух метров. Надо сказать, что символ круга – один из наиболее древних и сильных символов в любой из мировых культур. Очерченный круг является оберегом от любого неблагоприятного воздействия на человека. Почему это так, в принципе, понятно – круг издревле символизировал и Солнце, от которого зависит жизнь всего живого на Земле, и круговорот времен года, и круг горизонта с человеком в его центре, осматривающимся вокруг себя».

Другое аномальное место расположено в одной из частей русла Самарской Луки – «грандиозной естественной петли текущей воды – тоже имеет участки круглой формы, и это обстоятельство, видимо, является достаточно значимой причиной многих аномальных явлений, происходящих в наших местах» (Семь кругов, 2017). Место привлекает своей необычной формой и видом, что ассоциирует его с определенными символами, например, как было упомянуто в легенде, с Солнцем, что способствует формированию представления об этом месте, как о необычном, наделенным особой силой и энергией. Существует легенда о периодически появляющемся храме. Рассказ об этом месте в соцсети отмечается пару раз со слов разных людей. Например, по одной из версий, «в середине XX века ранним утром некто Б.Б. Зубахин наблюдал огромное здание, которое больше всего походило на православный собор, сложенный из красного кирпича и украшенный золотыми куполами. Это здание оптически полностью закрывало противоположный берег и занимаемую часть указанного острова. Картина была устойчива в течение пяти минут, здание виделось чрезвычайно четко, хотя отдельные его детали скрывались легкой дымкой – она как бы просачивалась сквозь стены собора. Затем изображение начало «таять» подобно куску рафинированного сахара, опущенного в горячую воду. Сквозь бледнеющие контуры стали просматриваться контуры противоположного берега. Еще мгновение, и все исчезло. Наше расследование позволило установить, что в этом месте подобные явления происходили не раз» (Река Волга, южная…, 2017).

По другим рассказам, одному из местных жителей тоже довелось увидеть этот храм и даже побывать там.

Таким образом, большинство самарских легенд посвящено подземной системе города и «местам силы». Географические особенности местности, а также стратегическое расположение города стало основным фактором, повлиявшим на спецификацию городских сюжетов. Многие из подземных объектов Самары не достроены, и доступ к ним ограничен из-за трудности, либо невозможности проникнуть в такие места. Система подземных ходов, бункеров, аномальных мест и поселков, где обитают колдуны и ведьмы, в совокупности явилась основной причиной создания мифологизированного подземного города. Легенды о подземных туннелях и объектах города стали едва ли не одними из самых распространенных.

Кроме того, на территории Самарской области расположено множество зон, которые называют аномальными, что отразилось в сюжетах мистических историй города – система подземных ходов является одной из самых распространенных тем городского фольклора. В самарских легендах, как было отмечено ранее, упоминаются бункеры в основном военного периода, что, как следствие, можно отнести к отличительной особенности сюжетов. Легенды о «местах силы» переданы в небольших рассказах повествовательного типа речи. Существуют легенды, скорее сказания о пребывании в области Степана Разина.

Выводы

Городское мифотворчество провинциальных городов развивается под воздействием восприятия и в дальнейшем рефлексии населением исторических событий, истории городских объектов, образа конкретных личностей. Содержание легенд провинциальных городов Поволжья имеют много общего в построении сюжетных линий, типажах, однако, безусловно, в каждом городе есть свои особенности. Общность городских легенд проявляется в мотивах, сюжетных линиях, объектах, персонажах, что объясняется общим мифологическим сознанием горожан в освоении и восприятии действительности. Это проявляется в сюжетах о заброшенных объектах (долгострои в Астрахани и Волгограде), о старинных особняках (Астрахань, Самара), о перипетиях жизни представителей купеческого сословия (Астрахань, Волгоград, Самара). В данном типе легенд можно уловить предупреждение или предостережение об «опасных местах» или, напротив, стремление заполнить мистификацией пробелы там, где не достает информации о тех или иных объектах.

Вариативность городских историй связана с индивидуальным историческим прошлым городов, контингентом населения, родом его деятельности, стратегическим расположением города. Культурно-историческое пространство города является определяющим фактором в функционировании мифологического сознания в освоении как исторической, так и современной действительности. Еще одним немаловажным фактором вариативности является время основания городов, их уникальная архитектура. Легенды,

встречающиеся в соцсети, в настоящей статье, конечно, представлены не в полном объеме, однако выделенные нами сюжеты наиболее востребованы и активно тиражируются современными горожанами поволжских городов.

Список литературы

Brunvand, J.H. (1986). *The study of American folklore; an introduction*. W.W. Norton

Афанасьев, А.Н. (2014). *Мифы древних славян*. Рипол-Классик

Большая Рязань. (2017, февраль 22). VK. https://vk.com/club84228859?w=wall-84228859_35

Бункер Берии. (2015, январь 5). VK. https://vk.com/club84228859?w=wall-84228859_11

Буслаев, Ф. И. (1861). *Исторические очерки русской народной словесности и искусства*. Санкт-Петербург: Д. Е. Кожанчиков

Вундт, В. (1913). *Миф и религия*. Санкт-Петербург: Брокгауз-Ефрон

Гимназист-самоубийца. (2017, февраль 22). VK. https://vk.com/club84228859?w=wall-84228859_21

Город под Самарой. (2015, январь 5). VK. https://vk.com/club84228859?w=wall-84228859_10

Дача со слонами. (2015, январь 5). VK. https://vk.com/club84228859?w=wall-84228859_9

Донской казачий театр - дом призраков!! (2011, февраль 27). VK. https://vk.com/topic-18139082_24703735?post=7

Жертвы расстрела в доме Курлиной. (2017, февраль 22). VK. https://vk.com/club84228859?w=wall-84228859_23

Иванов, А. Г. (2017). *Социальная философия и ее роль в развитии общества*. PhD Thesis. Воронеж

Кирзюк, А. А. (2018). «Сюжет — это симптом? Как фольклористы изучают городские легенды». *Фольклор и антропология города*, 1(1), 20-43

Леви-Стросс, К. (2001). *Структурная антропология*. ЭКСМО-Пресс

Легенда о Баскунчаке. (2010, апрель 10). VK. https://vk.com/topic-6368810_22450367?post=52

Легенда о Богдо. (2010, апрель 10). VK. https://vk.com/topic-6368810_22450367?post=55

Легенда о названии города. (2010, апрель 10). VK. https://vk.com/topic-6368810_22450367?post=40

Легенда о статуе Марии Шмидт. (2010, апрель 10). VK. https://vk.com/topic-6368810_22450367?post=41

Ложкина, Е. (2010). *Правда или миф? «Кровавое» место - Долина Кентавра*. https://vk.com/topic-15356841_22269172

Лотман, Ю.М. (1992-1993). *Избранные статьи: в трех томах* (Т. 1-3). Александра

Лысая гора служит сборищем всех ведьм, кои тут по ночам отправляют свой шабаш... (2011, февраль 28). VK. https://vk.com/topic-18139082_24707998?post=12

Мелетинский, Е. М. (2000). *Поэтика мифа*. Восточная литература

Микешина, Л. А. (2022). Репрезентация. https://gtmarket.ru/concepts/7282

Неизвестные страхи кургана. (2011, февраль 27). VK. https://vk.com/topic-18139082_24701896?post=2

Обнаружены «дыры во времени» в районе старой разрушенной мельницы. (2011, февраль 27). VK. https://vk.com/topic-18139082_24702034?post=5

Парк культуры и отдыха имени Юрия Гагарина. (2017, февраль 22). VK. https://vk.com/club84228859?w=wall-84228859_37

Печальный ревнивец. (2011, март 25). VK. https://vk.com/topic-18139082_24839089?post=109

Плачущая Маша. (2010, апрель 11). VK. https://vk.com/topic-6368810_22450367?post=117

Река Волга, южная оконечность острова Зелененький. (2017, февраль 22). VK. https://vk.com/club84228859?w=wall-84228859_28

Руей-Уиллоуби, Д. (2018). «Изучение легенды в Западной Европе и США в XX–XXI столетиях». *Сибирский филологический журнал*, (4), 28-36

Семь кругов. (2017, февраль 22). VK. https://vk.com/club84228859?w=wall-84228859_28

Спартановка. (2011, июль 9). VK. https://vk.com/topic-18139082_25381358?post=515

Старое кладбище. (2010, февраль 14). VK. https://vk.com/topic-15356841_22270612?post=28

Таинственная обсерватория. (2020, июнь 25). VK. https://vk.com/public192439713?w=wall-192439713_13

Тайны заброшенного Морятника. (2011, февраль 28). VK. https://vk.com/topic-18139082_24704442?post=9

Тоннель под Волгой. (2017, февраль 22). VK. https://vk.com/club84228859?w=wall-84228859_38

References

Afanasyev, A. N. (2014). *Myths of the ancient Slavs.* Ripol-Classic

Bolshaya Ryazan. (2017, February 22). VK. https://vk.com/club84228859?w=wall-84228859_35

Beria's bunker. (2015, January 5). VK. https://vk.com/club84228859?w=wall-84228859_11

Buslaev, F. I. (1861). *Historical essays of Russian folk literature and art.* D. E. Kozhanchikov

Wundt, V. (1913). *Myth and religion.* Brockhaus-Efron

The high school student is a suicide. (2017, February 22). VK. https://vk.com/club84228859?w=wall-84228859_21

A city near Samara. (2015, January 5). VK. https://vk.com/club84228859?w=wall-84228859_10

A cottage with elephants. (2015, January 5). VK. https://vk.com/club84228859?w=wall-84228859_9

Don Cossack Theater – the house of ghosts!! (2011, February 27). VK. https://vk.com/topic-18139082_24703735?post=7

The victims of the shooting in the house of Kurlina. (2017, February 22). VK. https://vk.com/club84228859?w=wall-84228859_23

Ivanov, A. G. (2017). *Social philosophy and its role in the development of society.* PhD Thesis. Voronezh

Kirzyuk, A. A. (2018). "Is the plot a symptom? How folklorists study urban legends." *Folklore and Anthropology of the City*, 1(1), 20-43

Levi-Strauss, K. (2001). *Structural anthropology.* EKSMO-Press

The legend of Baskunchak. (2010, April 10). VK. https://vk.com/topic-6368810_22450367?post=52

The legend of Bogdo. (2010, April 10). VK. https://vk.com/topic-6368810_22450367?post=55

The legend of the name of the city. (2010, April 10). VK. https://vk.com/topic-6368810_22450367?post=40

The legend of the statue of Maria Schmidt. (2010, April 10). VK. https://vk.com/topic-6368810_22450367?post=41

Lozhkina, E. (2010). *Truth or myth? The "bloody" place is the Valley of the Centaur.* https://vk.com/topic-15356841_22269172

Lotman, Y. M. (1992-1993). *Selected articles: in three volumes (Vol. 1-3).* Alexandra

Bald Mountain serves as a gathering of all the witches who send their sabbath here at night... (2011, February 28). VK. https://vk.com/topic-18139082_24707998?post=12

Meletinsky, E. M. (2000). *The poetics of myth.* Moscow: Oriental Literature

Mikeshina, L. A. (2022). *Representation.* Received from https://gtmarket.ru/concepts/7282

Unknown fears of Kurgan. (2011, February 27). VK. https://vk.com/topic-18139082_24701896?post=2

"*Holes in time" have been discovered in the area of an old destroyed mill.* (2011, February 27). VK. https://vk.com/topic-18139082_24702034?post=5

Yuri Gagarin Park of Culture and Recreation. (2017, February 22). VK. https://vk.com/club84228859?w=wall-84228859_37

A sad jealous man. (2011, March 25). VK. https://vk.com/topic-18139082_24839089?post=109

Crying Masha. (2010, April 11). VK. https://vk.com/topic-6368810_22450367?post=117

Volga River, the southern tip of Zelenenky Island. (2017, February 22). VK. https://vk.com/club84228859?w=wall-84228859_28

Ruey-Willoughby, D. (2018). "The study of legend in Western Europe and the USA in the 20th –21st centuries". Siberian Philological Journal, (4), 28-36

Seven circles. (2017, February 22). VK. https://vk.com/club84228859?w=wall-84228859_28

Spartan. (2011, July 9). VK. https://vk.com/topic-18139082_25381358?post=515

The old cemetery. (2010, February 14). VK. https://vk.com/topic-15356841_22270612?post=28

A mysterious observatory. (2020, June 25). VK. https://vk.com/public192439713?w=wall-192439713_13

Secrets of the abandoned Moryatnik. (2011, February 28). VK. https://vk.com/topic-18139082_24704442?post=9

The tunnel under the Volga. (2017, February 22). VK. https://vk.com/club84228859?w=wall-84228859_38

Galactica Media: Journal of Media Studies. 2022. No 4 | ISSN: 2658-7734
Медиа-активизм | https://doi.org/10.46539/gmd.v4i4.241

#EndSARS Protest: A Discourse on Impact of Digital Media on 21st Century Activism in Nigeria

Kelvin Inobemhe[1] & Tsegyu Santas[2]

Nasarawa State University. Keffi, Nigeria

Received: 22 December 2021 | Revised: 14 May 2022 | Accepted: 24 May 2022

Abstract

This paper "#EndSARS Protest: A Discourse on Impact of Digital Media on 21st Century Activism" examines the role of digital media in a new generation of activism with a critical assessment of the protest in Nigeria. Specifically, the paper expands on the meaning of social media activism, finds out ways digital media was deployed in mobilisation and management of the protest and also delves into how social media pose as challenge to activism within the context of series of anti-police brutality protests that took place in Nigeria. Specifically, the study looked at how, despite the failure of mainstream media in the country to give the movement prominence, technology (through social media) helped to encourage transnational activism and global solidarity with respect to #EndSARS. The paper relied on existing literature through the use of library research technique. It utilised the technological determinism theory – that served as its theoretical base or foundation. The paper found, among others, that digital media especially social media played significant roles in mobilisation and management of the protest. It also revealed that due to the power that digital platforms wield, authority may be tempted to introduce some form of regulations that may hinder their use.
The paper concludes that, indeed, digital media have tremendous impact on 21st century activism in Nigeria. Therefore, the paper, among others, recommends that government must now realise the powers of communication and technology and therefore embark on constant communication with the people while also addressing pre-existing social ills in the country.

Keywords

#EndSARS; Digital; Social Movement; Activism; Nigeria Protest; 21st Century

This work is licensed under a Creative Commons «Attribution» 4.0 International License

1 Email: inobemhe[at]nsuk.edu.ng
2 Email: tsegyu[at]nsuk.edu.ng

Galactica Media: Journal of Media Studies. 2022. No 4 | ISSN: 2658-7734
Media Activism | https://doi.org/10.46539/gmd.v4i4.241

Протест #EndSARS: дискурс о влиянии цифровых медиа на активизм в Нигерии XXI века

Инобемхе Кельвин[1], Сантас Цегю[2]

Государственный университет Насарава. Кеффи, Нигерия

Рукопись получена: 22 декабря 2021 | Пересмотрена: 14 мая 2022 | Принята: 24 мая 2022

Аннотация

В этой статье «Протест #EndSARS: рассуждение о влиянии цифровых медиа на активизм XXI века» исследуется роль цифровых медиа в активизме нового поколения с критической оценкой протеста в Нигерии. В частности, автор статьи останавливается на значении активности в социальных сетях, выясняет, как цифровые медиа использовались для мобилизации и управления протестом, а также исследует, как социальные сети бросают вызов активизму в контексте серии протестов против жестокости полиции, которые произошли в Нигерии. В частности, в исследовании рассматривалось то, как, несмотря на неспособность основных СМИ в стране привлечь внимание к движению, технологии (через социальные сети) помогли стимулировать транснациональную активность и глобальную солидарность в отношении #EndSARS. Статья опирается на существующую литературу с применением метода библиотечного исследования. Автор использовал теорию технологического детерминизма, которая послужила ему теоретической базой, или фундаментом. Анализ обнаружил, среди прочего, что цифровые медиа, особенно социальные сети, сыграли важную роль в мобилизации протеста и управлении им. Выяснилось также, что из-за влияния, которым обладают цифровые платформы, у властей может возникнуть соблазн ввести некоторые формы правил, которые могут препятствовать их использованию. В статье делается вывод о том, что цифровые медиа действительно оказывают огромное влияние на активность в Нигерии XXI века. Поэтому в статье, среди прочего, рекомендуется, чтобы правительство немедленно осознало возможности коммуникации и технологий и, следовательно, приступило к постоянному общению с людьми, в ходе которого решало бы также и ранее существовавшие социальные проблемы в стране.

Ключевые слова

#EndSARS; цифровые; общественное движение; активность; протест Нигерии; XXI век

Это произведение доступно по лицензии Creative Commons “Attribution” («Атрибуция»)4.0 Всемирная

1 Email: inobemhe[at]nsuk.edu.ng
2 Email: tsegyu[at]nsuk.edu.ng

Introduction

Digital technologies largely drive information and communication in the 21st century. Consequently, people rely heavily on digital means to communicate, seek and get information, as well as constantly stay up-to-date with happenings or events around the world. The digital technologies are so useful to the extent that even old or traditional media forms through digitalisation, in no small measure, also rely on digital technologies especially the new media to reach a vast majority of the audience. In agreeing with the foregoing, Igyuve, Inobemhe, Ugber and Udeh, (2020) aver that traditional media are synching with new media to take on new forms.

Digital technologies could be systems, devices or even methods. When we look at digital media, we talk of a minute device that can fit into one's pocket providing connections to the world (Simon, Grimes & Roch, 2018). With such technology, one can access news (get information), and communicate either at different times or simultaneously. Examples of digital technology include social media, multimedia platforms, mobile phones and online games (Nwoziri, 2020). According to Digital Technology Hub (n.d.), digital technologies are systems or hardware that make use of digital data to achieve a specific task as defined by a user. In other words, the user gives the command and the technologies execute. Goodman (2021) provides digital technology types as: social media, smartphones, websites, video-streaming, digital television, electronic books, geolocation, digital music, blogs, printers, computers, self-scan machines, cars and other vehicles, clocks, robotics, drones and guided missiles, banking and finance, buying and selling online platforms and many more.

In modern times, it is rare for the younger generation to get the time to sit by a set – radio or television (Igyuve et al., 2020) neither do they pay much attention to printed copies of newspapers and magazines – and all point to the availability and accessibility with respect to modern digital devices. Consequently, it is hard to see younger persons move anywhere without devices (Nwoziri, 2020). Therefore, digital technologies are what drive the new information age, and 21st century media, just as much as they are now being acknowledged to promote participation in the democratic process of modern democracies. For example, a scenario on how digital technologies was used to promote protest is the video that trended on social media which shows a police officer kneeling on George Floyd's neck in the United States – an act which resulted in uprising that took the form of mass protests largely organised online (Granillo, 2020).

Digital media do not just serve as tools for activism in modern times but creates platforms that embolden actors to take up the responsibilities to press home their demands in (previously) unimagined proportions or dimensions. In line with the foregoing, Marnicio (2014) avers that social media have transformed from mere platforms that connect people to information sharing tools for "constructing

legitimacy for both revolutionaries and authoritarian regimes," (p. 46). They are no longer seen as just platforms, but as avenues or opportunities for citizens' active participation in democracies – whether through direct participation or through protest, insurrection of revolution. Marnicio further explains that governments elsewhere have also been seen or known to target opposing voices through social media. Recent events in the world prove the foregoing assertion – from the Arab spring, the Lekki toll gate protest/#EndSARS, the insurrection on Capitol Hill by the right-wing, to aftermath of the Myanmar coup d'état, digital media have proven to be 21st century platforms and opportunities that authorities anywhere should be wary of, in any case (Gilbert, 2021)

Organising protests or demonstrations has become more interesting and affordable in a world where access to information is made easier and affordable as a result of digital media powered by digital technological innovations of the 21st century. Whether it is mobilising people for protest or providing media coverage, digital media is surely changing the way things are done, and the switch to virtual environments in recent times is gaining commensurate popularity (Wallis & Given, 2016), and it is what is referred to as digital activism, and so is it largely considered non-violent and does not involve hackers (Edwards, Howard & Joyce, 2013). However, far from the position of Edwards et al., digital activism is now taking on many forms, and governments around the world are playing one role or the other to ensure the powers are seen either through direct opposition and confrontation or the use of same platforms.

The year 2020 came with several challenges for many Nigerians, the most prominent being the outbreak of Coronavirus in the early part of the year – impacting negatively on the economy. In the last quarter of the year, the younger generation of activists took to the street to demand an end to corruption and police brutality. The protest was largely led by young people who called for the disbandment of SARS – Special Anti-Robbery Squad of the Nigerian Police Force that was alleged to have carried out unlawful arrest, rape, torture, and even extra-judicial murders (Ani, 2020). The protest turned violent on October 20th precisely, when security forces allegedly stormed what is now known as the epicenter of the protest – Lekki Toll Gate Plaza, Lagos-Nigeria and opened fire on the protesters (Facsar, 2020). The BBC (2020) reports that Amnesty International alleged that 12 people died after the military was drafted to the scene of the protest.

However, digital media was reported to be the main driving force behind the movement. The Nigeria Broadcasting Commission (NBC) issued a set of guidelines directing traditional media organisations in the country to avoid reporting the event in order to forestall any form of embarrassment such will cause the government (Ani, 2020). It is important to note that such calls meant nothing to the protesters. If anything, they were further emboldened to carry on while they received the required coverage on social media platforms such as Twitter, YouTube,

and Facebook[1]. The foregoing depicts the power of digital media of the 21st century – as on one hand, they play the role of alternative channels to traditional media, and on the other, serve as platforms for civic engagement, citizen participation in the political process in diverse ways – ranging from debates to protest and so on. Therefore, this study examines events that characterised the EndSARS protest and takes a critical look at the role and impact of digital media on 21st century activism in Nigeria.

Statement of the problem

Before the advent of new media, organising and managing protests used to be a herculean task because lots of efforts and labour go into activities which include mobilisation and management of the process. It was more of a face-to-face process of organising protest. According to Madison (2017) activities such as passing fliers, talking to people to get them to organise and petitioning characterised mobilisation and management of protest in the time past. Further, Madison avers that the way people organise themselves has evolved as the world has seen or witnessed more social movements, demonstrations and protest in recent time than any point in history. The factor that makes the difference is technology – and with regards to this, social media is considerably the most prominent and significant.

Another area worth considering is that of the challenge with respect to success of protests or social movement which is said to revolve around media – especially in the area of framing and overall coverage. Understandably so, and as seen elsewhere, the media through coverage can further give teeth to social movements. During the #EndSARS protest, the near total snub from reputable media organisations in Nigeria was widely aknowledged – a situation that further pushed organisers of the movement to explore the powers of social media in organising, mobilising and totally managing the series of protests that took place in the country. Therefore, when the media ignored the protest in its infant (early) stages, movers did not relent but sought alternative coverage with the use of social media – Twitter, Facebook, Instagram[2] and many others.

However, studies on the extent to which social media and associated technologies aid in the mobilisation and management procedures of protest are not so many. In other words, the area of study is not so researched, and so it is considered novel because its roots can be traced to the Arab Spring uprising. In the 2020 #EndSARS protest in Nigeria, social media especially Facebook, Twitter and Instagram were identified as platforms that played significant roles in public mobilisation, coverage, promotion and overall management. It is, therefore, important to investigate how these platforms aid in organisation and management of social movements. On the basis of the foregoing, this study assessed the impact

1 The social network owned by Meta Corporation, which has been recognized as extremist in the Russian Federation (The government is forcing us to report it – **Editors**)

2 The social network owned by Meta Corporation, which has been recognized as extremist in the Russian Federation (The government is forcing us to report it – **Editors**)

digital media had on the protest – and from the angle of initial mainstream snub, it focused on how alternative media in form of social media became useful in overall management of #EndSARS protest in Nigeria.

Objectives of the study

The study pursued the following objectives:

1. To determine the meaning of social media activism within the context of #EndSARS protest in Nigeria.
2. To identify ways digital media was deployed in the organisation and management of #EndSARS protest despite mainstream media snub.
3. To find out how social media pose as challenge to activism within the context of the #EndSARS protest.

Research questions

1. What is the meaning of social media activism within the context of #EndSARS protest in Nigeria?
2. What are the ways through which digital media was deployed in the organisation and management of #EndSARS protest despite mainstream media snub?
3. In what ways do social media pose as challenge to activism within the context of the #EndSARS protest?

Review of concepts

Concept of Digital media

Digital media are products of digital technologies. However, it is more complex a term than anyone can imagine, and therefore, there is no generally accepted definition for the word "digital media". According to Maryville University (n.d.), digital media can be seen as digital data that are transmitted through digital cables or satellites using binaries 0s and 1s to digital devices with capacity to translate same formats such as audio, video, text, graphics and so on. Maryville University further emphasises that whenever one makes use of a cellphone, tablet computer, personal computer, or visit webpages, or even open mobile phone applications, such a person is making use of digital media.

Similarly, Goldberg (2019) defines digital media in components. According to Goldberg, digital can be seen as "any data represented by a series of digits (1 and 0), while media refers to a method of broadcasting or communicating information" (para. 1). Therefore, Goldberg sees digital media as any kind of information broadcast on a screen, and could appear on websites, software, applications, video games and many more. Further, Goldberg asserts that "digital" could come or present itself in different formats – such as audio, video, photo, text and so on.

According to Goldberg (2019) different types of digital media exists, and such include Ebooks, social media, blog posts/article, online advertising, digital art, video games, and virtual reality. Maryville University (n.d.) divides digital media in subgroups and expatiates that other types could fit into the broad categories of: audio, video, social media, advertising, news, literature and so on. Maryville University further identifies notable digital media companies such as Google, Netflix, Apple, Facebook and Twitter, and Amazon. The digital technology companies are seen as the future of digital media, and from the examples provided, one can see that social media is a type of digital media. In modern times, social media platforms serve as converging point for all other types of digital media. The terms digital media, new media and digital technologies are used interchangeably in this paper.

Concept of Activism

Whenever people march on the street to demand better living conditions, end to misrule, a change in government, asking for what is right or wanting to put an end to all forms of discrimination, then activism in in play. It takes efforts of a number of people in a society at a particular point in time or history to bring about a change – be it social or political. Therefore, there is always need for activism. In line with the foregoing, Prilleltensky (2020) asserts that the actualisation of a transformative change in a society or community is a collective responsibility. It is so because it will be too tasking for a single individual to embark on a push or movement for social change or re-engineering and get to be taken serious by the government.

Activism can be seen as "efforts to promote, impede, or direct social, political, economic, or environmental change, or stasis with the desire to make improvements in society and to correct social injustice" (Egbe, n.d.). From the foregoing definition, we can assert that activism requires actions or efforts aimed at effecting a change to an identified problem or defect or wrongdoing in a given society. In any case, activism is mostly about change of status quo and it involves people. Put differently, activism is people-driven and usually involves a vast majority of the population if success is envisaged.

There are different categorisations of activism as espoused by different authors or scholars. According to Watson (2005), there exist about thirteen (13) standard types of activism, and these include grassroot activism, volunteer, letter writing and petitions, direct lobbying, consumer boycotts, litigations, selective purchasing ordinances, ethical investing, economic sanctions, demonstrations, civil disobedience, agitation, and career activism. According to Egbe (n.d.), the aforementioned are but "methods of activism" (p.12). Consequently, Egbe categorises activism into various forms such as letters to newspapers, boycotts of businesses that are usually patronised, rallies, strikes, street marches or demonstrations, hunger strikes and sit-ins.

Furthermore, Egbe (n.d.) states that activism can be expressed through art. From time immemorial, activism has been about people and their uniquely organ-

ised ways of effecting change. However, different eras have had unique ways of organising people to press or effect change in society. In 21st century, however, digital technologies drive protest as seen in recent times. Arab Spring in 2010, #Occupy Nigeria in 2012 and recently that of #EndSARS, indeed, it is glaring that different ages and times present different methods of activism. It is also noteworthy that from the Arab spring in 2010 and the first use of #BlackLivesMatter in 2013, digital media – social media and activism have remained inseparable (Reid & Sehl, 2020).

Relationship between digital media and activism in Nigeria

Before the 2020 #EndSARS protest, major protests in Nigeria have largely been in form of political movements or labour struggle (Akeredolu, 2020). Examples are series of protests led by the Nigerian Labour Congress (NLC) in the past as well as the Occupy Nigeria protest of 2012. Though technology also played a role in the 2012 Occupy Nigeria protest (Hari, 2014; Egbunike & Olorunnisola, 2015), but not in the magnitude it was used in the 2020 #EndSARS protest. Perhaps, the reason for this could be the advancement in technology and commensurate adoption, or different other interconnected considerations (Ogobude, 2020). #OccupyNigeria got a substantial traditional media coverage unlike the #EndSARS campaign, a major motivation for use of social media to provide the requisite coverage.

The roots of activisms in Nigeria can be found in colonial era (Akeredolu, 2020; George, 2020). In other words, Nigeria's activism can be traced to the pre-colonial times especially amongst the Igbo people of South Eastern part of the country (Alozie, 2020). Young and vibrant Nigerians including men and women played a role in various protests at different times in the history of the country. In line with this, Alozie expresses that women also played a role in the activism of colonial era in Nigeria through petitions – and the very famous Aba Women's Riot of 1929 stands out. Mainly organised by the women folk, the riot achieved reasonable success when compared to other similar ones recorded in the history of activism in the country.

From the above, it is safe to say that women have always been involved in protests and also played active roles in the 2020 EndSARS – from Aba Women to Funmilayo Rasome-Kuti, and then Aishia Yesufu and DJ Switch, the list is endless of women who are always in the frontline in this regard (Olaoluwa, 2020). Other prominent protesters and protest leaders in Nigeria include Wole Soyinka, Gani Fawehinmi, Ken-Saro Wiwa, Fela Anikulapo Kuti, Chinua Achebe and many others, who have demonstrated the resilience in the people of Nigeria (Okunola, 2020). All men and women and youths in their prime have always led others in protest for better governance in Nigeria. However, the difference between the old and modern times is the digital technology that is readily available. Nigerians are also taking advantage of available technologies to make their voices heard in modern times.

Since the present All Progressive Congress (APC)-led government took over in 2015, things are beginning to change for organised social movements in Nigeria (Odoh, 2020). If the police are not attacking protesters, hoodlums take over the disruptive mechanisms (Olukoya, 2020; *Police fire tear...*, 2021; Kaduna, 2020a) or even the snub from mainstream media have all contributed to the novel twist to organising protest in the country. However, examples of clampdown by security forces are seen in the series of protest by Islamic Movement in Nigeria otherwise known as Shia group, and the recent attack on EndSARS protest nationwide. Therefore, Nigerians that belong to different social movements are tilting towards online protests – though the EndSARS took both online and offline dimensions – meaning they were organised online but materialised across offline platforms locations nationwide.

According to Akeredolu (2020), protests are not new in Nigeria, while some such as Iwe Irohin (a local newspaper that vigorously chanted a movement against slave trade) and Aba Women riot were largely peaceful, others have been violent in some ways. Akeredolu chronicled protests across various forms and times – from the military protest through coup-d'états, organised labour and then to the social media era, and many other avenues the people deemed appropriate to use as instruments to effect desired change in society. Further, Akeredolu describes social media which is an aspect of the digital media as the "silver bullet" through which Nigerians have made their voices heard on both home and international fronts.

Armed with mobile devices and the internet, digital media era has changed the game in forms of protests – especially Facebook and Twitter (Akeredolu, 2020). According to Akeredolu, various protests, movements or campaigns that have been amplified through social media include #OccupyNigeria, #NotTooYoungToRun, and recently #EndSARS. Besides receiving wide support locally, digital media amplified protests are also gaining widespread recognition and support world over. With just the application of "share" button a post could go viral – just as simple comment on a Twitter hashtag could draw a global attention and prominence given by netizens to various movements as seen in the #EndSARS scenario.

Theoretical framework

This paper is hinged on the technological determinism theory. The main premise of the theory is that technology has the power to shape social change and also determine the future (Drew, 2021). The theory is also based on the premise that whenever there is advancement in technology, there is also a commensurate shift unto another phase in human history. Asemah, Nwammuo and Nkwam-Uwaoma (2017) align with the foregoing with a position that "...technological determinists interpret technology in general and communication technologies in particular as the basis of society in the past, present and even the future" (p. 298).

The origin of the theory can be traced to Thorstein Veblen (1857—1929) – an American sociologist who first used the term "technological determinism" (Asemah et al., 2017). History is decided by technology (Smith, as cited in Drew, 2021). According to Drew, significant events that proved that technology plays a role in the shaping of society and its history include the invention of writing, stirrups and European feudalism, gunpowder empires, the invention of the printing press, the modern nation-state, and the invention of the internet. The foregoing are few of the numerous example of how technological advancement of every age and time helped to shape human society and history.

The invention of the internet and associated technologies such as computers with microprocessors in the previous century is seen as epoch making event in the history of invention due to its status as the most disruptive of all technologies with respect to the revolution in human experience (Drew, 2021). The foregoing also explains the powers the internet and innovations such as social media wield in human communication and information sharing in general. The platforms of social media (Facebook, Twitter, Instagram and many more) are reputed to be powerful tools in human communication, and the ways people live their lives in modern times.

In organising protest and managing same, social media platforms as powered by the internet are reputed to have opened the scope of public involvement (Madison, 2017). With respect to the foregoing, the speed with which information travels across social media platforms aid authorities such as the government and the police also to be part of the process – whether they receive prior notice or not. In other words, they can get to activate various mechanisms aimed at managing the impact of social movements due to the speed with which social media spread information. The technological determinism theory is the theoretical framework for this study because it helps broaden the understanding of how digital technological impacts on activism with respect to the #EndSARS protest in Nigeria.

Literature review

Globally, social media types of digital media are seen to have replaced the pre-existing structures or techniques of mobilisation as they are considered as major tools used in organising and managing social movements (Ojedokun, Ogunleye & Aderinto, 2021). Similarly, Ajisafe, Ojo and Monyani (2021) revealed in their study that social media play significant roles in not just the mobilisation of resources but the entire mobilisation architecture of social movements – a situation that was glaring during the #EndSARS protest in Nigeria.

A study by Obaid (2020) revealed that social media have considerable influences on social movements which can be viewed from two angles – on one hand, they accelerate or improve the process of recruitment, communication, mobilisation, information dissemination, as well as the expansion of spaces for mobilisation that were hitherto left uncovered by older traditional mobilisation techniques or

methods. Further, Obaid avers that on the other hand, social media's influence on social movement can also be seen in the area of modifications brought into tactics and procedures in stimulating organisation and participation – thereby expanding the scope and mission of social movements in modern times. It is also the reason there can be simultaneous on-ground (offline) and on-line protests – as seen during that of #EndSARS in Nigeria.

According to Ruppel and Arowobusoye (2020) the youths of Nigeria armed with social media tools and without a clear and identifiable leadership organised and promoted the #EndSARS movement – one that clearly showed the impact of the digital technology platforms in modern day protests. Further, Ruppel and Arowobusoye revealed that the use of social media enhanced the protest as hundreds of thousands of youths in Nigeria took part in the movement which saw demonstrations in different parts of the country. Social media platforms such as Facebook, Instagram and Twitter (being the most prominent) became pivotal tools in the protests which were seen on two fronts – online through social media and on the ground as seen in major cities of Nigeria (Ekoh & George, 2021). Further, Ekoh and George likened the EndSARS protest to those organised in the aftermath of the death of George Floyd in the US as social media platforms served as the driving forces behind the two. Organisers utilised social media to pull participants, and also to promote and disseminate information with respect to the most successful social movement in Nigeria organised through the instrumentation of technology (Dark, 2020; Kazeem, 2020; Adekoya, 2021).

A study by Adekoya (2021) revealed that social media played significant roles in the mobilisation and management of EndSARS protest in Nigeria. Further, the study revealed that social media platforms served as channels through which people's views got heard and as tools for dissemination of up-to-date information regarding the protest and activities of the movement. Finally, the study revealed that while the use of social media platforms during the EndSARS protests in the area of mobilisation, sensitisation and management purposes was high, same platforms also served as conduit through which people spread misinformation and outright falsehood on different national issues.

A study by Soladoye and Ojo (2020) also revealed that in Nigeria, social media help in awareness creation with respect to police brutality and had served as a viral tool that got the government involved. Further, the study found and revealed that the use of social media in social movement (especially that of EndSARS) helped to draw the attention of international community and organisations to cases of torture, brutality and abuses faced by Nigerians in the hands of the police force. According to Soladoye and Ojo, a large number of Nigerians took part in the campaigns against police brutality with the use of Twitter to create awareness as the platform served as the power engine that ignited the physical protests witnessed across major towns, communities and cities in the country. In their thousands, Nigerians marched and demonstrated their zeal to see a change in the former ways with which the police handled issues of importance to the nation.

Methodology

This study utilised the library research method to dissect the impact of digital media in 21st century activism. Nigeria recently saw one of such digital-media assisted activism in the form of EndSARS protest. Therefore, library documents which include articles in journals, book chapters and other online materials formed bulk of the sources of data retreieved and utilised for this paper.

Discussion

Social media activism

Generally, Information and Communication Technologies (ICTs) are useful to different social activities in several ways and activism is not left out. Protest movements and activists can take advantage of ICTs to organise, recruit and network, mobilise and coordinate action, carry out independent dissemination of frames related to the movement, and discuss, debate, deliberate and decide (Cammaerts, 2015). From the foregoing, it is clear that ICTs can aid social movement mobilisation and overall management because organisers are at liberty of taking advantage of the available technologies at every point in time.

Social media have transformed into "integral tools for those wishing to provoke social change" (Dumitrica & Felt, 2020, p. 1822). It is instructive to note that digital media gave birth to what is now known as "social media activism". According to Reid & Sehl (2020) social media activism is a form of advocacy or protest towards a specific cause that utilises social media platforms. From organising to promoting the protests or advocacy, social media platforms were adopted and actively deployed or used in the #EndSARS protests that took place in various parts of Nigeria. Again, this aligns with the postulations of the technological determinism theory that technology determines the society we live in. Just as the invention of gun changed how disputes are sorted out (Asemah et al., 2017) so is social media bringing about modifications to the ways protests are organised and managed in Nigeria and elsewhere in the world.

For every protest, there is the need to make attempt to garner public support, because without it, the campaign or movement becomes useless (Egbunike & Olorunnisola, 2015). Further, Egbunike and Olorunnisola observe that mobilisation for movements require media attention, same way negative frames from mainstream media have negative impact on public perceptions of an organisation – a situation with negative impact of a reduction in support base. Before now, social movements' organisers relied heavily on traditional media forms (Breuer, 2012) to help sell their message through frames with a view to garnering public support and sympathy – sometimes at a heavy financial cost. Howbeit, in modern times, social media platforms are changing the narratives, as with little-to-nothing financial input, organisers can sell an idea to the people and subsequently get their support, input and sympathy (Ovide, 2020).

According to Reid and Sehl (2020), social media activism includes activities such as awareness, promotion, and solidarity through the use of available features such as posts, hashtags, and campaigns. For example, #BlackLivesMatter first trended across social media platforms in the United States in 2013 – and the world saw a resurgence in 2020 following viral video of George Floyd's gruesome murder by police officers. As people showed solidarity by sharing and commenting on several hashtags developed during the time, social media activism was on going and receiving acceptance by world people (Olson, 2021). In other words, the spread of word online attracted the support of internet users as people took advantage of virtual platforms.

However, online movement of publicity must be matched with offline action as anything less will amount to "slacktivism" (Reid & Sehl, 2020). Slacktivism is seen as a weak form of activism especially one that is concentrated online such as microblogging (Murthy, 2018). Further, Reid and Sehl observe that merely using hashtags or performing other social media activities may be seen as opportunistic and lazy unless matched with commensurate action – such as street protests or demonstrations. It is such offline protest that emboldens the people who march on the street to effect the desired social change.

In fact, a survey conducted by Pew Research reveals that 69 percent Americans agrees that online platforms are required for a successful social activism (Philips-Alvarez, 2019). Social activism on social media is just as impactful as the offline ones. However, the online campaigns must be matched with offline movement or protest to achieve the desired result, and eventually effect, motivate or occasion the needed change in society. It is pertinent to also note that in modern times, protest organised online, though largely peaceful, most often achieve the desired result within record time (Falola, 2021). Examples are #EndSARS, #BlackLivesMatter among others.

EndSARS and Digital Media Activism in 21st century Nigeria

No doubt virtual protests are on the rise the world over – and what is baffling to authorities is the rate at which the global village concept is playing out when it comes to organising protest in modern times (McCabe, 2021). This is in consonance with technological determinism theory that technologies have the capacity to shape society and human history. EndSARS took Nigerians and the Nigerian government by surprise and as a result, a lot of mistakes were made by the authorities in handling the uprising (Banka, 2020; Maclean, 2020). Further, Maclean revealed that though government set up panels of enquiry, protesters also claimed that coordinated government actions targeted organisers of the protests.

First, let us examine the issues that led to the protest. Created in 1992 by the regime of then military head of state Ibrahim Babangida to fight violent crimes, such as armed robbery and many more, Special Anti-Robbery Squad of the Nigerian Police Force has been accused to carry out its constitutional responsibilities and even more. According to Obia (2020), SARS modus operandi was unconven-

tional unlike the regular police personnel; operatives of the units were tasked to adopt tougher measures to combat crime in Nigeria – a move that may have occasioned the now confirmed cases of abuse. The police tactical unit has been accused of crimes which borders on abuse – torture, kidnapping, extortion, rape, extra-judicial executions, armed robbery and many more.

Prior to the 2020 mass protest, similar ones had earlier been organised in 2016, 2017, 2018 and 2019 respectively while government, on each occasion, appeared to have reached a decision either to reform the unit or disband it. However, none of the promises was seen to materialise, hence the vigour and strength of the 2020 version of the protest against SARS. Though this was not the first time a protest with same demands has been organised, the recent one happened to be the first time the protest received such wide publicity and support (Dark, 2020). Further, Dark avers that social media played a prominent role in ensuring the world gets to know about the protest. In other words, digital media contributed immensely to promoting EndSARS protest in Nigeria in the area of publicity and consequently garnering wide support from every part of the world. In other words, people were influenced to support the movement through their exposure to technology. This is in line with the technological determinism theory that technology available to humans within a particular point in time determines a lot about human activities (Griffin, 2000).

The 2020 protest began early October, when a video of abuse by officers of the SARS unit surfaced online and went viral. In the video, the officers were seen killing the man and fleeing the scene of the act with the vehicle of the victim. The video quickly went viral on social media platforms especially Twitter and Facebook prompting the creation of the hashtag (#EndSARS). In the course of the protest, a #5for5 demand was added to the movement as those who led the movement made five key demands (Ruppel & Arowobusoye, 2020). As further revealed by Ruppel and Arowobusoye, the five demands include: 1) immediate and unconditional release of protesters arrested in the course of the latest struggle of the movement, 2) justice for all deceased victims of police brutality and compensation for families, 3) setting up of a committee to investigate and prosecute reports of police misconducts, 4) psychological evaluation before redeployment of personnel of the disbanded SARS unit in accordance with the new Police Act, and 5) increment in police salary so they get adequate compensation for their duty of protecting lives and property of Nigerian citizens.

The hashtag #EndSARS on Twitter got shared by high profile Nigerians including celebrities with large fan base or following – while several made financial input to help people stay online (Dark, 2020). Relatedly, Twitter CEO Jack Dorsey joined the train and showed support to the movement that adopted digital media to campaign against police brutality in Nigeria with a tweet calling for donations towards the cause through crypto currency (Kaduna, 2020). Twitter has been identified as the main gateway through which the #EndSARS campaign drew wide

support locally and internationally because with the hashtag receiving support from prominent people in society and even the Twitter CEO, the movement received the desired attention and recognition.

It is noteworthy that elsewhere, it has been argued that the protest was beyond the calls to end police brutality (Agbalajobi, 2020). Further, Agbalajobi describes the EndSARS protest as "the result of pen-up anger" (para. 7), occasioned by series of government policies that are considered dehumanising, and the tough times the young generation of Nigerians are made to go through on a daily basis. Therefore, the youths took advantage of the times coupled with the global village idea to press home their demands in total disregard of several warning and fear-mongering initially sold to them by authorities. Though the protest later turned violent when military personnel allegedly opened fire on peaceful protesters, the aim was not still defeated as the youths in their thousands sent a strong message to the government of their resolve to effect the desired change.

The sub-heads "social media activism" and "EndSARS and digital media activism in 21st century Nigeria" as presented and discussed above both provide evidences for the findings based on research question one (1). The research question sought to determine the meaning of social media activism within the context of #EndSARS protest in Nigeria. The sub-heads provide insights to the meaning of the term "social media activism" and showed how it can be used or apllied within the events that unfolded in Africa's most populous nation.

Ways digital media was used to mobilise, promote and manage #EndSARS

As earlier observed, several digital or new media platforms were used to either promote or provide coverage to the EndSARS protest that took place across Nigeria in 2020 (Kazeem, 2020) with the prominent amongst these platforms being Facebook and Twitter. Also, as observed earlier, the move to actively use digital media became necessary following a regulatory body's guidelines released to traditional media organisations in the wake of the protest to ensure undue publicity is not given to the protesters. In other words, protesters were left to seek alternative means to give their movement a global recognition. Since social media has been reported to be useful in promoting civil actions elsewhere, the need to also adopt technologies became the surest way out for members of ENDSARS movement. Interestingly, Twitter was one of the most prominent.

According to Obia (2020), Twitter served three major purposes in the course of the #EndSARS protest, as the platform was used to coordinate the campaign, to give it a global voice, and to berate anyone or group opposed to the campaign in one way or another. Hereunder, functions of Twitter as one of the digital media or mediums used during the protest are discussed:

- Twitter as a tool for coordinating EndSARS protest – According to Obia (2020), participants in the movement through Twitter received information, and daily update on the activities of the campaign. For examples, venues and other information such as the time for takeoff at different locations in Nigeria

was shared daily on Twitter to enable participants converge at specific locations for the movement to be orderly. Kazeem (2020) captures this as the seamless transition between online and offline campaigns. Further, Kazeem states that with just a share of location, crowds grew from just a dozen to hundreds of people participating in the protests that rocked Nigeria.

- Twitter as a tool for amplifying EndSARS protest – Once the local media turn its back on the protest as instructed by the regulatory body, NBC, frontline people in the EndSARS movement turned to digital media. Obia (2020) observes that the aim of using digital media was to give international media organisations adequate information in order to get media space – a feat which was achieved and celebrated by the protesters. Similarly, Obia further notes that Twitter was used to garner the needed support and build conversations and traffic around hashtags among which are #EndSARS, #EndPoliceBrutality, #SARSMustEnd, and #EndSARSNow. Kazeem (2020) avers that with over 28 million tweets, there is no doubt whatsoever, that the protest was largely successful on virtual platforms where it all began.
- Twitter as a tool for virtual attacks on opposers of the movement or individuals and brands who kept mute – Evidences abound that Twitter was also used to call out those who either kept mute, or did not identify with protesters (Obia, 2020). In these categories include high profile individuals such as celebrities, financial institutions such as banks, consortium, MNCs amongst others.

Digital media and technologies also played a major role in the protest as they were used as means to raise funds for the movement. On one hand, links to donation websites or platforms were shared on Twitter, and on the other, same or similar technologies helped in easing the process of donations. According to Kazeem (2020), donation link to help mobilise funds from home and abroad to support people who occupied major places in Nigeria were put up in order to make the crowdfunding process a seamless one. The foregoing also buttresses the postulation of technological deterinism with respect to the use of technology and the power technological inventions and innovations wield in our society.

Whereas, Twitter can be referred to as the "main base" for the #EndSARS campaigns, other social media platforms such as Facebook and YouTube were also used. For example, several pages promoting the movement on Facebook sprang up in the wake of the protest – a page EndSars on the platforms has over 3,000 members. It was mainly used as alternative platform to keep people informed about activities of the movement. It is pertinent to note here that Twitter remained the main base, with support from other platforms. Again, celebrities and interest groups also contributed in ensuring that the different hashtags trended across platforms – Facebook, Twitter, WhatsApp, etc.

The discourse above presents answers to research question two (2). The research question sought to ascertain the ways through which digital media were deployed in the organisation and overall management of #EndSARS protest in the face of the snub by the restricted mainstream media in Nigeria. The section presents how social media platforms such as Twitter and Facebook gave the protest the needed online presence and prominence across the world just as much as it was used to reach participants in Nigeria and elsewhere in the world.

Lessons learnt from the #EndSARS movement

One of the most significant lessons learnt from the #EndSARS campaign is that Nigerians across ethnic and religious divides could unite for a common cause. Away from the ethnic colouration usually given to political issues by the elite class, EndSARS protest, against all odds, proved to have unified young Nigerians from all walks of life for a common cause of ending police brutality (see Ayandele, 2021). Until the initial hijacking by hoodlums, and later the armed men invasion of Lekki Toll Gate, protesters were peaceful and resolute with a call for the disbandment of SARS and an end to all forms of police brutality in Nigeria.

Another lesson from the campaign is that the people can always achieve whatever it is they collectively set as objective. Just like the previous protests, the Nigerian Police Force through its Inspector General announced the disbandment or dissolution of the SARS on October 11, 2020 just few days into the nationwide protest (see Obia, 2020). However, it is pertinent to note that the youths who already got used to such press statements did not care but pushed further for a force-wide reforms and serious commitment from government on prosecuting perpetuators of the alleged crimes committed by the units. Though the protest led to the Lekki shootings and subsequent setting up of a panel of enquiry, the main aim which was to end police brutality seem to have been achieved as the disbandment of SARS and subsequent announcement of the formation of SWAT was seen by some as a different dimension. Therefore, digital media can be a force to reckon with in 21st century activism.

Following the wide condemnation that trailed the Lekki toll gate shooting, it has taught the Nigerian government lessons about digital media (Ruppel & Arowobusoye, 2020). With the mobile phone and access to the internet, the young Nigerian can reach a million of people world over in a matter of minutes. The #EndSARS protest was largely organised and led by the youths of Nigeria who were armed with the most sophisticated types of gadget to tell their story to the world their own way, fashion or style (Ajisafe et al., 2021). Regardless of the tactics employed to quell the movement, it has sent a message that technology and indeed social media is a tool for change. This aligns with the position of Spasojevic (2017) who asserts that with the role of social media in the uprising in Iran in 2009 and that of Egypt in 2011, social media has proven to be a tool for social, political and social change.

Another important lesson derivable from the #EndSARS protest of 2020 is that Nigerians are writing a new social contract (Agbalajobi, 2020). Looking back at history, the political elites are known to always take Nigerians for granted because, according to some of them, Nigerians cannot really organise themselves to demand for what is due to them or what is right. However, Agbalajobi observes that this generation of Nigerians have the intention to change public perception or understanding of the outlook or form a relationship between the political elites and the people should take. This time around, it is, indeed, loud and clear in the manner the protests were organised and managed, that is, with respect to the #EndSARS protest.

The protest has taught Nigerians a new lesson about the power of the citizens to develop a culture of ensuring government respect their rights. This is in agreement with the proposition of the technological determinism theory that "technology is viewed as the driving force of culture in a society and it determines its course of history" (Asemah et al., 2017, p 295). In Nigeria, cases of right abuses are ever-increasing – at least, according to several reports (Ibekwe 2019; Mbamalu, Daka & Onochie, 2020; Ojeme, 2021). Sometimes, it even seems as the practice is institutionalised in some parts of the country – as most of government agencies saddled with responsibilities "to promote and protect human rights and dignity failed relatively if not totally" (Ofoegbu, 2014, p. 69). However, through the #EndSARS protest, the youths of Nigeria were able to expressly state the kind of government they want (Ojewale, 2020) and also went further to paint a picture of the Nigeria they want to build for the future generations.

How digital media poses as challenge to activism

The biggest challenge of digital media to activism in Nigeria is that platforms, post and hashtags give popularity to players in unimaginable proportions (Paul, 2019). The danger here is that government can also rely on same platforms to target the organisers and major or key players of the movement including the social media platforms used. As seen during the recent #EndSARS protest, key actors were identified and singled out for punishment. For example, bank accounts belonging to some members of the movement were frozen (though the courts later ruled in their favour). The Federal Government of Nigeria suspended the micro- blogging site Twitter following the protest with the smokescreen that the platform played roles in undermining the country's corporate existence (Ajisafe et al., 2021). Though the ban has now been lifted, the message is clear as to how the use of platforms could trigger a fight back by the authorities who may see them as powerful tools in the hands of members of the society.

Authorities seeing the power of digital media can also rely on fictitious charges to press for policies to regulate social media platforms. Communist China has proven (against the belief that the Internet cannot be policed) that indeed, it is possible to censor and even police virtual environment and platforms. This, according to Hari (2014), stems from the increasing distrust on the part of the

government. There is a growing concern that social media or other digital media can so empower the people to start a virtual revolution that will consume the political elites – at least the Nigerian government also expressed such fears (Olowolagba, 2021). In so many ways, it impacts negatively on activism due to the negative publicity that may be freely provided and the seeming power platforms exude.

Consequently, governments who wish to censor free speech can rely on events such as the EndSARS protest to push for censorship or regulation of social media (see Baiyewu, 2020). Further Baiyewu reveals that though a bill to regulate social media was initiated and is currently being considered by the National Assembly of Nigeria, events surrounding the EndSARS protest provide good grounds that justify the position and grounds of the sponsors of the bill. The Nigerian minister of Information – Lai Mohammed was quoted to have said that the Nigerian government needs technology and requisite resources to police the social media (Osae-Brown, 2020). Parliamentarians debated the issue of death penalty on anyone convicted of deliberately spreading falsehood on social media. Though Nigeria is a religious and ethno-sensitive nation, political leaders can hide behind such laws to punish opposing or dissenting voices (Santas & Inobemhe, 2021).

Digital media such as social media can also create a false sense of activism, and is capable of diminishing efforts put into a cause (Medina, 2020). People can rely on digital activism and develop a sense that online protest could be equivalent to offline ones – a scenario that can easily develop into a false sense of activism. In other words, digital activism could lead to slacktivism and it is not good for social movements – as it comes with negative effects of collective efforts of social movements because certain elements may avoid physical activities without even knowing it. A protest can only be successful when it stems from a collective effort of all stakeholders – whether it requires physical assemblage or not. In other words, a protest whether physical or online may achieve the set goals and objectives when it is backed by the people. In most cases, the foregoing is the case especially when backed by a vocal few or majority of the people in any society.

There is also a personal cost to digital activism (Dumitrica & Felt, 2020). With respect to the foregoing, Dumitrica and Felt opine that digital activism is capable of taking a toll on personal and professional life of an individual, and though they could pull through the process of digital activism – sometimes through the help of participants, the long-term effect could be "burnout" which could hamper on future involvement (p.1830). In the study caried out by Domitrica and Felt, certain areas such as personal relationship, emotional outburst due to trolls and online bullies were identified by participants as some of the ways digital activism affected their lives. The foregoing discourse contain findings to research question three (3) which sought to find out ways social media pose as challenge activism within the context of #EndSARS movement in Nigeria. It is noteworthy that the challenges as discussed above are not exhaustive.

Conclusion

The paper concludes that social media activism refers to the use of platforms such as Facebook, Twitter and the likes to successfully launch and prosecute social change angenda. Within the context of the #EndSARS in Nigeria, the study also concludes that the digital media played significant roles in the organisation and management of the protest as the hashtag got the requisite global attention due to its successful launch and use across virtual platforms by Nigerians who took part in the entire process – from start to finish.

From the above discussion, the paper concludes that digital media especially social forms have so great an impact on 21st century activism globally, and Nigeria is not left out. From the Arab Spring that rocked the Arab world from 2010 through 2012 to #BlackLivesMatter movement in America, and then to #OccupyNigeria and #EndSARS in Nigeria, digital media have had tremendous impact on the way activism is conducted in modern times. Most significantly, social media platforms were used for varied purposes during the #EndSARS protest as they proved useful in fund-raising, garnering support and amplifications of the most popular social media-organised and sustained social movement in Nigeria in recent times. This was even more significant owing to the near total snub the protest initially got from the mainstream media in the country.

However, it is noteworthy that though digital media played a major role in the aforementioned social movements, certain other pre-existing factors also contributed. In the case of Nigeria, the youths saw an opportunity to send a clear and strong message to the ruling class of their resoluteness in taking back the nation from the brinks of collapse due to poverty, unemployment, hunger, growing inflation, and other economic issues. Another area that required attention – and from which this can better be viewed – is that of the perspective of the polarisation and division of the Nigerian populace along ethnic and religious lines mainly by the political elites. Therefore, an opportunity came for the youths of Nigeria to write their names in gold as a generation that did not fold its arms and watch but actively played a part (through the instrumentation of social media) in saving the nation from the brink.

Recommendations

On the basis of findings of this study, the following recommendations may be useful:

1. Nigerians must understand the power of social media platforms at organising social change movements and work towards ensuring that they are put to proper use to actualise future ones. Therefore, citizens must learn how to make proper use of platforms thereby shunning cyber-stalking and bullying (which forms part of grounds upon which proponents of social media regulations base their arguments). Such can be achieved through thought-

provoking self-examination and excersing a degree of restraint even in the face of provocation across platforms.

2. The government must recognise the power of a united people and the impact of technology in our world in modern times and therefore work in sync to promote communication with the people using platforms – rather making moves to overregulate them. When government embark on constant communication with the people, this will ensure that a cordial relationship is built upon mutual understanding and respect – and therefore minimise rancour.
3. Having realised the strength of social media platforms within the context of social media activism, government of Nigeria must now seek ways to address pre-existing social factors such as poverty, unemployment, hunger and other social ills that motivate anti-government social movements in the country – whether offline or online. This can be done through pro-people policies aimed at addressing root causes of the hydra-headed challenges bedevelling the country.

References | Список литературы

Agbalajobi, D. (2022, October 20). *Why #EndSARS protests are different, and what lessons they hold for Nigeria*. The Conversation. https://theconversation.com/amp/why-endsars-protests-are-different-and-what-lessons-they-hold-for-nigeria-148320

Ajisafe, D., Ojo, T. A., & Monyani, M. (2021, June 28). The impacts of social media on the #EndSARs# youth protests in Nigeria. *Proceedings of the ICTeSSH 2021 Conference*. Proceedings of the ICTeSSH 2021 conference, Virtual conference. https://doi.org/10.21428/7a45813f.638ef816

Akeredolu, F. (2020). *Nigerian protesters are making history, again*. Stears Business. https://www.stears.co/article/nigerian-protesters-are-making-history-again/

Alozie, B. (2020, August 7). *How Igbo women activists influenced British authorities during the colonial rule of Nigeria*. Quartz. https://qz.com/africa/1889847/how-nigerias-igbo-women-influenced-british-colonial-rule/

Ani, I. (2020, November 2). *Nigeria's #EndSARS Movement and Media Suppression*. Columbia Journalism Review. https://www.cjr.org/analysis/nigeria-endsars-press-freedom.php

Asemah, E. S., Nwammuo, A. N., & Nkwam-Uwaoma, A. O. A. (2017). *Theories and models of communication*. Jos University Press.

Ayandele, D. O. (Jumo). (2021, February 9). Lessons from the #EndSARS Movement in Nigeria. *ACLED*. https://acleddata.com/2021/02/09/lessons-from-the-endsars-movement-in-nigeria/

Baiyewu, L. (2020, October 27). #EndSARS: We must regulate social media before it destroys us –FG. *Punch Newspapers*. https://punchng.com/endsars-we-must-regulate-social-media-before-it-destroys-us-fg/

Banka, N. (2020, November 20). Explained: Why have the #EndSARS protests rocked Nigeria? *The Indian Express*. https://indianexpress.com/article/explained/nigeria-protest-corruption-government-sars-7058604/

Breuer, A. (2012). The Role of Social Media in Mobilizing Political Protest: Evidence from the Tunisian Revolution. *SSRN Electronic Journal*, 10. https://doi.org/10.2139/ssrn.2179030

Cammaerts, B. (2015). Social media and activism. In R. Mansell & P. Hwa (Eds.), *The international encyclopedia of digital communication and society* (pp. 1027–1034). Wiley-Blackwell.

Dark, S. (2020, October 25). *#EndSARS: How Nigerians harness social media against police abuse*. Aljazeera. https://www.aljazeera.com/news/2020/10/25/endsars-how-nigerians-use-social-media-against-police-brutality

Digital systems. (n.d.). Digital Technology Hub. https://www.digitaltechnologieshub.edu.au/teachers/topics/digital-systems

Drew, C. (2021, September 16). *Technological Determinism Theory (5 Examples, Pros & Cons)*. Helpful Professor. https://helpfulprofessor.com/technological-determinism-theory/

Dumitrica, D., & Felt, M. (2020). Mediated grassroots collective action: Negotiating barriers of digital activism. *Information, Communication & Society*, 23(13), 1821–1837. https://doi.org/10.1080/1369118X.2019.1618891

Edwards, F., Howard, P. N., & Joyce, M. (2013). *Digital Activism and Non-Violent Conflict* (SSRN Scholarly Paper No. 2595115). https://doi.org/10.2139/ssrn.2595115

Egbe, A. (n.d.). *Activism creates distinction*. https://www.laga-enforcement.org/media/presentations/power%20point%20presentation%20-%20Activism%201.pdf

Egbunike, N., & Olorunnisola, A. (2015). Social media and the #Occupy Nigeria Protests: Igniting or damping a Harmattan storm? *Journal of African Media Studies*, 7(2), 141–164. https://doi.org/10.1386/jams.7.2.141_1

Ekoh, P. C., & George, E. O. (2021). The Role of Digital Technology in the EndSars Protest in Nigeria During COVID-19 Pandemic. *Journal of Human Rights and Social Work*, 6(2), 161–162. https://doi.org/10.1007/s41134-021-00161-5

Facsar, F. (2020). *Nigeria's #EndSARS protests: What you need to know – DW – 10/22/2020*. Dw.Com. https://www.dw.com/en/what-you-need-to-know-about-nigerias-endsars-protests/a-55362389

Falola, T. (2021). *Understanding Modern Nigeria: Ethnicity, Democracy, and Development* (1st ed.). Cambridge University Press. https://doi.org/10.1017/9781108936866

George, A. (2020, October 25). The roots of the #EndSARS protests in Nigeria. *Washington Post*. https://www.washingtonpost.com/outlook/2020/10/25/roots-endsars-protests-nigeria/

Gilbert, E. (2021, April 6). The Role of Social Media in Protests: Mobilising or Polarising? *89 Initiative | The First European Think-Do Tank*. https://89initiative.com/the-role-of-social-media-in-protests-mobilising-or-polarising/

Goldberg, D. (2019, July 29). *What Is Digital Media and How Can It Help My Career?* Springboard Blog. https://www.springboard.com/blog/design/digital-media/

Goodman, P. (2021). *20 Examples of Digital Technology*. TurboFuture. https://turbofuture.com/misc/Examples-of-Digital-Technology

Granillo, G. (2020). *The Role of Social Media in Social Movements*. Portland Monthly. https://www.pdxmonthly.com/news-and-city-life/2020/06/the-role-of-social-media-in-social-movements

Griffin, E. (2000). A *first look at communication theory* (4th ed., pp. xx, 526). McGraw-Hill.

Hari, S. I. (2014). The Evolution of Social Protest in Nigeria: The Role of Social Media in the "# OccupyNigeria" Protest. *International Journal of Humanities and Social Science Invention*, 3(9), 33–39.

Ibekwe, N. (2019, March 22). How widespread impunity is encouraging right abuses in Nigeria – U.S. report. *Premium Times Nigeria*. https://www.premiumtimesng.com/news/headlines/321535-how-widespread-impunity-is-encouraging-right-abuses-in-nigeria-u-s-report.html

Igyuve, A., Inobemhe, K., Ugber, F., & Udeh, N. T. (2020). A discourse on the use of new media technologies in Nigerian television newsrooms. *International Journal of Social Sciences and Management Review*, 3(6), 247–264.

Kaduna, G. (2020a, October 15). #EndSARS: Again, hoodlums attack protesters in Lagos. *Premium Times Nigeria*. https://www.premiumtimesng.com/regional/ssouth-west/420933-endsars-again-hoodlums-attack-protesters-in-lagos.html

Kaduna, G. (2020, October 15). Twitter CEO Jack Dorsey joins #EndSARS campaign, calls for Bitcoin donations. *Premium Times Nigeria*. https://www.premiumtimesng.com/news/top-news/420909-twitter-ceo-jack-dorsey-joins-endsars-campaign-calls-for-bitcoin-donations.html

Kazeem, Y. (2020, October 13). *How a youth-led digital movement is driving Nigeria's largest protests in a decade*. Quartz. https://qz.com/africa/1916319/how-nigerians-use-social-media-to-organize-endsars-protests/

Maclean, R. (2020, November 13). Nigeria Goes on Offensive Against Youth Protesting Police Brutality. *The New York Times*. https://www.nytimes.com/2020/11/13/world/africa/Nigeria-EndSARS-protests.html

Madison, S. (2017, January 9). *How Social Media Has Changed the Way Political Movements Organize*. GovTech. https://www.govtech.com/gov-experience/How-Social-Media-Has-Changed-the-Way-Political-Movements-Organize.html

Marnicio, A. (2014). From progressive to repressive: The role of social media in the Syrian conflict. In *Trajectories of change: Challenge and transformation in the wake of the Arab spring* (pp. 43–47). https://www.bakerinstitute.org/research/trajectories-change-challenge-and-transformation-wake-arab-spring

Mbamalu, M., Daka, T., & Onochie, B. C. (2020, March 19). U.S. report indicts Nigeria for rights abuse, killings. *The Guardian Nigeria News - Nigeria and World News*. https://guardian.ng/news/u-s-report-indicts-nigeria-for-rights-abuse-killings/

McCabe, R. (2021). *Global Political Protests and the Future of Democracy*. Center for Strategic & International Studies. https://www.csis.org/analysis/global-political-protests-and-future-democracy

Medina, G. (2020, August 3). *The latest social media challenge is promoting lazy activism*. The Cougar. http://thedailycougar.com/2020/08/03/social-media-challenges-false-activism/

Murthy, D. (2018). Introduction to Social Media, Activism, and Organizations. *Social Media + Society*, 4(1), 205630511775071. https://doi.org/10.1177/2056305117750716

Nwoziri, H. (2020). *The Impact of Digital Technology on the 21st Century Youth. – Aspilos Foundation*. https://aspilosfoundation.org.ng/2020/09/22/the-impact-of-digital-technology-on-the-21st-century-youth/

Obaid, H. (2020, April 14). The Impact of Social Media on Social movements and public opinion formation. *Visto*. https://vistointernational.org/publications/the-impact-of-social-media-on-social-movements-and-public-opinion-formation/

Obia. (2020, November 11). #EndSARS, a Unique Twittersphere and Social Media Regulation in Nigeria. *Media@LSE*. https://blogs.lse.ac.uk/medialse/2020/11/11/endsars-a-unique-twittersphere-and-social-media-regulation-in-nigeria/

Odoh, I. (2020, October 18). *#ENDSARS protests may bring down APC in 2023, Experts warn*. Business Day. https://businessday.ng/amp/politics/article/endsars-protests-may-bring-down-apc-in-2023-experts-warn/

Ofoegbu, J. (2014). The place of human rights in Nigeria's democracy. *OGIRISI: A New Journal of African Studies*, 10(1), 60. https://doi.org/10.4314/og.v10i1.4

Ojedokun, U. A., Ogunleye, Y. O., & Aderinto, A. A. (2021). Mass mobilization for police accountability: The case of Nigeria's #EndSARS protest. *Policing: A Journal of Policy and Practice*, 15(3), 1894–1903. https://doi.org/10.1093/police/paab001

Ojeme, V. (2021, April 1). *Nigeria records significant human rights abuses in 2020-US 2020 Report*. Vanguard News. https://www.vanguardngr.com/2021/04/nigeria-records-significant-human-rights-abuses-in-2020-us-2020-report/

Ojewale, O. (2020, October 29). Youth protests for police reform in Nigeria: What lies ahead for #EndSARS. *Brookings*. https://www.brookings.edu/blog/africa-in-focus/2020/10/29/youth-protests-for-police-reform-in-nigeria-what-lies-ahead-for-endsars/

Okunola, A. (2020, October 1). *10 Activists in Nigerian History Who Represent the Resilience of Its People*. Global Citizen. https://www.globalcitizen.org/en/content/nigeria-independence-activists-history-resilience/

Olaoluwa, A. (2020, December 1). End Sars protests: The Nigerian women leading the fight for change. *BBC News*. https://www.bbc.com/news/world-africa-55104025

Olowolagba, F. (2021, June 10). EndSARS protest was not to overthrow govt—Nigerians counter Buhari. *Daily Post Nigeria*. https://dailypost.ng/2021/06/10/endsars-protest-was-not-to-overthrow-govt-nigerians-counter-buhari/

Olson, R. (2021). Roles of Social Media in the Black Lives Matter Movement During COVID-19. *Honors Projects*, 838. https://scholarworks.gvsu.edu/honorsprojects/838/

Olukoya, S. (2021, April 28). *Protesters attacked in Nigerian demos against police abuse*. AP NEWS. https://apnews.com/article/police-police-brutality-africa-lagos-nigeria-64a909a53c4916bff606becc53b93601

Osae-Brown, A. (2020, November 11). Nigeria Mulls Social Media Rules as #EndSARS Protests Go Online. *Bloomberg.Com*. https://www.bloomberg.com/news/articles/2020-11-11/nigeria-mulls-social-media-rules-as-endsars-protests-go-online

Ovide, S. (2020, June 18). How Social Media Has Changed Civil Rights Protests. *The New York Times*. https://www.nytimes.com/2020/06/18/technology/social-media-protests.html

Paul, E. (2019, November 8). *From hashtags to the reality: 5 impactful social movements in Nigeria that started on Twitter*. Techpoint Africa. https://techpoint.africa/2019/11/08/social-movements-twitter-nigeria/

Philips-Alvarez, L. (2019, October 1). *10 Facts About Social Activism*. The Borgen Project. https://borgenproject.org/10-facts-about-social-activism/

Police fire tear gas in Nigeria 'Democracy Day' protests. (2021). Aljazeera. https://www.aljazeera.com/news/2021/6/12/police-fire-tear-gas-to-break-up-nigeria-protests

Prilleltensky, I. (2020). *The Importance of Activism during a Crisis| Office of Institutional Culture | University of Miami*. University of Miami. https://culture.miami.edu/blog/importance-of-activism/index.html

Reid, A. (2020, July 7). Genuine Social Media Activism: A Guide for Going Beyond the Hashtag. *VII Digital*. https://www.viidigital.com/genuine-social-media-activism-a-guide-for-going-beyond-the-hashtag-2/

Ruppel, S., & Arowobusoye, O. (2020, October 27). #EndSars: How Social Media Challenges Governance - the Case of Nigeria. *PRIF BLOG*. https://blog.prif.org/2020/10/27/endsars-how-social-media-challenges-governance-the-case-of-nigeria/

Santas, T., & Inobemhe, K. (2021). Social Media Regulation in a Democratic Nigeria: Challenges and Implication. *Media & Communication Currents*, 5(1), 71–88.

Simon, D., Grimes, M., & Roch, S. (2018). Digital media and communications. In D. Simon (Ed.), *Communication for Business Professionals* (pp. 1305–1332). eCampusOntario.

Soladoye, A. A., & Ojo, A. O. (2020). Impact of social media on police brutality awareness in Nigeria. *International Journal for Management and Modern Education*, 1(1), 14–27.

Spasojevic, L. (2017). *Social Media as a Tool for Political Change: The Uprising in Iran (2009) and Egypt (2011)* [Master's thesis, Harvard Extension School]. https://dash.harvard.edu/handle/1/33826164

Ugobude, F. (2020, October 21). *How Technology Is Playing a Crucial Role in the #EndSARS Protests*. OkayAfrica. https://www.okayafrica.com/protest-in-nigeria-end-sars-technology/

Wallis, J., & Given, L. M. (2016). #digitalactivism: New media and political protest. *First Monday*, *21*(2). https://doi.org/10.5210/fm.v21i2.5879

Watson, R. O. (2005). *Thirteen types of activism*. Dictator Watch. https://www.dictatorwatch.org/A101/dwguide/thirteentypes.html

What Is Digital Media? All You Need to Know About New Media. (2020, March 4). *Maryville Online*. https://online.maryville.edu/blog/what-is-digital-media/

Galactica Media: Journal of Media Studies. 2022. No 4 | ISSN: 2658-7734
Media Activism | https://doi.org/10.46539/gmd.v4i4.278

"Nobody Asked You to Nicker" – Monstration Slogans as a Speech Genre

Anna S. Krasnikova

Catholic University of Milan. Milan, Italy. Email: anna.krasnikova[at]unicatt.it

Received: 5 May 2022 | Revised: 14 July 2022 | Accepted: 28 July 2022

Abstract

The paper analyses the slogans of "Monstration", a manifestation that was held for the first time in Novosibirsk in 2004 and has become an important social and cultural event in many other Russian cities as well as in some other countries. The corpus compiled by the author includes about 4000 slogans and allows, basing on the theory of speech genres, to highlight the main topics and structural features of this type of texts and to identify their similarities and differences with the slogans of political manifestations. The study proves that Monstration may be considered as a form of "linguistic self-defense" and could be compared with the linguistic resistance that existed in the Soviet Union: the totalitarian language that dominated the public sphere was opposed by the anti-totalitarian language used in the sphere of personal communication; and one of the main instruments of the anti-totalitarian linguistic self-defense was irony. It seems that in 2019, the totalitarian language in Russia was yet at such a stage of development that language resistance was relevant; however, it was feasible not only in private space (and the Internet), but also manifested itself in public space from time to time.

Keywords

Monstration; Carnival; Speech Genre; Slogans; Antitotalitarian Language; Linguistic Self-Defense; Mikhail Bakhtin; Manifestations; Contemporary Russia; Russian Subcultures

This work is licensed under a Creative Commons «Attribution» 4.0 International License

Galactica Media: Journal of Media Studies. 2022. No 4 | ISSN: 2658-7734
Медиа-активизм | https://doi.org/10.46539/gmd.v4i4.278

«Никто не просил вас ржать»: лозунги Монстрации как речевой жанр

Красникова Анна Сергеевна

Миланский католический университет. Милан, Италия. Email: anna.krasnikova[at]unicatt.it

Рукопись получена: 5 мая 2022 | Пересмотрена: 14 июля 2022 | Принята: 28 июля 2022

Аннотация

В статье анализируются лозунги ежегодного шествия Монстрация, впервые проведенного в Новосибирске в 2004 году и сейчас уже ставшего важным социальным и культурным событием во многих других российских городах и в некоторых других странах. Для проведения данного исследования автором был составлен корпус текстов, включающий в себя около 4000 лозунгов Монстраций, прошедших в Новосибирске в 2010–2019 годах. На материале корпуса и с опорой на теорию речевых жанров Михаила Бахтина были выделены основные темы и особенности структуры лозунгов Монстраций, а также выявлены их сходства и различия с лозунгами политических манифестаций. Результаты настоящего исследования, в частности, показывают, что отличительные черты Монстрации ставят ее в один ряд с языковым сопротивлением, получившим особое развитие в советские годы. Тоталитарному языку, господствовавшему в публичной сфере, противостоял антитоталитарный язык, существовавший в сфере личного общения, и одним из главных его инструментов являлась ирония. Как нам представляется, еще в 2019 году тоталитарный язык в России находился на той степени развития, что языковое сопротивление было возможно не только в закрытом поведении и приватном пространстве (и в интернете), но время от времени проявляло себя и в пространстве публичном.

Ключевые слова

Монстрация; карнавал; речевой жанр; лозунги; антитоталитарный язык; языковая самооборона; Михаил Бахтин; манифестации; современная Россия; российские субкультуры

Это произведение доступно по лицензии Creative Commons “Attribution” («Атрибуция»)4.0 Всемирная

История Монстрации

Монстрация, существующая с 2004 года, возможно, единственное шествие в современной России, соответствующее бахтинским характеристикам карнавала, и уже только поэтому она заслуживает внимательного изучения. Кроме того, являясь миром «наоборот», она отражает мир первый, изначальную реальность в ее самых актуальных точках, в самых острых для участников карнавала темах. Исследований, посвященных Монстрации, пока очень мало[1], поэтому начнем разговор о ней с самого начала, вкратце описав ее возникновение, историю и основные черты.

Предшественниками Монстрации можно считать «Ленту Стебиуса» – акцию, которая состоялась 20 ноября 1995 года в Новосибирске. Художники вышли на улицу с абсурдными лозунгами: «Истина в вине, но в водке – правда»; «Да здравствует партия фортепиано»; «Почто французы Пушкина убили» и др. (beryazev.livejournal.com/91206.html; beryazev.livejournal.com/91698.html); акцию творческого объединения «СВОИ2000» в Москве в 1999 году, которое организовало колонну в традиционном первомайском шествии: демонстранты под музыку оркестра «Пакава Ить» несли плакаты «Ы-ы-ыть!», «Закрыто», «Рефераты. Сочинения», цветные растяжки без слов и проч. (Корецкий, 2002); акцию «Демонстрация» общества «Радек»: участники пристраивались к толпе, ждущей зеленого света на перекрестке, и потом переходили вместе с ней улицу, разворачивая кумачовые лозунги «Sex Marx Karl Pistols», «Каждому 700 $» и т.п.

Но это все были разовые акции, а постоянным и массовым шествием стала именно Монстрация. Впервые она прошла в 2004 году в Новосибирске по инициативе художников группы CAT (Contemporary Art Terrorism): Артема Лоскутова, Максима Нероды, Екатерины Дробышевой и других. Первую акцию, по словам Артема Лоскутова, который и по сей день остается главным организатором Монстрации, готовили 10–15 человек, отправив приглашение по электронной рассылке о художественных событиях и «не особо рассчитывая, что придет кто-то еще» (Лоскутов, 2016). На приглашение откликнулось несколько десятков человек: на шествии в 2004 году собралось около 80 участников.

Намерением организаторов было вывернуть наизнанку ритуальную первомайскую демонстрацию, давно уже потерявшую всякий смысл, превратить ее в живое событие, наполненное эмоциями и чувствами, «вернуть в этот день протест»:

1 Известные нам публикации в хронологическом порядке: Надежкин, 2014; Матюсова, 2017; Ефанова & Матюсова, 2018; Krasnikova, 2020. Кратко о влиянии лозунгов Монстраций на лозунги протестных митингов 2011 года см.: Алексеевский, 2014, с. 65.

> Давайте вынесем традиционные красно-белые транспаранты, не вот это уже пережеванное, усвоенное системой, абсолютно ничего не вызывающее, никаких эмоций и никаких реакций; транспаранты, которые люди выносят, потому что им их выдали с грузовика какого-нибудь, … давайте напишем наши эмоции и чувства … и посмотрим, что будет (Там же).

Лоскутов утверждает, что и тогда, и в последующие годы плакаты Монстраций выражали и выражают «личные переживания людей, которыми им хочется поделиться с окружающим миром». Он также сравнивает Монстрацию с айкидо: «Когда ты пользуешься какими-то ярлыками, которые на тебя пытается навесить власть, ускользнуть из-под этих ярлыков, как-то их переиграть и все еще остаться где-то в автономии от общекультурной ситуации» (Там же).

С 2010 года Монстрация начинает проходить как самостоятельное шествие – и из-за того, что число участников за шесть лет значительно выросло, и из-за того, что с 2009 года мэрия Новосибирска поменяла маршрут официальной первомайской демонстрации на новый, который организаторы Монстрации принимать отказались. Специальных подсчетов числа монстрантов никто не вел, и сейчас уже вряд ли удастся восстановить точные цифры, поэтому приходится опираться на свидетельства организаторов, участников и СМИ: на первую независимую Монстрацию собралось около двух тысяч человек[1], в 2011–2019 годах на нее выходило от двух до четырех тысяч[2]. В 2020–2021 годах из-за пандемии коронавируса Монстрация проводилась в интернете: в соцсетях первого мая вывешивались сотни плакатов, сделанных в самоизоляции.

С 2010 года ширится и география шествия: в 2010-м году оно прошло в 11 городах, а в 2019 году – в 33-х, от Владивостока до Ярославля (в 31 российском, одном белорусском и одном болгарском)[3].

На страницах Монстрации ВКонтакте – главном онлайн-ресурсе шествия – ей дается такое (анонимное) определение:

> Монстрация (от слова демонстрация) — близкое к хэппенингу игровое действо без готового сценария, массовая художественная акция в форме демонстрации с лозунгами, которые придумывают участники проекта. Содержание транспарантов по большей части абсурдно и аполитично — например, «Я больше не буду!», «Ы-ы-ыть!», «Кто здесь главный?» и т. п. Монстрация как форма паблик-арта располагается в пространстве между художественной деятельностью, социальной активностью и политическим жестом. Подвергая сомнению и травестируя «серьезные» политические демонстрации, Монстрация является отчётливым протестом против отсутствия публичной политики в стране, она не просто маркирует границы гражданских свобод, но и раздвигает эти границы,

1 tayga.info/9733

2 2011 – 2,5–4 тыс. (tayga.info/103452), 2012 – 3–4 тыс. (tayga.info/107877); 2013 – 2 тыс. (news.ngs.ru/more/1126067/); 2014 – 4 тыс. (www.interfax.ru/russia/374555); 2015 – 2,5–3 тыс. (news.ngs.ru/more/2139732/); 2016 – 3 тыс. (sib.fm/stories/2016/05/01/gde-omon); 2017 – 4 тыс. (sibkray.ru/news/1/899246/); 2018 – 4 тыс. (tayga.info/140249); 2019 – 2–2,5 тыс. (tayga.info/146304).

3 Полный список см.: vk.com/monstration_nsk.

становясь школой солидарности, творческой активности и гражданской свободы (vk.com/monstration_nsk).

Участники обладают свободой выражать себя так, как хотят: организаторы назначают лишь время (дата, за редкими исключениями, всегда 1 мая) и маршрут; согласовывают шествие с властями; готовят транспарант-растяжку, которую традиционно несут перед шествием и содержание которой до последнего момента не известно остальным.

Итак, Монстрация обладает чертами, которые, по мысли Бахтина, отличают карнавал: не постановочная, а основанная на импровизации игра, не знающая разделения на актеров и зрителей[1]; царство свободы, в котором все равны[2]; народный праздник, примыкающий к официальному; мир наоборот, пространство пародии, высмеивающее обычную жизнь.

Корпус лозунгов

«Новый тип общения всегда порождает и новые формы речевой жизни: новые речевые жанры, переосмысление или упразднение некоторых старых форм и т.п.» (Бахтин, 1990, с. 22). Для того чтобы описать, хотя бы в первом приближении, жанр лозунгов Монстрации, следует рассмотреть четыре параметра, характеризующие разные типы высказываний: коммуникативную цель, или типичную интенцию высказываний, тематическое содержание, композиционную структуру, языковой стиль[3].

Не имея возможности подробно остановиться на всех четырех жанровых свойствах, основное внимание сосредоточим на тематическом содержании и композиционном построении лозунгов. Некоторые наблюдения над стилем будут высказаны в конце этой работы, а коммуникативная цель в определенной степени была изначально проговорена организаторами: выразить себя, свои эмоции и чувства; «травестировать и подвергнуть сомнению» политические демонстрации, с помощью смеха выразить протест против отсутствия свободы. Как гласил один «метатекстовый» плакат, присутствовавший на Монстрации в 2018 году: «*Юморное высказывание на злобу дня (возможно с ноткой политики)*».

Чтобы исследовать лозунги Монстрации, мы собрали их корпус, который намеренно ограничили географически, Новосибирском, и хронологически – десятью годами, с 2010 по 2019. Благодаря этим ограничениям мы получили большое, но обозримое множество текстов, и нам не надо было на первом этапе исследования учитывать географический фактор. С другой стороны, у

1 См., например, определение в Британской энциклопедии термина happeninig, упомянутого в приведенном выше определении Монстрации: www.britannica.com/art/Happening.

2 Новосибирский художник Константин Скотников, принимавший участие в Монстрации в первые годы ее существования, определяет ее так: «… демонстрация потребности освободиться от заорганизованности, от этого официоза, который царил вокруг. Удачная попытка заявить о том, что не надо вести нас в темное прошлое».

3 Об этом см., например: Гиндин, 2015, с. 57.

нас появилась возможность наблюдать и за тем, как жанр лозунгов Монстрации изменяется в диахронии.

Корпус собирался на основе многочисленных фотоальбомов, выложенных на страницах Монстрации ВКонтакте. Все лозунги мы транскрибировали и, при необходимости, поясняли невербальные аспекты высказывания: особенности самого плаката; внешний вид того, кто его несет; связь плаката с другими, в том случае если, например, он был частью определенного «цикла», и т.п. В результате корпус получился довольно представительным: на данный момент в нем 3943 лозунга. В *Таблице* 1 представлены данные по каждому году[1]:

2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019
302	554	517	394	544	263	327	260	376	406

Таблица 1

Как видно из таблицы, хронологически этот корпус не совсем сбалансирован: в некоторых годах лозунгов набралось больше 500, а в некоторых в два раза меньше. Но тем не менее, на наш взгляд, корпус можно считать репрезентативным: фотографии разных частей шествия снимались разными авторами, с разных точек и в разное время, поэтому если тот или иной тип лозунгов присутствовал на Монстрации, то какие-то конкретные примеры, скорее всего, попали в кадр. И, безусловно, мы надеемся, что в будущем наш корпус будет расти: будут заполняться лакуны в этих десяти годах новосибирских шествий, добавляться другие годы и другие города, а для каждого лозунга можно будет посмотреть не только его текстовую форму, но и фотографию.

Фотографии тем более важны, что вербальное высказывание монстранта в огромном числе случаев невозможно рассматривать в отрыве от невербального: это может быть и изображение на плакате, необходимое для понимания высказывания (например, лозунг «Вы почему не на даче?», 2013[2], с фигурой мужчины с лопатой, очевидно отсылающей к знаменитому плакату Дмитрия Моора «Ты записался добровольцем?»), и внешний вид и физические характеристики плаката в целом (например, лозунг «Торможу за двоих», 2014, в виде дорожного знака – красно-белого треугольника, в котором изображена фигура беременной женщины и ребенка у нее в животе), и внешний вид монстранта (девушка в костюме бумажного стакана с плакатом «Пропустите стаканчик!!!», 2019; или плакат с надписью «Мы с тобой одной крови» в руках у девушки в костюме вампира, 2014).

1 Впервые данные корпуса были опубликованы в: Krasnikova 2020; числа, публикуемые в настоящей работе, подверглись дополнительной проверке и были немного скорректированы.

2 Здесь и далее после каждого лозунга будем указывать год, в котором он присутствовал на Монстрации.

Темы

Изучая содержание лозунгов, мы объединяли их в тематические группы, а тематические группы – в более крупные блоки. Детальный анализ семантики требует отдельного большого исследования, пока же мы представим здесь предварительные наблюдения.

К самым крупным постоянным семантическим блокам – то есть таким, что присутствуют на протяжении всех десяти лет новосибирской Монстрации, – можно отнести следующие: 1) абсурд; 2) другие миры; 3) нарушение табу; 4) студенческая жизнь; 5) «позитив».

Абсурд присутствует ожидаемо, не зря он с самого начала объявлялся организаторами важной характеристикой лозунгов и даже был вынесен в определение Монстрации. Среди абсурдных лозунгов отчетливо выделяются такие категории:

1) Языковой абсурд: «Хуже пива лучше нету» (2011); «Хороший ты парень, Наташка!» (2012).
2) Несовпадение вербального и невербального: «Это не плакат» (2014); «Синий», надпись белыми буквами на зеленом фоне (2015).
3) Произнесение очевидного: «Это красная надпись», написанное красным фломастером (2010); «Плакат на Монстрацию» (2015).
4) Метаинформация вместо «нормального» текста плаката: «Гетеросексуальный плакат» (2015); «Топ 10 тупых плакатов» (2017); «Надо было сделать плакат, а лень» (2018).

Важнейший блок – *другие миры*. Вероятно, он популярен не только потому, что карнавал создает параллельные, перевернутые миры, но и потому, что в самом названии шествия содержится аллюзия на чудовищ из других реальностей. Среди тем этого блока:

1) Сумасшествие и ненормальность[1]: «И меня вылечат…»; «Сходил с ума и за хлебушком» (2016); «Лапата № 6» (2018; аллюзии на рассказ Чехова «Палата № 6» встречаются на Монстрации регулярно).
2) Космос, инопланетная жизнь: «Я – марсианин простой. Вижу – атакую» (2016); «Мой план побега с Земли – затусить с марсианкой» (2019).
3) Монстры и существа из сказок, фэнтези, компьютерных игр: «Истекла лицензия на косу :(» (2011) – держит девушка в костюме смерти; «А что если все раньше были зомби, но наступил человеко-апокалипсис?» (2012); «Гадкие хоббиты разрушили Мордор! Собираем на восстановление Барад-дура» (2015).

1 Ср.: «Мотив безумия очень характерен для всякого гротеска, потому что он позволяет взглянуть на мир другими глазами, незамутненными “нормальными”, то есть общепринятыми, представлениями и оценками. Но в народном гротеске безумие – веселая пародия на официальный ум, на одностороннюю серьезность официальной правды» (Бахтин, 1990, с. 47).

Выход за рамки привычных норм и установок, *нарушение табу* – типичная для карнавала черта, присутствует она и на Монстрации.

1) В основном это нарушение табу языковых, в первую очередь, использование регистра и языковых подсистем, обычно не предназначенных для публичного пространства – просторечия, сленга, сниженной лексики: «И чо?» (2011); «Го в ДОТУ» (2015); «ЁПРСТ» (2016).

2) Отдельной группой, пожалуй, следует выделить обсценную лексику, также ожидаемую на карнавале: «Что плохого в слове х**?» (2015); «Говорю слово б****» (2018); «Х** войне» (2019). Надо, правда, сказать, что лозунги с табуированной лексикой или намеками на нее немногочисленны относительно других групп.

3) Табу на сексуальное нарушается регулярно, но игра с ним довольно невинна: «Хочу бабу» (2011); «Для программистки важен красивый ГУЙ» (2014); «Русская литература лучше чем sex. Russian literature is better than секс» (2018).

Если предыдущие блоки были универсальны и ожидаемы для карнавала, то еще одна группа связана с конкретной реальностью – это темы, относящиеся к *студенческой жизни*[1]:

1) Интеллектуальные: «Пойдемте испугаем кота Шредингера!» (2012); «Опасайтесь мимикрии симулякров!» (2015); «На тропе энтропии» (2019).

2) Учеба и студенческая жизнь в целом: «Сессия is coming» (2017); «Учеба как гречка, невкусно, но надо» (2019); «Кто сжег кнопки в моем социальном лифте?» (2019).

3) Нехватка еды и ее поиски: «Делю на ноль за еду» (2012); «Еда. Остальное потом» (2014); «Хочу жрать» (2019). Решение отнести лозунги этого типа в настоящий блок было вызвано и реалиями студенческой жизни, и тем, что плакаты о еде держат в основном люди соответствующего возраста.

Единственная большая группа, в которой авторы лозунгов не смеются над реальностью, – блок, который мы назвали *«позитив»*. В него входят суждения, наставления, утверждения и пожелания вроде «Ты чудо!» (2011); «Вы можете улыбнуться? Просто так, улыбнитесь» (2012); «Всем добра» (2013); «Люби себя!» (2015). На Монстрации каждый год присутствуют и плакаты международного движения «Free Hugs»: «Объятия бесплатно» (2010); «Обнимашкотерапия лечит все недуги» (2011); «Иди обниму» (2016) и проч. Но и здесь карнавальная природа берет свое, и наряду с «позитивными» лозунгами появляются и пародии на них. Призывы улыбаться дополняются аргументацией: «Улыбайся, жизнь любит идиотов» (2011); «Добро» становится «бобром»: «Мы к вам

1 В будущем, когда корпус лозунгов дополнится и текстами из других городов, необходимо будет проверить, популярны ли эти темы на Монстрации в целом или же это специфическая характеристика Новосибирска, университетского города.

с бобром» (2014), «Клонируй бобро» (2016); вместо бесплатных объятий предлагают бесплатные пинки: «Free kicks» (2019).

Безусловно, помимо перечисленных блоков существует еще множество более мелких тем, излюбленных монстрантами. Так, чемпионами по популярности, пожалуй, надо признать котиков; регулярно встречаются и плакаты, посвященные погоде (первого мая в Новосибирске можно ждать чего угодно: и солнца, и дождя, и снега).

Кроме постоянных тем на Монстрации присутствуют три поля переменных: лозунги этих полей сами по себе занимают важное место в корпусе, но при этом конкретные темы в полях меняются диахронии.

1) *Всплески субкультур* – волны увлечений, которые особенно часто поднимаются после выхода того или иного фильма. Например, в 2012-2013 годах было много плакатов, связанных со «Звездными войнами», в 2012–2015-х – с мультсериалом «Мой маленький пони», с 2013 года регулярно встречаются лозунги с единорогами; с 2014 – с «Игрой престолов».

2) *Мемы*. Монстранты распечатывают или рисуют интернетовские мемы на пике или вскоре после пика их популярности. Так, шествие в 2011 году украшал плакат «FFFUUUUUUUUU»; в 2014-м – «Хде моя сосиска?», в 2019 – «Не сделал(а) плакат, у меня лапки».

3) *Реакция на общественно-политические события*. Отсылки к событиям в России и Новосибирске могут быть в той или иной степени завуалированными или же носить прямой характер, как например, в следующих лозунгах: «Даешь гласность марша несогласия согласных против согласия гласных с негласностью марша согласия согласных!» (2012); «Гаскаров выходил и выйдет еще» (2013); «Крем наш» (2014); «Хватит оскорбляться!» (2015); «Иногда уточка – это просто уточка» (2017); «Телеграч упадет – письма голубь донесет» (2018); «Никто не просил вас ржать» (2019).

Часто реакция на то, что происходит в стране, Новосибирске или с самой Монстрацией, содержится в главной растяжке, которую несут перед шествием: «Если все вот так ходить начнут, то это какая-то анархия наступит» (2010); «Больше-то с вами и говорить не о чем» (2011); «Мы это вы» (2012); «Вперед в темное прошлое» (2013); «Ад наш!» (2014); «Господи прости» (2015); «Здесь вам не Москва» (2016); «Запрещена в России» (2017); «Севернее Кореи» (2018); «Нам хана», «Народу нужны мы, а не эта тряпка» (в 2019 году было две растяжки, с одной шествие начали, а затем ее сменила вторая).

Если обратиться не к конкретному содержанию и тематическим блокам лозунгов Монстраций, а к их общим семантическим свойствам, то и в этом они почти не совпадают с типичными характеристиками лозунгов «традиционных». Если для политических лозунгов характерны тематическая однофо-

кусность и максимальная эксплицитность в выражении идеи[1], то для лозунгов Монстрации, напротив, свойственна игра со смыслами, имплицитность, ирония, аллюзии («Всё это двусмысленно», утверждал один из плакатов 2019 года).

Злободневность содержания, как правило, присущая политическим и экономическим лозунгам, в лозунгах Монстрации присутствует лишь частично. Как мы видели, монстранты часто реагируют на события в обществе и политике, на их плакатах находят отражение популярные фильмы, игры и мемы, книги и музыка, однако значительная часть лозунгов не связана с актуальной повесткой дня: тут и всем известные анекдоты («Банан велик, но кожура его больше», 2014), и борьба с извечными стереотипами («А что сразу я? Я что, рыжая?», 2018, надпись на футболке рыжей девушки), и отсылки к классическим книгам («Чеширский кот где-то рядом», 2014; «Крошка сын к отцу пришел, а отец буханка», 2016; «Большой Брат следит за тобой, и ему скучно», 2017), и вневременные универсальные высказывания, причем некоторые из них еще и повторяются в разные годы («Выходи за рамки», 2011 и 2019; «Мама, где я?!», 2010, 2011, 2012, 2013, 2016 и т.п.).

Так же дело обстоит и со свойством идеологической заданности – то есть необходимостью прямо выражать идеологическую позицию того, кто держит плакат. Высказывания монстрантов обычно играют со смыслами и языком, и поэтому во многих случаях о позиции автора можно только догадываться (как, например, в случае лозунгов «Россия без Агутина», 2011; «Крем наш», 2014; «Несогласные! АЕЁИОУЫЭЮЯ», 2019). Однако, безусловно, встречаются и плакаты, глядя на которые, не приходится сомневаться относительно мнения автора – так, например, в 2018 году на шествии присутствовала целая серия лозунгов, выражавших недовольство мэром Новосибирска: «Мэр, май, пыль!», «Народная власть, верни власть народу!», «У мэра умора» и другие.

Эмоциональность, еще одно свойство политических лозунгов, несомненно, отличает и лозунги монстрантов, с той лишь поправкой, что на Монстрации – организаторы которой изначально предлагали участникам именно выразить свои чувства – регулярно встречаются высказывания с чистой эмотивной функцией: «!»; (2011); «ЫЫЫЫ!» (2014); «ААА» (2016).

В карнавальном мире Монстраций переплетаются реальное и фантастическое, актуальное и вечное. Черты политических и экономических лозунгов в пародийном мире то усиливаются и доводятся до абсурда, то размываются непременными смехом и игрой, аллюзиями и намеками.

О структуре лозунгов

Для того чтобы составить представление о композиции лозунгов Монстрации, мы взяли за основу статью Левина «Семиотика советских лозунгов» (Левин, 1998, с. 542–558), которые разделены в ней на три «праг-

1 Об этих и других указанных ниже характеристиках политических лозунгов, см.: Вальтер, 2016.

матико-коммуникативных типа». Каждому типу соответствует определенная основная функция: здравицам – магическая, призывам – побудительная, констатациям – поучительная. Здравицы, призывы и констатации используют свой набор «высказывательных рамок» – то есть «стандартных форм с незаполненными позициями (переменными)» (Там же, с. 546) – и, следовательно, свой набор синтаксических структур. Мы попробовали выделить среди лозунгов Монстрации высказывания каждого из трех типов и подсчитать их долю в корпусе.

Здравицы Левин сводит к трем основным высказывательным рамкам: «Да здравствует X», «Слава X-у» (с вариантом «Честь и слава X-у»), «Пусть живет X» – все они носят «отчетливый перформативный характер» (Там же, с. 545). К этой же категории относятся и списки из трех и более элементов, вроде «Свобода, равенство, братство!», трактуемые как результат аннулированной формы «да здравствует».

Благодаря четким и формальным границам выделить этот тип лозунгов в корпусе Монстрации было сравнительно просто. К клише, предложенным Левиным, мы добавили следующие: «X и У» и его английский вариант «X and Y» (например, «Peace and Love»), а также высказывания, состоящие из одной номинации, если они представляют собой аннулированную форму «да здравствует»; «Ave X»; «Long life X»; «X навсегда» / «X forever»; «Ура X-у». Здравицы занимают среди лозунгов «Монстрации» небольшую долю – около 2,5%.

Самую большую часть – 44 % от всех здравиц – ожидаемо составляют пародии на лозунг «Мир, труд, май!»: «Война! Лень! Ноябрь!» (2012); «Мир! Труд! Наливай!» (2016); «Дыр! Бул! Мир!» (2018); «Пир пруд пай» (2019) и пр. На другие трехчастные списки приходится примерно четверть всех здравиц: «Мандельброт, Шрёдингер, Хокинг» (2010); «Свобода! Котики! Блэкметал!» (2014); «Вино, крамола, рокенрол» (2018). Такая же доля принадлежит и здравицам, в которых эксплицитно присутствуют формы «Да здравствует», «Слава» и другие: «Кильке слава! В кильке сила! Килька нас объединила» (2010); «Честь вам и похвала» (2012), «Ave изолента» (2016), «Да здравствую я!» (2019).

Призывы, сочетающие в себе императивность и апеллятивность, по мнению Левина, имеют своей целью «совершенствование субъекта или объекта в соответствии с нормой должного» (Там же, с. 543). В нашем контексте, в пространстве пародии авторское намерение не может служить критерием достаточно формальным, чтобы с уверенностью выделять этот тип высказываний в корпусе. Поэтому мы относили к призывам все побудительные высказывания; их доля в корпусе более заметна, чем здравиц, они составляют около 20% от всех лозунгов.

Часть побудительных лозунгов Монстрации использует всем известные высказывательные рамки призывов – то есть, выражаясь в терминах, предложенных в классической работе Юрия Тынянова, направлена *на* них[1].

Клише требований: «Требую Х», «Даешь Х» и их варианты с аннулированным глаголом, а также «Х-у Y», «Да Х-у», «Нет Х-у» – используется в 16% всех призывов: «Власть сугробам!» (2010); «Еду студентам» (2013); «Даешь деление на ноль!» (2013); «Требую заменить все бордюры на поребрики» (2014); «Каждому рыбаку – дать леща» (2018); «Заводы рабочим, а мне мужика» (2019). Что же касается объекта требований, то чаще всего это свобода (пятая часть всех требований): «Свободу ежам!» (2011); «Свободу гелию» (2012); «Свободу пуськам, пенсию бабуськам» (2013).

Клише «Даешь...» в некоторых случаях трансформируется на Монстрации и в «Дай/дайте»: «Дайте крылья, нет доступной среды» – держит женщина в кресле-каталке (2015), «Май градус дай» (2018). Формула «дай/дайте» в свою очередь тоже пародируется, превращаясь в «Подайте...»: «Подайте жертве музыкальной школы» (2010); «Подайте на первый миллион» (2018).

Рамка «Долой Х» встречается в 2,6% призывов: «Долой барщину на родительских огородах!» (2010); «Долой трусы» (2012); «Долой режим жаворонков!» (2018).

Столько же в корпусе лозунгов с призывом «Будь(те) Х-ом / как Х»: «Будь сибиряком, жуй борщ вилкой!» (2011); «Будь как протон, он всегда позитивный» (2017).

Рамка «Хватит...» составляет 1,4% всех призывов: «Хватит выкладывать еду в Инстаграм[2]!» (2013); «Хватит откладывать, пора высиживать» (2015); «34% женщин не способны к сарказму. Терпит это хватать!» (2019).

Отдельную, хоть и небольшую (0,8% от всех призывов) группу составляют призывы «Х-а к власти» и другие варианты этого клише: «Джона Ленона в президенты» (2010); «Моркву в мэры» (2017); «Нейромонаха Феофана в патриархи» (2019).

Встречаются, но реже, клише «Вперед в...» («Вперед в темное прошлое!», 2013); «Все на борьбу с...» («Феминизм – злейший враг женщин. Все на борьбу с феминофашизмом», 2019) и другие.

В целом, по нашим наблюдениям, около 35% призывов используют высказывательные рамки настоящих политических лозунгов. Многие же из оставшихся призывов являют собой пародии, направленные *против* пародируемого типа текста: они не берут готовые формулы призывов, а выворачивают наизнанку то или иное их свойство. Так, например, если в политических лозунгах адресатом являются либо все, либо группа людей, указанная в инклю-

1 «... произведения пародирующее и пародируемое могут быть связаны не только в сходных элементах (ритме, синтаксисе, рифмах и т.д.), но и в несходных – по противоположности. Иными словами, пародия может быть направлена не только на произведение, но и против него» (Тынянов, 1977, с. 291).

2 Социальная сеть, принадлежащая корпорации Meta, которая признана экстремистской на территории Российской Федерации.

зивном или эксклюзивном обращении («Товарищи строители! Сдадим объект с хорошим качеством и в срок»; «Работники вузов! Улучшайте идейную закалку…!» [Левин 1998: 543]), то лозунги монстрантов регулярно обращаются к конкретному человеку или объекту: «Вперед, имбирь!» (2014); «Стас Михайлов, перестань!» (2016). Императивная форма второго лица единственного числа вообще очень распространена: «Помоги! У меня чешется спина» (2012); «Выйди из себя и войди нормально» (2016); «Тряхни шаурмой!» (2017); «Зырь в оба» (2018); «Закрой гештальт, дует!» (2019).

Как видно из предыдущих примеров, на плакаты часто выносятся императивные клише, обычно используемые в других ситуациях, не в контексте демонстраций; пародируются самые разные жанры: «Сделал дело, возьмись за второе» (2010); «Шли бы лучше работать» (2011); «Скейтпарк (на набережной) спаси и сохрани» (2019, текст сопровождает изображение скейта с Богородицей).

Из трех групп, обозначенных Левиным, труднее всего выделить *констатации* – «лозунги в форме повествовательного предложения», «которые представляют собой высказывания об объекте, утверждающее его высокую ценность» (Там же, с. 545–546). Опираясь на это не слишком формальное определение и учитывая пародийный характер текстов Монстрации, практически невозможно разделить все повествовательные предложения корпуса на констатации и не-констатации. Однако можно попробовать найти те слоганы, которые направлены *на* классические лозунги этого типа.

По мнению Левина, самыми частыми формами констатаций является форма с именным сказуемым, где предикативный член – группа существительного или группа прилагательного (Там же, с. 545). Мы выделили такие конструкции, например: «Мы за мясо в колбасе!» (2011); «Skittles тоже витамин» (2012); «Сарказм близко» (2014); «Человек – понятие растяжимое» (2018); «Кто не с нами, с тем мы не» (2019) – и прибавили к ним те глагольные высказывания, которые, на наш взгляд, отсылают к реальным лозунгам или формулам из художественных произведений: «Монобровь следит за тобой» (2011); «Леннон жил. Леннон жив. Леннон будет жить!» (2011); «Мир спасет мир» (2013); «All you need is борщ» (2013); «Имеем право на кариес!» (2019)[1].

Всего подобных высказываний, и с именным сказуемым, и с глаголом – около 12 %, однако это число очень условное, поскольку сложно провести грань между повествовательными предложениями, похожими на политические и экономические лозунги, и другим типом, который часто обладает такой же синтаксической структурой и тоже выполняет поучительную функцию – назовем этот тип «мудрости». Различие состоит в том, что, если в констатациях утверждается высшая ценность объекта, то в мудростях на первый план выходят жизненный опыт и умозаключения; часто это пародии на пословицы и поговорки: «Предложение без запятых – как Брежнев

1 Некоторые именные и глагольные структурные схемы, традиционно использовавшиеся в лозунгах, см.: Китайгородская & Розанова, 2003, с. 161–162.

без бровей» (2012); «Ветрянкой лучше переболеть в детстве, а чумой в Средневековье» (2014); «Ложь неприятнее всего, когда она глагол» (2016); «Без пруда не вытащишь и рыбки из него» (2017); «С прокси не те ощущения» (2019); «Ложка – это маленькая ложь» (2019). Констатации и мудрости вместе составляют около 24% всех лозунгов.

Лозунги Монстрации, пародирующие констатации по принципу противоположности, часто отталкиваются от универсального характера лозунгов и их коллективного адресанта. Многие тексты монстрантов (около 11% корпуса) носят подчеркнуто индивидуальный, личный характер: «Хочу на ручки» (2011); «Мама, я поел» (2018); «Я – бухущее российской науки» (2018); «Я не Сева» (2019); «Жизнь меня к такому не готовила» (2019).

Здравицами, призывами и констатациями лозунги Монстрации не ограничиваются. В них пародируются и другие жанры публичного пространства, в первую очередь объявления разных типов: «Сдаю носки в аренду!» (2010); «Отдам Лешу в хорошие руки» (2016); «Снимаю, порчу» (2017); «Ведутся работы по самокопанию» (2019) – всего около 5% от всех лозунгов.

Номинации, то есть тексты, состоящие только из имени или именной группы, составляют около 7% всех слоганов: «Тихая жизнь с баклажаном» (2016); «Экзистенциальная треска» (2017); «Страшный спойлер» (2019). Номинации – один из частых типов абсурдных лозунгов: «Пустой лист» (2011); «Абсурдный лозунг» (2014), «Неплакат» (2016).

Высмеивается и безапелляционность лозунгов, в обычной жизни утверждающих, призывающих или славящих. Вопросы составляют около 11% всех лозунгов. «Как снести несношаемое?» (2010); «Почему божьи коровки не похожи на коров и не дают молока?» (2012); «Кто здесь»? (2015); «Ху из он дьюти тудей?» (2019).

Поздравления, приветствия и другие формулы вежливости встречаются реже (около 0,5% всех лозунгов): «Всем спасибо, все свободны» (2011); «С днем рождения, Шурик» (2012); «Пользуясь случаем, передаю привет дядь Егору» (2013); «Простите. Извините. Ой, простите» (2019).

Важно отметить и регулярное присутствие среди слоганов Монстрации реплик из непубличных сфер общения – противопоставление традиционным лозунгам происходит здесь по оси сферы общения. Например, постоянно присутствуют на Монстрациях междометия: «Ура!» (2010); «У-тю-тю» (2011); «Мимими» (2013), – и всеми узнаваемые клише реплик из диалогов: «Да ладно?!» (2012); «Сахар буду» (2013); «Хорошо. А ты как?» (2019).

Таким образом, около половины лозунгов Монстрации представляют собой пародию, направленную *на* оригинальный жанр лозунгов и использующую традиционные высказывательные рамки и конструкции. Другая же половина текстов выворачивает наизнанку то или иное свойство лозунга: его коммуникативные цели – с помощью других публичных жанров, например объявлений; его нахождение на виду – репликами из сферы личных диалогов; коллективного адресанта – частыми высказываниями о себе в первом лице

единственного числа; безапелляционность и однозначность лозунгов – регулярными вопросами; эмоциональность – использованием текстов с одной лишь эмотивной функцией.

Анализ языковой стороны лозунгов Монстрации требует отдельного исследования, но уже на основе примеров, рассмотренных в этой статье, можно предположить, что, с одной стороны, в них будут использоваться стили и клише пародируемых жанров, (политические лозунги, объявления и пр.), а с другой, карнавал – царство «свободы, равенства и панибратства» (2018) – поощряет неформальное использование стилей общения: разговорного языка, просторечия, сленга – и табуированной лексики.

Языковая оборона

Все эти черты Монстрации ставят ее в один ряд с явлениями языкового сопротивления, получившего особое развитие в советские годы. Тоталитарному языку, господствовавшему в публичной сфере, противостоял *антитоталитарный язык*, существовавший в сфере личного общения. Анна Вежбицка, предложившая этот термин, имела в виду ситуацию «политической диглоссии» и «языковой самообороны», состоящей «в изобретении способов выражения (имеющих более или менее постоянную форму) для тех эмоций, отношений и идей, которые не могут открыто выражаться в условиях жесткого политического контроля жизни страны» (Вежбицка, 1993, с. 107) и в качестве примера анализировала разговорные обозначения политической полиции в польском. Однако позже представления о языковой самообороне значительно расширились: под антитоталитарным языком, сопротивлявшимся языку официальному и искусственному, понимали разговорную речь, нарушавшую языковые конвенции и табу и использовавшуюся при «закрытом» поведении, в частном пространстве, своеобразный «род “бытового вольнодумства”»: «… применительно к России известна особая роль неофициальной разговорной речи (и соответственно неофициального бытового поведения) как средства защиты от официальных идеологизированных социокультурных норм, насаждавшихся властью» (Китайгородская & Розанова, 2003, с. 163).

Главным инструментом языковой обороны при таком ее понимании выступает ирония (Там же, с. 164; Чудакова, 2007, с. 330–332); к другим способам противостояния тоталитарному языку относят, среди прочего: «“протаскивание” в печатный текст слов-сигналов, вызывающих – по причине их запретности или полузапретности – восторг автора и читателя»; «выработку изощренных форм эзопова языка, выразившегося по большей части в словесном переодевании излагаемых сюжетов»; наращивание «словаря маргиналов… существовавшего исключительно для устного приватного употребления» (Чудакова, 2007, с. 335–337).

Когда же в публичной речи допускается полифония, необходимость активного языкового сопротивления отпадает. В недавней российской истории

таким периодом была вторая половина 1990-х – начало 2000-х годов, когда политическая диглоссия свелась на нет и стало было намечаться многоголосие, шел «процесс выработки партиями соответствующей идеологии и поисков адекватного языка для ее выражения» (Китайгородская & Розанова, 2003, с. 167).

Однако, как представляется, существует еще и третий тип диспозиции «тоталитарный / антитоталитарный язык»: он реализуется в тех ситуациях, когда тоталитарный язык актуален, его давление ощущается обществом, но при этом находятся публичные контексты, в которых (все еще или пока еще) возможно ему сопротивляться, вынося на общее обозрение уже существующие тактики создания параллельного лексикона, иронии, языковой игры и нарушения языковых конвенций: искажения тематических и композиционных принципов ожидаемого в данном контексте жанра, выхода за пределы литературного языка, использования просторечий, сленга, мата и проч.

Так было, например, в первой половине 1990-х годов, когда тоталитарному языку сопротивлялись «все еще». Как пишет Гасан Гусейнов, когда «режим цензуры и обязательного поиска правильного подтекста отменяются, становится ясно, что участники общественного диалога… испытывают недоверие к более простым правилам поведения в условиях открытой коммуникации и долго не могут отказаться от привычного устройства» (Гусейнов, 2004, с. 15). Например, высокая степень языковой игры, использование приемов диалога в лозунгах, «монологическом по своей природе жанре», отмечались на митингах начала 1990-х. («*Мы с тобой, Борис. Борись!*; *Не лучше бы Пугу к станку и плугу? Полозков, выходи из окопа, провокатор!*» и др. (Китайгородская & Розанова, 2003, с. 229)).

Так было и до недавнего времени: в 2019 году инструменты языковой обороны пока еще использовались в некоторых публичных пространствах: например, каждый год на первомайской Монстрации.

Список литературы

Dentith, S. (2000). *Parody*. Taylor & Francis US. https://doi.org/10.4324/9780203451335

Krasnikova, A. (2020). Strada, Bachtin e i generi del discorso. Un'analisi di slogan carnevaleschi contemporanei [Strada, Bachtin and the genres of discourse. An analysis of contemporary carnival slogans]. In *La Russia e l'Occidente. Studi in memoria di Vittorio Strada [Russia and the West. Studies in memory of Vittorio Strada]* (pp. 118–133). Marsilio. (In Italian).

Алексеевский, М. (2014). Кто все эти люди (с плакатами)? В А. Архипова & М. Алексеевский (Ред.), *«Мы не немы!»: Антропология протеста в России 2011–2012 годов* (сс. 63–82). Научное издательство ЭЛМ.

Бахтин, М. (1999). *Творчество Франуса Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса*. Художественная литература.

Бахтин, М. (2000). *Проблема речевых жанров. Автор и герой. К философским основам гуманитарных наук*. Азбука.

Вальтер, Х. (2016). Лозунг как речевой жанр публицистического дискурса. *Медиалингвистика*, 3, 33–45.

Вежбицка, А. (1993). Антитоталитарный язык в Польше: Механизмы языковой самообороны. *Вопросы языкознания*, 4, 107–125.

Гиндин, С. (2015). Болевые точки теории речевых жанров. В А. Занадворова (Ред.), *Русский язык сегодня. Вып. 6. Речевые жанры современного общения* (сс. 55–61). Флинта.

Гусейнов, Г. (2004). *Советские идеологемы русском дискурсе 1990-х*. Три квадрата.

Ефанова, Е., & Матюсова, А. (2018). Монстрация как форма общественно-политической активности современной молодежи. *Вестник Московского государственного областного университета*, 2, 69–92. https://doi.org/10.18384/2224-0209-2018-2-871

Китайгородская, М., & Розанова, Н. (2003). Современная политическая коммуникация. В *Современный русский язык: Социальная и функциональная дифференциация* (сс. 151–240). Языки славянской культуры.

Корецкий, В. (2002). За пригоршню долларов. *ЕЖ: электронный журнал*, 043. http://dust.kinoteatrdoc.ru/page_svoi.html

Левин, Ю. (1998). *Избранные труды. Поэтика. Семиотика*. Языки русской культуры.

Лоскутов, А. (2016). *Опыт Монстрации: Лекция*. https://www.youtube.com/watch?v=ITV2hn76E4s

Матюсова, А. И. (2017). История возникновения российских монстраций. *Русская Политология*, 2, 87–93.

Надежкин, А. М. (2014). Средства языковой выразительности в лозунгах фестиваля «Монстрация». *Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского*, 2–3, 271-274.

Тынянов, Ю. (1977). *Поэтика. История литературы. Кино*. Наука.

Федорова, Л. (Ред.). (2016). *Карнавал в языке и коммуникации*. РГГУ.

Чудакова, М. (2007). *Новые работы: 2003–2006*. Время.

References

Alekseevsky, M. (2014). Who are all these people (with posters)? In A. Arkhipova & M. Alekseevsky (Eds.), *"We are not dumb!": Anthropology of protest in Russia, 2011–2012* (pp. 63–82). Scientific publishing house ELM. (In Russian).

Bakhtin, M. (1999). *Rabelais and His World*. Hudozhestvennaja literatura. (In Russian).

Bakhtin, M. (2000). *The Problem of Speech Genres. Author and Hero. Towards Philosophical Foundations for the Human Sciences*. Azbuka. (In Russian).

Chudakova, M. (2007). *New works: 2003–2006*. Vremya. (In Russian).

Dentith, S. (2000). *Parody*. Taylor & Francis US. https://doi.org/10.4324/9780203451335

Efanova, E., & Matyusova, A. (2018). Monstration as a Form of Social and Political Activity of Today's Youth. *Bulletin of Moscow State Regional University*, 2, 69–92. https://doi.org/10.18384/2224-0209-2018-2-871 (In Russian).

Fedorova, L. (Ed.). (2016). *Carnival in language and communication*. RSUH. (In Russian).

Gindin, S. (2015). Weak points of the theory of speech genres. In A. Zanadvorova (Ed.), *Russian language today. Issue 6. Speech genres of modern communication* (pp. 55–61). Flinta. (In Russian).

Gusejnov, G. (2004). *CSoviet ideologemes in Russian discourse of the 1990s*. Tri Kvadrata. (In Russian).

Kitaygorodskaya, M., & Rozanova, N. (2003). Modern political communication. In *Modern Russian language: Social and functional differentiation* (pp. 151–240). Jazyki slavjanskoj kul'tury. (In Russian).

Koretsky, V. (2002). For a fistful of dollars. *EZH: elektronnyj zhurnal*, 043. http://dust.kinoteatrdoc.ru/page_svoi.html (In Russian).

Krasnikova, A. (2020). Strada, Bachtin e i generi del discorso. Un'analisi di slogan carnevaleschi contemporanei [Strada, Bachtin and the genres of discourse. An analysis of contemporary carnival slogans]. In *La Russia e l'Occidente. Studi in memoria di Vittorio Strada [Russia and the West. Studies in memory of Vittorio Strada]* (pp. 118–133). Marsilio. (In Italian).

Levin, Yu. (1998). *Selected works. Poetics. Semiotics*. Yazyki russkoj kul'tury. (In Russian).

Loskutov, A. (2016). *The Monstration Experience: Lecture*. https://www.youtube.com/watch?v=ITV2hn76E4s (In Russian).

Matyusova, A. (2017). The history of the emergence of Russian Monstrations. *Russian Political Science*, 2, 87–93. (In Russian).

Nadezhkin, A. (2014). Means of linguistic expressiveness in the slogans of the Monstration festival. *Bulletin of N.I. Lobachevsky University of Nizhny Novgorod*, 2–3, 271–274. (In Russian).

Tynyanov, Yu. (1977). *Poetics. History of literature. Cinema*. Nauka. (In Russian).

Walter, H. (2016). Slogan as a speech genre of publicistic discourse. *Medialingvistika*, 3, 33–45. (In Russian).

Wierzbicka, A. (1993). Anti-totalitarian language in Poland: mechanisms of linguistic self-defense. *Linguistic Issues*, 4, 107–125. (In Russian).

Galactica Media: Journal of Media Studies. 2022. No 4 | ISSN: 2658-7734
Media Activism | https://doi.org/10.46539/gmd.v4i4.270

Verbal Aggression in Statements Made by the Authorities (based on materials from the "Word of the Year" contests)

Alla V. Kornienko

Sociological Institute, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences. St. Petersburg, Russia. Email: av.kornienko[at]mail.ru

Received: 20 February 2022 | Revised: 13 June 2022 | Accepted: 21 June 2022

Abstract

This paper sets out the results of a sociolinguistic study of statements made by representatives of the modern Russian political elite, based on materials drawn from Russia's annual "Word of the Year" competition. The acuteness of the problem of a lack of direct bilateral dialogue between government and society advances the academic task of analyzing the discourse of power and defining its key characteristics, so as to assess the readiness of leading politicians to either establish such a public dialogue, or completely abandon it. The research focused on the phenomenon of verbal aggression and its quest in the statements made by those in power as the paramount verbal attitude, testifying against any orientation towards constructive communication with all parts of society. Semantic analysis of lexical units which have won the "Word of the Year" competition in recent years (words, expressions, phrases extracted from the discourse of power) found indicators of verbal aggression. The statements of the authorities are characterized by the WE/THEY opposition, contraposing Russia to the West, military vocabulary, the contraposition of OURS/THEIRS, pointing to the search for internal "enemies", substantive and evaluative opposition to the power of the people, sometimes in the form of morally offensive expressions. The results of the analysis indicate the rejection by the authorities of the principle of dialogue and the verbal aggression that arises from this rejection, leading to an increase in social tension in a society divided through the efforts of the political elite into evaluatively polarised "Ours" and "the Others".

Keywords

Government-Society Dialogue; the Language of Power; "Word of the Year" Competition; Verbal Aggression; The Us/Them Contraposition; the Lexicon of War; Xenophobia; the Search for Internal "Enemies"; Taboo Pronouncements; One-Sided Communication

This work is licensed under a Creative Commons «Attribution» 4.0 International License

Galactica Media: Journal of Media Studies. 2022. No 4 | ISSN: 2658-7734
Медиа-активизм | https://doi.org/10.46539/gmd.v4i4.270

Речевая агрессия в высказываниях власти (на материалах конкурсов «Слово года»)

Корниенко Алла Владимировна

Социологический институт РАН Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук. Санкт-Петербург, Россия.
Email: av.kornienko[at]mail.ru

Рукопись получена: 20 февраля 2022 | Пересмотрена: 13 июня 2022 | Принята: 21 июня 2022

Аннотация

В статье отражены результаты социолингвистического исследования высказываний представителей современной российской политической элиты, развернутого на базе материалов ежегодно проводимого в России конкурса «Слово года». Актуальность проблемы отсутствия в наши дни прямого двустороннего диалога власти и общества, всех его сегментов, выдвигает научную задачу анализа дискурса власти, определения его ключевых характеристик с целью оценить готовность ведущих политиков к налаживанию такого общественного диалога или, напротив, к полному отказу от него. Исследование, подчиненное этой задаче, фокусировалось на феномене речевой агрессии и ее поиске в высказываниях власти как на важнейшей речевой установке, свидетельствующей не в пользу ориентации на кооперативную коммуникацию со всеми сегментами общества. Семантический анализ лексических единиц, ставших призерами конкурса «Слово года» последних лет – слов, выражений, фраз, извлеченных из дискурса власти, – обнаружил в них индикаторы речевой агрессии. Высказывания власти маркированы оппозицией МЫ / ОНИ, противопоставляющей Россию Западу; военной лексикой; оппозицией СВОИ / ЧУЖИЕ, свидетельствующей о поиске внутренних «врагов»; содержательными и оценочными противопоставлениями власти народу, порой принимающими характер оскорбительных, табуированных, с позиций морали, выражений. Результаты анализа говорят об отвержении властью принципа диалога и исходящей от нее речевой агрессии, обусловливающей рост социальной напряженности в обществе, разделенном усилиями политической элиты на своих и чужих, поляризованных оценочно.

Ключевые слова

диалог власти с обществом; язык власти; конкурс «Слово года»; речевая агрессия; МЫ / ОНИ-противостояния; лексика войны; ксенофобия; поиск внутренних «врагов»; табуированные высказывания; монологическая коммуникация

Это произведение доступно по лицензии Creative Commons “Attribution” («Атрибуция»)4.0 Всемирная

Введение

Проблема, давшая толчок исследованию, о котором пойдет речь далее, состоит в отсутствии прямого открытого диалога власти и общества в современной России. Диалога, подразумевающего свободный обмен мнениями между общающимися сторонами, в том числе между властью и оппозиционно настроенным к ней сегментом общества. Наблюдения лингвистов за бытованием лексемы «диалог» в публичном российском дискурсе свидетельствуют об актуализации в наши дни в ее значении именно «политической» его составляющей, сводящейся к признанию «самой возможности и необходимости разговора власти с оппонентом, восприятия его в качестве достойного собеседника» (Иссерс, & Ганеева, 2013, с. 40). Однако реальность не такова. Налицо, констатирует М. Кронгауз, чрезвычайно интересная ситуация: имеет место насыщенная смыслами многосторонняя коммуникация, но при этом нет диалога (Кронгауз, 2015). А он нужен для выработки договоренностей по поводу базовых ценностей общественного развития, ключевых его целей и средств их достижения.

В сложившейся обстановке актуализируется проблематика исследования текущего языка власти, его отличительных характеристик, говорящих либо в пользу склонности власти к налаживанию диалога с оппозицией, либо, напротив, к дальнейшему продолжению отказа от него. Кроме того, актуальность анализа языка власти поддерживается тем неизбывным обстоятельством, что порождаемый этим языком дискурс, несомненно, обладает самой мощной силой воздействия на реципиентов ввиду его максимально широкой сферы распространения и всеохватности аудитории. Повсеместно и многократно воспроизводимые медиа публичные высказывания политической элиты – объект неизменного и пристального внимания к ним общества, что неизбежно налагает на политическую власть повышенную ответственность за пользование языком как универсальным средством социального взаимодействия. К анализу публичных высказываний современной российской политической элиты с целью определения их специфики, а следовательно, и специфики языка власти – инструмента порождения ее политического дискурса – и сводилась основная задача проведенного нами социолингвистического исследования, представленного ниже. Под языком власти в данном случае подразумевается язык ведущих политиков страны, являющийся важнейшей и неотъемлемой частью языка политики, т.е. той ветви общенационального языка, которая обслуживает политическую коммуникацию. Под последней, вслед за Е.И. Шейгал, мы понимаем «любые речевые образования, субъект, адресат или содержание которых относятся к сфере политики» (Шейгал, 2004, с. 23).

Теоретический фундамент исследования

В теоретическом плане исследование разворачивалось в рамках социально-конструктивистского подхода (Бергер, & Лукман, 1995), согласно которому социально ориентированный дискурс трактуется не столько как средство языкового моделирования социальной реальности, сколько как ее фактический «конститутив» (Н. Филлипс, С. Харди). Исследование опиралось на нижеследующие концептуальные положения.

Действительность конструируется через вербальные структуры. Даже обычное, повседневное использование языка предполагает воздействие на восприятие и структурирование мира другим человеком. Тем более власть языка проявляется в социально ориентированном общении. Вызванный к жизни общественнозначимыми событиями, публичный дискурс несет в себе собственные версии происходящего и, воздействуя на адресаты, не столько отражает социальную реальность, сколько формирует ее для своей удаленной от реальных событий аудитории. Иными словами, язык служит подлинным инструментом социальной власти для различных групп коммуникаторов, участвующих в общественном диалоге (Блакар, 1987).

За языком и дискурсом коммуникатора стоит своя картина мира, отвечающая его интересам, которую он стремится инкорпорировать в сознание аудитории. Манипулируя словами, коллективные и индивидуальные агенты речи манипулируют структурой восприятия мира, природного и социального, и мировоззрениями, изменяя через это социальные практики (Бурдье, 1994).

Поле оперирования языком конкурентно по самой своей природе, в нем нет и не может быть равенства, поскольку зона, доступная для языкового воздействия, у различных агентов разная. Как следствие, и результаты использования ими языка принципиально рознятся (Блакар, 1987).

Политическая власть обладает несомненным символическим господством в сфере использования языка как орудия символического воздействия на социум. Неразрывно связанный с государством и распространяемый на всем подчиняющемся ему пространстве, официальный язык власти обслуживает интересы самой власти, которая его насаждает, и помогает ее укреплению (Бурдье, 2005).

Стремясь к монопольному владению языком, власть контролирует его применение, поддерживает социальное неравенство и воспроизводит себя посредством дискурса. (Ван Дейк, 2013).

На фоне господствующего языка власти в обществе функционирует множество социолектов. Наиболее очевидное их разделение обусловлено их отношением к власти. Сотрудничающие с нею энкратические социолекты развиваются и обретают свои характерные черты, вторя власти; оппонирующие ей акратические социолекты намеренно дистанцируются от власти (Барт, 1989).

Эмпирическая база исследования и методология ее формирования

В эмпирическом плане исследование базировалось на материалах ежегодно проводимого в России уже в течение 15 лет международного конкурса «Слово года», развернутого на платформе дискурса социальной сети «Фейсбук»[1]. Впервые в нашей стране такой конкурс был проведен в 2007 году. Инициатор, организатор и куратор конкурса – известный философ, культуролог и филолог М.Н. Эпштейн. Цель конкурса – выявление в фейсбучном дискурсе тех уже утвердившихся в языке слов, выражений и фраз, а также возникших в контрольный период неологизмов, которые приобрели в текущем году общественное звучание, получили громкий общественный резонанс. Именно эти лексические единицы, с точки зрения устроителей конкурса, отражают подлинные умонастроения людей, служат показателями эмоционального и интеллектуального состояния общества (Эпштейн, 2013).

В конкурсе четыре номинации. Первые три – «Слово года», «Выражение года» и «Неологизма года» – аккумулируют высказывания пишущей в Фейсбуке публики; четвертая номинация «Антиязык» объединяет относящиеся к контрольному периоду высказывания представителей российской политической элиты, вызвавшие острую реакцию пользователей Фейсбука. В сборе первичных эмпирических данных задействовано свыше трех с половиной тысяч участников двух фейсбучных групп «Слово года» и «Неологизм года». Их усилиями формируется список слов-кандидатов, охватывающий примерно 300 лексических единиц, фиксирующих своеобразие и историческое значение текущего года, после чего составленный список передается в Экспертный совет. Эксперты в составе 17-18 специалистов социо-гуманитарного профиля тайным голосованием избирают победителей (призеров) конкурса по всем четырем номинациям.

Выбор победителей подчинен принятой Экспертным советом единой формализованной процедуре. Ими признаются те лексические единицы из списка кандидатов, которые актуализируются в фейсбучном дискурсе в связи с каким-либо значимым социально-политическим событием. Помимо названного экстралингвистического фактора призеры конкурса выделяются на основе собственно лингвистических их признаков. Важнейший из них – частотность лексической единицы, говорящая о ее популярности, а значит и популярности реалии, ею поименованной. Иные принимаемые во внимание признаки – грамматический потенциал слова (наличие у него дериватов); его синтагматика (формирование сочетаемостных «привычек» слова, устойчивых выражений с ним); его парадигматика («обрастание» слова синонимами и антонимами); его вовлеченность в языковую игру.

1 Социальная сеть, принадлежащая корпорации Meta, которая признана экстремистской на территории Российской Федерации

Перечисленные лингвистические показатели вторят критериям, предложенным Т.В. Шмелевой в разработанной ею концепции ключевых слов текущего момента для определения последних (Шмелева, 1993). Частотность привычного для аудитории слова, за которой стоит формирующее его семантику употребление в дискурсе в разных контекстообусловленных смыслах, наличие у слова дериватов, синонимов и антонимов, парадигматических и синтагматических связей – все это индикаторы укорененности данного слова в системе языка. Для недавно появившихся неологизмов их обрастание подобными приметами – знак возможного вхождения лексического нововведения в языковой узус. В обоих случаях указанные признаки придают лексической единице особый коммуникативный статус, помогающий вычленить из общей массы и ключевые слова текущего момента, и призеров конкурса «Слово года». Первые имеют непосредственную привязку к выбранному аналитиками заранее в качестве объекта исследования лексико-семантическому полю, например, полю «коронавирус» (Прокофьева, & Щеглова, 2020). Вторые обрисовывают вербальный портрет текущего года, запечатлевая для истории его памятные приметы.

Объектами нашего анализа стали прежде всего слова и выражения всех четырех номинаций, признанные призерами конкурса разных лет, т.е. занявшие три ведущих места в общем ранжированном списке его участников. Затем к анализу были привлечены так называемые лидеры конкурса – лексические единицы, которые участвовали в нем, победы не добились, но были близки к ней (позиции четыре-десять в упомянутом списке).

Метод и основная гипотеза исследования

Эмпирический материал подвергался семантическому анализу на основе предварительно составленного списка индикаторов речевой агрессии как той важнейшей характеристике дискурса, которая говорит о выборе коммуникатором конфликтного, а значит враждебного, а не кооперативного, характера речевого взаимодействия с потенциальными реципиентами. Понимая под термином «речевая агрессия», в его широкой трактовке, «использование языковых средств для выражения неприязни, враждебности» (Стилистический энциклопедический словарь, 2019, с. 340), мы, вслед за Е.Н. Басовской, опирались на более узкое его толкование, отождествляющее речевую агрессию с эксплицитно выраженной оппозиционностью коммуникатора по отношению к реципиенту или референту (Басовская, 2004, с. 257). В список индикаторов вошли те языковые показатели, которые имеют теоретическое обоснование и уже получили апробацию в ряде исследований проблематики речевой агрессии, а именно: военная лексика, резко негативные номинации, оппозиция МЫ / ОНИ (СВОИ / ЧУЖИЕ), оскорбления, угрозы, негативно окрашенная просторечная и жаргонная лексика, безапелляционные высказывания в модальности долженствования (Кронгауз, 2015; Озюменко, 2017; Стексова,

2013; Щербинина, 2008). Представленность названных индикаторов в высказываниях политической элиты, свидетельствующая о сквозящей в них речевой агрессии, позволяет аналитику говорить и о специфике самого языка власти в плане его агрессивности / неагрессивности, поскольку язык агента речи характеризуют все употребляемые им языковые средства.

Априори мы исходили из предположения, что резонансные и наиболее часто цитируемые в Фейсбуке высказывания представителей современной российской политической элиты – победители конкурсов «Слово года» – заражены агрессией. На проверку исходного предположения и была нацелена наша работа.

Результаты исследования

Проведенный анализ выявил следующие особенности эмпирического материала.

Высказывания политической власти несут в себе оппозицию МЫ / ОНИ, подразумевающую противостояние России Западу. Самым ярким примером, воплощающим указанную оппозицию сразу в двух ее вариантах – оценочном и смысловом – несомненно является фраза *мы попадем в рай, а они просто сдохнут*, затрагивающая тему российского сверхоружия и ядерной угрозы. Произнесенная президентом страны во время заседания Международного дискуссионного клуба «Валдай» 18 октября 2018 года в ответе на вопрос о готовности России применить ядерное оружие, данная фраза возглавила список призеров конкурса 2018 г. в номинации «Антиязык», далеко обойдя всех прочих претендентов на победу.

Политическая элита активно пользуется военной лексикой – приметой милитаризации сознания. Это и *враги православия* – выражение-призер 2013 г., и пресловутая «*пятая колонна*» – победитель 2014 г., актуализированная в так называемой Крымской речи президента, и активизированное властью в наши дни слово *провокация*, именующее сегодня любые шаги политических оппонентов и толкуемое в духе его основного общеязыкового значения как «агрессивные действия с целью вызвать военный конфликт» (Большой толковый словарь русского языка, 1998, с. 1002).

Изречения представителей политической власти отмечены речевой агрессией, которая очевидно наличествует в вызывающей резкое отторжение фразе-угрозе *можем повторить*!, занявшей призовое и лидирующее место в номинации Антиязык в 2017 и 2018 гг. соответственно. Агрессия просматривается и в весьма мало похожем на шутку, особенно с позиции сопредельных с Россией стран, высказывании *граница России нигде не заканчивается.* Склонность политиков к ксенофобии, враждебному неприятию чужого прослеживается, в частности, в безапелляционном императиве депутата Госдумы Тамары Плетневой *мы не должны рожать от другой расы* и вторящем ему высказывании другого депутата *мы своих детей должны рожать.*

Я не националист, но тем не менее. Обратная сторона медали – неизбывный ура-патриотизм, сквозящий и в утверждении бывшего в то время (2018 г.) на посту министра культуры В. Мединского *у народа России имеется одна лишняя хромосома*, и в предложении премьер-министра Д. Медведева (2016 г.) название кофе «американо» заменить на «русиано».

Высказывания политиков заряжены оппозицией СВОИ / ЧУЖИЕ, что свидетельствует о поиске внутренних «врагов» — тех, кто не поддерживает официальную политику, не разделяет официальные настроения, раскачивает, по мнению властей, лодку и «предает родину». Здесь абсолютное первенство, безусловно, принадлежит выражению *иностранный агент* и его краткой форме *иноагент*. Учрежденная Госдумой в 2012 г. в связи с юридической инициативой (принятием поправок к закону «О некоммерческих организациях»), номинация *иностранный агент* изначально обладала оценочной нейтральностью. Но за истекшие 10 лет она обрела отчетливые негативные коннотации и в разрабатываемый в наши дни интерактивный «Медиасловарь ключевых слов текущего момента» вошла уже как экспрессема с устойчивым негативным ореолом (Лебединская, Прокофьева, & Щеглова, 2021). В нашем конкурсе выражение *иностранный агент (иноагент)* побеждало неоднократно, став призером 2013, 2017, 2019, 2021 годов. Оно дважды включено в активно повторяемую недавно изобретенную неудобоваримую словесную формулу ДАННОЕ СООБЩЕНИЕ (МАТЕРИАЛ) СОЗДАНО И (ИЛИ) РАСПРОСТРАНЕНО ИНОСТРАННЫМ СРЕДСТВОМ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ, ВЫПОЛНЯЮЩИМ ФУНКЦИИ ИНОСТРАННОГО АГЕНТА, И (ИЛИ) РОССИЙСКИМ ЮРИДИЧЕСКИМ ЛИЦОМ, ВЫПОЛНЯЮЩИМ ФУНКЦИИ ИНОСТРАННОГО АГЕНТА), которая на сегодня закреплена уже законодательно. Сверх того, процитированный новый вербальный канон, равно как и отправное для него выражение *иностранный агент*, вышли победителями в проведенном ныне во второй раз командой «словогодников» дополнительном конкурсе «Слово десятилетия 2011-2021». Обозначению ЧУЖИХ служит и расхожее выражение *национал-предатели*, прозвучавшее одномоментно с *«пятой колонной»* в обращенной к обеим палатам Федерального собрания Крымской речи президента.

Анализ эмпирического материала выявил и его пронизанность оппозицией МЫ/ОНИ, маркирующей базовое для политики противостояние власти и народа. Предельно четко оно манифестировано, например, в высказывании главы департамента молодежной политики Свердловской области Ольги Глацких *государство не просило вас рожать*, произнесенном во время Круглого стола по вопросу реализации молодежных проектов в Кировграде. Фраза высокопоставленного лица тут же вызвала мощный негативный общественный резонанс, который в конечном счете обеспечил ей призовое место в конкурсе «Слово года». Иной пример – совет депутата Свердловского Законодательного собрания Ильи Гаффнера россиянам применительно к кризису:

надо меньше питаться, который был тут же дополнен сетевой публикой фразой «Надо меньше лечиться».

В ходу у политической власти и оскорбительная лексика. *Лишние люди* – так высказался московский мэр о 15 миллионах россиян. В свою очередь депутат петербургского Заксобрания Елена Рахова назвала *недоблокадниками* тех доживших до наших дней престарелых жителей блокадного Ленинграда, кто пробыл в осажденном городе менее четырех месяцев. С помощью такого незамысловатого приема она объяснила, почему фракция «Единая Россия» не поддерживает предложение начислить означенной группе горожан к юбилейной дате денежную выплату в размере трех тысяч рублей. Не чужды ведущим политикам и откровенно бранные высказывания типа *мрази конченые* или *дебилы*, авторы которых общеизвестны. Лингвисты, анализирующие современный российский политический дискурс, уже отметили тенденцию снижения его стилистического регистра за счет употребления сленга, просторечных и жаргонных выражений типа *жевать сопли*, *замучаетесь пыль глотать*, *мочить в сортире*, *кошмарить бизнес* (Кронгауз, 2015; Левонтина, 2018). Они произносятся на фоне абсолютно грамотной, правильной речи, а взаимодействие фона и сниженных ее фрагментов порождает сильный стилистический эффект, который привлекает внимание аудитории, способствуя лучшему запоминанию сказанного (Кронгауз, 2015). Однако приведенные нами примеры совсем иного рода: они оскорбляют и унижают человеческое достоинство, являют собой откровенную грубость, выходящую за рамки допустимого в публичной коммуникации.

Сегодня наблюдаются случаи рассмотрения подобных высказываний в контексте складывающейся к началу XXI века новой коммуникативной практики, получившей название «новой искренности». Эта практика нашла свое воплощение прежде всего в художественном творчестве (литературе, кинематографе, массмедиа) Запада, а затем и России и сопряжена с отходом от всепоглощающей иронии, признанной характерной чертой ушедшего столетия. Ирония как действенный механизм сопротивления сверхчеловеческому напряжению и страхам, вызванным ужасами прошлого века, в наши дни уступает место откровенной исповедальности. Искусство обращения преимущественно к традиционно сложившемуся лирико-исповедальному дискурсу с его апелляцией к проверенным временем общечеловеческим ценностям, таким как сострадание, милосердие, верность, дружба, и составляет сущность «новой искренности», проникшей в кинематограф, театральное искусство, литературу наших дней (Десятерик, 2005). Вместе с тем в среде дискурс-аналитиков существует мнение, что «современная медиасреда располагает к проявлениям «новой искренности» и создает условия для проникновения данного тренда в сферу политической коммуникации» (Иссерс, 2020). Его реализация усматривается, в частности, в предвыборной листовке Максима Каца, шедшего в 2012 г. на муниципальные выборы в Северо-

Западном округе Москвы (2020, сс. 222-223). В тексте политика ярко представлено авторское начало, выраженное эксплицитным исповедальным обозначением собственной идентичности. Другой признаваемый пример «новой искренности» – выступление советника председателя партии «За правду» Ивана Охлобыстина на учредительном съезде партии, прошедшем в феврале 2020 г. Откровенно импровизационная речь известного актера и кинорежиссера намеренно выходила за устоявшиеся рамки жанрового канона (Каминская, 2020, с. 15-16).

Однако политическая коммуникация нашего времени знает и другие примеры. Они являют собой те вызвавшие острую критическую реакцию общества оскорбительные выражения политиков, депутатов, чиновников, о которых говорилось выше и которые систематически попадают в число призеров и лидеров конкурса «Слово года». Сегодня лингвисты их именуют триггерными высказываниями (Руженцева, Кошкарова, & Чудинов, 2020) и иногда воспринимают как негативный эффект «новой искренности». Их круг довольно широк. К уже процитированной фразе *государство не просило вас рожать*, номинации *недоблокадники*, совету *меньше питаться* можно многое добавить. Так, министр труда Саратовской области Наталья Соколова произнесла фразу *макарошки везде стоят одинаково* в поддержку своего заявления о достаточности трех с половиной тысяч рублей в месяц (стоимости региональной продуктовой корзины) для выживания. Ее высказывание обернулось главным скандалом 2018 г. и, естественно, попало в лидеры конкурса. Другим его лидером стала реплика кемеровского вице-губернатора (ставшего позже губернатором) Сергея Цивилева *хотите попариться на горе?*, обращенная к жителю города Игорю Вострикову, потерявшему при пожаре в ТРЦ «Зимняя вишня» жену, сестру и троих детей. Аналогичных примеров предостаточно. Нам думается, что все они не имеют к «новой искренности» никакого отношения. Подобные высказывания политиков отчуждены от общечеловеческих, гуманистических ценностей, апелляция к которым предусматривается концепцией «новой искренности». Нет в них ни исповедальности, ни переживаний травмирующего опыта, а прослеживается лишь объективация говорящими собственных позиций и взглядов, крайне далеких от принятых в цивилизованном обществе с его моральным императивом «от природной целесообразности к человеческому милосердию». Не случайно термин «новая политическая искренность» в российском варианте быстро обрел негативную коннотацию, которую придали ему острокритические, полные иронии, а порой и разоблачительные комментарии со стороны журналистского сообщества и пользователей социальных сетей (Руженцева, Кошкарова, & Чудинов, 2020). Таков ответ СМИ на триггерные высказывания власти.

Выводы

Выявленные в исследовании на материале конкурса «Слово года» особенности высказываний современной российской политической элиты говорят о том, что на сегодня язык ведущих политиков далек от языка прямого открытого диалога с обществом, всеми его сегментами, направленного на выработку договоренностей относительно ценностных оснований общественного бытия и достижение социального консенсуса по поводу базовых целей развития страны и путей их реализации. В наши дни язык власти агрессивен и скорее ориентирован на маркировку политически и идеологически чуждых власти ЧУЖИХ, с которыми он ведет борьбу всевозможными лингвистическими средствами. Отделяя чужих от своих, власть акцентирует социальное различие первых и вторых. Подобная языковая сегрегация проводит демаркационную линию, разъединяющую людей, живущих в одной стране, имеющих общую территорию, общее историческое прошлое, общую культуру.

К сожалению, базовая глубинная оппозиция СВОИ / ЧУЖИЕ (интерпретируемая К. Шмиттом как друг / враг) (Шмитт, 1992) в языке политической элиты в настоящее время охотно принимает вид не только содержательного противопоставления ВЛАСТЬ / НАРОД. Дискурсообразующие для политической коммуникации, концепты «народ» и «власть» ныне наделяются в дискурсе политических лидеров и оценочной асимметрией, абсолютно недопустимой этически (Невинская, 2006). Таким образом, самый внушительный российский коммуникатор, обладающий самым высоким потенциалом символической власти – политическая элита – использует ее не для единения, а для разобщения. Разобщения с внешним миром, с несогласным с решениями и действиями властей сегментом общества и, порою, с подвластным ей народом в целом. Язык – важнейшая часть культуры, универсальное средство социальной коммуникации – усилиями власти превращен в особую зону культурного отчуждения.

Следует иметь в виду, что сила воздействия высказываний политической элиты страны на аудиторию не обязательно прямо пропорциональна частоте их повторения. Известно немало случаев, когда сильный воздействующий эффект на общество оказывали единожды сказанные ведущими политиками слова. Незабываема знаменитая *перестройка* – слово, прозвучавшее из уст М.С. Горбачева 8 апреля 1986 года в городе Тольятти на встрече с трудящимися Волжского автозавода. Так образно партийный лидер обозначил в тот день вводимые новые подходы в управлении государством и экономикой. Мгновенно подхваченная СМИ и повсеместно растиражированная, эта строительная метафора быстро обрела статус официального наименования новой политики, а затем и новой эпохи, общепринятого не только внутри страны, но и за ее пределами. В наши дни в активном ходу произнесенные когда-то по случаю В.С. Черномырдиным речевые обороты, вскоре ставшие популярными афоризмами, вроде *никогда такого не было, и вот опять*! или *хотели*

как лучше, а получилось как всегда. Чуть позже последняя фраза распространилась в соцсетях в еще одной, игровой, версии, более пессимистичной: *хотели как лучше, а получилось навсегда*. Процитированные «черномырдинки», закрепившись в памяти людей, сегодня вызывают скорее улыбку и воспринимаются в юмористическом ключе (Руженцева, Кошкарова, & Чудинов, 2020). Совсем иное дело триггерные высказывания власти, порождающие острую и болезненную негативную реакцию по отношению как к автору слов, так и к конструируемой им реальности. Известны примеры, когда такие высказывания даже ломали карьеру политика, как это произошло с Павлом Астаховым. Его реплика *как поплавали*?, обращенная при посещении московской детской больницы к детям, выжившим после трагедии на Сямозере, привела уполномоченного по правам ребенка к потере занимаемой им должности. Утратой своего поста обернулась и для Натальи Соколовой ее фраза *макарошки везде стоят одинаково*, упомянутая выше.

Введенные в недавнем прошлом ведущими политиками в оборот, однажды произнесенные слова и выражения *нежелательная организация, недружественные страны, пятая колонна, предатели, иноагент* (в негативном ключе) ныне стали печальной приметой нашего времени, получив массовое распространение. Пропитанные негативизмом и речевой агрессией, они подталкивают аудиторию к агрессивному подходу к реальности и, в конечном счете, формируют агрессивную социальную среду (Озюменко, 2017).

Упорно насаждаемый, язык власти, естественно, перенимается значительной частью населения, что только повышает уровень агрессивности языка политики в целом и усиливает социальную напряженность в обществе, разделенном властью на своих и чужих, поляризованных оценочно. Главными социальными агентами, воспроизводящими эту агрессивность, становятся СМИ, тиражирующие и повсеместно распространяющие все значимые высказывания политической элиты страны. Лингвисты удостоверяют, что и собственный язык СМИ в наши дни сильно меняется (Левонтина, 2018; Озюменко, 2017; Карасик, 2015; Щербинина, 2013; Гусейнов, 2008). Он все активнее используется для выражения медийной агрессии – открытой неприязни и враждебности к референту и целенаправленного воздействия на сознание адресата с целью его идеологического подчинения (Озюменко, 2017). На федеральных каналах ТВ уже давно используется лексика войны: *каратели, захватчики, беженцы, предатели* (Левонтина, 2018, с. 215), а речи известных тележурналистов всеми силами увеличивают пропасть между своими и чужими, являя собой образчики максимальной риторической резкости вплоть до полной «отвязанности» (Гусейнов, 2008). Характеризуя в общем плане язык СМИ, лингвисты заявляют, что он приучает пользователей видеть мир черно-белым, поделенным на своих и чужих.

«Современная российская журналистика, – констатирует Е.Н. Басовская, – в большинстве случаев провозглашает демократические принципы и отстаи-

вает высоконравственные позиции. Но декларации легко сводятся на нет самим языком газетно-журнальных публикаций, проникнутым духом раздражения и конфронтации» (Басовская, 2004, с. 263).

Одновременно специалисты отмечают и агрессивность языка социальных сетей, порой именуя его языком ненависти и вражды (Скоркин, 2014). Так резко выраженная речевая агрессия характеризует интернет-комментарии пользователей соцсетей к новостным материалам. Дискурс-анализ подобных комментариев обнаружил их отягощенность оценочной оппозицией СВОЙ / ЧУЖОЙ. При этом чужими признаются те, чье мнение отлично от мнения самого комментатора; они-то и вызывают его неприятие и неприкрыто агрессивную речевую реакцию (Стексова, 2013, с. 78). Введенная Экспертным советом с 2016 года в конкурс «Слово года» дополнительная категория «Лейтмотивы», объединившая в себе призеров из всех четырех названных выше номинаций конкурса, связанных общим смыслом и общей темой, подтвердила укорененность в фейсбучном дискурсе исходящих от власти установок. К примеру, тема противостояния с Западом, звучащая в словах и выражениях ЧВК *Вагнер*, *гибридная война*, *можем повторить*, была признана лейтмотивом 2018 г., а тема войны, манифестируемая лексическими единицами *гибридная война*, *информационная война*, *кибервойна*, определила лейтмотив-2016.

Примечательно, что в отношении неологизмов, возникших как вербальная реакция на текущие общественно-политические события, в среде специалистов сложилось убеждение, что в российских условиях повышенной социальной напряженности чем агрессивнее новое слово, чем больше оно наполнено отрицательной энергией, тем больше у него шансов на распространение в публичном дискурсе (Эпштейн, 2013). Таковы огорчительные плоды давления языка власти наших дней на вторящий ему язык специализированной (профессионально журналистской) и неспециализированной (массовой) публичной коммуникации.

Однако при всех отмеченных негативных явлениях, сопряженных с деятельностью социальных сетей, их существование полезно. Ибо почти любая власть пытается монополизировать язык, подчинить его своим интересам и целям. Когда ей это всецело удается, монопольное владение языком оборачивается тотальным контролем над его использованием. Как следствие, складывается ситуация, проанализированная В. Клемперером в его бессмертной книге, где он подробно описывает язык LTI, при господстве которого нацистам удавалось 12 лет держать немецкий народ в духовном рабстве (Клемперер, 1998). Любая власть, как писал П. Бурдье, борется за язык и стремится утвердить свой дискурс и политический словарь со своими терминами и понятиями, адресатами и ориентирами, со своими метафорами и эвфемизмами — дискурс и словарь, за которыми стоит своя картина социального мира, отвечающая интересам власти (Бурдье, 2005). Ее дискурс внушает гражданам представления о политически правильных оценках и действиях.

Но в символическом поле оперирования языком необходима конкуренция, а единообразие его использования должно быть вытеснено многообразием. Политический дискурс власти не должен, тотально господствуя, заглушать всех прочих коммуникантов. Функционирование же социальных сетей с их встроенными в язык политики акратическими социолектами, оппонирующими власти, порождает конкурирующий с официозом дискурс, по-иному описывающий и оценивающий социальную реальность и вырабатывающий у граждан многомерный взгляд на нее. Тем самым отчасти выравнивается изначальная асимметрия в позиционировании разных коммуникантов в сфере социальной коммуникации. И это, без сомнения, позитивный момент. Поскольку многоголосие дискурсов – непреложное условие для налаживания полноценного диалога власти и общества по жизненно важным вопросам.

Заключение

Открытый обмен мнениями, возможность свободно озвучивать свои позиции, принципиальная полемичность социального общения, лишенная агрессии и враждебности, а также деления на своих и чужих, развернутое обсуждение важнейших для движения вперед вопросов, учет мнения меньшинства – таков на сегодня запрос российского гражданского общества, остающийся безответным. Привыкшая за долгий советский период к чисто ритуальной коммуникации со своими гражданами, власть продолжает отстаивать монологический характер общения с народом, при котором ее дискурс – предписания, не требующие глубоких рациональных обоснований, а требующие неукоснительного исполнения. Социальные роли коммуникантов жестко определены: власть – коммуникатор с неотъемлемым и преимущественным правом вербально конструировать для аудитории реальность, в которой противопоставлены мы и они, свои и чужие. Общество – реципиент, наделенный правом лишь одобрять и поддерживать все управленческие решения власти. Выстраивание двустороннего диалога с его неотчуждаемым многоголосием в очередной раз откладывается.

Список литературы

Барт, Р. (1989). Разделение языков. В *Избранные работы: Семиотика: Поэтика* (сс. 519–539). Прогресс.

Басовская, Е. Н. (2004). Творцы черно-белой реальности: О вербальной агрессии в средствах массовой информации. *Критика и семиотика*, 7, 257–263.

Бергер, П., & Лукман, Т. (1995). *Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания.* «Медиум».

Блакар, Р. М. (1987). Язык как инструмент социальной власти (Теоретико-эмпирические исследования языка и его использования в социальном контексте). В В. В. Петров (Ред.), *Язык и моделирование социального взаимодействия: Переводы* (сс. 88–120). Прогресс.

Бурдье, П. (1994). *Разложение религиозного. —Начала. Сборник текстов*. Socio-Logos. https://gtmarket.ru/library/articles/2611

Бурдье, П. (2005). О производстве и воспроизводстве легитимного языка. *Отечественные записки*, 2. https://strana-oz.ru/2005/2/o-proizvodstve-i-vosproizvodstve-legitimnogo-yazyka

Гусейнов, Г. Ч. (2008). Язык и травма освобождения. *Новое литературное обозрение*, 6, 130–147.

Дейк, Т. А. ван. (2013). *Дискурс и власть: Репрезентация доминирования в языке и коммуникации*. Либроком.

Десятерик, Д. (2005). Новая искренность. В *Альтернативная культура: Энциклопедия*. Ультра. Культура. https://info.wikireading.ru/104422

Иссерс, О. С. (2020). Грани «новой искренности» в современной политической коммуникации. *Вестник НГУ. Серия: История, филология*, 19(6), 216–227. https://doi.org/10.25205/1818-7919-2020-19-6-216-227

Иссерс, О. С., & Ганеева, Д. А. (2013). «Новое русское слово» в контексте политического дискурса: *Диалог, оппозиция, креативный класс*. *Политическая лингвистика*, 3, 37–47.

Каминская, Т. Л. (2020). Новые тренды в российской политической коммуникации. *Политическая лингвистика*, 6, 12–18. https://doi.org/10.26170/pl20-06-01

Карасик, В. И. (2015). *Языковое проявление личности*. Гнозис.

Клемперер, В. (1998). *LTI. Язык третьего рейха: Записная книжка филолога*. Прогресс-Традиция.

Кожина, М. Н. (Ред.). (2019). *Стилистический энциклопедический словарь русского языка*. ФЛИНТА.

Кронгауз, М. А. (2015). Краткий курс новояза. *Вопросы литературы*, 1, 7–20.

Кузнецов, С. А. (Ред.). (1998). *Большой толковый словарь русского языка*. «Норинт».

Лебединская, Е. Ю., Прокофьева, Н. А., & Щеглова, Е. А. (2021). Иноагент. *DataSlov*. https://dataslov.ru/word/inoagent/

Левонтина, И. Б. (2018). Почему не стоит волноваться о судьбе русской речи. В М. Вишневецкая (Ред.), *Словарь перемен 2015-2016* (сс. 214–222). Три квадрата.

Невинская, М. Д. (2006). *Концептуальная оппозиция «народ – власть» в политическом дискурсе* [Автореферат кандидатской диссертации]. ВГПУ.

Озюменко, В. И. (2017). Медийный дискурс в ситуации информационной войны: От манипуляции—к агрессии. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика*, 21(1), 203–220. https://doi.org/10.22363/2312-9182-2017-21-1-203-220

Прокофьева, Н. А., & Щеглова, Е. А. (2020). Медиасловарь ключевых слов текущего момента: Лексико-семантическое поле «коронавирус». В Н. В. Козловская (Ред.), *Новые слова и словари новых слов. 2020: Сборник научных статей* (сс. 191–202). Институт лингвистических исследований.

Руженцева, Н. Б., Кошкарова, Н. Н., & Чудинов, А. П. (2020). Триггеры в дискурсе власти и их отражение в СМИ. *Язык и культура*, 50, 99–114. https://doi.org/10.17223/19996195/50/8

Скоркин, К. (2014). Общий язык ненависти. *Отечественные записки*, 6. http://www.strana-oz.ru/2014/6/obshchiy-yazyk-nenavisti

Стексова, Т. И. (2013). Речевая агрессия в интернет-комментариях как проявление социальной напряженности. *Политическая лингвистика*, 3, 77–81.

Шейгал, Е. И. (2004). *Семиотика политического дискурса*. Гнозис.

Шмелева, Т. В. (1993). Ключевые слова текущего момента. *Collegium*, 1, 33–41.

Шмитт, К. (2011). Понятие политического. *Социология Власти*, 8, 173–190.

Щербинина, Ю. В. (2008). *Вербальная агрессия*. ЛКИ.

Щербинина, Ю. В. (2013). *Речевая агрессия: Территория вражды*. Форум.

Эпштейн, М. (2013). *Слова как символы эпохи. Беседа с журналисткой Ксенией Ларина*. Сноб. http://www.snob.ru/profile/27356/blog/70248#comment_683001

References

Barthes, R. (1989). Separation of Languages. In *Selected Works: Semiotics: Poetics* (pp. 519–539). Progress. (In Russian).

Basovskaya, E. N. (2004). Creators of Black and White Reality: On Verbal Aggression in the Mass Media. *Kritika i Semiotika*, 7, 257–263. (In Russian).

Berger, P., & Luckmann, T. (1995). The Social Construction of Reality. A Treatise on the Sociology of Knowledge. Medium. (In Russian).

Blakar, R. M. (1987). Language as an Instrument of Social Power (Theoretical and Empirical Studies of Language and its Use in Social Context). In V. V. Petrov (Ed.), *Language and the Modeling of Social Interaction: Translations* (pp. 88–120). Progress. (In Russian).

Bourdieu, P. (1994). *Decomposition of the Religious – Beginning. A collection of texts*. Socio-Logos. https://gtmarket.ru/library/articles/2611 (In Russian).

Bourdieu, P. (2005). On the Production and Reproduction of Legitimate Language. *Otechestvennye zapiski*, 2. https://strana-oz.ru/2005/2/o-proizvodstve-i-vosproizvodstve-legitimnogo-yazyka (In Russian).

Decaterik, D. (2005). The New Sincerity. In *Alternative Culture: Encyclopedia*. Ultra. Kultura. https://info.wikireading.ru/104422 (In Russian).

Dijk, T. A. van. (2013). *Discourse and Power: Representations of Dominance in Language and Communication*. Librokom. (In Russian).

Epstein, M. (2013). *Words as symbols of an era. A conversation with journalist Ksenia Larina*. Snob. http://www.snob.ru/profile/27356/blog/70248#comment_683001 (In Russian).

Guseinov, G. C. (2008). Language and the Trauma of Liberation. *New Literary Review*, 6, 130–147. (In Russian).

Issers, O. S. (2020). Dimensions of a "New Sincerity" in Modern Political Communication. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 19(6), 216–227. https://doi.org/10.25205/1818-7919-2020-19-6-216-227 (In Russian).

Issers, O. S., & Ganeeva, D. A. (2013). "New Russian Word" in the Context of Political Discourse: *Dialogue*, *Opposition*, *Creative Class*. *Political Linguistics*, 3, 37–47. (In Russian).

Kaminskaya, T. L. (2020). New Trends in Russian Political Communication. *Political Linguistics*, 6, 12-18. https://doi.org/10.26170/pl20-06-01 (In Russian).

Karasik, V. I. (2015). *The linguistic manifestation of personality*. Gnoziz. (In Russian).

Klemperer, V. (1998). *LTI. The Language of the Third Reich: A Philologist's Notebook*. Progress-Traditsija. (In Russian).

Kozhina, M. N. (Ed.). (2019). *Stylistic Encyclopedic Dictionary of the Russian Language*. FLINTA. (In Russian).

Krongauz, M. A. (2015). A short course of novoyaz. *Literature questions*, 1, 7–20. (In Russian).

Kuznetsov, S. A. (Ed.). (1998). *Large Explanatory Dictionary of the Russian Language*. Norint. (In Russian).

Lebedinskaya, E. Yu., Prokofyeva, N. A., & Sheglova, E. A. (2021). Inoagent. *DataSlov*. https://dataslov.ru/word/inoagent/ (In Russian).

Levontina, I. B. (2018). Why we should not worry about the fate of Russian speech. In M. Vishnevetskaya (Ed.), *Dictionary of Change 2015-2016* (pp. 214–222). Tri kvadrata. (In Russian).

Nevinskaya, M. D. (2006). *Conceptual opposition "people – power" in political discourse* [PhD thesis]. VSPU. (In Russian).

Ozyumenko, V. I. (2017). Media Discourse in an Atmosphere of Information Warfare: From Manipulation to Aggression. *Russian Journal of Linguistics*, 21(1), 203–220. https://doi.org/10.22363/2312-9182-2017-21-1-203-220 (In Russian).

Prokofieva, N. A., & Shcheglova, E. A. (2020). Media dictionary of keywords of the moment: Lexical-semantic field "coronavirus". In N. V. Kozlovskaya (Ed.), *New Words and Dictionaries of New Words. 2020: Collection of Research Articles* (pp. 191–202). Institute of Linguistic Studies. (In Russian).

Ruzhentseva, N. B., Koshkarova, N. N., & Chudinov, A. P. (2020). Triggers in the Power Discourse and their Reflection in the Mass-media. *Yazyk i kul'tura*, 50, 99–114. https://doi.org/10.17223/19996195/50/8 (In Russian).

Schmitt, K. (2011). The concept of political. *Sociology of Power*, 8, 173–190. (In Russian).

Shcherbinina, Yu. V. (2008). *Verbal aggression*. LKI. (In Russian).

Shcherbinina, Yu. V. (2013). *Speech Aggression: The Territory of Enmity*. Forum. (In Russian).

Sheigal, E. I. (2004). *Semiotics of Political Discourse*. Gnoziz. (In Russian).

Shmeleva, T. V. (1993). Key words of the present moment. *Collegium*, 1, 33–41. (In Russian).

Skorkin, K. (2014). The Common Language of Hate. *Otechestvennye zapiski*, 6. http://www.strana-oz.ru/2014/6/obshchiy-yazyk-nenavisti (In Russian).

Steksova, T. I. (2013). Speech aggression in Internet comments as a manifestation of social tension. *Political Linguistics*, 3, 77–81. (In Russian).

Galactica Media: Journal of Media Studies. 2022. No 4 | ISSN: 2658-7734
Медиа-активизм | https://doi.org/10.46539/gmd.v4i4.273

Laughter Protest: The Comical in Contemporary Activism

Yulia N. Alisievich

Independent researcher. Saint Petersburg, Russia. Email: alisi-you[at]yandex.ru

Received: 27 February 2022 | Revised: 28 May 2022 | Accepted: 14 June 2022

Abstract

The subject of this study is contemporary conceptions of laughter protest as it relates to trends in political communication and activism. Through conceptual and comparative analysis, we explore the role of the comical in social and political protest in order to formulate a kind of research framework for this type of resistance and to generalize models and tools for analyzing laughter protest practices and actions. Underlining the paradoxical nature of the comic – namely, its intention to preserve and simultaneously undermine the existing order – we show the specificity and functions of laughter in resistance, and what the optics of humor analysis in contemporary protest practices might be. The outcome of this research is a generalization of the functions and "methods of action" of the comical in political resistance, as well as key concepts and notions that enable us to interpret instances of the use of comic tactics by protesters. Thus, we classified identification, differentiation, control, and resistance as functions, while the list of concepts included play, carnival, nonviolence, cultural silencing, utopian imagination, and the optics of social movements. Using the example of interpretation in the DOXA's "Auction of Words", we examined the possibilities of the proposed framework of analysis. The article is addressed to researchers in various fields of humanitarian knowledge, as well as to a wide range of readers interested in the problems of activism, humor, and protest movements.

Keywords

The Comical; Humor; Laughter; Carnival; Protest; Activism; Non-violent Resistance; Subversive Humor; Social Movements; Utopia

This work is licensed under a Creative Commons «Attribution» 4.0 International License

Galactica Media: Journal of Media Studies. 2022. No 4 | ISSN: 2658-7734
Media Activism | https://doi.org/10.46539/gmd.v4i4.273

«Смеховой протест»: комическое в современном активизме

Алисиевич Юлия Николаевна

Независимый исследователь. Санкт-Петербург, Россия. Email: alisi-you[at]yandex.ru

Рукопись получена: 27 февраля 2022 | Пересмотрена: 28 мая 2022 | Принята: 14 июня 2022

Аннотация

Предметом настоящего исследования являются современные концепции смехового протеста в его взаимосвязи с тенденциями в политических коммуникациях и активизме. Путем концептуального и сравнительного анализа мы исследуем роль комического в социальном и политическом протесте, с целью сформулировать некую исследовательскую рамку для этого вида сопротивления и обобщить модели и инструменты анализа смеховых протестных практик и акций. Подчеркивая парадоксальность комического – его направленность одновременно на консервацию и на подрыв существующего порядка – мы показываем, каковы специфика и функции смеха в сопротивлении и какой может быть оптика анализа юмора в современных практиках протеста. Итогом исследования становится обобщение функций и «методов действия» комического в политическом сопротивлении, а также ключевых понятий и концепций, позволяющих истолковывать случаи применения комических тактик протестующими. Так, к функциям мы отнесли идентификацию, дифференциацию, контроль и сопротивление, а в перечень концепций включили игру, карнавал, ненасилие, глушение культуры, утопическое воображение, оптику общественных движений. На примере интерпретации «Аукциона слов» журнала DOXA рассмотрены возможности предложенного формата анализа. Статья адресована исследователям в различных областях гуманитарного знания, а также широкому кругу читателей, интересующихся проблемами активизма, юмора и протестных движений.

Ключевые слова

комическое; юмор; смех; карнавал; протест; активизм; ненасильственное сопротивление; подрывной юмор; общественные движения; утопия

Это произведение доступно по лицензии Creative Commons “Attribution” («Атрибуция»)4.0 Всемирная

Введение

«Игрушечный наномитинг» – акция протеста против внесения поправок в Конституцию России – прошел на Марсовом поле в июне 2020 года. Политическую позицию высказывали игрушки: на табличке желтой собаки было начертано, что «Пластмассовый мир победил»; сказочный пони держал плакат «Мы вам не игрушки», а перед толпой «протестующих» стоял баннер с надписью «Этот плебисцит игрушечней нас» (Петербургская Весна, 2020). Ввиду опасности массовых акций в период распространения коронавируса игрушки продолжили выступления в форме одиночных пикетов. В Челябинске акцию повторили клубни картофеля, яблоки и груши (Движение «Весна» | Челябинск, 2020).

Не имея возможности высказаться вслух и массово, люди выразили протест по-другому – в игре, смеясь над властью или над собственным бессилием.

Смех и политические отношения, на первый взгляд, кажутся несовместимыми: политика представляется серьезной областью, комическое – удел сферы развлечений и досуга. Однако мы, опираясь на тысячелетнюю историю бытования смеха во властных отношениях, могли бы со всей уверенностью констатировать обратное. Комическое и политическое сущностно связаны, и эту связь заметили и зафиксировали многие исследователи: в некоторых работах комическое рассматривается как инструмент делегитимизации доминирующего дискурса (см. Sorensen, 2014), индикатор свободы политического выражения или силы власти в обществе (см. Соловьев, 2004, сс. 187-194; Дмитриев, 1998), способ поддержания морального духа протестующих (см. Guenther, Radojcic & Mulligan, 2015) или, напротив, – ресурс подавления и социального контроля (см. Tsakona & Popa, 2011), «предохранительный клапан» (Lynch, 2002; Santa Ana, 2009), позволяющий с помощью смеха выразить накопившееся социальное напряжение и предотвратить проявление жестокости и вспышки открытого сопротивления.

Эта дихотомия – между игрой и серьезностью, фундаментальностью и легкомыслием, законностью и антинормативностью комического – лежит в основе рассмотрения роли юмора в протестных движениях и акциях. При этом, в то время как за рубежом смеховой протест и роль комического в политическом сопротивлении регулярно (хоть и не часто) становятся предметом рассмотрения в работах из разных областей научного знания, в России эта сторона протеста остается неизученной. В этой работе мы рассмотрим подходы к объяснению взаимосвязи юмора и власти и роли смеха в реализации политических отношений, осуществим анализ современных концепций смехового протеста и попытаемся обобщить найденные понятия и критерии для дальнейшего применения в исследовании кейсов протестов и акций – в том числе, случаев из российских реалий.

Понятие комического

Любая теория юмора фиксирует некое противоречие, содержащееся в коммуникативном акте, подразумевающем шутку. Как правило, юмор объясняют с помощью трех доминирующих парадигм – в литературе их принято называть теория превосходства (Superiority Theory), теория разрядки (Relief theory) и теория несоответствия (Incongruity Theory) (Morreall, 2009). Первая утверждает, что мы смеемся, потому что некоторые типы ситуаций позволяют нам чувствовать превосходство над другими людьми. Осмеиваемый выставляется тем, кто не соответствует некоторым общественным идеалам, и смех над ним – одновременно поощрение данного идеала и возвышение смеющегося над объектом шутки. Согласно теории разрядки, юмор – высвобождение напряжения или сублимация. Смеясь, человек высвобождает эмоции, признанные неуместными в обществе. Теория несоответствия гласит, что юмор воспринимается и строится не некоторой нестыковке, противоречии, нарушении – то есть разрыве между представлением о должном и происходящим в реальности. Теория несоответствия на данный момент доминирует в психологии и философских исследованиях юмора (Liu, Zhang & Song, 2018, p. 587).

Комическое проявляется в множестве видов, жанров и форм: от традиционного разделения на юмор, иронию, сатиру и сарказм до огромного поля онлайн-юмора (например, мемы, троллинг, хештеги и т.д.) и перформативных форматов (например, розыгрыши, партизанский театр, «карнавальные» митинги). Смех во многом организует общественную жизнь – в этом смысле его можно рассматривать как особую дискурсивную практику. Функции комического в целом можно свести к двум ключевым – дуалистическим функциям идентификации / дифференциации и контроля / сопротивления (см. Lynch, 2002; Schnurr & Plester, 2017). Первая связана с установлением принадлежности к социальной группе, формированием сплоченности, осознанием себя как члена группы и, соответственно, установлением определенного типа идентичности; и одновременно – с разделением с внешними группами, противопоставлением себя Чужому, дифференцированием внутри группы. «Наш смех — это всегда смех той или иной группы», – писал А. Бергсон (1992, с. 13).

Вторая проявляет себя в способности смеха служить как средством социального контроля (высмеивается тот, чье поведение не соответствует установленным в данной среде нормам и идеалам; а тот, кто шутит – всегда выше того, над кем смеются), так и способом сопротивления существующему порядку – ведь шутка позволяет смотреть на любые правила свысока, преодолевать страх перед власть имущими и критиковать установленные нормы, не выходя на открытый конфликт. Комическое проявляет себя и как «предохранительный клапан», позволяющий выплеснуть накопившееся социальное напряжение в смехе, предотвращая тем самым риск вспышек агрессии.

Тони Вил утверждает, что некоторые шутки – это усеченные мысленные эксперименты, провоцирующие игру воображения: «Шутки требуют от нас представить сценарии, которые настолько выходят за рамки обыденности, что традиционные способы или правила поведения кажутся разрушенными». Юмор позволяет пересматривать социальные нормы, жанровые условности и табу (Veale, 2015).

Здесь поиск политической сущности юмора приводит нас с парадоксу: смех выступает и как разрушительная, обновляющая, и как консервативная, подавляющая сила. С одной стороны, основу шутки составляют принятые в данном обществе идеалы (точнее, несоответствие им), юмор по большей части строится на стереотипах – и поэтому критикует реальность с точки зрения доминирующего дискурса. С другой же стороны – юмор, особенно формы сатиры и пародии, будто бы «взламывает» существующие социальные и политические отношения – принижая сакральное, возвышая над запретами, освобождая от страха. Мы бы предложили принять описанный выше парадокс как фундаментальное качество комического – и именно в этой амбивалентности искать природу взаимодействия комического и политического.

Комическое в политическом взаимодействии

Власть сущностным образом связана со смехом.

Попытку описать «власть смеющуюся» предприняла С.В. Карагодина в исследовании, посвященном сравнению проявлений комического во властвовании Ивана Грозного и Козимо Медичи. Она высказывает гипотезу о том, что «смеховое поведение» Ивана Грозного позволяло ему установить символическое превосходство и составляло часть антиповедения, выступавшего компенсаторным психическим механизмом (смех как способ борьбы с серьезным отношением к установленным нормам и навязываемым идеалам, которые являются «гнетом для психики» (Карагодина, 2005, с. 59)) и противовесом его стремлению к идеалу «православного царя». Смеясь и заставляя смеяться других, царь нарушает внутренние запреты и преодолевает страхи перед табу.

Стиль смехового поведения определяется характером власти: если флорентийский правитель никогда бы не позволил себе унижать равных с ним граждан, принуждая их к шутовству и уничижительным ритуалам, или уничтожать противника злословием и бранью, то Иван IV, деспотичный правитель, не ограничивал себя в проявлениях агрессивного юмора и злой насмешки, держал шутов и приказывал совершать «бесчестья» и «бесчинья», чтобы символически унизить неугодное ему лицо. Нередко, пишет Карагодина, символическое унижение доходило до физического насилия и казней. Своеобразной формой издевательства над нормами и унижения подданных была и опричнина.

С другой стороны – нормы, являющиеся объектом издевки, установлены самим царем. Нарушая правила собственной игры, царь как бы спорит с самим собой, проверяя и нащупывая границы своей власти, одновременно насмехаясь над ними и укрепляя названные правила для других – тех, кто права смеяться не имеет.

Фигуру царя анализирует Лихачев в статье «Лицедейство Грозного». Он обращает внимание на смеховые, шутовские элементы поведения Ивана и отмечает «замечательную способность к перевоплощению» – в своих письмах монарх выбирал стиль изложения, подстраивая манеру письма то под униженного челобитчика, то под обиженного царя или вымышленного Парфения Уродивого. Скоморошеский самоуничижительный тон, бывший частью стиля Грозного, маскировал зловещую иронию – ведь в письмах после самоунижений следовало прошение «перебрать людишек», отказ в просьбе или приказ казнить – так, благодаря контрасту между всемогуществом царя и показной скромностью челобитчика Иван разрушал и вновь воссоздавал свою неограниченную власть. «Притворяясь скромным и униженным, он тем самым издевался над своей жертвой. Он любил неожиданный гнев, неожиданные, внезапные казни и убийства» (Лихачев, 1976, с. 35). Лихачев утверждает, что иронические вопросы к противнику и его высмеивание в письмах означали духовное уничтожение неприятеля – а значит, и утверждали превосходство над ним царя.

Как способ утвердить отношение господства-подчинения, статус властвующего и подданного комическое характеризует А. Ю. Дорский. Подданный ограничен в возможности шутить над властью, властитель может смеяться над поданным сколько угодно. Кроме того, стремление власти (в абсолютном ее выражении) контролировать все сферы жизни общества приводит властителя к вторжению в сферу развлечения – в смеховую сферу (Дорский, 2013, с. 142-149) (например, фестивали, организуемые властями во время протестов, и государственные праздники, на которые иногда в добровольно-принудительном порядке приглашают сотрудников бюджетных учреждений).

Полагаем, что пересечение власти и комического открывается в пространстве нарушения нормы, в игре с границами дозволенного. Смеху присуща логика «взлома», разрушения принятых правил – и именно через эту «антинормативность» (и следующую рядом амбивалентность) объясняет комический эффект большинство исследователей. Но и для власти характерно неподчинение: правила обязательны для всех, кроме того, кто смеется – того, кто готов заявить свое право на власть и на истину.

Однако «отличие игр власти от большинства других игровых ситуаций в том, что здесь происходит игра в том числе с собственными границами игры» (Дорский, 2013, с.148). «Понарошность» происходящего и подчиненность игровым правилам из условия игры (по Хейзинге) превращаются в её предмет. Таким образом, смеясь – то есть, нарушая нормы – власть преодолевает

собственные границы. Политический субъект – правила игры, установленные политическим противником. Общество – страх перед запретами, насаждаемыми властью.

Некоторые исследователи считают, что современная традиция изучения юмора в его связи с властными отношениями в обществе берет свое начало в книге М.Бахтина о Франсуа Рабле и смеховой культуре (Бахтин, 1990) – это одна из самых цитируемых работ о смехе в его противопоставлении государственному, официально насаждаемому (Hart, 2007, p. 4). «Карнавальность» связывается с освобождением от любых иерархий, насмешкой над нормативностью, временной приостановкой правил. По Бахтину, карнавал способен приостановить действия социальной иерархии посредством смеха, юмора о «материально-телесной жизни», что выражалось в гротеске, играх, дурачестве, ругательствах. Правила благопристойности строго регулируют эти проявления в «обычное» время – но при наступлении карнавала они оживают в комической инверсии: шута коронуют вместо господина – и голос доминирующего дискурса на мгновение теряет свои привилегии.

Бахтин описывал карнавал как альтернативную, утопическую жизнь, организованную на основе смеха. Карнавал враждебен ко всему, что увековечено, косно, завершено. Карнавал – это возрождение. Соответственно, и карнавальный протест осмысляется как способ организации протестующими особого пространства веселья, альтернативной реальности, в которой страхи перед властью теряют сакральное значение. «Карнавал создает возможность для новой перспективы и нового порядка вещей, показывая относительную природу всего, что существует» (Robinson, 2011). Отталкиваясь от концепции Бахтина, многие исследователи предложили продуктивные способы осмысления карнавальности в политических отношениях и социальных изменениях (см. Stallybrass & White, 1986; Rowe, 1990).

Предшественницей Бахтина в осмыслении смеха в его связи с властью, обрядовым действом и площадными («карнавальными») формами была Ольга Фрейденберг. В ее «Происхождении пародии» (1925) направленность смеха на все почитаемое и сакральное – божества и формы власти – трактуется как результат родства смешного и трагического. Через удвоение действительности, перестановку ролей («внутренняя тождественность — вот природа всякой пародии») происходит «усиление содержания, усиление природы богов, и смеется она не над ними, а только над нами». Насмешка над священным, таким образом, вовсе не означает освобождение от власти или безбожие – напротив, «благодетельная стихия обмана и смеха» вновь утверждает священное в этой двойственности. Несмотря на первенство идей Фрейденберг, особенно близких с бахтинскими в контексте сравнения ее «вульгарного реализма» и «гротескного реализма», о котором пишет Михаил Михайлович, — классическим для международной традиции осмысления смеха как бунта против власти и даже вдохновителем некоторых общественных движений (например, Reclaim the Streets и CIRCA) стал именно

бахтинский текст о Рабле (см. Grindon, 2004; Smith, 2004; Bogad, 2010; Robinson, 2011; Hammond, 2020)[1].

В своей статье «Опасна ли пародия?» (Troitskiy, 2021) о потенциале пародии в подрыве порядка (точнее, его отсутствии), С. Троицкий пишет, что пародия (у Бахтина она приравнивалась к смеху и комедии – сливаясь в народной смеховой культуре) «всегда оказывается на периферии» и не способна занять центральное место, заменить собой существующий порядок вещей в силу своей вторичности. «Она не может стать организующим принципом культуры, но она может ограничить эту культуру, выявить границы ее основных понятий» (Troitskiy, 2021, p. 104). Пародия высмеивает лишь определенную черту объекта и остается зависимой от него – а значит, она не в состоянии уничтожить или заменить целый объект и всегда будет лишь дополнением (нет пародии без модели).

Согласно этой логике, бахтинская официальная культура не опровергается в перевернутом утопическом мире, потому что смеховая реальность зависима от наличия господствующей культуры и ее норм – модели для пародии и высмеивания. Для Троицкого пародия «сама по себе не угрожает порядку, напротив, это универсальная практика, позволяющая установить порядок» , а если порядок разлагается – она «может быть использована для ускорения разрушительного процесса» как сатира, а интерпретация пародии обществом – как «индикатор» для процессов разрушения статус-кво (Troitskiy, 2021, p. 105). Если для Бахтина карнавал представлял собой альтернативную реальность, противоположную и чуждую реальности официальной и «серьезной», то многими авторами смеховая культура рассматривается как периферийная и подчиненная существующей иерархии (Роготнев, 2010, с. 39).

Интересно, что, несмотря на эти значимые возражения (невозможность смеховой культуры претендовать на захват целого мира, ее дополнительность, подчиненность своей «серьезной» модели), именно бахтинский карнавал «заразил» многих исследователей и активистов – и стал важным концептом в изучении протестных движений, породившим академическую традицию. Для этой традиции характерен совершенно иной взгляд на смеховой мир. В качестве сущностной черты отмечается *мирообразующая* функция смеха: «формы комизма становятся способом организации целостного образа мира» (Роготнев, 2010, с. 37). В лихачевской интерпретации смеховой культуры вторая реальность, создаваемая смехом, принимала облик антикультуры, в которой переворачивались «не одна какая-либо вещь, а все человеческие отношения, все предметы реального мира» (Лихачев, 1976, с.24).

Этот феномен «смеховой двумирности», предложенный Бахтиным, очень важен для понимания роли смеха в сопротивлении. Альтернативный мир, создаваемый смехом, характеризуется не столько как отрицающий доминиру-

1 На сайтах для активистов Бахтин и сейчас представлен в «списках для чтения» (https://c4aa.org/2019/07/reading-list), а концепция карнавала анализируется как основа протестных тактик, например, таких как «тактическое легкомыслие» (tactical frivolity).

ющую культуру (при таком подходе он соответствовал бы бахтинскому описанию сатиры как смеха отрицающего, односторонне серьезного), сколько как обещающий изменения и смотрящий в будущее и в этом смысле – утопический. То есть несмотря на зависимость смехового «мира наизнанку» от своей лицевой стороны, его утопический характер – а именно способность указать на возможность альтернативы доминирующей культуре – как бы выводит его за границы этой зависимости. Хотя карнавальная реальность строится как пародия на жизнь внекарнавальную, она преодолевает подчиненность своей модели, указывая на возможность неизвестного, *принципиально иного* будущего. Не предлагая его замены, но указывая на способ из него выйти в той самой приостановке норм и иерархических структур, через «рождающую смерть» карнавала.

Смех делает видимыми границы существующей культуры и указывает на то, что другой мир и другие политические отношения возможны. Описание смеха как особой реальности и фиксацию его «двумирности», кроме карнавала, можно встретить в понятиях «пародии» (Даркевич, 2004), «балагана» (Н.А. Хренов, 2019, сс. 251-327) – которые «варьируются между полюсами утопии и сатиры» (Роготнев, 2010, с. 41) и претендуют на конструирование целого мира (а не пародии на отдельную черту реальности), не только и не столько периферийного по отношению к официальной культуре (Панченко, 1999, с. 120), сколько противопоставленного ей и – в утопической перспективе – обещающего возможность выхода за ее пределы.

Подведем небольшой итог. Общность природ смеха и власти заключается в нарушении норм, в игре с границами приемлемого. Смеясь, мы сталкиваем игру и серьезное содержание, норму и бунт против нее, утверждение объекта шутки (связанное с радостью, весельем, сопровождающими смех) и его ниспровержение путем обезображивания и высмеивания. Парадоксальность и амбивалентность смеха – ключевой его признак и критерий анализа практик, связанных с юмором.

Осмеяние, с одной стороны, предполагает установление отношений «власть-подчинение», демонстрацию превосходства над объектом смеха. С другой, комическое создается и действует по законам игры: и его игровой характер, освобождение от серьезности и страха по отношению к происходящему, «понарошность» критики позволяют тому, кто шутит, символически преодолевать предписанные извне границы, нормы и табу («нарушение понарошку», как писал Козинцев (2007, с. 110)). И устанавливать в политическом пространстве собственные правила игры.

Таким образом, отношения комического и политического обнаруживаются на границе нормативности: оба нащупывают, закрепляют и разрушают существующее представление о социальной реальности и ее границы. Политический субъект – границы собственной власти или возможность освобождения от власти иной, субъект смеющийся – границы нормы, которую шутка ставит

под вопрос или которой она же подчиняет высмеиваемого. Смех и политика пересекаются настолько, насколько оба являются отказом от нормального.

Комическое в политическом сопротивлении

Описание «протестной силы» комического – давняя и относительно самостоятельная академическая традиция, включающая множество направлений. И именно из-за сформулированного ранее «врожденного парадокса» (Anderson & Kincaid, 2013) юмора – способности как опровергать нормативное, так и служить закреплению социально принятого и стереотипного – протестный потенциал юмора постоянно оспаривается. Существует целая когорта исследователей, уверенных в том, что юмор скорее служит консервации существующего порядка, чем его подрыву (см. Tsakona & Popa, 2011).

Однако на тезисы скептиков также находятся ответы. М. Соренсен, автор термина «юмористический политический трюк», пишет, что политические изменения нужно рассматривать как сложное многогранное явление, и, очевидно, не ждать от шуток сиюминутного и конкретного эффекта (Sorensen, 2016, pp. 17-26). Ссылаясь на теоретиков *ненасильственного сопротивления* и «социального недвижения», автор констатирует, что изменения часто кроются в повседневном – в нашем языке, в отношении, в привычках, в шутках. В общем дискурсивном поле общества и власти. Очевидно, что одна шутка не совершит переворота. Однако позволяя себе смеяться над властью, люди каждый раз совершают «крошечную революцию» (как писал Оруэлл) – обнажая слабости и недостатки власть имущих и возвышаясь над страхом перед установленными свыше правилами. Формирование независимого мышления и выражение недоверия правящей системе (даже и особенно в форме шутки) – важные шаги к политическим изменениям.

Теоретик культуры Линда Хачтон (1995) истолковывает иронию (нам кажется закономерным распространить этот вывод на все виды комического) как «трансидеологический» феномен, который сам по себе не является ни методом угнетения, ни средством сопротивления. Это лишь способ общения, считает Хачтон, возможности которого вариативны и многогранны в различных условиях.

В книге о ненасильственном сопротивлении в Сербии Дж. Сомбутпоонсири, рассматривая сербские акции протеста группы «Отпор» против режима Милошевича, фиксирует такие формы смехового сопротивления как карнавальные митинги, остроумные лозунги и сатирический уличный театр. Вклад юмора в сопротивление обобщается исследователем в три направления: комическое 1) подрывает пропаганду правящих элит, что позволяет обратить манипуляцию против ее создателей; 2) превращает враждебную атмосферу уличных протестов в пространство радости и праздника, помогая избежать столкновений между протестующими и силовыми структурами; 3) предлагает метафору эмансипации от репрессивного государства, поощряя угнетенных

действовать так, чтобы эта метафора стала реальностью (Sombutpoonsiri, 2015, p. 2).

Теоретической базой анализа в работе Сомбутпоонсири являются бахтинская идея карнавализации и концепция экскорпорации (excorporation, исключение, изъятие), введенная Джоном Фиске, теоретиком популярной культуры в ракурсе ее противостояния доминирующей системе. Говоря коротко, экскорпорация означает, что угнетенные группы используют ресурсы, изначально укрепляющие господство, для борьбы с ним: искажая язык власти в сатире и доводя до абсурда символику доминирующей системы, протестующие подрывают ее изнутри и заменяют собственным политическим посланием (Sombutpoonsiri, 2015, p. 7-9). В результате дискурс элиты теряет свою убедительность и претензии на истину – позволяя сопротивлению и недоверию к власти разрастаться.

Представление же о протесте как о *карнавале* позволяет автору говорить о многоголосице и атмосфере диалога, существующих вопреки политической вражде и наличию предрассудков у обеих сторон конфликта. Исследователь объясняет: «Карнавальный мир предлагает сценарий, в котором альтернативы существующей и кажущейся неизменной реальности могут быть просто возможны» (Sombutpoonsiri, 2015, p. 10).

Атмосфера радости трансформирует антагонизм между протестующими и властью, помогает поддерживать дисциплину в рядах диссидентов. Заключенный в комическом парадокс позволяет преодолеть гнев и разочарование в ситуации и выполнить требования идеологов ненасилия – «полюбить врага». М. Соренсен также обнаружила, что активисты «Отпора» использовали комическое для привлечения новых участников: юмор связывался в общественном сознании с представлением об уникальности движения, его «крутости» и оформлял контраст веселых протестующих с жестоким репрессивным режимом, которому они противостояли (Sorensen, 2008).

Смежной с теорией ненасилия оптикой рассмотрения роли комического в протесте является *теория общественных движений*. Р. Куц-Фламенбаум утверждает, что использование юмора может выступать в качестве коммуникативной стратегии для взаимодействия с разными аудиториями (властью, участниками движения, посторонними наблюдателями и сочувствующими) и выполнять множество важных функций, в зависимости от которых может быть «внутренним» и «внешним» (Kutz-Flamenbaum, 2014).

Комическое можно назвать способом внутренней организации – когда смех выступает в роли усилителя солидарности, помогает преодолеть недоверие или разочарование в моменты, когда члены движения противостоят внутренним или внешним вызовам. К. Фоминая (Fominaya, 2007) обнаруживает, что в коммуникации между членами антикапиталистического общественного движения юмор компенсировал серьезный характер политической работы, поскольку члены дружно смеялись над ситуациями, которые, без возведения

в шутку, могли казаться безнадежными и удручающими. Юмор делает участие в протесте веселым и захватывающим, снижает напряженность при наличии конфликтов внутри движения. Движения с «шутливыми» культурами, таким образом, могут быть гораздо более сильными в организации деятельности движения (Guenther, Radojcic & Mulligan, 2015, p. 222).

Роль юмора в деятельности нового атеистического движения характеризуют К. Гюнтер, Н. Радойчич и К. Маллиган. Они подчеркивают, что высмеивание религиозных противников создавало и поддерживало коллективную идентичность: верующие отличаются от атеистов тем, что последние могут позволить себе смеяться и быть смешными (Guenther, Radojcic & Mulligan, 2015, p. 213-216). «Новые атеисты» использовали юмор в сети, на митингах, конференциях, в медиа и т. д. Например, в ежемесячной газете Freethought Today в описания из раздела о моральных проступках священнослужителей и религиозных лидеров обязательно включаются забавные детали, такие как цитаты, в которых преступники оправдывают свои действия религиозными основаниями, кажущимися атеистам смешными («Я напал на эту девушку, потому что в ней был Сатана»). Такие тексты вызывают смех и моральное возмущение – и формируют представление о религиозных людях как безнравственных и лицемерных. Так комическое проявляет себя в оспаривании религиозных убеждений – оно способно создавать фреймы, то есть формировать рамки репрезентации движения, подчеркивать нужные аспекты проблемы и подавать их публике в определенном ракурсе.

Обращаясь к юмору, атеисты демонстрируют, что верующие в целом нелепы и иррациональны, чем подрывают сакральность веры, попытки религии сформулировать свои цели и идеи как неприкосновенные святыни. Так, интересен кейс контр-протеста на митинге «Ралли Разума»: кроме шутливых плакатов («Религия: когда думать трудно») особое внимание публики привлекал человек, одетый как Иисус и державший табличку с надписью: «У меня 99 проблем; эта с*** к ним не относится[1]», с нарисованной стрелкой. Стрелка указывала на стоящего рядом религиозного проповедника, завернутого в американский флаг с надписью: «Бог ненавидит педиков (faggot) (Guenther, Radojcic & Mulligan, 2015, p. 220)».

Мы знаем о существовании пастафарианской церкви, прихожане которой поклоняются Летающему Макаронному Монстру и верят, что жизнь была создана высокоинтеллектуальным лапшеобразным существом в результате сильного алкогольного опьянения. Хотя на сайте церкви утверждается, что это не сатира, мы имеем дело с очевидным примером высмеивания нелепости креационизма, веры в высшее существо – особенно важным при наличии огромного количества последователей, развернутой легенды, собственных заповедей и Евангелия. «Макаронная религия» часто используется в шутках

1 Это фраза из популярной песни Jay-Z “99 Problems”: отсылки к поп-культуре также включены в модель коммуникативного поведения участников движения.

атеистов – она позволяет «обрамить» религию как смехотворную и достойную насмешки (Тяглова, 2014).

Можно привести и другие примеры. Феминистки первой и второй волны использовали юмор, чтобы бросить вызов сексизму и опровергнуть стереотип о том, что феминистки лишены чувства юмора и по проницательности не равны мужчинам (Cowman, 2007). Оленсен, посвятивший исследование юмору сапатистов, утверждает, что с его помощью участники движения добились глобальной поддержки образованных европейцев и американцев (например, с иронией рассказывая СМИ историю о розовом каблуке-шпильке, который прибыл в Мексику вместе с «гуманитарной помощью» из богатых стран – бесполезными компьютерами, экстравагантной одеждой, просроченными лекарствами. Каблук стал одним из символов, используемых сапатистами для общения с международным сообществом) (Olesen, 2007). Смех – универсальное выражение человеческого и родственного даже для людей, живущих в разных странах, принадлежащих к разным культурам и включенных в разные жизненные обстоятельства.

В основе представлений о *творческом и игровом активизме*, куда включается и комический протест, лежат тезисы о логике игры как особого рода политического опыта. Шепард, Богад и Данкомб пишут, что «на самом базовом уровне игра как игра политическая связана со свободой – разума и тела – от любых репрессивных сил, от государства до супер-эго и полицейского в голове» (Shepard, Bogad & Duncombe, 2008). В своей исследовательской работе авторы, участвовавшие в политических акциях, наглядно демонстрируют, как благодаря принципам игры увеличивается охват освещения акции в медиа, к движению присоединяются новые (приглашенные в игру) участники и вносят свой вклад в формирование сообщества; взаимодействие властвующий-угнетенный воспринимается как игра с отношениями силы. «Игра и политические действия создают пространства, в которых активисты чувствуют себя вынужденными бросать вызов, казалось бы, непреодолимым целям» – пишут исследователи (Shepard, Bogad & Duncombe, 2008, p. 3).

Таким образом, игровой, несерьезный характер карнавального протеста позволяет освободиться от страха перед властью и превозмочь кажущуюся непреодолимость барьера сложившихся иерархических отношений, организовать особое, игровое пространство смеха, в котором правила доминирующего дискурса временно приостанавливаются и возможным становится нарушение правил социальной среды, оспаривание властных отношений. Логика игры заключается в том, что она не поддается правилам логики обычной. Перед лицом непреодолимых препятствий, где рациональный подход может выглядеть безнадежно и привести к цинизму и разочарованию, смех позволяет продолжать заниматься вещами «слишком серьезными, чтобы подходить к ним с серьезным лицом» (Shepard, Bogad & Duncombe, 2008, p. 10).

Смеховое пространство протеста организуется в разных формах, не сводимых к единой непротиворечивой системе. Наука открывает много-

мерность, сложную динамику форм политического смеха. Одушевляя протест комической оптикой, ученые толкуют о таких понятиях, как «тактический карнавал», «иронический активизм», «карнавальный митинг», «этический спектакль», «юмористический политический трюк», «глушение культуры», артивизм, розыгрыш и пр.

Исследователь и арт-активист Л. Богад анализировал элементы перформанса в политических демонстрациях, назвав их *«тактическим карнавалом»* и характеризуя как «открытие публичного пространства путем создания радостной контркультуры» (Bogad, 2006, p. 52). Он отмечает, что если карнавал Бахтина переворачивает мир с ног на голову, то тактический карнавал (современная реинкарнация средневекового карнавала для целей активистов) предполагает, что возможны и другие альтернативные миры и реальности (Bogad, 2010). Цель тактического карнавала – захватить пространство, продемонстрировать дружеские намерения посторонним, представить альтернативу существующему миропорядку, помочь преодолеть страх и создать культуру активного неповиновения (Bogad, 2010, p. 542-543). Так, в акциях группы ACT UP комическое демонстрирует способность проверять на прочность консервативные убеждения о том, что сексуальная свобода приведет к социальному упадку, предлагать альтернативные образы справедливого радостного общества (например, на акциях против запрета абортов участники перепевали популярные американские песни («Эта матка – моя матка» на мотив «Эта земля – твоя земля») и приходили на митинги обнаженными, чтобы показать «голую правду» о сокращении госфинансирования борьба с ВИЧ) (Shepard, 2005).

Богад пишет также об *«избирательном партизанском театре»* – тактике, позволяющей высмеивать ритуализированную политическую арену, декларируя невозможность воспринимать того или иного кандидата всерьез или нападая на избирательную систему в целом. Автор обращается к примерам из Австралии (Полин Пантсдаун, сатирик-трансвестит, баллотировавшаяся в парламент и пародировавшая политика Полин Ли Хансон), США (трансвестит Мисс Джоан Джеттблакк, участвовавшая в выборах президента), Нидерландов (анархистская группа Кабутеров (гномов)) (Bogad, 2016).

Деконструирование образов массовой потребительской культуры является основой практики *глушения культуры (culture jamming)* – способа противодействия захвату общественного пространства бизнес-корпорациями, в широком смысле – метод противодействия культуре доминирующей (DeLaure, Fink, Dery, 2017, pp. 11-13). «Глушители», например, занимаются «субрекламой» (subvertising, еще один русский аналог – «брендализм») (Nas, 2016) – «исправляют» или пародируют рекламные щиты или плакаты, чтобы заставить потребителя рекламы задуматься о сфабрикованном впечатлении и безмерной притягательности ловушек популярного. Subvertising эксплуатирует образы бренда, чтобы продемонстрировать последствия потребления продукта или методы его производства, если производитель предпочитает держать это

втайне от общественного мнения. Глушение культуры «разбирает дом хозяина с помощью его же инструментов», – характеризует это явление Э. Э. Мур (Moore, 2007, p. 83), «семиологической войной» назвал бы его Умберто Эко (Eco, 1986, p. 35). В качестве примеров можно привести деятельность антипотребительских движений (сообщество FORCE троллило Victoria's Secret, маскируясь под бренд корпорации (Madden, Janoske, Winkler, & Harpole, 2018), творчество Бэнкси (работы IEAK, «Дисмаленд», «Мона Лиза», «Напалм»), американские политические комедийные шоу (такие как The Daily Show с Джоном Стюартом, шоу Стивена Колберта), эксплуатирующие эстетику новостных СМИ и озвучивающие таким путем критику существующей медиасистемы и политической ситуации в стране (Warner, 2007).

Для обозначения формы игрового активизма С. Данкомб и Э. Бойд вводят понятие *этического спектакля* (Duncombe, 2019, p. 124-175). Их концепция основана на том, что (1) политика настолько же является мечтой и фантазией, насколько разумом и рациональностью; (2) мы живем в эпоху интенсивного опосредования (общество спектакля, по Ги Дебору), (3) чтобы быть политически эффективными, активисты должны быть включенными в область спектакля и (4) их зрелищные действия и вмешательство в порядок вещей могут быть одновременно этичными и освобождающими (Boyd & Mitchell , 2013, p. 230-231). Этический спектакль – это символическое действие, направленное на смещение доминирующей политической культуры к более прогрессивным ценностям. Оно подразумевает открытость для новых участников, прозрачность идей и намерений, стремление вовлечь в организацию акций новых людей, реалистичность (использование фантазии для освещения и драматизации реальных властных отношений в обществе); имеет характер утопии.

Один из часто упоминаемых примеров – движение Reclaim the Streets (выступающее за идею общественной собственности на публичные пространства), участники которого устраивают ненасильственные акции протеста – например, «вторгаются» на шоссе и организуют зрелищные вечеринки с бесплатной музыкой и костюмами, иногда – сажают прямо на трассе растения, пробивая молотками асфальт (Jordan, n.d.). Нетрудно догадаться, что в арсенал актеров этического спектакля входят методы смеховой коммуникации: протест сам по себе носит карнавальный характер, а многочисленные примеры включают пародию («биллионеры за Буша» – движение, представляющее интересы якобы корпоративных лоббистов и нарочито шумно заявляющее о поддержке Буша (Kulkarni, 2004)), розыгрыши, клоунаду.

В статье «Юмор как партизанская тактика» С.Тьюн исследует, как использование юмора влияет на отношения между общественным движением и реагирующими на его действия властями (Teune, 2007). На студенческое движение конца 1960-х гг. в Германии повлияла концепция Spassguerrilla (fun-guerrilla, веселый партизан). Студенты выступали против авторитарного и материалистического общества, используя в качестве тактических приемов

провокационный юмор и подрывные выходки ненасильственного характера. Например, они нападали на политиков или полицейских с заварными пирогами.

Тактика Spassguerilla включала гражданское неповиновение, символическое (а не реальное) насилие, провокацию власти, использование действий «авторитарного» государства (например, судебных процессов) как возможности «разоблачения» и высмеивания устаревших традиций. Однако подлинным гражданским неповиновением был отказ подчиняться определенным законам, не прибегая к физическому насилию. Метод действия юмора в данном случае можно назвать «политическим джиу-джитсу» (термин Дж. Шарпа) – что обозначает способность комического оборачивать силу противника против него самого. Позже методы провокационного и подрывного протеста распространились среди молодежных движений объединенной Германии, затем – переместились в киберпространство, став оружием в арсенале т. н. хактивистов (Teubener, 2005).

Карнавальным протестом Л. Брунер именует модель сопротивления «Оранжевой альтернативы», польского антикоммунистического движения 1980-х гг (Bruner, 2005). Его формы протеста – украшение домов и улиц оранжевыми флагами, демонстрации гномов с танцами и раздачей конфет, сюрреалистические листовки о высокой ценности идеи гномов для социализма, рисование граффити (вновь гномиков) поверх замазанных милицией лозунгов.

Цель действий «Оранжевой альтернативы» – отразить нелепость административных правил, бессмысленность лозунгов, абсурдность помешанности власти на масштабных ритуальных празднованиях официальных дат; подорвать клише, нормы и стереотипы. На юмор, по мнению Брунер, сложно ответить – ведь арест эльфов и черепах вряд ли был бы хорошей рекламой для государственного аппарата. Отказ от «нормального», характерный для комических практик сопротивления, порождает невозможность «нормальной», традиционной реакции власть имущих – легитимного насилия.

М. Соренсен продолжает традицию рассмотрения юмора через призму теории ненасильственного сопротивления, представляя наиболее целостный и завершенный взгляд (Sorensen, 2008, 2013, 2014, 2016, 2017). Она обобщает возможности комического в реализации четырех (по Винтхагену, творчески переработавшему теорию Дж. Шарпа) аспектов ненасильственного действия: (1) содействие диалогу, (2) разрушение власти, (3) утопический закон (конструирование позитивного образа будущего), (4) регулирование нормы (представление ненасилия как нормы в обществе) (Sorensen, 2014, pp, 476-490).

Сила юмористических политических трюков, по словам Соренсен, заключается в их способности временно *символически «сломать» власть*, когда шутники на мгновение получают контроль над политической сценой. Некоторые типы трюков сильны в измерении *«утопического закона»*, когда демонстрируют альтернативную версию будущего – пространства спонтан-

ности, щедрости, любви, карнавала и веселья. Многие трюки также направлены на *содействие диалогу* – особенно с той частью общества, которая еще не поддержала протест. Как и большинство других ненасильственных акций, юмористические трюки демонстрируют стремление к *«регулированию нормы»* – благодаря атмосфере радости и игры, которую устанавливают организаторы во время протестной акции, снимается напряжение и враждебный настрой протестующих, что особенно важно в случаях, когда на акции присутствует полиция и риск конфликта возрастает. Так, сербские активисты движения «Отпор» в кампании 2000-го года «смеховыми» протестами добились того, что органы безопасности отказывались применять силу к протестующим, а когда власть назвала «Отпор» террористической организацией, это обвинение просто не вызвало доверия. Особенно, когда в ответ активисты в шутку пошли «коллективно сдаваться» в полицию (Sombatpoonsiri, 2015, p. 109). Юмор притупляет жестокость, не извиняя ее.

В качестве примеров трюков Соренсен приводит «Плюшевый десант» в Беларуси (в знак протеста против нарушения свободы слова граждане Швеции сбросили с самолета над Минском плюшевых мишек с табличками «Free Speech Now»), акцию «Член в плену у КГБ» арт-группы Война (активисты за 23 секунды воспроизвели на Литейном мосту фаллос, чтобы во время разводки продемонстрировать рисунок стоящему напротив зданию ФСБ) – суть которых состоит во временном захвате контроля над пространством, «зоной действия» власти. «Утопию», альтернативную реальность создали около 100 Санта-Клаусов, в 1974 году приехавших в Копенгаген, чтобы петь на улицах, и раздавать подарки с полок местных магазинов – с целью привлечь внимание общественности к растущей безработице и коммерциализации Рождества. «Армия клоунов-повстанцев» (активисты антимилитаристской сети Ofog в Швеции) участвовала во всеобщих акциях протеста в костюмах, соединяющих элементы клоунской и военной одежды, развлекая публику и заигрывая с полицией. Активистская группа KMV превращала в фарс судебные слушания, заводя в зал «вспомогательного прокурора».

Поиск адекватного инструмента анализа «смешного» протестного действия приводит автора к модели театра (которую называет «игрой в политику» – play of politics), логику которой Соренсен объясняет так: когда на сцену к актерам, играющим Шекспира, вдруг выходят другие и начинают разыгрывать детскую пьесу, те, кто изначально был на сцене, уже не могут просто продолжить игру – они должны как-то среагировать (Sorensen, 2016, p. 13-17). И это одна из целей политических активистов, использующих «трюки», чтобы добиться политического влияния. Элементы модели: (1) сцена (пространство), (2) актеры (роли и действия акторов), (3) аудитория и (4) время. Эти четыре аспекта являются аналитическими категориями идеального типа, созданными для упрощения анализа. Они тесно связаны друг с другом и все становятся частью «политической игры».

Модель театра кажется удобным инструментом анализа. Ее несложно распространить практически на любую протестную практику, связанную с комическим – особенно, если включить в анализ традиционные для исследований юмора категории, такие как стиль, вид, механизм комического, объект шутки, функции смеха в акте коммуникации. Для примера рассмотрим один из недавних случаев, с примечанием, что «быстрого» анализа на один абзац недостаточно для исчерпывающего толкования роли юмора в той или иной протестной практике.

Наш кейс – «Аукцион слов» в поддержку редакторов журнала DOXA. Журналисты, обвиненные в «вовлечении несовершеннолетних в опасные действия», объявили, что в обмен на пожертвование включат в свои речи на суде слова, которые пришлют подписчики. Среди слов, присланных для первого заседания в рамках акции, были «пивозавр», «Шрек», «доширак», «пузожитель», «помойка» и другие. Перед началом заседания редакторы журнала случайным образом выбрали из общего списка несколько слов и использовали их в речи. «Я не могу свободно выйти вечером в город, а для меня это критически важно, ведь я *пивозавр*», – сетовал Владимир Метелкин. «Продлевая запрет определенных действий Басманный суд и *мушкетёры* из следственного комитета как *леммингов* подталкивают их с другими редакторами DOXA к краю, к нарушению запретов», – рассуждала Наталья Тышкевич (Ломакина, 2021).

Позже организаторы усовершенствовали механику аукциона: в речи на суде попадали те слова, которые набирали наибольшее количество донатов от подписчиков. Так в речи просочились «Таня Гроттер», «биониклы», «варенье из жаб» и «Новости Купчино». «Как говорил великий японский мудрец *Датте-байо Саске*, свобода есть свобода есть свобода есть свобода есть свобода есть свобода есть свобода», констатировала Алла Гутникова в суде (Арамян, Гутникова, Метелкин & Тышкевич, 2021).

Деньги, собранные на аукционе, шли на оплату штрафов задержанных на митингах студентов. Списки слов публиковали крупные СМИ, полные тексты выступлений размещены в журнале в виде текстов и аудиозаписей. Как можно охарактеризовать «работу» комического в этой акции?

Применяя обозначенную схему, мы можем сказать, что видим в этой практике профанирование процедур власти на ее же сцене – в суде. Вставляя абсурдные слова в речи, которые являются строго регламентированным действием, встроенным в судебный процесс, редакторы десакрализуют суд как пространство справедливости – высмеивают его, неизбежно разрушая любые претензии судебной системы на истину и рациональность. Шутка построена на абсурде, столкновении необычных слов и нарочито серьезной, официальной ситуации – двух несовместимых контекстов – серьезной власти и забавляющихся обвиняемых (которым, согласно правилам дискурса, смеяться

не пристало). Объект шутки – судебная система и абсурдность ее процедур, выставляющих виновными невиновных.

По модели Соренсен, *акторами* выступили сами обвиняемые: те, кто подвергнут наказанию, на самом деле смеются в лицо власти, находясь в ее же пространстве (суд) и извлекая выгоду из ее же репрессивных мер (чтобы покрывать штрафы – то есть вновь аннулировать действие государственной машины). Иронично используя *место*, язык и процедуры, принадлежащие власти, редакторы DOXA оборачивают их в свою пользу: устраивая суд над несогласными, государство выставляет себя же объектом насмешки и поддерживает помощь тем, кого преследует. *Аудитория* простых судебных заседаний никогда не была такой увлеченной: теперь слушать выступления обвиняемых, в ожидании того самого слова, становится интересно. Монотонные судебные процессы превращаются в стримы, затем разлетаются по сети в мемах и СМИ, вовлекая в аукцион новых зрителей. Аудитория шутки – ее соучастник, соавтор и распространитель. *Временное* измерение шутки исчисляется неделями: с первого объявления аукциона информационный повод «действует», пока собираются слова, происходит голосование, выступление – и его освещение в медиа. Главное действие разыгрывается в суде в течение нескольких часов, которые тщательно документируются, чтобы распространиться в виде аудиозаписей по сети и жить в информационном пространстве еще очень долго. Таким образом, юмор позволил редакторам DOXA подорвать дискурс власти, находясь на ее территории – привлечь сторонников, сформулировать позитивный фрейм для медиа и зрителей, продлить действие акции, дать жизнь новым символам и мемам, связанным с фигурантами дела. И главное – продемонстрировать свободу от страха перед репрессивным порядком: способность смеяться и развлекать в ситуации угрозы и строгих ограничений.

Итак, авторы, оперирующие идеями теории ненасилия, утверждают, что двусмысленная природа комического и дихотомия его функций не могут препятствовать использованию юмора в политическом активизме. С их точки зрения, радостная атмосфера карнавала формирует пространство для диалога, способствует разрыву властных отношений и пробуждает воображение и критическое мышления людей – ведь такая «шутка» вырывает человека из рутины и побуждает с вершины усмешки посмотреть на ход вещей, увидеть в новом свете существующие противоречия и найти новые перспективы. «Не будь у меня чувства юмора, я давно бы покончил с собой» – писал М. Ганди, создатель и идеолог учения о ненасильственном сопротивлении.

Обобщение и заключение

Итак, в настоящей работе мы поставили вопросы: как природа юмора связана с понятием власти и политическими отношениями? Как можно описать функции комического в политическом сопротивлении? И как осуще-

ствлять анализ, как работать исследователю с практиками «смехового протеста», все чаще встречающимися в разных странах мира.

Функции	**Методы**
Идентификация - облечение послания в доступную, привлекательную форму; - сближение, вовлечение новых участников - объединение с помощью общего объекта смеха; - привлечение внимания к проблеме; - конструирование символов и образов - поддержание командного духа и оптимизма при негативном фоне; **Дифференциация** - установление превосходства; - выстраивание дихотомии «свой-чужой»;	- язык общения с аудиторией - элемент имиджа, стиля общения в группе - оформление смыслов; - конструирование совместного пространства смеха и утопии - гротеск и доведение до абсурда – позволяет выпукло показать проблемы, изъяны власти и дискурсивные механизмы - психологический механизм снятия напряжения и демонстрации превосходства
Контроль - смех как способ установить свои правила на чужом поле; - мобилизация: создание символов и образов для дальнейшего использования в коммуникации и поддержания общего дискурса - временный «захват» дискурса – пространства, принадлежащего власти **Сопротивление** - высмеивание как способ критики и дискредитации власти - демонстрация уязвимости власти; ее способов репрезентации и представления реальности; - создание смехового языка / символики сопротивления; - освобождение от страха перед властью - пробуждение «утопического воображения» – возможности выходить за границы нормативности и мыслить альтернативы существующему порядку - избегание ответственности за критику власти.	- метод «взлома среды», разрушитель табу и норм (за счет сталкивания несовместимых контекстов; несоответствия норм и реальности / запросов общества / здравого смысла) - приостановка действия иерархической системы (по Бахтину); - эпатажность и хулиганство; - тактика наивности и «непонимания» власти; - доведение до абсурда; - символический захват дискурса / пространства, принадлежащего власти; - игровой характер коммуникации.

Таблица 1. Функции и «методы» комического в протестных практиках

Table 1. Functions and “methods” of the comical in protest practices

Многообразные свойства комического сложно уместить в списки, но именно так мы и поступим: составим таблицу, распределив «опции» комического по группам, обозначающим обобщенные функции юмора в коммуникации (идентификации / дифференциации и контроля / сопротивления). В этой же таблице мы попытаемся обобщить рассуждение о том, каким

образом юмор проявляет себя как тактика или метод протеста: иначе говоря, как он работает, каковы его «инструментальные» характеристики.

Подчеркнем, что, не претендуя на истинность и полноту схемы, мы пытаемся лишь найти опорные точки, которые могут направить дальнейшие исследования комического в политическом сопротивлении.

Продолжая обобщение, мы можем перечислить ключевые понятия и концепции, позволяющие осмысливать проявления юмора в протестных практиках.

- Игра. Как отказ от серьезности влияет на освобождение от страха перед властью? Как происходящее в игровом мире связано с реальным политическим миром? Как смех «играет» с нормами – и может ли он способствовать конструированию альтернативных сценариев политической жизни?
- Концепция карнавала. Как нормы инвертируются и ниспровергаются в карнавальной реальности? Как атмосфера радости и диалога влияет на протест и на силовые структуры? Что происходит после временной приостановки власти?
- Ненасилие. Как власть и сопротивление соотносятся и существуют в одном пространстве? Как смех опровергает насилие и как позволяет избежать ответственности за критику?
- Оптика общественных движений. Как устроены внутренние организационные формы процесса в активистских группах? Как ценности и этические представления участников протеста сочетаются со стратегическими политическими целями?
- Глушение культуры. Как смех использует нормы и знаки власти, чтобы ее подрывать? Как комическое обходится с дискурсом власти – где происходит разрыв, как он осуществляется и каковы его последствия?
- Утопическое воображение. Как в активизме сочетаются ирония и утопия? Как выламывание из норм порядка вещей и насмешка над властью освобождают от правил, подавляющих разум человека, и проповедуют веру в силу фантазии и возможность создания новых видов политических отношений или «режимов чувственного» (Рансьер)?

Как «работают» данные понятия и концепции, можно увидеть, вновь обратившись к делу DOXA, рассмотренному нами в предыдущем разделе. В этом кейсе явным образом проявляются свойства *игры* (игра со словами приравнивается к игре с формальными мероприятиями, позволяет преодолеть страх перед государственным насилием и вовлечь в протест новых участников), *карнавальности* (инверсия иерархии: смеются и получают выгоду те, кто находится в угнетенном положении; по законам карнавала происходит временный захват дискурсивного пространства, принадлежащего власти), глушения

культуры (присвоение процедур и знаков власти с целью ее же опровергнуть). Смена режима серьезности на режим игры сопровождается революцией в воображении: в другом *возможном мире* в судебных речах ссылаются на героев мультфильмов и сравнивают себя с выдуманными животными.

Не так продуктивно можно приложить к этому кейсу принципы ненасильственного сопротивления (в явном виде здесь предстают только два – содействие диалогу и разрушение власти) и оптику теории общественных движений (редакторы DOXA организовали акцию среди лояльной аудитории подписчиков, полагаясь на ресурсы своего журнала: безусловно, это проявление солидарности группы – но можно ли этим методом привлекать к поддержке новых участников, не знакомых с делом? Как повлиять не только на ближайшее окружение – но и на случайных зрителей и сам суд?).

Уже краткий очерк дает понять, что предложенные концепции и инструменты могут послужить функциональной опорой для исследователей комического в протесте. Антинормативность и многогранность юмора, которые делают его «универсальным инструментом для осуществления власти» (Schnurr & Plester, 2017, p. 312), заставляют нас предполагать, что комическое может как оказаться полезной тактикой протеста, так и действовать ему во вред. Однако, как отметил Жан Бодрийяр, «доминирование может быть свергнуто извне. Гегемония может быть инвертирована или побеждена *только изнутри*» (Baudrillard, 2010, p. 34; курсив наш). Действуя непрямыми методами, прорываясь изнутри существущей нормативной системы, юмор делает видимым акт представления реальности доминирующим дискурсом – и побуждает аудиторию вслед за шутником «ставить мысленные эксперименты», временно пренебрегая нормами. Юмор провоцирует «подвиги воображения» – позволяя протестующим создавать альтернативные миры, где насилие системы не работает – потому что высмеивается. «Юмор, как и игра, — это приглашение к фантазии…» (Ziv, 1983, p. 72).

Но как сфера игры и воображения может воздействовать на политические конфликты мира реального? «Взгляд в будущее, время, которого еще нет, следовательно, в *возможный* мир нашего воображения, позволяет нам творчески и критически размышлять о том, где мы были, что происходит здесь и сейчас, чего мы желаем и даже о чем *мечтаем* в государстве будущего» (Kramer, 2020, p. 172). Для политического действия необходимы мотивирующие эмоции и образ будущего, а не только рациональные рассуждения. «Несерьёзное отношение к политике само по себе может быть политическим актом» (Dağtaş, 2016, p. 28).

Как кажется, в комическом кроется фундаментальная сила которая будто бы говорит: даже если вы не сможете свергнуть тиранию, вы можете отказать ей в претензии на истину – и не будете побеждены, пока смеетесь в лицо сильному.

Список литературы

Anderson, J., & Kincaid, A. D. (2013). Media Subservience and Satirical Subversiveness: *The Daily Show*, *The Colbert Report*, The Propaganda Model and the Paradox of Parody. *Critical Studies in Media Communication*, 30(3), 171–188. https://doi.org/10.1080/15295036.2013.771276

Baudrillard, J. (2010). *The Agony of Power*. Semiotext(e).

Bogad, L. M. (2005). ACTIVISM Tactical carnival: Social movements, demonstrations, and dialogical performance. In J. Cohen-Cruz & M. Schutzman (Eds.), *A Boal companion*. Taylor & Francis Limited.

Bogad, L. M. (2010). Carnivals against capital: Radical clowning and the global justice movement. *Social Identities*, 16(4), 537–557. https://doi.org/10.1080/13504630.2010.498242

Bogad, L. M. (2016). *Electoral Guerrilla Theatre*. Routledge. https://doi.org/10.4324/9781315645360

Boyd, A., & Mitchell, D. O. (2013). *Beautiful Trouble*: A *Toolbox For Revolution*. OR Books.

Bruner, M. L. (2005). Carnivalesque Protest and the Humorless State. *Text and Performance Quarterly*, 25(2), 136–155. https://doi.org/10.1080/10462930500122773

Cowman, K. (2007). "Doing Something Silly": The Uses of Humour by the Women's Social and Political Union, 1903–1914. *International Review of Social History*, 52(S15), 259–274. https://doi.org/10.1017/S0020859007003239

Dağtaş, M. S. (2016). "Down With Some Things!" The Politics of Humour and Humour as Politics in Turkey's Gezi Protests. *Etnofoor*, 28(1), 11–34.

DeLaure, M., & Fink, M. (Eds.). (2017). *Culture Jamming*: *Activism and the Art of Cultural Resistance*. New York University Press. https://doi.org/10.18574/nyu/9781479850815.001.0001

Duncombe, S. (2019). *Dream or Nightmare*: *Reimagining Politics in an Age of Fantasy*. OR Books. https://doi.org/10.2307/j.ctvddzkmt

Eco, U. (1986). *Travels in hyperreality*. Harcourt Brace Jovanovich.

Flesher Fominaya, C. (2007). The Role of Humour in the Process of Collective Identity Formation in Autonomous Social Movement Groups in Contemporary Madrid. *International Review of Social History*, 52(S15), 243–258. https://doi.org/10.1017/S0020859007003227

Grindon, G. (2004). Carnival against capital: A comparison of Bakhtin, Vaneigem and Bey. *Anarchist Studies*, 12(2), Article 2.

Guenther, K. M., Radojcic, N., & Mulligan, K. (2015). Humor, Collective Identity, and Framing in the New Atheist Movement. In P. G. Coy (Ed.), *Research in Social Movements, Conflicts and Change* (Vol. 38, pp. 203–227). Emerald Group Publishing Limited. https://doi.org/10.1108/S0163-786X20150000038007

Hammond, J. L. (2020). Carnival against the Capital of Capital: Carnivalesque Protest in Occupy Wall Street. *Journal of Festive Studies*, 2(1), 265–288. https://doi.org/10.33823/jfs.2020.2.1.47

Hart, M. (2007). Humour and Social Protest: An Introduction. *International Review of Social History*, 52(S15), 1–20. https://doi.org/10.1017/S0020859007003094

Hutcheon, L. (2003). *Irony's Edge*. Routledge. https://doi.org/10.4324/9780203359259

Jordan, J. (n.d.). *Reclaim the Streets*. Beautiful Trouble. https://beautifultrouble.org/toolbox/tool/reclaim-the-streets/

Kramer, C. A. (2020). Subversive Humor as Art and the Art of Subversive Humor. *The Philosophy of Humor Yearbook*, 1(1), 153–179. https://doi.org/10.1515/phhumyb-2020-0012

Kulkarni, K. (2004). Billionaires for bush: Parody as political intervention. *Emisférica, Journal of the Hemispheric Institute for Performance and Politics*, 1, 1–20.

Kutz-Flamenbaum, R. V. (2014). Humor and Social Movements: Humor and Social Movements. *Sociology Compass*, 8(3), 294–304. https://doi.org/10.1111/soc4.12138

Liu, L., Zhang, D., & Song, W. (2018). Modeling Sentiment Association in Discourse for Humor Recognition. *Proceedings of the 56th Annual Meeting of the Association for Computational Linguistics (Volume 2: Short Papers)*, 586–591. https://doi.org/10.18653/v1/P18-2093

Lynch, O. H. (2002). Humorous Communication: Finding a Place for Humor in Communication Research. *Communication Theory*, 12(4), 423–445. https://doi.org/10.1111/j.1468-2885.2002.tb00277.x

Madden, S., Janoske, M., Winkler, R. B., & Harpole, Z. (2018). Who loves consent? Social media and the culture jamming of Victoria's Secret. *Public Relations Inquiry*, 7(2), 171–186. https://doi.org/10.1177/2046147X18764216

Moore, A. E. (2007). *Unmarketable: Brandalism, copyfighting, mocketing, and the erosion of integrity*. New Press.

Morreall, J. (2009). Humor as Cognitive Play. *Journal of Literary Theory*, 3(2). https://doi.org/10.1515/JLT.2009.014

Nas, A. (2016). Subvertising Activism in Turkey Exploring a Critical Alternative. *Fourth International Conference on Advances in Management, Economics and Social Science – MES 2016*, 10–14. https://doi.org/10.15224/978-1-63248-103-0-51

Olesen, T. (2007). The Funny Side of Globalization: Humour and Humanity in *Zapatista* Framing. *International Review of Social History*, 52(S15), 21–34. https://doi.org/10.1017/S0020859007003100

Robinson, A. (2011). *In Theory Bakhtin: Carnival against Capital, Carnival against Power | Ceasefire Magazine*. Ceasefire. https://ceasefiremagazine.co.uk/in-theory-bakhtin-2/

Rowe, K. K. (1990). Roseanne: Unruly woman as domestic goddess. *Screen*, 31(4), 408–419. https://doi.org/10.1093/screen/31.4.408

Santa Ana, O. (2009). Did you call in Mexican? The racial politics of Jay Leno immigrant jokes. *Language in Society*, 38(1), 23–45. https://doi.org/10.1017/S0047404508090027

Schnurr, S., & Plester, B. (2017). Functionalist Discourse Analysis of Humor. In S. Attardo (Ed.), *The Routledge Handbook of Language and Humor* (1st ed., pp. 309–321). Routledge. https://doi.org/10.4324/9781315731162-22

Shepard, B. (2005). The Use of Joyfulness as a Community Organizing Strategy. *Peace & Change*, 30(4), 435–468. https://doi.org/10.1111/j.1468-0130.2005.00328.x

Shepard, B., Bogad, L. M., & Duncombe, S. (2008). Performing vs. the insurmountable: Theatrics, activism, and social movements. *Liminalities: A Journal of Performance Studies*, 4(3), 1–30.

Smith, C. (2004). Whose streets?' Urban social movements and the politicization of space. *Public*, 29.

Sombatpoonsiri, J. (2015). *Humor and Nonviolent Struggle in Serbia*. Syracuse University Press.

Sorensen, M. (2014). *Humorous Political Stunts: Nonviolent Public Challenges to Power* [PhD Thesis, University of Wollongong]. https://ro.uow.edu.au/theses/4291

Sorensen, M. J. (2008). Humor as a Serious Strategy of Nonviolent Resistance to Oppression. *Peace & Change*, 33(2), 167–190. https://doi.org/10.1111/j.1468-0130.2008.00488.x

Sørensen, M. J. (2013). Humorous political stunts: Speaking "truth" to power? *European Journal of Humour Research*, 1(2), 69–83. https://doi.org/10.7592/EJHR2013.1.2.sorensen

Sørensen, M. J. (2016). *Humour in Political Activism*. Palgrave Macmillan UK. https://doi.org/10.1057/978-1-137-57346-9

Sørensen, M. J. (2017). Laughing on the Way to Social Change: Humor and Nonviolent Action Theory. *Peace & Change*, 42(1), 128–156. https://doi.org/10.1111/pech.12220

Stallybrass, P., & White, A. (1986). *The politics and poetics of transgression*. Cornell University Press.

Teubener, K. (2005). Flanieren als Protestbewegung [Strolling as a protest movement]. In C. Harders, H. Kahlert, & D. Schindler (Eds.), *Forschungsfeld Politik [Research field Politics]* (pp. 301–315). VS Verlag für Sozialwissenschaften. (In German). https://doi.org/10.1007/978-3-322-80977-3_15

Teune, S. (2007). Humour as a Guerrilla Tactic: The West German Student Movement's Mockery of the Establishment. *International Review of Social History*, 52(S15), 115–132. https://doi.org/10.1017/S002085900700315X

Troitskiy, S. (2021). Is parody dangerous? *The European Journal of Humour Research*, 9(2), 92–111. https://doi.org/10.7592/EJHR2021.9.2.517

Tsakona, V., & Popa, D. E. (2011). Chapter 1. Humour in politics and the politics of humour: An introduction. In V. Tsakona & D. E. Popa (Eds.), *Discourse Approaches to Politics, Society and Culture* (Vol. 46, pp. 1–30). John Benjamins Publishing Company. https://doi.org/10.1075/dapsac.46.03tsa

Veale, T. (2015). The humour of exceptional cases: Jokes as compressed thought experiments. In G. Brône, K. Feyaerts, & T. Veale (Eds.), *Cognitive Linguistics and Humor Research* (pp. 69–90). DE GRUYTER. https://doi.org/10.1515/9783110346343

Warner, J. (2007). Political Culture Jamming: The Dissident Humor of "The Daily Show With Jon Stewart." *Popular Communication*, 5(1), 17–36. https://doi.org/10.1080/15405700709336783

Ziv, A. (1983). The influence of humorous atmosphere on divergent thinking. *Contemporary Educational Psychology*, 8(1), 68–75. https://doi.org/10.1016/0361-476X(83)90035-8

Арамян, А., Гутникова, А., Метелкин, В., & Тышкевич, Н. (2021). *«Как говорил великий японский мудрец Даттебайо Саске»: Результаты аукциона слов в Мосгорсуде*. https://doxajournal.ru/dattebayo_sasuke_in_moscow_city_court

Бахтин, М. М. (1990). *Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса*. Художественная литература.

Бергсон, А. (1992). *Смех*. Искусство.

Даркевич, В. П. (2004). *Народная культура Средневековья: Пародия в литературе и искусстве IX- XVI вв.* ООО «ИТИ Технологии».

Дмитриев, А. В. (1998). *Социология политического юмора*. Росспэн.

Дорский, А. Ю. (2013). *Эстетика власти*. Алетейя.

Карагодина, С. В. (2005). Козимо Медичи и Иван Грозный: Природа смеха и природа власти. *Древняя Русь. Вопросы медиевистики*, 1, 39–62.

Козинцев, А. Г. (2007). *Человек и смех*. Алетейя.

Лихачев, Д. С. (1976). Смех как «мировоззрение». В Д. С. Лихачёв & А. М. Панченко, *Смеховой мир Древней Руси* (сс. 7–90). Наука.

Ломакина, Я. (2021). *«Ваша честь, я пивозавр»: Арестованные редакторы DOXA составили судебные речи из слов, которые им прислали подписчики*. TJ. https://tjournal.ru/news/453998-vasha-chest-ya-pivozavr-arestovannye-redaktory-doxa-sostavili-sudebnye-rechi-iz-slov-kotorye-im-prislali-podpischiki

Панченко, А. М. (1999). *Русская история и культура: Работы разных лет*. Юна.

Петербургская Весна [@spb_vesna]. (2020, июнь 21). *Этот плебесцит игрушечней нас!* https://twitter.com/spb_vesna/status/1274758200282284032

Роготнев, И. Ю. (2010). *Художественный мир М.Е. Салтыкова-Щедрина и антимир смеховой культуры*. Пермский университет.

Соловьев, А. И. (2004). *Политические коммуникации*. Аспект пресс.

Тяглова, А. М. (2014). Игровые формы протеста и игра в сакральное. *Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Социология. Педагогика. Психология*, 27(1), 211–219.

Фрейденберг, О. М. (1973). Происхождение пародии. *Труды по знаковым системам*, 6, 490-497.

Хренов, Н. А. (2019). *Социальная психология зрелищного общения: Теория и история*. Издательство Юрайт.

References

Anderson, J., & Kincaid, A. D. (2013). Media Subservience and Satirical Subversiveness: *The Daily Show*, *The Colbert Report* , The Propaganda Model and the Paradox of Parody. *Critical Studies in Media Communication*, 30(3), 171–188. https://doi.org/10.1080/15295036.2013.771276

Aramyan, A., Gutnikova, A., Metelkin, V., & Tyshkevich, N. (2021). "*As the Great Japanese Sage Dattebayo Sasuke Said*": *Results of a Word Auction at the Moscow City Court*. https://doxajournal.ru/dattebayo_sasuke_in_moscow_city_court (In Russian).

Bakhtin, M. M. (1990). *Rabelais and His World: carnival and grotesque*. Hudozhestvennaja literatura. (In Russian).

Baudrillard, J. (2010). *The Agony of Power*. Semiotext(e).

Bergson, A. (1992). *The Laugh*. Iskusstvo. (In Russian).

Bogad, L. M. (2005). ACTIVISM Tactical carnival: Social movements, demonstrations, and dialogical performance. In J. Cohen-Cruz & M. Schutzman (Eds.), *A Boal companion*. Taylor & Francis Limited.

Bogad, L. M. (2010). Carnivals against capital: Radical clowning and the global justice movement. *Social Identities*, 16(4), 537–557. https://doi.org/10.1080/13504630.2010.498242

Bogad, L. M. (2016). *Electoral Guerrilla Theatre*. Routledge. https://doi.org/10.4324/9781315645360

Boyd, A., & Mitchell, D. O. (2013). *Beautiful Trouble: A Toolbox For Revolution*. OR Books.

Bruner, M. L. (2005). Carnivalesque Protest and the Humorless State. *Text and Performance Quarterly*, 25(2), 136–155. https://doi.org/10.1080/10462930500122773

Cowman, K. (2007). "Doing Something Silly": The Uses of Humour by the Women's Social and Political Union, 1903–1914. *International Review of Social History*, 52(S15), 259–274. https://doi.org/10.1017/S0020859007003239

Dağtaş, M. S. (2016). "Down With Some Things!" The Politics of Humour and Humour as Politics in Turkey's Gezi Protests. *Etnofoor*, 28(1), 11–34.

Darkevich, V. P. (2004). *Medieval Popular Culture: Parody in the Literature and Art of the 9th-16th Centuries*. ITI Technologies LLC. (In Russian).

DeLaure, M., & Fink, M. (Eds.). (2017). *Culture Jamming: Activism and the Art of Cultural Resistance*. New York University Press. https://doi.org/10.18574/nyu/9781479850815.001.0001

Dmitriev, A. V. (1998). *The Sociology of Political Humor*. Rosspen. (In Russian).

Dorsky, A. Yu.(2013). *The Aesthetics of Power*. Aletheia. (In Russian).

Duncombe, S. (2019). *Dream or Nightmare: Reimagining Politics in an Age of Fantasy*. OR Books. https://doi.org/10.2307/j.ctvddzkmt

Eco, U. (1986). *Travels in hyperreality*. Harcourt Brace Jovanovich.

Flesher Fominaya, C. (2007). The Role of Humour in the Process of Collective Identity Formation in Autonomous Social Movement Groups in Contemporary Madrid. *International Review of Social History*, 52(S15), 243–258. https://doi.org/10.1017/S0020859007003227

Freidenberg, O. M. (1973). The origin of parody. *Works on Sign Systems*, 6, 490–497. (In Russian).

Grindon, G. (2004). Carnival against capital: A comparison of Bakhtin, Vaneigem and Bey. *Anarchist Studies*, 12(2), Article 2.

Guenther, K. M., Radojcic, N., & Mulligan, K. (2015). Humor, Collective Identity, and Framing in the New Atheist Movement. In P. G. Coy (Ed.), *Research in Social Movements, Conflicts and Change* (Vol. 38, pp. 203–227). Emerald Group Publishing Limited. https://doi.org/10.1108/S0163-786X20150000038007

Hammond, J. L. (2020). Carnival against the Capital of Capital: Carnivalesque Protest in Occupy Wall Street. *Journal of Festive Studies*, 2(1), 265–288. https://doi.org/10.33823/jfs.2020.2.1.47

Hart, M. (2007). Humour and Social Protest: An Introduction. *International Review of Social History*, 52(S15), 1–20. https://doi.org/10.1017/S0020859007003094

Hutcheon, L. (2003). *Irony's Edge*. Routledge. https://doi.org/10.4324/9780203359259

Jordan, J. (n.d.). *Reclaim the Streets*. Beautiful Trouble. https://beautifultrouble.org/toolbox/tool/reclaim-the-streets/

Karagodina, S. V. (2005). Cosimo de Medici and Ivan the Terrible: The Nature of Laughter and the Nature of Power. *Ancient Rus. Problems of Medievism*, 1, 39–62. (In Russian).

Khrenov, N. A. (2019). *Social Psychology of Spectacle Communication: Theory and History*. Publishing house Yurait. (In Russian).

Kozintsev, A. G. (2007). *The Man and Laughter*. Aletheia. (In Russian).

Kramer, C. A. (2020). Subversive Humor as Art and the Art of Subversive Humor. *The Philosophy of Humor Yearbook*, 1(1), 153–179. https://doi.org/10.1515/phhumyb-2020-0012

Kulkarni, K. (2004). Billionaires for bush: Parody as political intervention. *Emisférica, Journal of the Hemispheric Institute for Performance and Politics*, 1, 1–20.

Kutz-Flamenbaum, R. V. (2014). Humor and Social Movements: Humor and Social Movements. *Sociology Compass*, 8(3), 294–304. https://doi.org/10.1111/soc4.12138

Likhachev, D. S. (1976). Laughter as a "worldview". In D. S. Likhachev & A. M. Panchenko, *The Laughing World of Ancient Russia* (pp. 7–90). Nauka. (In Russian).

Liu, L., Zhang, D., & Song, W. (2018). Modeling Sentiment Association in Discourse for Humor Recognition. *Proceedings of the 56th Annual Meeting of the Association for Computational Linguistics (Volume 2: Short Papers)*, 586–591. https://doi.org/10.18653/v1/P18-2093

Lomakina, Ya. (2021). "*Your Honor, I'm a Beersaurus*": *Arrested DOXA editors compiled court speeches from words sent to them by subscribers*. TJ. https://tjournal.ru/news/453998-vasha-chest-ya-pivozavr-arestovannye-redaktory-doxa-sostavili-sudebnye-rechi-iz-slov-kotorye-im-prislali-podpischiki (In Russian).

Lynch, O. H. (2002). Humorous Communication: Finding a Place for Humor in Communication Research. *Communication Theory*, 12(4), 423–445. https://doi.org/10.1111/j.1468-2885.2002.tb00277.x

Madden, S., Janoske, M., Winkler, R. B., & Harpole, Z. (2018). Who loves consent? Social media and the culture jamming of Victoria's Secret. *Public Relations Inquiry*, 7(2), 171–186. https://doi.org/10.1177/2046147X18764216

Moore, A. E. (2007). *Unmarketable: Brandalism, copyfighting, mocketing, and the erosion of integrity*. New Press.

Morreall, J. (2009). Humor as Cognitive Play. *Journal of Literary Theory*, 3(2). https://doi.org/10.1515/JLT.2009.014

Nas, A. (2016). Subvertising Activism in Turkey Exploring a Critical Alternative. *Fourth International Conference on Advances in Management, Economics and Social Science – MES 2016*, 10–14. https://doi.org/10.15224/978-1-63248-103-0-51

Olesen, T. (2007). The Funny Side of Globalization: Humour and Humanity in *Zapatista* Framing. *International Review of Social History*, 52(S15), 21–34. https://doi.org/10.1017/S0020859007003100

Panchenko, A. M. (1999). *Russian History and Culture: Works from Various Years*. Yuna. (In Russian).

Robinson, A. (2011). *In Theory Bakhtin: Carnival against Capital, Carnival against Power | Ceasefire Magazine*. Ceasefire. https://ceasefiremagazine.co.uk/in-theory-bakhtin-2/

Rogotnev, I. Yu. (2010). *The Artistic World of M.E. Saltykov-Schedrin and the Antimir of Laughter Culture*. Perm University. Press (In Russian).

Rowe, K. K. (1990). Roseanne: Unruly woman as domestic goddess. *Screen*, 31(4), 408–419. https://doi.org/10.1093/screen/31.4.408

Santa Ana, O. (2009). Did you call in Mexican? The racial politics of Jay Leno immigrant jokes. *Language in Society*, 38(1), 23–45. https://doi.org/10.1017/S0047404508090027

Schnurr, S., & Plester, B. (2017). Functionalist Discourse Analysis of Humor. In S. Attardo (Ed.), *The Routledge Handbook of Language and Humor* (1st ed., pp. 309–321). Routledge. https://doi.org/10.4324/9781315731162-22

Shepard, B. (2005). The Use of Joyfulness as a Community Organizing Strategy. *Peace & Change*, 30(4), 435–468. https://doi.org/10.1111/j.1468-0130.2005.00328.x

Shepard, B., Bogad, L. M., & Duncombe, S. (2008). Performing vs. the insurmountable: Theatrics, activism, and social movements. *Liminalities: A Journal of Performance Studies*, 4(3), 1–30.

Smith, C. (2004). Whose streets?' Urban social movements and the politicization of space. *Public*, 29.

Soloviev, A. I. (2004). *Political communications*. Aspect Press. (In Russian).

Sombatpoonsiri, J. (2015). *Humor and Nonviolent Struggle in Serbia*. Syracuse University Press.

Sorensen, M. (2014). *Humorous Political Stunts: Nonviolent Public Challenges to Power* [PhD Thesis, University of Wollongong]. https://ro.uow.edu.au/theses/4291

Sorensen, M. J. (2008). Humor as a Serious Strategy of Nonviolent Resistance to Oppression. *Peace & Change*, 33(2), 167–190. https://doi.org/10.1111/j.1468-0130.2008.00488.x

Sørensen, M. J. (2013). Humorous political stunts: Speaking "truth" to power? *European Journal of Humour Research*, 1(2), 69–83. https://doi.org/10.7592/EJHR2013.1.2.sorensen

Sørensen, M. J. (2016). *Humour in Political Activism*. Palgrave Macmillan UK. https://doi.org/10.1057/978-1-137-57346-9

Sørensen, M. J. (2017). Laughing on the Way to Social Change: Humor and Nonviolent Action Theory. *Peace & Change*, 42(1), 128–156. https://doi.org/10.1111/pech.12220

St. Petersburg Spring[@spb_vesna]. (2020, June 21). *This plebescite is more toyish than we are!*https://twitter.com/spb_vesna/status/1274758200282284032 (In Russian).

Stallybrass, P., & White, A. (1986). *The politics and poetics of transgression*. Cornell University Press.

Teubener, K. (2005). Flanieren als Protestbewegung [Strolling as a protest movement]. In C. Harders, H. Kahlert, & D. Schindler (Eds.), *Forschungsfeld Politik [Research field Politics]* (pp. 301–315). VS Verlag für Sozialwissenschaften. (In German). https://doi.org/10.1007/978-3-322-80977-3_15

Teune, S. (2007). Humour as a Guerrilla Tactic: The West German Student Movement's Mockery of the Establishment. *International Review of Social History*, 52(S15), 115–132. https://doi.org/10.1017/S002085900700315X

Troitskiy, S. (2021). Is parody dangerous? *The European Journal of Humour Research*, 9(2), 92–111. https://doi.org/10.7592/EJHR2021.9.2.517

Tsakona, V., & Popa, D. E. (2011). Chapter 1. Humour in politics and the politics of humour: An introduction. In V. Tsakona & D. E. Popa (Eds.), *Discourse Approaches to Politics, Society and Culture* (Vol. 46, pp. 1–30). John Benjamins Publishing Company. https://doi.org/10.1075/dapsac.46.03tsa

Tyaglova, A. M. (2014). Playful Forms of Protest and the Game of the Sacred. *Scientific Notes of the V.I. Vernadsky Crimean Federal University. Sociology. Pedagogy. Psychology*, 27(1), 211–219. (In Russian).

Veale, T. (2015). The humour of exceptional cases: Jokes as compressed thought experiments. In G. Brône, K. Feyaerts, & T. Veale (Eds.), *Cognitive Linguistics and Humor Research* (pp. 69–90). DE GRUYTER. https://doi.org/10.1515/9783110346343

Warner, J. (2007). Political Culture Jamming: The Dissident Humor of "The Daily Show With Jon Stewart." *Popular Communication*, 5(1), 17–36. https://doi.org/10.1080/15405700709336783

Ziv, A. (1983). The influence of humorous atmosphere on divergent thinking. *Contemporary Educational Psychology*, 8(1), 68–75. https://doi.org/10.1016/0361-476X(83)90035-8

Galactica Media: Journal of Media Studies. 2022. No 4 | ISSN: 2658-7734
Cinema Studies | https://doi.org/10.46539/gmd.v4i4.290

Children's Victimization in Turkish Cinema between the 1970s and the 1980s: A Political Economy Perspective

Menderes Akdağ (a), Serhat Yetimova (b) & Hatice Yaren Eser (c)

(a) Adnan Menderes University. Aydın, Turkey. Email: menderes.akdag[at]adu.edu.tr

(b) Sakarya University. Serdivan, Turkey. Email: serhaty[at]sakarya.edu.tr

(c) Independent Researcher. Turkey. Email: yareneser21[at]gmail.com

Received: 11 June 2022 | Revised: 30 September 2022 | Accepted: 11 October 2022

Abstract

Between the 1970s and 1980s in Turkey, there were various problems such as rapid urbanization, migration from village to city, economical problems such as embargo and neoliberalism and political violence over the military coups. Our study focuses on the problems experienced by children which lead to child victimization through Turkish movies. In our research, we used deduction and induction methods together. Based on the political and economic developments in the period between 1970 and 1980, we looked at how these dynamics were reflected in the films by thematic analyze method. Here are the themes that we found in the films which are commonly used in relation to children in cities and their urbanization, child marriage, smuggling, political violence and education. In conclusion of the Turkish press and movies and according to the interviews we did with the people who witnessed those periods, the problems related to children manifest themselves quite heavily and negatively. The Turkish society, which is experiencing a rapid urbanization process, has continued the patriarchal, sexist, religious-conservative and statist discourse they brought from the feudal village life in modern cities as well. While this is a problem that the press and cinema criticize with a common approach, it is seen that children are also a part of this process.

Keywords

Turkish Cinema; Children in Films; Turkish Cinema History; Children; Media; Thematic Analyze Method

This work is licensed under a Creative Commons «Attribution» 4.0 International License

Galactica Media: Journal of Media Studies. 2022. No 4 | ISSN: 2658-7734
Исследования кинематографа | https://doi.org/10.46539/gmd.v4i4.290

Детская виктимизация в турецком кино 1970-х и 1980-х годов: политико-экономическая перспектива

Акдаг Мендерес (a), Йетимова Серхат (b), Эсер Хатидже Ярен (c)

(a) Университет Айдына Аднана Мендереса. Айдын, Турция.
Email: menderes.akdag[at]adu.edu.tr

(b) Университет Сакарья. Сердиван, Турция. Email: serhaty[at]sakarya.edu.tr

(c) Независимый исследователь. Турция. Email: yareneser21[at]gmail.com

Рукопись получена: 11 июня 2022 | Пересмотрена: 30 сентября 2022 | Принята: 11 октября 2022

Аннотация

Между 1970-ми и 1980-ми годами в Турции существовали различные трудности, такие как быстрая урбанизация, миграция из деревни в город, экономические проблемы, такие как эмбарго и неолиберализм, а также политическое насилие, связанное с военными переворотами. Наше исследование сосредоточено на проблемах, с которыми сталкиваются дети и которые приводят к виктимизации детей при посредстве турецких фильмов. В нашей работе использованы методы индукции и дедукции вместе. Основываясь на политических и экономических событиях в период между 1970 и 1980 годами, мы рассмотрели, как их динамика отразилась в фильмах, пользуясь методом тематического анализа. Перечислим темы, обычно используемые в отношении детей в городах, которые мы нашли в фильмах: их урбанизация, детские браки, контрабанда, политическое насилие, образование. По заключениям турецкой прессы и фильмов, а также, судя по интервью, которые мы брали у людей, бывших свидетелями тех периодов, проблемы, связанные с детьми, проявляются очень ощутимо и негативно. Турецкое общество, переживающее стремительный процесс урбанизации, продолжило патриархальный, сексистский, религиозно-консервативный и государственнический дискурс, который оно принесло из феодальной деревенской жизни в современные города. Хотя это проблема, которую пресса и кино в целом критикуют, заметно, что дети также являются частью этого процесса.

Ключевые слова

турецкое кино; дети в кино; история турецкого кино; дети; СМИ; метод тематического анализа

Это произведение доступно по лицензии Creative Commons “Attribution” («Атрибуция»)4.0 Всемирная

Introduction

It is seen that the neoliberal policies went bankrupt in the Great Depression in 1929. But neoliberal policies became an important reason for the Republic of Turkey to adopt a state-led modernization movement after the 1980s. In 1931, the principle of statism entered the program of the Republican Party. In this process, the First Industrial Plan was implemented in 1933, taking the model of the Soviet Union as an example. The factories symbolized of modern Turkey that continued until the 1980s, Turkey adopted the mixed economic model and took steps to rapidly catch up with the modern world. This economic-political approach continues until the 1980s. But with the military interventions in 1960, 1971, and 1980, Turkey transitioned to liberal and then to neoliberal economics. So, privatization and liberalization increased. Since the 1980s, Turkey prefers the transition from an industrialized production-based model to a consumption-based liberal economy model in the fields of tourism, real estate/residence/land and media. All public gains are privatized and disposed of which deeply shakes the reputation of the factories (Bila 2020).

After the 1980's coup d'etat "Liberalization was not accompanied by stabilization. Especially after 1987 and during much of the 1990s, Turkey suffered high inflation rates, high real interest rates, high budget deficits, and rapidly accumulating public debt" (İzak Atiyas & Ozan Bakis (2015, p. 1).

Looking at the sectors according to Gross National Product (GNP) on the basis of the five-year development plans implemented in Turkey, it is seen that the service sector grew well from 1968 to 1980, and the industrial sector gained momentum, but the share of the agricultural sector in GNP decreased. This indicates that the peasantry and agricolation have begun to disappear and that it has been replaced by urbanism (Kazgan, 2014). Thus, cities become chaotic spaces.

Since the 1970s according to statistics of UNIDO data set INDTSAT2, as İzak Atiyas & Ozan Bakis (2015) indicates traditional industries such as food and beverages, tobacco, and textiles have declined over time. By contrast, the shares of nonmetallic mineral products, machinery and equipment, and motor vehicles have increased.

Despite the population increase until the 1970s, Turkey's resources were somehow self-sufficient. Remittances sent to Turkey by Turkish workers who were working abroad also play an important role in closing Turkey's foreign trade deficit. In addition, in that period the Soviet Union (USSR) was an important oil and gold producer. In order not to strengthen the USSR, gold and oil prices were kept constant for a long time. However, this system collapsed in the 1970s. Oil prices have increased eightfold. Turkey was caught unprepared for the world oil crisis and therefore, monetary policies were devalued in Turkey. With the increase in imports, Turkey's foreign debt increased and also inflation started to rise in Turkey (Yeni Asır,

1978, July 15); justice in the distribution of income has deteriorated. All these have led to the spread of poverty in Turkey (Kazgan, 2014).

The development of Turkish cinema cannot be separated from the political and economic development mentioned here. The current liberal and neoliberal economic issues have affected the rise, contents, and artistic and cultural nature of Turkish cinema. Interpreting the representations of children in Turkish films on this axis brings an innovative perspective to Turkish cinema.

The main character of Turkish cinema between 1960 and 1980 is melodrama (Pehlivan, 2007, p.22) As Abisel claims, "These films mostly targeted the female audience from the middle class and the community from the shanty towns which was gradually getting crowded (...) Abisel discusses the function of the family as an agent that legitimizes and normalizes authoritative and patriarchal ideologies. The story in popular films takes place mostly in the atmosphere indoors, around family and small groups like it. Family, as the dynamic of the current social structure, is a very suitable tool for legitimizing and reproducing the given hegemonic ideologies in its small atmosphere" (Abisel 2005, as cited in Pehlivan 2007, p. 25).

In films before 1980, it is seen that family films deal with women and solidarity as a theme. Films such as *Bizim Aile* (1975) and *Aile Şerefi* (1976) are good examples in this sense. In the films shot in the post-2000 period, it is emphasized that consumption, conflict, individualization and popular visual culture are dominant. In the films shot after 2000, children were also involved in problems such as materialistic self-interest, loneliness, and loss of parental control. For example, unlike the pre-1980 period in the movie scenes of *Babam ve Oğlum* (2005) and *Dedemin İnsanları* (2011), it is clear that the uniting and keeping function of the family disappeared, the institution of 'family' was ignored, and children, as captives of popular culture, tended towards an extreme, unlimited and irresponsible consumption culture. On the basis of all these social problems, the conditioning effect of the liberal market economy is seen.

According to Emre (2007, p.105-106) who analyzes *Ayşecik* films in his thesis, Ayşecik character as a star-child character symbolizes the Turkish society, which emulates Western culture, stuck between East and West, trying to westernize, in other words, modernize. The economic and political indicators of the poverty and deprivation representations in the films are related to the Westernization/ modernization process.

Examining the theme of childhood in Arabesque films, Elal (2013, p. 375-376) also sees the deprivation, oppression, exclusion and complexes experienced by children in such films as a reflection of the problem of Westernization. According to Elal (2013), modernization in Turkish society was perceived as Westernization with a wrong method. This has increased the sense of lack in the society. As a matter of fact, the problems in the films in which children stand out as stars are also a part of Turkey's lack of modernization (underdevelopment-backwardness, etc.).

For this reason, the childlike moods of Turkish society show themselves in the films of the 1960s and 1970s.

Examining the children's films of the period through *Ayşecik* films, Doğan (2019, p. 322) states that the child characters in these films do not reflect real-life children; they are heroes and act like adults. These children come to the fore as idealized heroes instead of being real characters. As the most important reason for this situation, Doğan (2019) sees the function of cinema as an entertainment and consumption tool.

Methods

Considering the contemporary approaches of French cultural philosophers Paul Ricoeur, Antoine de Baecque, Christian Delage and Edhem Eldem, who determined the methodology and epistemology of contemporary historiography, document historiography is not sufficient to understand the spirit and culture of the period. It is also very important to question by whom and for what purpose the documents are written. Documents can also be biased. Scepticism and a critical attitude in this direction will open the door to asking different questions and evaluating the problems in a multifaceted way. Along with the documents, the conditions of the period should be evaluated together. In this respect, historical epistemology provides a method that operates the principles of research, explanation and interpretation. This perspective should also be adapted to the history of cinema (Yıldırım, 2015, p. 41-42).

In our research, we benefited not only from filmography. In addition to this, we also scrutinized the news reflected in the press along with mainstream or critical film samples and written and oral history literature together. We also evaluated the oral history interviews by referring to the testimonies living in the period. In summary, we tried to obtain a comprehensive view of the period.

According to Akar (2020, p. 283-284) who argues that the history of Turkish cinema should be written with a new perspective and method, Turkish cinema should be rewritten and evaluated with an analytical, not a chronological, point of view. This approach, which should be handled at the micro level, thematically and analytically, will make the perspective on Turkish cinema more in-depth and original. When choosing our theme we try to give answers to the following questions. Our research question is how were the children affected by neo-liberal politics and what kind of abuse were the children exposed to in the face of the economic problems of the period?

Method

We used the method of thematic analysis in our research. In the films in which children were represented, we determined and analyzed themes according to the event, phenomenon, situation and object that children have been associated with. We determined the stages of familiarization, coding, generating themes,

reviewing themes, defining and naming themes, and writing up which are frequently used in the thematic analysis method in relation to the representations of children in films. (Kiger and Varpio, 2020; Caulfield, 2019). We tried to understand how economic-political developments affect children represented in Turkish films between the years 1970-1980.

Sample

In our research, 48 mainstream and alternative films released between 1970 and 1980 were analyzed in the context of the child main theme. Besides historical studies, newspapers archive of Hürriyet, Milliyet, Cumhuriyet and Yeniasır, which were among the mainstream newspapers of that period, were simultaneously scanned in the context of news with a child theme.

Coding scheme

In our research, we used deduction and induction methods together. Based on the political and economic developments in the period between 1970 and 1980, we looked at how these were reflected in the films. Here are the themes that we found in the films which are commonly used in relation to children: Urbanization, Child Marriage, Smuggling, Political Violence and Education.

Analysis

The films were examined according to the thematic categories mentioned above, and the events, facts, dialogues and symbols that fit these themes were analyzed in a way that explained the economic-political developments.

Results

Urbanization Problems in the Cities

In the 1970s, traffic accident rates and deaths increased due to the lack of traffic culture. When we look at the newspapers of that period, the reasons such as the increase in vehicle density on the roads in the cities, low traffic standards, and lack of traffic education were effective at the time. Technical and durability problems of vehicles under the trademarks of Murat and Anadol were also a problem. (Hürriyet, 1977, March 24). In this respect, there would be an increase in the number of orphaned children in society.

Traffic problems arise in the cities (Hamsici, 2018). It is seen that vehicles hitting pedestrians sometimes leave the victims they hit in the middle of the road and flee (Hürriyet, 1977, March 21; Hürriyet, 1971, January 2). Many people do not know how to give first aid. In a frogmarching way, the injured people are tried to be brought to the hospital by cars (E.C. Akdağ, personal communication, March 3, 2020). As the roads are filled with cars, children's safe playgrounds are reduced (Duru, 1970; Erksan, 1971).

Picture 1. The person in the role of the peddler, played by Kemal Sunal, expressed his desire for Murat 124 by writing Murat on his three wheeler car. (Seden, 1978).

Fatih' te otomobilin çarptığı iki çocuktan birisi öldü diğeri komada

Fatih'te yol kenarında oynayan iki çocuğa çarpan bir otomobil Adnan Koçal'ın ölümüne, Faik Okşar'ın da ağır şekilde yaralanmasına yol açtı. Çocuklara çarpan 34 RF 511 plâkalı otomobil ve şoförü tüm aramalara rağmen bulunamadı.

Polisin verdiği bilgiye göre Adnan Koçal ve Faik Okşar isimli 13 yaşlarındaki iki çocuk Silivrikapı caddesinin yol kenarında oynarlarken hızla gelen bir otomobil kendilerine çarparak kaçtı. Otomobilin çarpması ile Adnan Koçal olay yerinde öldü. Faik Okşar ise ağır yaralı olarak hastaneye kaldırıldı. Olayı görenler çocuklara çarpan otomobilin plâkasını 34 RF 511 olarak tespit ettiler.

Emniyet yetkilileri, bir çocuğun ölümüne birinin de yaralanmasına yol açan otomobilin şoförünün Serdar adlı bir şahıs olduğunu tespit ettiklerini ve kısa zamanda yakalayacaklarını söylediler.

Picture 2. There are no safe playgrounds. Children are playing in the streets (Duru, Driver Nebahat, 1970) and Children die in traffic accidents (Hürriyet, 1977, March 17).

With the increasing number of cars, children's interest in cars increases, especially in rural areas. Many children saw cars as part of their play. They ran after cars. Since most families were at work, children were left uncontrolled on the streets. This situation was reflected in the movie of Friend (Güney, 1974). Again, in open-top cars, people used to travel like fish hoards (Gören, 1974). It is known that in those days, many children fell from the car and had an accident, and as a result of these accidents, some children lost their lives and some children became disabled (Y. Akdağ, personal communication, August 31, 2021).

Picture 3. Children running after the car (Yılmaz, 1984).

Picture 4. The reflection of the children running behind the cars in the rear view mirror in the movie (Güney, 1974) and journey on the car ladder and ceiling (Güney, 1971)

Picture 5. Transporting people in the form of a stack of fish in a truck bed (Gören, 1974)

Child Marriage

It can be said that child marriage was one of the issues that were frequently reflected in Turkish cinema during the 1970s. Child marriages were extensive before the 1980s. An individual under the age of 18 is a child according to the laws in Turkey. Even with children's consent, this situation indicates abuse. In the first years of the Turkish Republic, compulsory and co-education practice starts. However, the state staff did not react to child marriages for a long time due to the inability to expand schooling and cultural factors. After World War II, the fact that the school records of 14-year-old girls were deleted because they got married is reflected in the primary school student registers many times (Erbeyli, 1933-1953).

In the 1970s, the migration from the village to the city and the fact that the cities were chaotic places must have frightened the families. Due to cultural factors such as the matter of honour and the reality of poverty, girls were married off to men who were much older than them (Duru, 1965).

Picture 6. Old man, child bride scene, (Duru, 1965).

It was stated during interviews that families used violence against girls who did not want to get married. Emine Cerit Akdağ (personal communication, March 3, 2020) says that in 1950, when she was just 14 years old, she was asked to be married by her father, but when she refused to accept this offer, her father did beat her with tongs. Shortly after this event, Cerit was married to someone older than her. Similar memories were also reflected in Turkish cinema. For instance, in the movie *Satılmış*

Adam/Sold Man, the father of the girl hires a hitman to murder her girl who ran away to marry her husband (Jöntürk, 1977; Hürriyet, 1977, December 25).

Child marriages in the 1970s have a serious impact on Turkish cinema as we see in the films *Bride/Gelin*, *Wedding/Düğün* and *Diet/Diyet*, known as Ömer Lütfi Akad's trilogy which emphasizes male domination and religious and cultural taboos in Turkish society. For instance, when the father of the house, stuck in money, wanted his younger daughter to marry an older man for a bride price, the elder daughter objected to this. Thereupon, it is seen that the brothers injured the elder sister with a knife (Akad, Wedding, 1973).

Picture 7. The girl child who does not accept marriage is subjected to violence by her father (Gören, 1974).

Picture 8. In the wedding movie, the elder sister opposes her sister's marriage because the girl is not yet of age. But her brothers stab the elder sister. Then, the elder sister throws the bride's veil in the face of her brothers (Akad, Wedding, 1973).

Director Akad uses the Prophet Joseph's episode in the Holly Quran which criticizes the patriarchal social culture with metaphors of corpses of siblings, selling of children, bird meat and wedding. In this sense, the director tries to expose moral

contradictions. These people represented in the film are seemingly conservative, devoted to their religion and customs. Honour is more important to them than anything else. But honour only tells about the loyalty of women to men. How women will live in their lives, where they will stay, and who they will marry is determined by men. Honour is perceived as a matter of keeping men's word. Women and children are not asked what they think or want. Even if it is asked, it has no political or economic value. In the film, honour in the language of the landlords is not equivalent to loyalty to the holy book, human values, personal rights and freedoms, but to the fantasies of men. Thus fantasy also attempts to open up a relatively large economic space for men. Women and children are reduced to an economic value by being commodified with their existence in this male-dominated sociality. Akad develops cinematography that shows these contradictions with his camera. The light of his camera brings to light the Turkish sociality of the 1970s.

Sometimes men abuse women and girls on the streets of the cities. According to the news of Yeni Asır newspaper, it is understood that this includes young people as well. A 14-year-old girl in Izmir, while trying to avoid the men's talk, is hit by a train (Yeni Asır, 1978, June, 20). Harassment in the form of insulting women and following them on the street is also reflected in some films (Refiğ, 1969).

In the 1970 movie *Yumurcak Köprüaltı Çocuğu* (A child who is a gam-in boy), the character of 7-8 years old boy called Sezercik has a male puppy. Sezercik takes his dog for a walk. A girl of the same age passes through her place with a female puppy. It is quite interesting that Sezercik followed the girl with his dog, saying "a gajo fell on both you and me" to his dog (İnanoğlu 1970). Thus, some harassments of the innocence of children are justified by cinema.

The period between 1960-75 in the history of Turkish cinema is the commercial-popular period. There are child stars in movies. Agitating melodramas are reconstructed in a child-centered manner. In films such as *Ayşecik* and *Yumurcak*, children are heroes. Children who are heroes are portrayed as people who "catch/capture the thugs, reconcile their mothers/fathers, and defeat the wicked". Movies like *Canım Kardeşim* (1973) rarely break this mold and tell the reality of poverty through the eyes of an orphaned antihero child. A child whose only dream is to have a television, passes away before he can find the money to treat his cancer. (Becerikli, 2018, pp.341-343) This shows that the health system has begun to commercialize. A similar approach is also used in Ömer Lütfi Akad's *Bride*. Unable to find the money to have her child treated, the mother watches helplessly as her child dies.

In the period between 1970 and 1980, the news that boys were also abused appeared in the press (Yeni Asır, 1978, June 28). In the movie *İnsanları Seveceksin/ You will love people*, prison conditions were described as very bad. It is shown in the movie that the inmates abuse some boys in the children's ward to gain money (Gülgen, 1979).

It is seen that in those days, eroticism began to be instilled into society through the press, magazines and cinema. This situation can be considered as one

of the reasons for the increase in abuse cases. Moreover, children are also affected by the erotic film frenzy that started in cinemas. It is seen in the press that some filmmakers did allow children to watch such films in the greed of making money.

Meçhul canilerin tecavüz edip öldürdükleri 3 çocuk dün toprağa verildi

Aydın'da «insan avı» devam ediyor

BİR LİRA VERİP SİNEMAYA GİRENLER, POLİS GELİNCE AĞLADI

Ortaokullu kız ve erkeklere seks filmi oynatan sinema basıldı

Belediye, para temin etmek için semt çeşmelerini azaltacak

Picture 9. Abuse news reflected in the press (Yeni Asır, 1978, June 28) and (Hürriyet, 1971, January 19).

It can be thought that social disintegration, the fraction of the family, and the change in understanding among young people did increase intra-familial conflict. Suicide incidents also increased in that period (Orbey, 1975). The increase in migration from the village to the city, the erosion of cultural values, poverty, and the marketing of being a singer and movie star as hope in society increased the cases of running away from home during the 1970s. In those days, the cases of missing girls were on the news (Hürriyet, 1977, January 9; Yılmaz, 1966). There were reports that some girls who did run away from home were abused (Hürriyet, 1977, January 9).

Smuggling

It is seen that children were used in the sale of illegal cigarettes and alcohol during the 1970s and 1980s. Since the mid-1960s, when drug use increased in the West, America in particular claimed that Turkey was the source of this problem. The US asked the Turkish government to ban poppy cultivation. The Turkish government resisted this situation. Nihat Erim's government was

established on 26 March 1971, instead of Süleyman Demirel's government, which resigned after the 12 March 1971 Memorandum, and on 29 June 1971 the cultivation of poppy was banned (Cumhuriyet, 1971, June 30).

In the 1970s, Turkey provided 55% of the world's poppy production, which was used to produce morphine for medicinal purposes. Western companies began to produce poppies in India. The United States started poppy cultivation in Arizona. Despite this, when the MSP (Conservative Party)-CHP (Republican Party) coalition government lifted the ban on the cultivation of poppies on Turkish peasants on July 1, 1974, the US again started to accuse Turkey of being the centre of drug trafficking (Başlamışlı, 2021).

However, there were also developments in Turkey that will justify the thesis of the USA. In 1972, Turkish senator Arif Kudret Bayhan was caught in France with 146 bases of morphine (Milliyet, 1972, March 10). In a short time, Bayhan's senatorship was cancelled with a vote in the Assembly. This would mean Turkey's official admission of the senator's crime. The trials ended in 1973. Bayhan was sentenced to fifteen years in prison by the French judiciary.

Even in 1977, news appeared in the newspapers that the issue could not be fully clarified (Hürriyet, 1977, March 27). In those years, not only drugs but also illegal cigarettes and alcohol incidents were seen. In the Bosphorus, 100 thousand cartons of smuggled cigarettes were seized on a ship, 250 kilos of hashish in Yugoslavia on a Turkish truck going to Europe, and a large number of drugs in different parts of the country. It is known that these contraband cigarettes were secretly sold on the roads (Hürriyet, 1977, March 18).

There were also allegations that some children have fallen into the hands of smugglers and drug dealers. In the movie *Meryem ve Oğulları*, the story of a mother trying to save her child who fell into the hands of a drug and smuggling gang from an early age is screened (Seden, 1977).

It is known that not only cigarettes brought illegally from abroad, but also state-owned TEKEL (Monopoly) products, which couldn't be found in the market due to hoarding and stockpiling were illegally sold on the streets and in shops. This situation is reflected in the movies of *İstanbul 79* (Aksoy, 1979) and *Çöpçüler Kıralı/ King of the Scavengers* (Ökten, 1977).

The UN declares 1979 the World Year of the Children (Unicef, 2021; Hürriyet, 1977, March 17). Despite this, it is known that children are often used in the sale of smuggled cigarettes on the streets. This situation is also reflected in the movie of *Taşı Toprağı Altın Şehir/The Golden City*. (Aksoy, 1978).

Picture 10. Smuggling news in newspapers (Hürriyet, 1977, March 18) and Representation of a boy trying to sell illegal cigarettes on the street in the movie Taşı Toprağı Altın Şehir (Aksoy, 1978).

In the 1970s, some families had their children work as shoe shiners. Children would try to sell ready-made food products such as bagels in crowded streets and alleys. It was seen that some children were employed in heavy labour in industrial areas, exceeding the master-apprentice relationship. Some children were even begged by their families. In addition to this, gangs sprang up that made some orphan children work in problematic ways and sometimes made them beg. The situation of poverty (Ankara, 2012) was also reflected in the films of *Sezercik* and *Ayşecik*, whose sequels were shot throughout the 1970s (Göreç, Öksüzler, 1973). In this sense, it is interesting that the movie Keşanlı Ali Destanı begins with the image of children trying to collect money by playing instruments on the street (Yılmaz, 1964). It can be said that the period of 1970-1980 was an unfortunate period in terms of child victimization.

Political Violence

Shooting at a high school in Çorum (a calm city) reflects how much violence has spread to Anatolian cities, and violence increasingly was including children (Hürriyet, 1977, March 23). It is seen that even children at the secondary school level were seriously affected by ideologies (Ökten, 1974). It can be stated that children were mostly used by political organizations for similar purposes to distribute leaflets (Yeni Asır, 1978, July 26). It is seen that some of the children were caught between two fires and lost their lives (Yeni Asır, 1978, June 16). In addition to all these, shooting into the air and being killed by accidental bullets at weddings have been the subject of many tombstones and films (Güney, 1968). This situation also indicates the importance of individual armament in terms of the economy.

Picture 11. Photos of Karl Marx and Yılmaz Güney in the background of an adolescent boy trying to convince his family about socialism and communism in a movie (Ökten, 1974).

The film *Yusuf and Kenan* (1979), written and directed by Ömer Kavur, also contains political references to Turkey in the 1970s. Their father was killed in the village due to a blood feud, and the children became orphans. They changed their way to Istanbul. As to Istanbul, it was like a big village, ruined and rundown. The main problem in the city was money and livelihood. Children had to live unemployed and without money. They could not get help from anyone. After that, they met with street children. Once, Yusuf saves the life of the gang leader and can get right to join the gang team. Kenan is not taken into the gang because he is younger. But, Kenan gets lucky and can get a job at an auto-mechanic service and works legally.

On the other hand, Yusuf tries to earn money by stealing auto tapes. He tries to win the favour of the gang leader. He gives them to the gang leader to sell the tapes he stole and gets his commission. But after a while, they are caught by the police. The gang leader, who escaped from the police thanks to his nationalist friends, says that he is dedicated to the "holy cause" and thus avoids being imprisoned. But Yusuf is arrested and sent to prison. Yusuf is trying to live under difficult conditions in prison. These developments in the film emphasize the subjective and widespread political character of both the social life and the justice system in Turkey in the 1970s, and the economy appears to be the fundamental problem for any age.

Education

Until the Democratic Party governance, it was the peasants' responsibility to build schools in the villages. However, many villages could not cope with it. The Ministry of National Education (MEB) and special provincial administrations started to undertake the construction of village schools since the DP government (Akdağ, 2020).

However, sufficient funds could not be allocated from the national budget to build schools in the villages. This situation caused the physical and social facilities of village schools to remain in poor condition for many years. On the other hand, the villagers had to meet many of the needs of the schools, such as coal. Coal aid to village schools was made possible for the first time by the Ministry of National Education in 1993, during Minister Köksal Toptan's governance (Toptan & Hacıoğlu, 2017, p. 194-195).

For many years, the construction, maintenance and repair of village roads and bridges, water supply to the villages and payment of the salaries of imams and guards were left to the village legal entities. Village budgets were often not strong enough to cover all of them. For this reason, village streets were usually muddy or dusty. Children used to go to school in difficult conditions which were widespread throughout Turkey from east to west (M. Sertel, personal communication, January 17, 2018).

The basic needs of the village schools and the students were tried to be covered by the voluntary aid of citizens. In the movie *Hababam Sınıfı Uyanıyor/ Hababam Class Awakens* (Eğilmez, 1976), the aid of Istanbul Private Çamlıca High School's students to bring construction materials to a village school in Anatolia makes them twin.

Overcrowded classrooms were a serious problem in cities of Turkey. So, more teachers were needed. But, the government met the demands of teachers in temporary positions. According to the news of Hürriyet newspaper, these teachers have requested to be recruited permanently. It is claimed that efficiency in education and training did decrease because this problem couldn't be resolved (Hürriyet, 1977, July 24). At the same time, teacher training policies were not seriously evaluated by the Turkish state. It is said that some teachers were trained in an unqualified way (A. Konaklı, personal communication, June 17, 2018). As a matter of fact, according to Kaçmaz (2020, p.154) who analyzed the films of the *Hababam Class*, the source of the problems in the education system is the indifference of the authorities and parents, not students.

Picture 12. Hababam Class students bring materials with trucks to build a new school in the village (Eğilmez, 1976).

On the other hand, electricity began to be brought to the villages in the mid-1970s. In cities, problems arise in supplying electricity to slums. In the 1970s, there were also continuous power cuts. The phrase "the electricity was cut off, so I couldn't do my homework", which was often heard from students at that time, emerges from a reality. The gas lamp continues to exist for a while. On the other hand, this situation of children living in one-room houses affects their success in school (Gülgen, 1979).

Children living in slums who can't go to school are shown in the movie *Yarınsız Adam/Man without Tomorrow*. In the film, graffiti, which was common in those years, draws attention. With this scene depicting graffiti, the director wants to show that there is an inequality of opportunity in education and that the quality of educa-

tion is not good. The opening scene of the movie begins with a crowded chaotic classroom environment (Jöntürk, 1976).

Turgut Demirağ, who studied cinema in the United States, focuses on the conflict between traditional and modern religious education in his movie titled *Aynı Yolun Yolcusu/ Traveler of the Same Road* (1973). He criticizes the soul-destroying, autocratic education system in Turkey with all its cultural, religious and social dimensions. According to Demirağ, the only way to protect children from the restrictive aspects of this system is to provide them with an analytical and project-based education where they can eventually gain professional skills. In addition, it is seen that children do not develop without the social, cultural and artistic knowledge and skills conveyed to children by Sadri Alışık as a famous hero.

Discussion

After the Second World War, Turkey moved away from agricultural production with the financial support of the United States. With a rapid urbanization process, Turkish society has been reduced to a consumer position. Cities are overflowing with cars and residences. This situation negatively affected the social lives and playgrounds of the children.

With rapid urbanization, families and their children have been deprived of quality education opportunities. Families whose profession, job and economic earnings were not sufficient forced their children to marry at an early age. On the other hand, children were involved in jobs such as singing and smuggling to continue their education and to contribute to the family budget. Although these situations are handled with their ridiculous aspects in mainstream cinema, they have been the subject of criticism in social realist cinema examples. The patriarchal, male-dominated, sexist (seeing women and children as worthless) and strict Islamic conservative aspects of Turkish society have been criticized.

The economic and political developments experienced by Turkey also explain the problems experienced by children in Turkish cinema. Turkey's transition to a neoliberal consumption economy after World War II weakened the social aspect of the state. This situation, along with rapid urbanization, has caused problems in areas such as need for shelter, education, employment, nutrition and socialization.

The political and economic instability experienced between the years of 1970-1980 and in further times, the collapse of state authority, the high inflation, the uncontrolled migration from village to the city caused to increase of chaotic environment in the cities and they affected children negatively. This situation is reflected in the press and cinema of the period in a similar way. As far as we can follow from the press and movies and according to the interviews with the people who witnessed the period, the problems related to children reveal that they are adversely affected and live in very difficult living conditions.

Apart from those who were deprived of the right to education, there were also those who were severely abused. They had difficulty in accessing basic food. Only, a few Turkish movies with realistic features reflect these children's problems. Turkish cinema does not bring serious proposals and answers to the problems occurred in the meantime most of the films agitate about the current situation in order to attract more people to the movie theatres. This situation can also be explained as the commercialization of cinema depending on neoliberal policies.

Nevertheless, some of the socialist/Marxist and realist directors[1] implemented a critical attitude against the mainstream influence of melodramatic Yeşilçam cinema in 1970s, although their number was not so many.

The mentioned directors took a close look at the cultural and educational processes in Anatolian cities in order to understand and get to the root of the problems experienced by children in modern cities. In addition, they tried to understand how the society perceives religious subjects based on the texts in the holy books. The lack of qualified national and religious education in Anatolian cities has reflected and affected this situation in modern cities, and this situation has been among the main reasons for all the problems children did experience.

References | Список литературы

Akad, Ö. L. (Director). (1973a). *Düğün [Wedding]*. Erman Film. (In Turkish).

Akad, Ö. L. (Director). (1973b). *Gelin [Bride]*. Erman Film. (In Turkish).

Akdağ, M. (2020). Comparison of Village Reality in Realistic Turkish Cinema with The Village Documents (1961-1971). *Adıyaman University Journal of Social Sciences*, 36, 638–670. https://doi.org/10.14520/adyusbd.741984

Aksoy, O. (Director). (1976). *Aile Şerefi [Family Honor]*. Arzu Film. (In Turkish).

Aksoy, O. (Director). (1978). *Taşı Toprağı Altın Şehir [City of Gold]*. Erman Film. (In Turkish).

Aksoy, O. (Director). (1979). *İstanbul 79 [Istanbul 79]*. Uğur Film. (In Turkish).

Ankara, E. G. (2012, April 2). *Children in Turkish cinema: From exploitation to realism*. Hürriyet Daily News. https://www.hurriyetdailynews.com/children-in-turkish-cinema-from-exploitation-to-realism--17387

Archive of Erbeyli Primary School Student Log Book, 1933-1953. (n.d.). *Erbeyli İlkokulu Öğrenci Kütük Defteri Arşiv Kayıtları*.

Atiyas, İ., & Bakis, O. (2015). Structural Change and Industrial Policy in Turkey. *Emerging Markets Finance and Trade*, 51(6), 1209–1229. https://doi.org/10.1080/1540496X.2015.1080523

Başlamişli, M. (2021). US's Attempt to Feature 1974 Cyprus Crisis Instead of Poppy Issue Regarding Embargo Decision on Turkey. *Asia Minor Studies*, 9(1), 695–712. https://doi.org/10.17067/asm.827640

1 Atıf Yılmaz, Lütfi Ömer Akad, Yılmaz Güney, Turgut Demirağ, Ali Özgentürk, Zeki Ökten, Ömer Kavur, Erden Kıral, Tunç Okan, Şerif Gören, etc.

Becerikli, R. (2018). Comparison of Child Star Movies and Canım Kardesim In Terms of the Features of Narrative And Character. *Selçuk İletişim*, 11(2), 321–346. https://doi.org/10.18094/josc.406300

Bila, F. (2020, May 18). *Atatürk'ün attığı temele bugün hâlâ çok ihtiyacımız var [The foundation laid by Atatürk is still very much needed today]*. T24. https://t24.com.tr/yazarlar/fikret-bila/ataturk-un-attigi-temele-bugun-hala-cok-ihtiyacimiz-var,26665 (In Turkish)

Caulfield, J. (2019, September 6). *How to Do Thematic Analysis | Step-by-Step Guide & Examples*. Scribbr. https://www.scribbr.com/methodology/thematic-analysis/

Demirağ, T. (Director). (1973). *Aynı Yolun Yolcusu [Travelers on the Same Path]*. And Film. (In Turkish).

Doğan, E. (2019). Childhood In Turkish Cinema Between 1960-1970: Representation Of Childhood In Two Different Ayşecik Films. *Turkish Studies*, 14(2), 313–323. https://doi.org/10.7827/TurkishStudies.14945

Duru, S. (Director). (1965). *Şoför Nebahat Bizde Kabahat [Driver Nebahat is to blame]*. Duru Film. (In Turkish).

Duru, S. (Director). (1970). *Şoför Nebahat [Driver Nebahat]*. Murat Film; Uğur Film. (In Turkish).

Eğilmez, E. (Director). (1976). *Hababam Sınıfı Uyanıyor [Hababam Class Awakens]*. Arzu Film. (In Turkish).

Elal, M. E. (2013). *The Child in Arabesque Films* [Master Thesis]. Marmara University Institute of Social Sciences.

Emre, K. B. (2007). *Representation Of Childhood In Aysecik Films* [Master Thesis]. Anadolu University Institute of Social Sciences.

Erksan, M. (Director). (1971). *Feride [Feride]*. Saner Film. (In Turkish).

Göreç, E. (Director). (1973). *Öksüzler [Orphans]*. Er Film. (In Turkish).

Göreç, E., & Güney, Y. (Directors). (1974). *Endişe [Anxiety]*. Unknown. (In Turkish).

Gülgen, M. (Director). (1979). *İnsanları Seveceksin [You Will Love People]*. Gülgen Film; Piza Film. (In Turkish).

Güney, Y. (Director). (1968). *Seyyit Han: Toprağın Gelini [Sayyid Khan Bride of the Land]*. Gülgen Film. (In Turkish).

Güney, Y. (Director). (1971). *Ağıt [Requiem]*. Akün Film; Güney Film. (In Turkish).

Güney, Y. (Director). (1974). *Arkadaş [Friend]*. Güney Film. (In Turkish).

Hamsici, M. (Director). (2018). *Istanbul and Bristol in 1971 through the eyes of two children*. https://www.youtube.com/watch?v=duPOvbArvPU

İnanoğlu, T. (Director). (2011). *Yumurcak Köprüaltı Çocuğu [Yumurcak Under the Bridge]*. Erler Film (In Turkish).

Irmak, Ç. (Director). (2011). *Dedemin İnsanları [My Grandfather's People]*. Ay Yapım. (In Turkish).

Jöntürk, R. (Director). (1976). *Yarınsız Adam [Man Without Tomorrow]*. Kalkavan Film. (In Turkish).

Jöntürk, R. (Director). (1977). *Satılmış Adam [Sold Out Man]*. Sezer Film. (In Turkish).

Kaçmaz, M. Y. (2020). *The evaluation of the Hababam Sınıfı films from the point of values education* [Unpublished Master dissertation]. Sivas University.

Kazgan, G. (2014). Türkiye'nin 1970'li Yılları: Öngörül(e)meyen Küresel Olaylar [Turkey in the 1970s: Unforeseen Global Events]. In R. F. Barbaros & E. J. Zurcher (Eds.), *70'li Yıllarda Türkiye [Turkey in the 70s]* (pp. 11–30). Efil Yayınevi. (In Turkish).

Kiger, M. E., & Varpio, L. (2020). Thematic analysis of qualitative data: AMEE Guide No. 131. *Medical Teacher*, 42(8), 846–854. https://doi.org/10.1080/0142159X.2020.1755030

Ökten, Z. (Director). (1974). *Sürü [Herd]*. Güney Film. (In Turkish).

Ökten, Z. (Director). (1977). *Çöpçüler Kralı [King of Scavengers]*. Arzu Film. (In Turkish).

Orbey, E. (Director). (1975). *Bizim Aile [Our Family]*. Arzu Film. (In Turkish).

Pehlivan, B. (2007). *Yeşilçam Melodramatic Imagination and Its Influence on the NewTurkish Cinema* [Unpublished Master dissertation]. Sabancı University.

Refiğ, H. (Director). (1969). *Bir Türk'e Gönül Verdim [I set my heart on a Turk]*. Erman Film. (In Turkish).

Seden, O. F. (Director). (1977). *Meryem ve Oğulları [Mary and Her Sons]*. Erman Film. (In Turkish).

Seden, O. F. (Director). (1978). *Yüz Numaralı Adam [Man Number One Hundred]*. Çan Film. (In Turkish).

Şentürk, R. (2020). The Periodization Problem in Writing the Turkish Cinema History. *Intermedia International E-journal*, 7(13), Article 13. https://doi.org/10.21645/intermedia.2020.81

Toptan, K., & Hacıoğlu, E. G. (2017). *Ağabey Köksal Toptan [Big brother Köksal Toptan]*. Bülent Ecevit Üniversitesi. (In Turkish).

Unicef. (2022, January 22). *History*. https://www.unicefturk.org/yazi/tarihce

Yağbasan, M., & Ateş, U. (2018). Family Representation in Turkish Cinema in the Periods Of Pre-1980 And Post-2000. *Akademik Bakış Uluslararası Hakemli Sosyal Bilimler Dergisi*, 67, 26–40.

Yıldırım, T. (2015). Sinema Tutkusu 1 [Passion for Cinema 1]. *Doğu Batı Düşünce Dergisi*, 18, 72. (In Turkish).

Yılmaz, A. (Director). (1964). *Keşanlı Ali Destanı [The Epic of Kashanli Ali]*. Gün Film. (In Turkish).

Yılmaz, A. (Director). (1966). *Ah Güzel İstanbul [Ah Beautiful Istanbul]*. Be-Ya Film. (In Turkish).

Galactica Media: Journal of Media Studies. 2022. No 4 | ISSN: 2658-7734
Исследования кинематографа | https://doi.org/10.46539/gmd.v4i4.267

Image of Ally: Great Britain in American Cinema, 1942

Yaroslav A. Levin

Samara State Technical University. Samara, Russia. Email: yaroslavlevin1992[at]mail.ru

Received: 11 February 2022 | Revised: 28 May 2022 | Accepted: 14 June 2022

Abstract

World War II was a time of increased rapprochement between the United States and Great Britain. After a long rivalry and outright hostility in the XVIII-XIX centuries, by the beginning of the 20th century, these two countries began to get closer with time, which was reflected in the gradual design of the concept of "Special Relations" between the United States and the United Kingdom. The rapprochement required strong propaganda support to explain political changes to the population. Due to its accessibility, clarity and brightness, cinema has become one of the main tools for promoting the new paradigm of US foreign policy. In this study, we examined the problem of constructing the image of Great Britain in American cinema in 1942. The purpose of this article is to identify the main features and stereotypes of perception used by American film-makers and propagandists in building the image of an ally. Based on an analysis of 1942 films, a number of specific features were identified that were used in cinema to form the image of Great Britain as an ally.

Keywords

WWII; American Cinema; Propaganda; Great Britain; "Special Relations"; Imagology; "Captains of the Clouds"; "Joan of Paris"; "Eagle Squadron"; "Mrs. Miniver"

This work is licensed under a Creative Commons «Attribution» 4.0 International License

Galactica Media: Journal of Media Studies. 2022. No 4 | ISSN: 2658-7734
Cinema Studies | https://doi.org/10.46539/gmd.v4i4.267

Образ союзника: Великобритания в американском кино 1942 г.

Левин Ярослав Александрович

Самарский государственный технический университет. Самара, Россия.
Email: yaroslavlevin1992[at]mail.ru

Рукопись получена: 11 февраля 2022 | Пересмотрена: 28 мая 2022 | Принята: 14 июня 2022

Аннотация

Вторая мировая война стала временем усиленного сближения Соединённых Штатов Америки и Великобритании. После долгого соперничества и откровенной неприязни в XVIII – XIX вв. к началу XX века две этих страны стали со временем сближаться, что нашло отражение в постепенном оформлении концепции «Особых отношений» между США и Соединённым Королевством. Происходящее сближение требовало мощной пропагандистской поддержки с целью объяснения населению политических перемен. В силу общедоступности, наглядности и яркости кинематограф стал одним из главных инструментов пропаганды новой парадигмы внешней политики США. В данном исследовании мы рассмотрели проблему конструирования образа Великобритании в американском кинематографе 1942 г. Целью данной статьи является выявление основных черт и стереотипов восприятия, использованных американскими кинематографистами и пропагандистами при выстраивании образа союзника. На основе анализа фильмов 1942 г. был выявлен ряд особенностей и черт, которые использовались в кинематографе для формирования образа Великобритании как союзника.

Ключевые слова

Вторая мировая война; американский кинематограф; пропаганда; Великобритания; «Особые отношения»; имагология; «Капитаны облаков»; «Жанна Парижская»; «Эскадрон «Орёл»; «Миссис Минивер»

Это произведение доступно по лицензии Creative Commons “Attribution” («Атрибуция»)4.0 Всемирная

Введение

После Войны за независимость (она же Американская революция) 1775-1783 гг. и Англо-американской войны 1812-1815 гг. отношения между Соединёнными Штатами и Великобританией были крайне напряжёнными и неприязненными. Британская дипломатия и политическое руководство с трудом приняло потерю американских колоний. Ещё более сложно британцам было принять активность по защите своих международных интересов со стороны нового независимого государства, никоим образом не желавшего оставаться в фарватере британской политики и интересов (Burdett, 2016; Dimbleby, 1988).

Постепенные перемены в этой ситуации начали происходить уже в XX веке. Впервые интересы двух прежних противников на международной арене совпали в Азиатско-тихоокеанском регионе, а конкретно, в слабом Китае, который на тот момент представлял собой разобщённую и нестабильную во многих отношениях территорию, где множество крупных держав боролись между собой за экономическое и политическое влияние. Итогом этого сближения стала достаточно заметная поддержка двумя странами Японии в Русско-японской войне 1904-1905 гг., когда, оказывая военное и информационное покровительство, США и, в несколько меньшей степени, Великобритания, надеялись вытеснить из региона Российскую империю и упрочить тем самым свои позиции (Журавлёва, 2012, с. 506—568; Dobson, 2009, p. 1—9). Однако уже на первых этапах мирных переговоров между сторонами в американском Портсмуте Япония начала демонстрировать самостоятельность своей политики и полное нежелание следовать в орбите интересов Вашингтона и Лондона, что привело к поступательно усиливающейся деградации отношений Императорского дворца в Токио с Белым домом, закончившейся присоединением страны Восходящего солнца к агрессивному блоку и Тихоокеанской войне (Журавлёва, 2012, с. 568-626; Hanihara, 2018). Следующим этапом стала Первая мировая война, когда США, пусть и в последний момент, выступили на стороне Антанты. Межвоенный период ярко продемонстрировал ослабление позиций Великобритании, которой всё сложнее было удерживать статус сверхдержавы в новую эпоху, что потребовало от её руководства поиска нового и мощного союзника, который смог бы поддержать её позиции или, в случае утраты лидирующей роли на мировой арене, обеспечить мягкий и лояльный переход первенства при сохранении комфортных для Соединённого Королевства условий. Вполне очевидно, что таким союзником для британского правительства виделись США, чья экономическая мощь в этот период многократно возросла. Позиции двух стран по многим международным вопросам неизменно совпадали или были достаточно близки. Оба государства явственно не приняли Октябрьскую революцию в России и установление власти партии большевиков. К тому же, оба государства постепенно приходили к единым

опасениям относительно возрождающейся Германии, чья политика, риторика и продвигаемые идеи становились всё более агрессивными и откровенно человеконенавистническими (Согрин, 2015, с. 210—253; Piehler, 2013, p. 26—31).

Фильмы 1942 г. и особенности изображения Великобритании

С вступлением США во Вторую мировую войну все средства пропаганды и ведомства, ответственные за неё, были настроены на то, чтобы актуализировать среди американского общества образы союзников и противников и сформировать у простых граждан достаточно чёткое восприятие всех участников военных действий. Первый заметный пик активности американского кинематографа в новых условиях пришёлся уже на 1942 г., вскорости после атаки на Пёрл-Харбор и последовавшее за этим вступление Америки в войну (Буранок, 2009).

В этот год в Голливуде было произведено более 500 художественных фильмов, из них большая часть (374 фильма) были прямо или косвенно посвящены событиями Второй мировой войны. Около половины из этих фильмов были сосредоточены на Японии, так как в это время именно она воспринималась в США как основной противник; остальные картины касались военных действий в Европе и ближнем зарубежье. Поскольку военное кино отличалось разнообразием тем и сюжетов, мы сосредоточили своё внимание на фильмах, напрямую связанных с темой британского союзника, и взяли четыре наиболее хронологически ранних и также коммерчески и художественно успешных картины по этой теме для анализа пропагандистских приёмов и методов (McLaughlin, 2006, p. 10, 50, 117).

По мере увеличения необходимости в развитой системе пропаганды в условиях предвоенного и военного времени, в США сразу несколько крупных ведомств начало интересоваться этой сферой деятельности и влиять на кинематограф. Прежде всего, стоит упомянуть Управление военной информацией, УВИ (англ. Office of War Information, OWI), наиболее важное и крупное ведомство, напрямую занимавшееся координацией и созданием пропаганды (Суржик, 2017, с. 138—165); также в контексте темы нашего исследования нужно выделить основанное в январе 1941 г. Управление по контролю за производством (англ. the Office of Production Management, OPM), кинематографический отдел которого отсматривал все снятые фильмы и определял их в согласии к множеству параметров от чисто технических, вроде качества плёнки и соблюдения сметы проекта, до художественных особенностей, соответствия фильма общественной морали и государственно важным темам. Это Управление также рассылало по студиям списки тем и примерных подходов к ним, а главное, в случае обращения киностудий, оказывало материальную помощь в производстве и дистрибуции. С вступлением США в войну OPM было присоединено к Совету по военному производству и до конца

войны контролировало производство уже всей кинопродукции, а не только «заказных» кинолент (Streich, 1990, p. 50). Кроме этого, большую роль в создании пропагандистских художественных фильмов сыграл Комитет по военной активности кинематографической индустрии (англ. War Activities Commitee of the Motion Pictures Industry), инициативная группа крупнейших представителей американского кинематографа, которые выступили в качестве «добровольных помощников» правительства в деле поддержки действий США во Второй мировой войне. На деле же, данный комитет быстро стал главным цензором и элитным профсоюзом крупнейших производителей кинофильмов для нужд государства. Члены комитета находились в тесном контакте с УВИ, Советом по военному производству, администрацией президента и пресс-службами различных служб и ведомств правительства США (Streich, 1990, p. 50). Наконец, ФБР ещё в начале 1930-х начало активно выстраивать свой образ в СМИ, чем занимался «Отдел регистрации преступлений» (Powers, 1983). Это ведомство, наряду с Госдепартаментом, который являлся главным конструктором различных образов и оценок (Winfield, 1990, p. 191), продуцируемых СМИ и кинематографом, также активно рассылало свои методички об изображении и подходах к различным государственно важным темам. Что интересно, в силу крайне сложных отношений между внешнеполитическим ведомством и главной службой внутренней безопасности, подготавливаемые для киностудий материалы часто имели определённые различия, хотя, чаще всего, незначительные (Sbardellati, 2012, p. 41—43).

Одним из наиболее ранних фильмов, дающих представление о пропагандистском восприятии Великобритании как союзника в войне, стал фильм «Капитаны облаков» (англ. Captains of the Clouds), также известный под названием «Тени их крыльев», вышедший в прокат 12 февраля 1942 г. Высокобюджетная (1,77 млн. долларов, сборы 3,4 млн. долларов) картина, снятая в цвете, повествовала о группе американских лётчиков, работавших в Канаде и застигнутых там началом войны. Главный герой, Брайан Маклин, сыгранный очень популярным в те годы Джеймсом Кэгни, вместе в товарищами решает присоединиться к Королевским военно-воздушным силам Канады. Прежде всего, обращает на себя внимание, что собственно британцы появляются в фильме довольно поздно. В первой части картины присутствует всего один британский персонаж – экспат «Проныра» Харрис (актёр Реджинальд Гардинер). «Проныра» особенно ничем не выделяется из кампании американских пилотов: он весел, профессионален и лишь слегка держится сам по себе во время отдыха после вылетов. Куда больший акцент делается на канадцах. Подчёркивается, что они «как бы британцы», но это «наши британцы», помогать которым – нечто само собой разумеющееся. Авторы фильма отдельно освещают близкие и добрососедские отношения между США и Канадой. Однако подчёркивается, что Канада сосед слабый, которому требуется защита. Например, когда американские лётчики вступают в ряды ВВС Канады, показано, что основная масса военных пилотов этой страны – старики, которые уже

не в состоянии вести войну и могут, максимум, готовить более молодых к боевым действиям. По нашему мнению, такой подбор сюжета не случаен. В то время как Британия, несмотря на заметные перемены в политических и военных отношениях, всё равно воспринималась среднестатистическими американцами крайне холодно (Hendershot, 2020, p. 102—120), к канадцам, несмотря на статус этой страны как части Британской империи, а позднее – Содружества, и отдельные сложные эпизоды двухсторонних взаимодействий, в основном отношение было куда лучше (Hendershot, 2020, p. 102—120; Thompson, 2002, p. 127—184). Географическая близость способствовала постоянным контактам двух стран, вынужденных уживаться друг с другом. В итоге, с течением времени, Канада стала восприниматься как близкий и относительно понятный сосед, как «почти Америка» (Thompson, 2002, p. 127—184; Carment, 2019, p. 87). В этой связи кажется очень разумным на первом этапе конструирования образа союзника проводить параллели между канадцами и британцами, тем самым создавая в мозгу зрителя логическую цепочку «друзья-канадцы – это тоже британцы, и их надо защищать». Во второй части фильма герои, подходя к концу тренировок, обнаруживают, что поведение, стратегии и тактики американских пилотов не очень соответствуют «Плану авиационной подготовки Британского Содружества», и даже сталкиваются с неприязнью и упрёками со стороны приехавших с инспекцией офицеров английских ВВС. Британцы выглядят чопорными и зацикленными на своих правилах. В связи с этим главный герой даже изгоняется с курсов, однако к моменту активных боевых действий у воюющей стороны каждый пилот оказывается на счёту, и Маклина возвращают за штурвал. В ходе одного из сражений он жертвует собой, пойдя на таран немецкого истребителя.

Говоря об этом фильме и конструировании образа британского союзника, стоит также обратить внимание на выбор актёра на главную роль – Джеймс Кэгни в ходе своей карьеры играл типичных «героев своего времени»: в середине 1920-х гг. – гангстеров и бутлегеров, в 1930-х гг. – лихих агентов ФБР, а в 1940-х таких же лихих американских военных (Bergman, 1973, p. 90-92; River, 2018). Среднестатистическому зрителю было достаточно легко ассоциировать себя с теми персонажами, которых играл этот актёр. Кроме того, обращает на себя внимание размах съёмок этого проекта: цветная плёнка, большой бюджет, яркая атмосфера и песни, делающие фильм достаточно весёлым и легко воспринимаемым (несмотря на трагический конец), помощь в съёмках реального соединения ВВС Канады и даже камео прославленного аса канадской военной авиации, Билли Бишопа – участника Первой мировой войны в роли одного из инструкторов (Baker, 1990, p. 170; McCaffery, 1988, p. 94), — всё это показывает важность данного проекта для американской пропаганды. Вместе с тем уже можно выделить первые важные стереотипы в восприятии союзников, которые в той или иной степени будут прослеживаться и в других фильмах, постепенно трансформируясь: 1. Возможно британцы неприятные,

но они союзники, которым нужно помогать, кроме того, «хорошие» канадцы часть Содружества, а значит, помогая Великобритании – помогаешь и Канаде. 2. Хотя Британия и союзник, англичане отличаются чопорностью и жёстким следованием различным протоколам, и это их слабость. 3. Сила США в умении в нужный момент пренебречь правилами.

Следующим фильмом, затрагивающим тему формирования образа «британского союзника», стал вышедший 20 февраля 1942 «Жанна (Джоанна) Парижская» (англ. Joan of Paris). Более серьёзный и скромный проект (бюджет – 666 000, сборы – 1 150 000 долларов) повествовал уже непосредственно о британцах и их участии в войне. Сюжет этой картины сосредоточен вокруг группы британских лётчиков, которых сбили над оккупированным Парижем. В поисках помощи лётчики, во главе с их командиром Полом Лавальером (популярный в те годы актёр немецкого происхождения Пол Хенрейд), пытаются пробраться к пункту британской разведки на другой половине города. В этой сложной задаче им помогает простая французская девушка Жанна, которая в итоге жертвует собой ради спасения британцев.

Прежде всего, обращает на себя внимание серьёзность и мрачность этого фильма, демонстрирующего художественные особенности раннего нуара. Данная картина изображает Париж городом, где за всеми следят и никто не в безопасности. Мрачные краски и напряжённая музыка подчёркивают угрозу, исходящую от гестапо, занятого поисками пилотов. Обращает на себя внимание, что в этом фильме вообще нет американцев, и они практически не упоминаются. Вероятнее всего, это связано с тем, что США на тот момент вели боевые действия преимущественно на Тихоокеанском театре военных действий, лишь постепенно втягиваясь в боевые действия в Европе, однако и правительство и простые граждане, в большинстве своём, прекрасно осознавали, что основные боевые действия сейчас идут там и на Восточном фронте. По этой причине британцы в этом фильме предстают практически «американцами Европы». Однако заметны и отличия. Английские персонажи выглядят более серьёзными, сосредоточенными, им, в отличие от американцев, которые в кино военного времени всегда изображались лихими и бесстрашными, не чуждо осознание тяжести своего положения. Обращает на себя внимание, что главный герой – француз по происхождению и деятель Сопротивления, вынужденный бежать с началом оккупации, в беседах с Жанной, в процессе развития любовной линии между персонажами, несколько раз повторяет, что Британия стала домом для всех антинацистов Европы (Cobb, 2009; Chabal, 2013, p. 119—137). Тем самым американская пропаганда дополнительно подчёркивает важность этой страны.

Представляется, что два столь разных фильма, вышедших практически одновременно, должны были сначала снизить негативное отношение к британскому союзнику («Капитаны облаков»), а затем вызвать эмпатию у простых граждан США и заставить сопереживать британцам так же, как и американцам («Жанна Парижская»).

Следующий по хронологии крупный проект, раскрывающий образ Великобритании как союзника Соединённых Штатов, – картина «Эскадрон «Орёл» (англ. Eagle Squadron), вышедшая в прокат 16 июня 1942 г. Сюжет этой картины отталкивался от реально существующих добровольческих лётных подразделений с таким названием. Эскадроны «Орёл» (всего насчитывалось три таких эскадрона) были сформированы в сентябре 1940 г. из добровольцев, считавших, что угроза Великобритании со стороны нацистской Германии – это в целом угроза безопасности в Европе и потенциальная опасность для США. Большую роль в формировании этих соединений сыграл Чарльз Суини, американский бизнесмен, проживавший в Лондоне и отличавшийся сильными антинацисткими взглядами. Он вложил по меньшей мере 100 000 долларов личных средств на привлечение добровольцев из США в Канаду и Великобританию. Обращает на себя внимание, что, хотя США ещё стремились соблюдать формальный нейтралитет, администрация президента Рузвельта всячески содействовала инициативам Суини (Caine, 1993; Sweeny, 1990).

Дорогостоящий (908 768 долларов) фильм, посвящённый американским пилотам, защищавшим британское небо, изначально задумывался как документальный. Однако целый ряд асов этого эскадрона, уже немного известных американской общественности по публикациям прессы, отказались сниматься в проекте. В итоге у съёмочной группы на руках оказалось большое количество материала, который без интервью и кадров с ключевыми персонажами был практически бесполезным (Haughland, 1979; Kan, 2014).

Сюжет картины, получившейся в итоге, повествует о Чаке Брюэре (актёр Роберт Стэк), Джонни Коу (Лиф Эрикссон) и Вадиславе Боровском (Эдгар Бэрриэр), американских пилотах-добровольцах, которые прибыли в Великобританию для борьбы с немецкой авиацией. Ими руководит британец Пэдди Карсон (актёр Джон Лодер). Главные герои быстро находят общий язык и заводят дружбу с другими добровольцами и координирующими их усилия англичанами. Прежде всего, в этом фильме довольно явно проводится мысль о том, что «защита Великобритании – это защита всех цивилизованных и демократических стран от агрессии нацистской Германии». В этом фильме британцы показаны уже намного более приятными и понятными американцам персонажами, чем, например, в «Капитанах облаков». Они уже мало чем отличаются от американцев в привычках и поведении. Единственный стереотип, на котором сделан акцент в фильме – любовь к чаю. Таким образом, мысль об общности британцев и американцев, постепенно введённая предыдущими фильмами и развитая другими пропагандистскими продуктами, закрепляется. Тем не менее, Британия показана хоть и близкой, дружественной и достойной страной, но вновь делается акцент на её слабости, особенно перед лицом мощи Германии. Отдельного внимания заслуживает персонаж Вадислава Боровского, американца польского происхождения, который говорит о том, что Америка стала его новым домом, и защищая Великобританию,

он защищает дальние рубежи этого нового дома. К тому же этот персонаж также заявляет, что Англия и США были добры к его исторической Родине, а потому он считает должным защищать их от агрессии. Сборы этой картины составили 2 607 422 доллара.

Меньше, чем через месяц, в широкий прокат вышел ещё один крупнобюджетный (1 344 000 долларов) фильм, уделявший значительное внимание «британскому сюжету» и его правильному пропагандистскому освещению в кино. Этим фильмом стала картина «Миссис Минивер» (англ. Mrs. Miniver) прославленного режиссёра Уильяма Уайлера (неоднократный обладатель премии «Оскар» и других значимых кинематографических наград, в том числе «Золотой пальмовой ветви» Каннского кинофестиваля, режиссёр таких классических фильмов как «Римские каникулы» (1953), «Бен-Гур» (1959) и др.). Работа Уайлера была основана на романе писательницы Джен Стратер, который рассказывал историю обычной английской семьи в условиях войны. Данная работа значительно выделяется своей драматургической и художественной составляющей. Из всех рассмотренных фильмов «Миссис Минивер» — единственная картина, полностью игнорирующая стереотипы об англичанах (разве что присутствует упоминание чая без всякого юмористического подтекста). Каждый герой этого фильма соприкоснулся с войной: глава семейства Клем Минивер (актёр Уолтер Пиджон) участвовал в эвакуации английских солдат из Дюнкерка (операция «Динамо»), дети воевали в разных частях мира и защищали Великобританию, мать семейства Кей Минивер (актриса Грир Гарсон) оберегала дом, а потом выхаживала раненного немецкого пилота, пытаясь понять врага и объяснить ему бессмысленность войны и показать миролюбие англичан.

Уайлер, немец по происхождению (наст. имя – Вилли Вилер) и убеждённый антинацист, никогда не скрывал пропагандистскую подоплёку данной картины и подчёркивал, что его цель была показать необходимость активнейшего участия США в трагических событиях в Европе (Miller, 2013, p. 209—239; Madsen, 2015). Поскольку Британию и США уже связывали достаточно крепкие отношения, а также поскольку сюжеты об угрозе Соединённому Королевству были более актуальны в американских СМИ (лишь время от времени уступая сюжетам о Восточном фронте), Уайлер постарался изобразить британцев максимально близкими и понятными американцам людьми. Все герои этого фильма выглядят максимально достойными, автор проводит идею о том, что эти и другие достойные люди, столь близкой американцам культуры и истории, находятся под угрозой тиранического и античеловеческого диктаторского режима, которой обманул и буквально свёл с ума собственных граждан (подсюжет об отношениях Кей Минивер с вражеским пилотом). Коммерческому (сборы картины составили 8 900 000 долларов) и художественному успеху фильма также помогло то, что во время проката автор вступил в американские BBC. В итоге первые «Оскары» в своей карьере Уайлер получил по почте уже после официальной церемонии награждения,

на которой фильм стал абсолютным триумфатором, получив 6 наград (в том числе за «Лучший фильм» и «Лучшего режиссёра»).

Выводы

Таким образом, можно сделать выводы о том, что американская пропаганда, используя язык кино, буквально в течение одного года постепенно укрепила общественное мнение, изначально настроенное к британцам несколько скептично, в том, что события в Европе крайне важны для США, а страна, которая ещё в 1920 – нач. 1930-х была, скорее, мишенью для шуток и не самым приятным партнёром Америки, стала восприниматься как важнейший и самый близкий союзник. Американские кинематографисты активно использовали различные стереотипы на первых этапах (например, в «Капитанах облаков»), постепенно заменяли образ чопорных и неприятных людей, который был устойчив в массовом сознании простых граждан, на более приемлемые в условиях союзнических отношений смысловые конструкции. Все фильмы пользовались большим успехом в прокате и в несколько раз покрыли свой бюджет, что говорит о том, что предложенные кинематографистами идеи и образы были приняты массовым зрителем. Кроме того, все рассмотренные фильмы после широкого проката в Соединённых Штатах получали и ограниченный прокат в Европе. Уже на примере проанализированных картин мы можем увидеть несколько повторяющихся мыслей, которые американская пропаганда стремилась донести и закрепить в умах своих зрителей:

1) Британия важный союзник для США;
2) события вокруг неё имеют определяющее значение для Америки и всей войны;
3) защищая Британию, Америка защищает и своих ближайших соседей и себя от агрессии;
4) Британия достойная, но более слабая, нежели США, страна.

Развитие данных посылов в кинематографе вместе с активным воздействием радио, прессы и другой пропагандисткой продукции достаточно быстро и надёжно актуализировали концепцию «Особых отношений» в массовом сознании (Charmley, 1995, p. 168; Codjoe, 2016, p. 3—11), что было крайне важно на первых этапах совместных действий двух стан в условиях войны.

Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-28-00099, https://rscf.ru/project/22-28-00099/. Война на экране: Голливуд и мифологизация Второй мировой войны в 1941 – 1945 гг.

Список литературы

Baker, D. (1990). *William Avery "Billy" Bishop: The Man and the Aircraft He Flew*. Outline Press.

Bergman, A. (1973). *James Cagney*. Pyramid.

Burdett, A. L. P. (2016). *America and Great Britain diplomatic relations: 1775-1815: British government documents*. Cambridge University Press.

Caine, P. D. (1993). *American pilots in the RAF: the WWII Eagle Squadrons*. Brassey's.

Carment, D., & Sands, C. (2019). *Canada–US Relations: Sovereignty or Shared Institutions?* Springer. https://doi.org/10.1007/978-3-030-05036-8

Chabal, E., & Tombs, R. (2013). *Britain and France in two world wars: Truth, myth and memory*. Continuum.

Charmley, J. (1995). *Churchill's grand alliance: The Anglo-American special relationship, 1940-57* (1st U.S. ed). Harcourt Brace & Co.

Cobb, M. (2009). *The Resistance: The French fight against the Nazis*. Simon & Schuster.

Codjoe, F. S. E. (2016). *The Special Relationship Between the United Kingdom of Great Britain and the United States of America: The "Blood Brothers": Beware of the European Union*. Author-House UK.

Dimbleby, D., & Reynolds, D. (1988). *An ocean apart: The relationship between Britain and America in the twentieth century* (1st ed). Random House.

Dobson, H., & Kosuge, N. (2009). *Japan and Britain at war and peace*. Routledge. https://doi.org/10.4324/9780203881187

Hanihara, C. M., & Chuma, K. (2018). *The Turning Point in US-Japan Relations: Hanihara's Cherry Blossom Diplomacy in 1920-1930*. Palgrave Macmillan.

Haugland, V. (1979). *The Eagle Squadrons: Yanks in the RAF, 1940-1942*. Ziff-Davis Flying Books.

Hendershot, R. M., & Marsh, S. (Eds.). (2020). *Culture matters: Anglo-American relations and the intangibles of "specialness."* Manchester University Press. https://doi.org/10.7765/9781526151438

Kan, K. C. (2014). *First In The Air*. Tannenberg Publishing.

Madsen, A. (2015). *William Wyler*. Open Road Distribution.

McCaffery, D. (1988). *Billy Bishop: Canadian hero*. J. Lorimer & Co.

McLaughlin, R. L., & Parry, S. E. (2006). *We'll always have the movies: American cinema during World War II*. University Press of Kentucky. https://doi.org/10.5810/kentucky/9780813123868.001.0001

Miller, G. (2013). *William Wyler: The life and films of Hollywood's most celebrated director*. University Press of Kentucky. https://doi.org/10.5810/kentucky/9780813142098.001.0001

Piehler, G. K. (2013). *The United States in World War II: A documentary reader*. Wiley Blackwell.

Powers, R. G. (1983). *G-men, Hoover's FBI in American popular culture*. Southern Illinois University Press.

River, C. (2018). *American Legends: The Life of James Cagney*. CreateSpace Independent Publishing Platform.

Sbardellati, J. (2012). *J. Edgar Hoover Goes to the Movies: The FBI and the Origins of Hollywood's Cold War*. Cornell University Press. https://doi.org/10.7591/9780801464218

Streich, B. (1990). Propaganda Business: The Roosevelt Administration and Hollywood. *Humboldt Journal of Social Relations*, *16*(1), 43–65.

Sweeny, C., & Goodson, J. A. (1990). *Sweeny: The autobiography of Charles Sweeny*. Wingham Press Ltd.

Thompson, J. H., & Randall, S. J. (2002). *Canada and the United States: Ambivalent allies* (3rd ed). University of Georgia Press.

Winfield, B. H. (1990). *FDR and the news media*. University of Illinois Press.

Буранок, С. О. (2009). *Пёрл-Харбор в оценке военно-политических деятелей США* (1941 – 1945). АсГард.

Журавлева, В. И. (2012). *Понимание России в США: Образы и мифы, 1881-1914*. Российский государственный гуманитарный университет.

Согрин, В. В. (2015). *США в XX-XXI веках. Либерализм. Демократия. Империя*. ООО Издательство Весь Мир.

Суржик, Д. В. (2017). *Развитие центральных государственных информационно-агитационных ведомств США в первой половине XX века*. ИВИ РАН.

References

Baker, D. (1990). *William Avery "Billy" Bishop: The Man and the Aircraft He Flew*. Outline Press.

Bergman, A. (1973). *James Cagney*. Pyramid.

Buranok, S. O. (2009). *Pearl Harbor in the assessment of US military-political figures* (1941-1945). AsGard. (In Russian).

Burdett, A. L. P. (2016). *America and Great Britain diplomatic relations: 1775-1815: British government documents*. Cambridge University Press.

Caine, P. D. (1993). *American pilots in the RAF: the WWII Eagle Squadrons*. Brassey's.

Carment, D., & Sands, C. (2019). *Canada–US Relations: Sovereignty or Shared Institutions?* Springer. https://doi.org/10.1007/978-3-030-05036-8

Chabal, E., & Tombs, R. (2013). *Britain and France in two world wars: Truth, myth and memory*. Continuum.

Charmley, J. (1995). *Churchill's grand alliance: The Anglo-American special relationship, 1940-57* (1st U.S. ed). Harcourt Brace & Co.

Cobb, M. (2009). *The Resistance: The French fight against the Nazis*. Simon & Schuster.

Codjoe, F. S. E. (2016). *The Special Relationship Between the United Kingdom of Great Britain and the United States of America: The "Blood Brothers": Beware of the European Union*. AuthorHouse UK.

Dimbleby, D., & Reynolds, D. (1988). *An ocean apart: The relationship between Britain and America in the twentieth century* (1st ed). Random House.

Dobson, H., & Kosuge, N. (2009). *Japan and Britain at war and peace*. Routledge. https://doi.org/10.4324/9780203881187

Hanihara, C. M., & Chuma, K. (2018). *The Turning Point in US-Japan Relations: Hanihara's Cherry Blossom Diplomacy in 1920-1930*. Palgrave Macmillan.

Haugland, V. (1979). *The Eagle Squadrons: Yanks in the RAF, 1940-1942*. Ziff-Davis Flying Books.

Hendershot, R. M., & Marsh, S. (Eds.). (2020). *Culture matters: Anglo-American relations and the intangibles of "specialness."* Manchester University Press. https://doi.org/10.7765/9781526151438

Kan, K. C. (2014). *First In The Air*. Tannenberg Publishing.

Madsen, A. (2015). *William Wyler*. Open Road Distribution.

McCaffery, D. (1988). *Billy Bishop: Canadian hero*. J. Lorimer & Co.

McLaughlin, R. L., & Parry, S. E. (2006). *We'll always have the movies: American cinema during World War II*. University Press of Kentucky. https://doi.org/10.5810/kentucky/9780813123868.001.0001

Miller, G. (2013). *William Wyler: The life and films of Hollywood's most celebrated director*. University Press of Kentucky. https://doi.org/10.5810/kentucky/9780813142098.001.0001

Piehler, G. K. (2013). *The United States in World War II: A documentary reader*. Wiley Blackwell.

Powers, R. G. (1983). *G-men, Hoover's FBI in American popular culture*. Southern Illinois University Press.

River, C. (2018). *American Legends: The Life of James Cagney*. CreateSpace Independent Publishing Platform.

Sbardellati, J. (2012). *J. Edgar Hoover Goes to the Movies: The FBI and the Origins of Hollywood's Cold War*. Cornell University Press. https://doi.org/10.7591/9780801464218

Sogrin, V. V. (2015). *The United States in the 20th and 21st centuries. Liberalism. Democracy. Empire*. Publishing House Whole World Ltd. (In Russian).

Streich, B. (1990). Propaganda Business: The Roosevelt Administration and Hollywood. *Humboldt Journal of Social Relations*, 16(1), 43–65.

Surzhik, D. V. (2017). *Development of the central state information and propaganda departments of the United States in the first half of the 20th century*. Institute of General History, Russian Academy of Sciences. (In Russian).

Sweeny, C., & Goodson, J. A. (1990). *Sweeny: The autobiography of Charles Sweeny*. Wingham Press Ltd.

Thompson, J. H., & Randall, S. J. (2002). *Canada and the United States: Ambivalent allies* (3rd ed). University of Georgia Press.

Winfield, B. H. (1990). *FDR and the news media*. University of Illinois Press.

Zhuravleva, V. I. (2012). *Understanding Russia in the United States: Images and Myths. 1881-1914*. RSUH. (In Russian).

Galactica Media: Journal of Media Studies. 2022. No 4 | ISSN: 2658-7734
Game Studies | https://doi.org/10.46539/gmd.v4i4.299

Speedrunner as a Virtual Naturalist

Vladislav V. Kirichenko

HSE University. St. Petersburg, Russia. Email: kirlimfaul[at]gmail.com

Received: 6 July 2022 | Revised: 12 October 2022 | Accepted: 24 October 2022

Abstract

The paper is devoted to the issue of virtual naturalism in computer games, in particular, to such a gaming phenomenon as speedrunning. The author of the study analyzes the essence of speedrunning as a special type of cybersport, as well as a form of counterplay that arose in the minds of gamers around the 1990s. Particular attention is paid to the concept of virtual naturalism, which manifests itself in speed running and can be understood as a form of empirical and materialistic study by gamers of various games and their affordances. The purpose of the work is to establish the features of speedrunning as a research and critical practice, similar to some types of academic analysis, but with different tasks. The central place is occupied by the problem of gamers' experience during the actualization of speedrunning activity, in which speedrunners study the nature of computer game and call into question game design principles and manipulations, leading to some resistance to artificial prohibitions. This form of confrontation, revealed in different types of speedruns, shows certain nuances of the existence of virtual worlds, which makes it possible to better understand the functioning of computer games as modern cultural artifacts. In result, a conclusion is made about the significance of such borderline phenomena as speedrunning and the need for further study of the counterplay practics.

Keywords

Computer Game; Game Studies; Counterplay; Speedrunning; Virtual Naturalism

This work is licensed under a Creative Commons «Attribution» 4.0 International License

Galactica Media: Journal of Media Studies. 2022. No 4 | ISSN: 2658-7734
Исследования игр | https://doi.org/10.46539/gmd.v4i4.299

Спидраннер как виртуальный натуралист

Кириченко Владислав Владимирович

НИУ ВШЭ (СПб). Санкт-Петербург, Россия. Email: kirlimfaul[at]gmail.com

Рукопись получена: 6 июля 2022 | Пересмотрена: 12 октября 2022 | Принята: 24 октября 2022

Аннотация

Настоящая работа посвящена вопросу виртуального натурализма в компьютерных играх, в частности, такому явлению гейминга как спидраннинг. Автор исследования анализирует сущность скоростных прохождений как особого вида киберспорта, а также формы контрплея, которая возникла в сознании геймеров примерно в 1990-е гг. Особое внимание в статье уделено концепции виртуального натурализма, которая проявляется при спидраннинге и может быть понята как форма эмпирического и материального изучения геймерами различных игр и их аффордансов. Целью работы является установление особенностей спидраннинга как исследовательской и критической практики, сходной с некоторыми видами академического анализа, но с другими задачами. Центральное место занимает вопрос геймерского опыта при актуализации спидраннерской деятельности, в которой спидраннеры исследует природу компьютерной игры и ставят под сомнения геймдизайнерские принципы и манипуляции, приводя к некоторому сопротивлению искусственным запретам. Эта форма противостояния, выведенная в разных видах спидранов, вскрывает определенные нюансы существования виртуальных миров, что позволяет лучше понять функционирование компьютерных игр как современных культурных артефактов. В заключении делается вывод о значимости таких пограничных явлений как спидраннинг и о необходимости дальнейшего изучения вопроса контрплейных практик в гейминге.

Ключевые слова

компьютерная игра; исследования игр; контрплей; спидраннинг; виртуальный натурализм

Это произведение доступно по лицензии Creative Commons “Attribution” («Атрибуция»)4.0 Всемирная

Введение

Компьютерно-игровая индустрия развивается постепенно, но серьезными рывками в области появления новых культурных практик освоения виртуального пространства. К одному из таких новых явлений можно отнести спидраннинг, который точечно возникал еще в 70-80-е гг., но прочно закрепился в качестве особой ниши геймерского досуга уже в конце 1990-х гг. Исторически главным толчком к закреплению такой практики стало появление игры Doom в 1993 г.

Спидран является быстрым прохождением компьютерной игры в соответствии с определенным набором правил, спидраннинг же представляет собой эмерджентную[1] практику игрового процесса. В первую очередь, эта нестандартная деятельность проявляется в прохождении игры не так, как это было задумано разработчиками, или как ее проходят казуальные игроки[2]. Спидраннеры представляют собой социальную общность в среде геймеров, которая часто оценивается как часть хардкорной игровой культуры наравне с любителями «челленджей»[3], охотниками за достижениями и т. п. С одной стороны, спидраннеры – кибератлеты, пробегающие дистанции размером в игры и имеющие свои таблицы рекордов, а с другой – неосознанные критики устройства игр. Их скоростная практика достаточно сильно отличается от киберспорта в общепринятом понимании. Несмотря на то что оба явления направлены на спортивное соперничество, спидраннерские марафоны скорее напоминают своеобразные олимпийские игры, на которых необязательно достижение рекорда, но просто изящное исполнение, в то время как киберспортивные чемпионаты крепче связаны с оппозицией победителя – проигравшего (есть команды со своими болельщиками и т. д.)[4].

Спидраннерский опыт значительно отличается от казуального. В отличие от рядового прохождения в спидране акценты смещены на сами практики «забега», при которых становятся важными незаметные невооруженным глазом детали. Изменяется даже подход к такой фундаментальной механике как движение, причем время от времени спидраннерское движение можно считать странным в значении «квир», поскольку оно связано с нарушением, например, предлагаемого некоторыми играми исследования мира путем

1 Под «эмерджентностью» подразумевается наличие у какой-либо системы, деятельности, процесса, феномена и пр. свойств, которых нет у составляющих их элементов.

2 В спидраннинге существует дискурсивно сложившаяся оппозиция «спидраннер/казуальный игрок»». Под «казуальным» понимается любой игрок, который не имеет собственных скоростных прохождений. Данную оппозицию следует отличать от оппозиции «хардкорный/казуальный» игрок. В отношении классического противопоставления терминов см. (Juul, 2010).

3 Прохождение игры с привнесенными ограничениями.

4 Спидраннинг как киберспортивный феномен часто подвергается остракизму за свое кажущееся пренебрежительное отношение к играм, из-за чего имеет меньшую популярность, чем классический киберспорт. В действительности эта практика является уникальным видом киберспорта, в который привносятся извне особые правила, в отличие от классического киберспорта, который связан с определенным «спортивным» геймдизайном, т. е. изначальным устройством игр для соревнований.

фланирующего перемещения[1]. Некоторые ученые также отмечают, что несмотря на очевидные разрывы и коллапс «магического круга», возникающие при спидраннинге, сама эта практика углубляет сторителлинг тем, что устраняет заскриптованные значение и геймдизайнерскую интенциональность как данность (McKissack, May, 2019).

Сложность игр и скоростные прохождения связаны в определенном смысле. Исследователь компьютерных игр М. М. Скоморох, рассматривая такой феномен, как мазокорные игры[2], отмечает, что исторически в связи с упрощением геймплея популярных игр (ради расширения пользовательской аудитории) происходит своеобразная постепенная трансформация людуса (от лат. Ludus – «игра, забава»), приводящая к появлению хардкорных игровых проектов и практик. Под влиянием этой трансформации игра как игровое пространство «превратилась в нечто самоценное, а людус стал лишь одним из возможных процессов, которые там происходят (наряду с общением, эстетическим созерцанием, заработком денег, ролевой игрой и так далее)» (Скоморох, 2016, с. 389). В таком контексте растущую популярность спидраннинга[3] можно рассматривать как реакцию на казуальный поворот, или «поворот доступности» (accessibility turn[4]). В этом контексте спидраннинг пытается высвободить людус через скорость, уничтожить излишки. Сколь странным бы это ни показалось, существуют спидраны самых разных игр, например, визуальных новелл, MOBA- и MMO-игр, т. е. речь идет о кросс-культурном феномене.

Исследователь игр Джеймс Ньюман замечает, что существует целый комплекс «суперплея» (superplay), который представляет собой вариации особых игровых практик, связанных с геймерским желанием «продемонстрировать собственное мастерство посредством игрового представления» (Newman, 2008, p. 121). В некотором смысле спидраннинг попадает под это определение, однако подобная генерализация полностью стирает все существенные черты данного феномена, хотя бы потому, что желание «показать свое мастерство» является в принципе универсальным аспектом человеческой культуры.

1 Пример этому можно видеть в спидранах «симуляторов ходьбы» вроде Gone Home (2013) (Ruberg, 2019).

2 Мазокорные игры сконструированы так, чтобы создать у геймера ощущение издевательства над ним: они кажутся непреодолимо сложными и отводят игроку роль жертвы — вернее, создают видимость, что он является жертвой, ради комического эффекта» (Скоморох, 2016, с. 374). В нашем понимании именно такой тип игр можно определить как «контригру», которая изначальна устроена таким образом, чтобы подрывать естественные игровые ожидания игрока, обладающего средней игровой грамотностью.

3 См. статистику верифицированных скоростных прохождений: https://www.speedrun.com/statistics/runs (дата обращения: 10.10.2021).

4 «Accessibility turn» стоит понимать как определенный этап развития игровой индустрии (примерно 2012 г.), который сопровождается постепенным упрощением компьютерных игр, что делает их более доступными для все более и более различных слоев населения. С одной стороны, можно говорить, что компьютерные игры в принципе становятся легче и доступнее не благодаря деятельности разработчиков, но в процессе становления компьютерных игр как массового развлечения. С другой стороны, можно предположить, что этот процесс ведет к возникновению новых жанров и эволюции некоторых старых форм геймплея. Подробнее см. (Скоморох, 2016; Wilson, Sicart, 2010; Juul, 2010).

Эффект контрплея

Спидраннинг оказывается выражением рефлексии в контексте виртуального натурализма и критики устройства компьютерной игры через контрплейную[1] активность. Деятельность спидраннеров иногда напрямую связана с устранением заложенных геймдизайнерских принципов того, как нужно играть в ту или иную игру, что приводит к размытию границ игры как таковой[2].

Контрплей является неотъемлемой частью и эффектом спидраннерской деятельности, однако это не любая нестандартная игровая активность. Например, прохождение Dark Souls II (2014) с поварешкой не является контрплеем, потому что у игры открытый дизайн мира, не навязывающий узкой логики геймерскому поведению. Не все дополнительные правила, привносимые хардкорными игроками, относятся к контрплею. Прохождение данной игры с поварешкой является практикой, не выходящей за рамки предзаданного геймплея и срежиссированного набора возможностей игрока. Однако существуют игры, в которых вообще невозможен контрплей, например Minecraft (2011) или Kenshi (2018). Подобные проекты являются «песочницами» (sandbox) и не содержат в себе концепции обязательной прогрессии. В таких играх негде возникнуть контрплею, потому что нечему противоречить. Контрплей всегда коррелирует с нарушением логики ситуации. Например, если по игроку стреляют, а он принципиально ничего не делает в ответ, хотя от него ожидается обратное с точки зрения геймдизайна. Контрплейная практика предлагает одновременно отказ от возможностей действия и соответственное открытие новых особенностей геймплея.

Спидраннеры отыскивают баги и глитчи для ускорения прохождения, это может повлиять на широкого потребителя игр. На самом деле нет прямой корреляции между тем, сколько в игре неочевидных глитчей и популярностью игры в игровом сообществе, поскольку большая часть багов и глитчей, используемых спидраннерами, недоступны обычному игроку[3]. Например, спидран в категории any%[4] игры Prey (2017) занимает 6 минут и 19 секунд, при этом игра была тепло принята критиками и обычными игроками (Metacritic – 82 балла

1 Мы используем понятие «контрплей» с осознанием необходимого различения терминов «game» и «play», которые описывают разные стороны игровой реальности. «Контрплей» понимается именно как особый образ играния, противостоящий имеющимся традиционно-дискурсивным представлениям большинства геймеров о том, как «надо играть в игру», а также порой нарушающий заложенные правила и геймдизайнерскую логику геймплейного развития игры. Мы также склонны различать такие понятия, как «контригра» и «контргейминг». Феномен контрплея прицельно изучается Лабораторией исследований компьютерных игр (ЛИКИ) и в некоторых случаях обозначается как «игровая мутация», «мутация людуса» и т. д. См. также о значении синонимичного термина («countergaming») в работе А. Гэллоуэя, который одним из первых популяризовал данное понятие: (Galloway, 2006).

2 Об этой проблеме границ игры см. также. (Шевцов, 2019; Скоморох, 2019).

3 О роли глитчей в медиаискусстве и игровой практике см. (Латыпова, 2016).

4 Категория «Any%» означает наиболее быстрый вариант прохождения из всех возможных, которые признаются сообществом той или иной игры как легитимные, часто под этим подразумевается неиспользование чит-кодов и стороннего софта, влияющего на игру.

для ПК-версии). При этом важно понимать, что даже наличие очевидных багов в игре далеко не всегда приводит к негативным эффектам на потребительскую рецепцию. Большинство классических игр вроде Baldur's Gate (1998) или Arcanum (2001) содержат в себе множество некорректно работающих механик, дисбалансных предметов и способностей, глитчей, багов и эксплоитов (exploit), которые порой позволяют делать невероятные вещи[1].

Как верно отмечает исследователь игр Лайм Митчелл, существует особый род «игроков-теоретиков», которые осваивают игровые пространства вне естественно игрового процесса. Сюда можно отнести и создателей машинимы[2] или текстовых и видеопрохождений, внутриигровых фотографов, глитч-художников (Mitchell, 2018, p. 147). Спидраннинг возникает примерно на тех же основаниях, однако со своими особенностями.

Прагматически критика устройства игры через спидраннинг выражается в нахождении и использовании глитчей, ускоряющих ее прохождение. Например, популярный прием «OOB» (out of bounds, т. е. выход за пределы естественных границ игрового пространства) часто позволяет пропускать уровни или большие расстояния в игре. Как верно замечает исследователь игр Дэниел Рейнольдс: «Любая игра открыто предлагает своим игрокам одни свободы, но не другие. В этом выборочном ограничении свобод, обусловленном ограничениями технологическими, состоит различие между игрой и чем-то более похожим на симуляцию жизни. Полная свобода была бы неподобающе хаотичной с точки зрения геймплея; ограничения, налагаемые игрой, подчеркивают ее тему и позволяют игрокам отвечать на ее вызовы более последовательно» (Рейнольдс, URL). Таким образом, спидраннинг направлен на обретение новых геймплейных свобод, а также обнаружение различных форм существования игры. Хотя целью спидраннера является максимально быстрое прохождение, ему часто удается обнаружить новые маршруты и образы игры.

Исследователь компьютерных игр Себ Франклин отмечает, что спидраннеры используют возможности игры не по назначению и делают это сутью геймплея, причем иногда принципиально нового. Он отмечает, что спидраннер стремится обойти код программы для облегчения и ускорения прохождения, не соприкасаясь с ним самим (Franklin, 2009, p. 176) – одним из фундаментальных правил спидраннинга является запрет на изменение программных составляющих игры и использование внешних программ, способных повлиять на игровой процесс, в качестве редкого исключения

1 Например, в Arcanum каждое активно используемое заклинание постоянно потребляет очки маны, т. е. в определенном смысле они временные и зависят от количества маны персонажа. Однако если использовать любое поддерживаемое заклинание на существо, а потом на него же применить заклинание Reflection Shield и отменить сначала первую способность, а потом сам «отражающий щит», то первое заклинание будет поддерживаться вечно, не тратя ману героя.

2 Особый род видеоконтента, подражающий практикам кинематографа, при создании которого часто используется какая-либо конкретная игра или ее движок. Подробнее см. (Lowood, 2006; Захарова, 2017).

допускаются программы, позволяющие стабилизировать старые игры на новом железе, а также эмуляторы некоторых консолей.

Рис. 1 Пример выхода в OOB в Sekiro (2019)

Fig. 1 Example of entering the OOB in Sekiro (2019)

Другой исследователь игр Фелан Паркер замечает, что спидраннинг обладает сформулированными правилами, при этом вокруг него сложилось определенное сообщество, что отличает его от сообществ любителей челленджей, при этом спидраннинг не навязывает игре дополнительных правил, которые способны вызывать новые возможные события (Parker, 2008). Однако последнее утверждение неверно, потому как существуют разные спидраннерские категории, связанные с дополнительными ограничениями. Например, если в категории «any%» игрок может делать все что угодно, лишь бы достичь конца игры, то в категории «100%» он обязан выполнить, получить, сделать все, что требуется для осуществления этого прохождения (перечень необходимых действий варьируется и зависит решения сообщества и особенностей конкретной игры, но часто нужно выполнить все задания, собрать все уникальные предметы и т. п.). Напротив, в категории «low%» он должен пройти игру, не получив ни одного улучшения или оружия и пр. Таким образом, видно, что спидраннинг как раз-таки обладает «экспансивным геймплеем»[1] и тем

1 Под «экспансивным геймплеем» понимается любая дополнительная, «расширительная» игровая практика. Чаще всего эта «экспансивнность» проявляется в прибавлении дополнительных правил. Экспансивнность является основой любого контрплея.

самым похож на контрплейные практики из различных ММО-игр с их обрядами захоронения[1], свободными отыгрышами и т. д.

Виртуальный натурализм и контрплей

Спидраннинг является особой формой «контрплея», который означает совокупность игровых практик, противоречащих конвенциональному поведению в игре. Игра сама по себе ведет к смене конвенций между различными актуальностями (в логическом смысле слова), чему способствуют различные интерфейсы, при этом она имеет внутри себя сложившиеся парадигмы поведения, которые могут нарушаться в спидраннинге. Например, неестественно идти в стену или безрезультатно прыгать на нее, хотя в рамках спидрана это может быть обычной практикой. Контрплей демонстрирует то, что игровой опыт не может быть ограничен стратегиями, которые предполагает геймдизайнер, а игра как цельное произведение имеет неустойчивые границы. Поиск различных глитчей, которые могут помочь в ускорении прохождения, представляет собой то, что Рейнольдс именует «натурализмом виртуальных миров», т. е. совершенно естественным стремлением игрока изучать окружающее виртуальное пространство. Рейнольдс дает такое определение: «Натурализм виртуальных миров – это форма контрплея, заключающаяся в пересборке игры из ее собственных сырых материалов в более свободное по форме и располагающее к исследованию целое. Тем самым происходит выявление “естественных” свойств этих материалов и дизайнерских решений, стоящих за ними» (Рейнольдс, URL). В итоге критика устройства игры заключается именно в том, что неконвенциональные действия игроков представляют собой деятельность по изучению мира и по расширению его границ, именно поэтому возникает определенная сложность с обнаружением границ компьютерной игры. Все предполагаемые разработчиками действия в Prey в совокупности не являются тем, что действительно подразумевается под этой игрой (game). В обыденном представлении конкретная игра может быть связана с таким прохождением, которое было намечено разработчиками, тогда как контрплейные действия выводят нас к совершенно другой игре.

Спидраннеры не просто изучают виртуальное пространство игр, но и хранят о нем «тайную информацию». Они составляют планы раскопок и запечатлевают свои открытия (результат этих раскопок), словно археологи. Формы хранения такой информации могут разниться: видеозапись спидрана с объяснением (как частный случай видео- или текстовое руководство), прямая трансляция спидрана, обсуждение на форумах и т.д. Похожую мысль высказал Ян Богост об игроках в принципе:

1 Подобные культурно-игровые практики далеко не всегда рассматриваются именно как контрплей, потому что психологические связи между аватаром и игроком гораздо крепче реализуются в ММО-играх, нежели в играх для одного игрока. Подробнее см. (Servais, 2015).

> «В видеоиграх руки игрока управляют потерянными инструментами крохотного тайного мира геймдизайнера. Игрок – это археолог погибшей цивилизации, которая репрезентирует создателя игры. Игра – это раскопки. Играть с создателями наших игр – играть с призраками, которые оживили оставленные нам системы» (Bogost, 2010, p. 7).

В связи с тем что некоторым спидраннерам приходится разбираться в логике игры (с помощью Cheat Engine и других программ), они обнаруживают порой совершенно удивительную информацию. К примеру, в первых частях серии Resident Evil (1996–2019) игроку точно не известно, сколько очков здоровья у его персонажей и как много урона может нанести тот или иной монстр. Стандартно это незнание устраняется методом проб и ошибок. Тем не менее спидраннер Resident Evil 2 (1998) под ником Resiyoyoyo[1] обнаружил в коде игры поразительные сведения и создал таблицы для всех показателей здоровья, урона врагов и оружия персонажей, с помощью которых спидраннеры могут выстраивать тот или иной маршрут прохождения игры, тестируя различные возможности уже на уровне математики. Поскольку далеко не все глитчи могут быть использованы для ускорения прохождения, некоторые стратегии остаются нереализованными. Например, в Resident Evil 5 (2009) и Metal Gear Solid 2 (2001) существует возможность «выйти» в OOB, но эту возможность нельзя никак применить в спидране. Подобные эмпирические исследования делают серьезный вклад в изучение аффордансов[2] виртуальных миров.

Себ Франклин прав в том, что спидраннеры, «словно истинные авангардисты, изображающие время и динамизм на холсте, стремятся обойти код» (Franklin, 2009), они его не просто обходят, но порой и берут на вооружение. Однако важнее не то, что спидраннеры порой обращаются к коду, но то, что они «разрушают структуру подразумевающихся правил и открывает явные, фактические правила игры» (Скалли-Блэйкер, 2016, с. 461). «Фактические» правила отличаются от «подразумевающихся» тем, что последние являются лишь условностью геймдизайна, тогда как первые очерчивают более или менее реальные границы действий игрока. Наиболее простым примером часто нарушаемого подразумевающегося правила является «огонь по своим» (friendly fire), который присутствует во множестве мультиплеерных игр. Здесь фактическое правило заключено в том, что «стрелять по своим» можно (другие игроки получают урон), но подразумевается, что игрок этого делать не будет. Подобные подразумевающиеся правила призваны усложнить игру.

С открытием фактических законов связана деятельность исследователя-игрока, однако чтобы последовательно и рационально распределять ресурсы, спидраннеры создают «карты действий» – маршруты (routes), которые представляют еще один элемент спидраннерской культуры. Маршрут в спидран-

1 Подробнее см.: https://www.speedrun.com/re2/guide/j3tpa (дата обращения: 10.10.2021).

2 Имеется в виду то, что исследования спидраннеров отчасти раскрывают то, что способны потенциально предложить не только компьютерные игры, но вообще виртуальные пространства. Подробнее о теории аффордансов см. (Serada, 2019)

нинге значительно отличается от типичного описания прохождения, например на сайте GameFAQs[1]. Несмотря на то что и те и другие выполняют сходную функцию (служат инструкцией к прохождению), спидраннерские маршруты предлагают тот или иной вариант быстрого прохождения, причем одновременно могут существовать несколько возможных («одинаково быстрых») маршрутов[2]: некоторые из них могут отличаться лишь деталями (например, для показных спидранов на марафонах разрабатываются «безопасные стратегии» прохождения), когда собираются лишние аптечки, броня, патроны, например), а другие могут отличаться значительно: вплоть до различного обмундирования, используемого оружия, классов и т. п. (спидраны серии Dark Souls (2011–2016) знамениты различными сборками аватара).

Создание маршрутов – еще один вариант натуралистического изучения мира с точки зрения их неявных правил, который приводит к дополнительной рационализации пространства и времени в играх. К этой «натуралистической истории» изучения миров имеют отношение таблицы рекордов по разным играм, т. к. они могут демонстрировать историю развития спидранов сообщества какой-либо игры. Так, долгое время не было известно, что в Silent Hill 2 (2001) (в версии для ПК) «сломано»[3] быстрое сохранение. При нажатии кнопки быстрого сохранения восстанавливается выносливость главного героя, что позволяет ему бежать без остановки с хорошей скоростью, к тому же это сохранение позволяет пропускать некоторые сцены за счет захваченного текстового окна. До обнаружения данной особенности спидран по Silent Hill 2 выглядел совершенно иначе.

В сфере спидранов существуют и другие полезные находки, о которых не всегда известно даже тем, кто активно следит за развитием спидран-сцены на Twitch.tv[4]. Например, на своем YouTube-канале спидраннер Bigmanjapan выложил ряд видео, которые не относятся непосредственно к спидранам, но предлагают краткую запись какого-либо технического момента игры. У него есть серия таких видео (которые мы бы назвали «медиа-археологическими») по Fatal Frame 2 (2003), Silent Hill 2 (2001), Kuon (2004) и т. д. Видео под названием «Kuon PCSX2 – Debug modes (geometry/wireframes)»[5] демонстрирует, как выглядит геометрия и каркас мира в дебаг-режиме, который режим позволяет увидеть внутреннюю, чисто функциональную форму игры без ее стандартного графического воплощения (рис. 2).

1 Один из старейших сайтов, посвященный прохождениям игр.
2 Чаще всего, конечно, маршруты делятся по принципу сложности начиная от наиболее безопасных и не зависящих от удачи и заканчивая самыми зависимыми от случайности и требующими частых перезапусков самого спидрана.
3 Имеется в виду, что подобный эффект работы быстрого сохранения не подразумевался разработчиками, поскольку ломает темп игры и некоторые сюжетные секвенции.
4 Самый популярный стриминговый сервис игр, поддерживающий спидраннерские мероприятия. Подробнее см. (Scully-Blaker, 2016).
5 URL: https://www.youtube.com/watch?v=6Q5-uuB5Y8E&list=PL8c2sKNaVVPRc9oIT07U8TtK13Nmu8997&index=1

Рис. 2. Kuon в дебаг-режиме

Fig. 2. Kuon in debug mode

Подобное неосознанное изучение или даже просто обращение внимания на скрытые программные элементы игры раскрывает эстетическую особенность виртуальных миров и вторит идее Рейнольдса о том, что «натурализм виртуальности сводится к очным наблюдениям, производимым игроком при навигации по виртуальному пространству. Попадание в ранее недоступные игровые локации может обеспечиваться любой комбинацией диегетических[1] и недиегетических действий и инструментов» (Рейнольдс, URL). Такое энциклопедическое стремление изучить и/или инвентаризировать пространство игры и ее технические элементы, кажется, позволяет иначе посмотреть на игру, расширить границы ее эстетического пространства до технических элементов, с одной стороны, и, возможно, использовать эти технические детали в спидраннерских целях, с другой. Этот пример обнаружения внутреннего устройства и скрытого пространства игр обходным путем прощупывания деталей мира или же изучения самого кода напоминает анализ Dear Esther (2012) А. Д. Муждаба, в котором исследователь представил нарративную структуру игры (Муждаба, 2014). В его работе есть схема расположения триггеров, иллюстрирующая различные возможности комбинирования нарративов в повествовательную композицию). Для обнаружения этих триггеров пришлось обратиться к программно-внутреннему устройству игры[2]. Деятельность Bigmanjapan и Муждаба имеет большое сходство с той лишь разницей, что

1 Диегезис – внутреннее пространство мира игры.

Муждаба попытался показать, как работает нарратив, а Bigmanjapan – как устроено пространство и его геометрия, при этом оба погружались в свой проект как классические натуралисты или этнографы. Таким образом, спидраннинг может рассматриваться как некий вид цифровой археологии, когда пользователи «раскапывают» в играх совершенно неизвестные и непонятные вещи. Такой подход, как и рафинированный контрплей, может считаться практическим методом исследования компьютерных игр, будучи весьма полезным для их понимания.

Другой взгляд можно увидеть в видео «Kuon – Dokai bossfight (Saiga and Kugutsu Onna on Normal)»[1]. В ролике демонстрируется спидран-стратегия битвы с боссом по имени Докай, которая заключается в том, что игрок вызывает двух существ справа и слева от босса, а сам встает посередине и не атакует, демоны сами побеждают врага. Эта стратегия – уникальный случай, потому что при получении урона у босса проходят «кадры неуязвимости», когда его нельзя ранить, а поскольку урон у аватара меньше, то спидраннер просто бездействует (рис. 3): главная героиня Утсуки стоит и бездействует сзади босса, которого атакуют Сайга и Кугутсу Онна (названия призывных существ). Тактика «коробочки» основана на том, что, будучи в окружении, Докай не способен правильно центрироваться ни на кого из нападающих, поэтому постоянно промазывает. Самое неконвенциональное действие заключается в том, что спидраннер даже не пытается атаковать босса, в этом просто нет необходимости, казуальному игроку такое никогда не придет в голову.

Во взаимоотношении с пространством спидраннеры тоже усваивают некоторые дополнительные неявные правила. Например, в Pathologic / «Мор (Утопия)» (2005) не везде одинаково ровная поверхность земли и стены зданий, за некоторые кусты или куски домов можно зацепиться и застрять (рис. 4): если дальше продолжить путь по дороге к лестнице, то можно наткнуться на участок, который графически не отличается от остальной местности, но он представляет собой преграду движению. В спидраннерском руководстве можно встретить упоминания об «опасных местах», где можно потерять время, застряв в траве или дверном косяке. Проскальзывание через пространство стен и углов устанавливает иные отношения спидраннеров с предметными мирами игр.

2 Такие исследования проводятся не только учеными, но и некоторыми игровыми критиками. Ярким примером может служить скандальная статья Клодии Ло в журнале «Rock, Paper, Shotgun» под названием «Как код Rimworld определяет строгие гендерные роли» (Lo, 2016).

1 URL: https://www.youtube.com/watch?v=pEFS58L0jI0&list=PL8c2sKNaVVPRc9oIT07U8TtK13Nmu8997&index=4

Рис. 3. Kuon: бой с Докайем

Fig. 3. Kuon: The fight with Dockai

Рис. 4. Участок с особой травой из Pathologic

Fig. 4. Site with special grass from Pathologic

Одной из ключевых характеристик спидраннерского опыта могут служить концепты «меры», «измерения», «замера» (факультативно сюда могут включаться понятия «ритма» и «цикла»). Перманентная необходимость ускорения подчиняет своей логике всю спидраннерскую и околоспидраннерскую активности, например, все процессы исследования игрового объекта и маршрутизацию прохождения. На подготовительном этапе создания «первого спидрана» какой-либо игры, осуществляется постепенное обрисовывание маршрута и подробное изучение базовых элементов. Во время такой деятельности игрок задает себе ряд вопросов: Как высоко я могу прыгнуть с вот этого выступа? Могу ли я цепляться своим телом за углы? Если бежать по диагонали, будет ли это быстрее?[1] Все эти вопросы проверяются с таймером, который удостоверяет, стоит ли то или иное действие потраченных на него сил или нет, т. е. Не всякий гличт или баг что-то ускоряет. Замеры являются наиболее сущностным элементом спидраннинга, которому близко понятие «инвентаризации пространства», т. е. классифицирование внутреннего мира игры на основании темпоральных категорий. Этот подход заключается в разделении пространства игры на сегменты (самый примитивный пример – уровни в играх).

Деление игры на отрезки следует либо логике самой игры, либо событийному плану, что также связано с натуралистической рационализацией виртуального мира. Эта рационализация свойственна стандартной логике работы человека с медиумом, который тем или иным образом структурирует информацию. У спидраннеров существует два типа времени: RTA и IGT. RTA (Real-Time Attack) – это внешний замер, игрок активирует таймер, как только начинает новую игру или получает управление в игре. Этот тип измерения времени подходит большинству игр, но не всем в связи с физической неточностью самого спидраннера[2]. Другой способ измерения времени – IGT (In-Game Time) часто характеризуется своей неустойчивостью, но принят во многих сообществах, он представляет собой предусмотренный встроенный разработчиками таймер. Это разделение разных способов измерения времени типологически точно совпадает с идеей Йеспера Юула о двух типа игрового времени: 1) play time (время игрока) и event time (время событий игры) (Juul, URL).

Деконструктивные спидраны трансформируют пространство игры настолько, что она приобретает новые качества. Модификация игрового процесса ведет к смене жанровых параметров игры, поскольку большинство из них вытекает из геймплейных составляющих. Однако иногда сам геймплей или даже геймдизайн оказываются достаточно неустойчивыми. Это видно на примере спидранов по Fallout 3 (2008) в категории «any%». Жанр игры утра-

1 Спидраннер под ником Tezur0 нам признавался, что если в игре можно прыгать, то скорее всего возможен красивый спидран.

2 Эта проблема решается написанием дополнительного кода, который подхватывает некоторые изменчивые значения в скрытых игровых процессах для автоматического переключения между стадиями таймера.

чивает свои характеристики action-RPG, а нарративная линия сводится к блужданию в натурализме отсутствующих текстур, потому что все диалоги пропускаются, нарушается естественная последовательность действий прописанного сценария, оружие используется один раз лишь для того, чтобы пропустить кат-сцену, прокачивание навыков не используется, а многие опасные места проходятся с помощью OOB. Жанр Fallout 3 начинает больше тяготеть к тому, что принято называть «симуляторами ходьбы» (walking simulator)[1]. Таким образом, спидраннеры одновременно меняют игровые формы и расширяют количество тех свобод, о которых говорит Рейнольдс.

Рис. 5. Превью скоростного прохождения Fallout 3 от спидраннера LMW

Fig. 5. Preview of the Fallout 3 speedrun by speedrunner LMW

Иным примером могут служить спидраны Doom (1993) или Postal 2 (2003) в категории «пацифист», в которой запрещено убивать противников, что совершенно меняет интерфейс игр – их механики сокращаются. Спидраннинг создает критический прецедент, совершает нападки сложившуюся систему игровых жанров. Спидраннеры устраняют какое-либо представление о ролевой системе, подражание и веру в образ, которые не могут быть реализованы в таком типе играния. Деконструктивные спидраны более интересны с точки зрения натурализма игровых миров, т. к. могут продемонстрировать подноготную игрового пространства. Перемещение сквозь отсутствующие текстуры, размытие умноженного изображения и т. п. способны показать то, что скрыто от игроков, но тоже является эстетикой игрового пространства,

1 Подробнее см. эссе (Juul, 2018).

которое стремятся оградить и скрыть геймдизайнеры. Такие направления как глитч-арт или внутриигровая фотография также направлены на извлечение этой расширяющей объект эстетики, пусть и не в столь утилитаристских терминах, как это делает спидраннинг. В таком свете природа компьютерной игры оказывается шире и глубже стандартных представлений. Накладываемые на нее ограничения (геймдизайнерами, жанрами, дискурсом казуальных игроков) демонстрируют узкое понимание игры как завершенного целого, в то время как натуральные правила и возможности большинства игр свидетельствуют о комплексной структуре компьютерной игры.

Рис. 6. Пример глитчевого размытия экрана из спидрана Hexen (1995)

Fig. 6. Example of a glitchy screen blur from Hexen (1995) speedrun

Если деконструктивные спидраны явно показывают изменения структуры игры, то виртуозные спидраны делают это не так заметно, хотя оказываются иногда не менее контрплейными, чем деконструктивные. Эти два вида быстрых прохождений отличаются по количеству изменений, которые проявляются в спидране по сравнению с «классическим», казуальным прохождением. Часто можно говорить о том, что если в игре много явных глитчей, то с ней с большой вероятностью будут связаны деконструктивные спидраны. Соответственно, если спидран состоит просто в заученном до автоматизма,

быстром и оптимизированном прохождении без явных глитчей, то он относится к «виртуозным» спидранам. С данным различением согласно и само спидран-сообщество, т. к. существуют «glitchless»-спидраны, в которых запрещено использование ускоряющих прохождение глитчей. В спидране Resident Evil 3 (1999), который почти полностью повторяет высококлассное прохождение, сам факт маршрутизации, выборки оружия, подбора определенных предметов, а также техника «быстрого выстрела» (quick shot)[1], при которой сокращается время анимации прицеливания, уже сигнализируют о нестандартном восприятии игрового процесса, однако он не оказывается контрплеем.

Заключение

Спидраннинг является уникальной контрплейной и эмерджентной игровой деятельностью. Он представляет собой особую версию киберспорта и предлагает геймеру новую социальную самоидентификацию. Спидраннинг дает игроку возможность осуществления агональной[2] деятельности и получения другого чувственного опыта взаимодействия с машиной, основанного на скорости и точности реакций, причем это агональное взаимодействие в первую очередь проходит с самим интерфейсом, а не с другими игроками, поскольку спидраннинг почти всегда организован как «игра с самим собой». В связи с этим Генри Лоувуд называл спидраннинг «отточенной практикой» (practiced practice) (Lowood, 2006), т. е. некоторым становящимся результатом мастерского владения техниками и игровыми компетенциями (быстрого прохождения).

Спидраннеры вносят свой вклад в натурализм игровых миров в том смысле, что они отказывают играм в их нарративной и пространственно-временной иллюзиях. Метаспидраннерская и экстраспидраннерская активности приводят к организации не только нового игрового опыта, восприятия структуры игры и геймплея, но и оригинального типа взаимоотношений игрока и виртуального пространства. Главное, что делает спидраннинг, преодолевая природу компьютерной игры, это вскрытие ее подноготной как программы с незадействованным функционалом. Эта практика ставит под сомнение восприятие игры как «художественного целого», формально ограниченного произведения, определенного диегетического пространства. Своим опытом и видеорезультатами спидраннеры могут продемонстрировать некогерентность, складки, разрывы виртуальных миров. Различные глитчи вроде OOB в том числе способствуют критике представлений об игровом пространстве, хотя их применение сугубо прагматично.

1 Подробнее см. инструкции приема: https://www.youtube.com/watch?v=Nnnv0d4q24k (дата обращения: 10.10.2021).

2 Agôn — игра как соревнование (Кайуа, 2007, с. 52).

В основании спидраннинга лежат концепты «измерения» (времени) и «маршрута», а также представления об «экспансивном геймплее» и «инвентаризации пространства», не соответствующие повседневным игровым представлениям. Деконструктивные спидраны демонстрируют наиболее радикальную версию изучения природы виртуального мира, тогда как виртуозные спидраны делают это не так заметно. Тем не менее обе формы спидраннинга влияют на интерфейсные характеристики игр, с легкой руки раннера поддающиеся модификации. Сравнение исследования А. Д. Муждаба и находок Bigmanjapan показывает, насколько похожими друг на друга могут быть подходы исследователя компьютерных игр и спидраннера («игрока-теоретика»). В этом смысле спидраннинг и прочие контрплейные практики могут рассматриваться как практический метод исследования компьютерных игр[1]. В итоге спидраннинг – это не просто обособленная практика, любительская ниша, но и уникальное средство, позволяющее взглянуть на игры под другим углом, увидеть их в более широком спектре актуальных правил и границ, искаженных или расширенных нарративов, эстетических вариаций мира, изначально скрытых от взора как обычных игроков, так и многих исследователей.

Список литературы

Bogost, I. (2006). *Unit operations: An approach to videogame criticism*. MIT Press. https://doi.org/10.7551/mitpress/6997.001.0001

Bogost, I. (2010). *A Slow Year: Game Poems*. Open Texture. https://doi.org/10.5749/minnesota/9780816676460.003.0012

Franklin, S. (2009). “We Need Radical Gameplay, Not Just Radical Graphics”: Towards a Contemporary Minor Practice in Computer Gaming. *Symplokē*, 17(1–2), 163–180. https://doi.org/10.1353/sym.2009.0013

Galloway, A. R. (2006). *Gaming: Essays on algorithmic culture*. University of Minnesota Press.

Juul, J. (n.d.). *Time to Play—An Examination of Game Temporality*. https://www.jesperjuul.net/text/timetoplay/

Juul, J. (2010). *A casual revolution: Reinventing video games and their players*. MIT Press.

Juul, J. (2018). *The Aesthetics of the Aesthetics of the Aesthetics of Video Games: Walking Simulators as Response to the problem of Optimization*. https://www.jesperjuul.net/text/aesthetics3/

Lo, C. (2016, November 2). How RimWorld’s Code Defines Strict Gender Roles. *Rock, Paper, Shotgun*. https://www.rockpapershotgun.com/rimworld-code-analysis

Lowood, H. (2006). High-performance play: The making of machinima. *Journal of Media Practice*, 7(1), 25–42. https://doi.org/10.1386/jmpr.7.1.25/1

McKissack, F., & May, L. (2020). Running With the Dead: Speedruns and Generative Rupture in *Left 4 Dead* 1 and 2. *Games and Culture*, 15(5), 544–564. https://doi.org/10.1177/1555412018821528

1 О методах и подходах к исследованию компьютерных игр см. также: (Ленкевич, 2017).

Mitchell, L. (2018). *Ludopolitics: Videogames against control*. ZERO Books.

Newman, J. (2008). *Playing with videogames*. Routledge. https://doi.org/10.4324/9780203892619

Parker, F. (2008). The Significance of Jeep Tag: On Player-Imposed Rules in Video Games. *Loading...*, 2(3), Article 3. https://journals.sfu.ca/loading/index.php/loading/article/view/44

Rainforest, S.-B. (2016). On Becoming "Like eSports": Twitch as a Platform for the Speedrunning Community. *DiGRA/FDG '16 – Abstract Proceedings of the First International Joint Conference of DiGRA and FDG*, 13. http://www.digra.org/digital-library/publications/on-becoming-like-esports-twitch-as-a-platform-for-the-speedrunning-community/

Ruberg, B. (2020). Straight Paths Through Queer Walking Simulators: Wandering on Rails and Speedrunning in *Gone Home*. *Games and Culture*, 15(6), 632–652. https://doi.org/10.1177/1555412019826746

Serada, A. (2019). Phantom Affordances in Video Games. *Galactica Media: Journal of Media Studies*, 1(4), 86–107. https://doi.org/10.24411/2658-7734-2019-10038

Servais, O. (2015). Funerals in the 'World of Warcraft': Religion, polemic, and styles of play in a videogame universe. *Social Compass*, 62(3), 362–378. https://doi.org/10.1177/0037768615587840

Wilson, D., & Sicart, M. (2010). Now it's personal: On abusive game design. *Proceedings of the International Academic Conference on the Future of Game Design and Technology – Futureplay '10*, 40–47. https://doi.org/10.1145/1920778.1920785

Захарова, Я. (2017). *Машинима: Игра, интерактив, инсталляция*. Издательство факультета свободных искусств и наук Санкт-Петербургского государственного университета.

Кайуа, Р. (2007). *Игры и люди: Статьи и эссе по социологии культуры*. ОГИ.

Латыпова, А. Р. (2016). Конверсия ошибки: Глитч-арт в компьютерных играх. В *Медиафилософия XII. Игра или реальность? Опыт исследования компьютерных игр* (сс. 263–280). Фонд развития конфликтологии.

Ленкевич, А. С. (2017). Компьютерные игры: Стратегии понимания. В *Медиафилософия XIII. Универсум цифрового разума: Новые территории смысла* (сс. 126–135). Санкт-Петербургское философское общество.

Муждаба, А. Д. (2014). Надежда, возвращение и плен: Особенности повествования в Dear Esther. В *Медиафилософия X: Компьютерные игры: Стратегии исследования* (сс. 203–224). Издательство Санкт-Петербургского философского общества.

Рейнольдс, Д. (б. д.). *Натурализм виртуальных миров*. gamestudies.ru. https://gamestudies.ru/translations/virtual-worlds-naturalism/

Скалли-Блэйкер, Р. (2016). Спидраннинг: Отточенная практика. Сквозь пространство с Мишелем де Серто и Полем Вирильо. В *Медиафилософия XII. Игра или реальность? Опыт исследования компьютерных игр* (сс. 448–473). Фонд развития конфликтология.

Скоморох, М. М. (2016). Мазокор: Наследие Сада и Мазоха в компьютерных играх. В *Медиафилософия XII. Игра или реальность? Опыт исследования компьютерных игр* (сс. 371–392). Фонд развития конфликтологии.

Скоморох, М. М. (2019). Тамагочи и миф о киберпространстве: К вопросу о магическом круге. *Международный журнал исследований культуры*, 1, 62–72. https://doi.org/10.24411/2079-1100-2019-00005

Шевцов, К. П. (2019). Границы игры. *Международный журнал исследований культуры*, 1, 6–19. https://doi.org/10.24411/2079-1100-2019-00001

References

Bogost, I. (2006). *Unit operations: An approach to videogame criticism*. MIT Press. https://doi.org/10.7551/mitpress/6997.001.0001

Bogost, I. (2010). *A Slow Year: Game Poems*. Open Texture. https://doi.org/10.5749/minnesota/9780816676460.003.0012

Caillois, R. (2007). *ИGames and People; Articles and essays on sociology*. OGI. (In Russian).

Franklin, S. (2009). "We Need Radical Gameplay, Not Just Radical Graphics": Towards a Contemporary Minor Practice in Computer Gaming. *Symplokē*, 17(1–2), 163–180. https://doi.org/10.1353/sym.2009.0013

Galloway, A. R. (2006). *Gaming: Essays on algorithmic culture*. University of Minnesota Press.

Juul, J. (2010). *A casual revolution: Reinventing video games and their players*. MIT Press.

Juul, J. (2018). *The Aesthetics of the Aesthetics of the Aesthetics of Video Games: Walking Simulators as Response to the problem of Optimization*. https://www.jesperjuul.net/text/aesthetics3/

Juul, J. (n.d.). *Time to Play—An Examination of Game Temporality*. https://www.jesperjuul.net/text/timetoplay/

Latypova, A. R. (2016). Error Conversion: Glitch Art in Computer Games. In *Mediaphilosophy XII. Game or Reality? Experience in researching computer games* (pp. 263–280). Fund for the Development of Conflictology. (In Russian).

Lenkevich, A. S. (2017). Computer Games: Strategies for Understanding. In *Mediaphilosophy XIII. The Universe of the Digital Mind: New Territories of Meaning* (pp. 126–135). St. Petersburg Philosophical Society. (In Russian).

Lo, C. (2016, November 2). How RimWorld's Code Defines Strict Gender Roles. *Rock, Paper, Shotgun*. https://www.rockpapershotgun.com/rimworld-code-analysis

Lowood, H. (2006). High-performance play: The making of machinima. *Journal of Media Practice*, 7(1), 25–42. https://doi.org/10.1386/jmpr.7.1.25/1

McKissack, F., & May, L. (2020). Running With the Dead: Speedruns and Generative Rupture in *Left 4 Dead* 1 and 2. *Games and Culture*, 15(5), 544–564. https://doi.org/10.1177/1555412018821528

Mitchell, L. (2018). *Ludopolitics: Videogames against control*. ZERO Books.

Muzhdaba, A. D. (2014). Hope, Return, and Captivity: Narrative Features in Dear Esther. In *Media Philosophy X: Computer Games: Research Strategies* (pp. 203–224). Publishing House of the St. Petersburg Philosophical Society. (In Russian).

Newman, J. (2008). *Playing with videogames*. Routledge. https://doi.org/10.4324/9780203892619

Parker, F. (2008). The Significance of Jeep Tag: On Player-Imposed Rules in Video Games. *Loading...*, 2(3), Article 3. https://journals.sfu.ca/loading/index.php/loading/article/view/44

Rainforest, S.-B. (2016). On Becoming "Like eSports": Twitch as a Platform for the Speedrunning Community. *DiGRA/FDG '16 – Abstract Proceedings of the First International Joint Conference*

of DiGRA and FDG, 13. http://www.digra.org/digital-library/publications/on-becoming-like-esports-twitch-as-a-platform-for-the-speedrunning-community/

Reynolds, D. (n. d.). *Naturalism of Virtual Worlds*. gamestudies.ru. https://gamestudies.ru/translations/virtual-worlds-naturalism/ (In Russian).

Ruberg, B. (2020). Straight Paths Through Queer Walking Simulators: Wandering on Rails and Speedrunning in *Gone Home*. *Games and Culture*, 15(6), 632–652. https://doi.org/10.1177/1555412019826746

Scully-Blaker, R. (2016). Speedrunning: a polished practice. Through Space with Michel de Certeau and Paul Virillo. In *Mediaphilosophy XII. Game or Reality? Experience in researching computer games* (pp. 448–473). Fund for the Development of Conflictology. (In Russian).

Serada, A. (2019). Phantom Affordances in Video Games. *Galactica Media: Journal of Media Studies*, 1(4), 86–107. https://doi.org/10.24411/2658-7734-2019-10038

Servais, O. (2015). Funerals in the 'World of Warcraft': Religion, polemic, and styles of play in a videogame universe. *Social Compass*, 62(3), 362–378. https://doi.org/10.1177/0037768615587840

Shevtsov, K. P. (2019). Game Boundaries. *International Journal of Cultural Research*, 1, 6-19. https://doi.org/10.24411/2079-1100-2019-00001 (In Russian).

Skomorokh, M. M. (2016). Masokor: the Legacy of Sade and Masoch in Computer games. In *Mediaphilosophy XII. Game or reality? Experience in researching computer games* (pp. 371–392). Fund for the Development of Conflictology. (In Russian).

Skomorokh, M. M. (2019). Tamagotchi and the Myth of Cyberspace. On the Question of the Magic Circle. *International Journal of Cultural Research*, 1, 62–72. https://doi.org/10.24411/2079-1100-2019-00005 (In Russian).

Wilson, D., & Sicart, M. (2010). Now it's personal: On abusive game design. *Proceedings of the International Academic Conference on the Future of Game Design and Technology – Futureplay '10*, 40-47. https://doi.org/10.1145/1920778.1920785

Zakharova, Ya. (2017). *Machinima: Game, Interactive, Onstallation*. Publishing House of the Faculty of Liberal Arts and Sciences of St. Petersburg State University. (In Russian).

Palestine and the British Empire in US Political Cartoons, 1917-1919

Sergei O. Buranok

Samara State University of Social Sciences and Education. Samara, Russia.
Email: witch-king-1[at]mail.ru

Received: 3 July 2022 | Revised: 12 September 2022 | Accepted: 24 September 2022

Abstract

The article is devoted to the analysis of the process of formation of the image of Palestine and the British Empire at the end of the First World War. On the basis of the materials of American cartoons and periodicals, the main points in the evolution of the attitude of American society to Palestine are considered, the complexities and contradictions in understanding the features of the British Empire are shown. The study of cartoons will help determine the nature of the interaction of textual and visual images in the US media during the discussion of the results of the First World War, the Treaty of Versailles, the League of Nations and the mandate system. Based on the study of cartoons, two stages in the perception of Palestine in the United States are distinguished: 1) "romantic" and 2) "critical". New images of Palestine, the British colonial empire, and the Middle East first appeared in newspaper articles, and only later in cartoons. The debate between apologetic and critical strands of US public opinion regarding Palestine and the British model of internal security in the colonies became in 1919 one element of a more global debate between Democrats and Republicans about the role of the US in the League of Nations.

Keywords

World War I; Imperialism; Colonialism; Palestine; Public Opinion; Cartoons; USA; Great Britain; Internal Security; Treaty of Versailles

This work is licensed under a Creative Commons «Attribution» 4.0 International License

Galactica Media: Journal of Media Studies. 2022. No 4 | ISSN: 2658-7734
Humor in the “Old” Media | https://doi.org/10.46539/gmd.v4i4.297

Палестина и Британская империя в карикатурах США 1917–1919 гг.

Буранок Сергей Олегович

Самарский государственный социально-педагогический университет. Самара, Россия.
Email: witch-king-1[at]mail.ru

Рукопись получена: 3 июля 2022 | Пересмотрена: 12 сентября 2022 | Принята: 24 сентября 2022

Аннотация

Статья посвящена анализу процесса формирования образа Палестины и Британской империи в конце Первой мировой войны. На основе материалов американских карикатур и периодической печати рассмотрены основные моменты в эволюции отношения американского общества к Палестине, показаны сложности и противоречия в понимании особенностей Британской империи. Изучение политических карикатур поможет определить характер взаимодействия текстуальных и визуальных образов в периодической печати США в ходе обсуждения итогов Первой мировой войны, Версальского договора, Лиги наций и мандатной системы. На основе изучения карикатур выделены два этапа в восприятии Палестины в США: 1) «романтический» и 2) «критический». Новые образы Палестины, Британской колониальной империи, Ближнего Востока сначала появлялись в газетных статях, а лишь потом в карикатурах. Дискуссия между апологетическим и критическим направлениями в общественном мнении США относительно будущего Палестины и британской модели внутренней безопасности в колониях стала в 1919 г. одним из элементов более глобальных дебатов между представителями демократической и республиканской партии о роли, целях и задачах США в Лиге Наций.

Ключевые слова

Первая мировая война; империализм; колониализм; Палестина; общественное мнение; карикатуры; США; Великобритания; внутренняя безопасность, Версальский договор

Это произведение доступно по лицензии Creative Commons “Attribution” («Атрибуция»)4.0 Всемирная

Введение

Особенности восприятия моделей внутренней безопасности глобальных империй всегда занимали особое место в информационном дискурсе США. Как правило, данное восприятие и осмысление происходило как на уровне экспертно-журналистского сообщества, так и в сфере художников-карикатуристов, которые визуализировали наиболее острые моменты «колониальной дискуссии».

В рамках данной дискуссии неизменно ставились вопросы о перспективах колониальной системы, о наступлении переходной эпохи от колониализма к постколониализму, о возможности применения опыта колониальных империй. Одной из наиболее популярных и весьма дискуссионных в американском обществе на протяжении новейшей истории была проблема достоинств и недостатков британской модели контроля над колониями. Особенно она актуализировалась после Первой мировой войны в период 1917 – 1919 гг., когда внимание и американских журналистов, и художников-карикатуристов было обращено к мандатной системе, Лиге Наций, Ближнему Востоку и Палестине.

Как правило, за критику и непризнание даже отдельных элементов британской модели контроля над колониями выступали журналисты, редакторы и художники республиканской направленности; за более внимательное изучение колониального опыта Великобритании (а на некоторых временных отрезках даже за пропаганду британской модели) высказывались демократы, особенно сторонники концепции интернационализма президента В. Вильсона.

Завершение войны и Версальский договор оказали самое серьёзное влияние на содержание колониальной дискуссии, которая велась в американской прессе: кроме традиционного набора вопросов об архаичности колониальной системы, необходимости создания национальных государств в Азии и Африке, поддержании политики «открытых дверей» добавляются новые проблемные точки для обсуждения, связанные с противостоянием вильсонизма и изоляционизма в американском общественно-политическом дискурсе. Новый миропорядок, формирующийся на основе Версальского договора, заставлял американских международных обозревателей создавать и обсуждать новые модели взаимодействия США и колониальных империй, США и зависимых народов.

Важную роль в определении основных акцентов «колониальной дискуссии» играли в американском обществе карикатуры. Изучение карикатур поможет определить характер взаимодействия текстуальных и визуальных образов в СМИ США в ходе обсуждения итогов Первой мировой войны, Версальского договора, Лиги наций и мандатной системы. Центрами притяжения внимания американских художников в 1917 – 1919 гг. были несколько «проблемных регионов»: Османская империя, Россия, Китая, Палестина.

При этом, если первые три обсуждались не только в рамках колониальных и антиколониальных дебатов, то именно образ Пластины в карикатурах стал наиболее ярким выражением самых разных точек зрения американского общественного мнения.

Особое значение в данном случае имеет изучение американских карикатур в контексте анализа осмысления опыта европейских держав в формировании отношения к колониальным империям и зависимым территориям. Образ Палестины в США показывает, что, с одной стороны, шёл процесс конструирования (в контексте методологии «воображаемой географии») образа региона, а с другой стороны, роль и функции образа Палестины в прессе США показывают, как на протяжении важного исторического периода (1917 – 1919 гг.) менялись представления об империализме, национализме, колониализме в общественно-политическом дискурсе США. В этом Палестина и британский колониальный опыт по установлению и поддержанию внутренней безопасности сразу заняли особое место, и на них было обращено самое пристальное внимание (Freedman, 2006, p. 61; Dobson, 2014, 673).

Для понимания такой сверхактуальности в США британского колониального опыта (на примере Палестины) в период 1917 – 1919 гг. необходимо изучить, как данный опыт исследовался, систематизировался и распространялся в США в первой половине XX века. Материалы американской политической карикатуры и периодической печати 1917 – 1919 гг. о Палестине помогут установить не только новые факты об особенностях восприятия Палестины (и Ближнего Востока в целом) в США на завершающем этапе Первой мировой войны и начальном периоде формирования Версальско-Вашингтонской системы, но и увидеть основные моменты «колониальной дискуссии» в общественно-политическом дискурсе США. Кроме того, анализ материалов газет и журналов в сравнении с карикатурами США позволит проследить (на примере Палестины) эволюцию американских подходов в поиске наиболее эффективной и оптимальной стратегии построения отношений как с колониальными империями, так и с зависимыми территориями на Ближнем Востоке.

Периодическая печать США за 1917 – 1918 гг. свидетельствует об устойчивом интересе в США к будущему Палестины (особенно после Первой мировой войны), а также к негативному и позитивному опыту британской колониальной политики на Ближнем Востоке. Данный опыт в печати США, вольно или невольно, но постоянно сравнивался с американскими подходами и принципами, создавая устойчивый общественный дискурс, который не только охватывал «краеугольные камни» международных отношений 1917 года, но и актуализировал практически забытые (особенно в период 1914 – 1917 гг.) «палестинскую проблему», «арабский вопрос», колониальную дискуссию в целом.

Анализируя американскую прессу и карикатуры под этим углом, важно определить и конкретное содержание каждой из «палестинских тем», и общий

настрой редакторов и журналистов применительно к перспективам британской колониальной системы в 1917 – 1919 гг. на Ближнем Востоке и тому практическому опыту, который могли предоставить колониальные империи в новых исторических условиях.

Всего для исследования было отобран 21 рисунок периода осени 1917 – осени 1919 гг. С одной стороны, это может показаться весьма незначительным числом карикатур, но, с другой стороны, необходимо учитывать, что за данный период один из ведущих карикатуристов США Джей «Дин» Дарлинг создал всего 12 рисунков на тему Британской империи (из которых проблем Ближнего Востока касалось 4); Джон Макатчеон 8 карикатур о Британской империи (2 по Ближнему Востоку); Джеймс Донохи опубликовал 5 рисунков (2 по Ближнему Востоку). Следовательно, в центре внимания исследования достаточно узкий (и в предметном, и в хронологическом плане) сюжет, но чрезвычайно важный, т.к. карикатуры 1917 – 1919 гг. создавали новый образ не только Британской империи, но и нового для американского общества региона – Палестины и Ближнего Востока.

Историография

Существует значительный корпус работ, в которых предмет исследования – изучение образа «Другого» в американских карикатурах. В трудах В.И. Журавлёвой изучается процесс формирования образа России в карикатурах США на очень длительном историческом периоде: от XIX в. до современности (Журавлева, 2017; Журавлева 2012). В монографии Т.В. Алентьевой анализируется эволюция политической карикатуры США в контексте истории пропаганды и внутренней партийной борьбы (Алентьева, 2020). Е.В. Шустрова рассматривает архетипические образы как один из базовых структурно-содержательных элементов американских карикатур (Шустрова, 2013). Как правило, исследования по американским карикатурам затрагивают либо внешнеполитические сюжеты, либо связанные с внутриполитической жизнью США. В этом плане исследований, изучающих создание карикатурных образов колониальных империй, довольно мало.

В современной историографии существует несколько направлений, в рамках которых изучается вопрос об анализе процесса формирования американских оценок особенностей британского контроля над Палестиной.

Первое направление: это труды о Британской империи в контексте процессов деколонизации (James-Chakraborty, 2014, p. 5; Deudney, 2001, p. 187). Их авторы отмечают, что реалии постколониального мира сделали востребованным, прежде всего, в США, имперский, колониальный и антипартизанский опыт Британской империи. На основе изучения архивных материалов, официальных публикаций дипломатических документов, изданных в США, протоколов заседаний Конгресса США, СМИ, писем и дневников, материалов устной истории, мемуаров дипломатови и государственных деятелей исследователи

данного направления описывали, прежде всего, влияние колониального опыта Европы на военные, политические, социокультурные процессы в США. Однако карикатуры в указанных работах лишь один из многих (и далеко не самый важный) источник. Детального анализа того, как в карикатурах формировались американские оценки Палестины, какой путь эволюции прошло понимание «британского опыта» в США в 1917 – 1919 гг., какие особенности визуализации Палестины были использованы американскими художниками, нет.

Второе направление: это труды, где анализируется восприятие колониальных систем в США в различных дискурсах – информационном, общественно-политическом, внешнеполитическом (Tompkins, 1970, p. 19; Groen, 1993, p. 30). В данных работах описан процесс появления и трансформации «колониальной дискуссии» в США (особенно ярко в монографии Беркли Томпкинса). Тем не менее, место и роль визуального образа Палестины в данных трансформациях практически не изучены.

Третье направление: значительный комплекс работ посвящен проблеме формирования отношения к британскому владычеству в Палестине (и Британской империи в целом) в рамках формирования внешнеполитического курса США (Louis, Robinson, 1994, p. 463; Wolfe, 1997, p. 388). В данных трудах рассмотрены общие информационные тенденции американского общества и их связь с внешней политикой. Результаты указанных исследований являются базой для изучения вопроса о развитии и эволюции «колониальной темы» в информационном дискурсе США в первой половине XX века (Beard, 1936, p. 10; Tansill, 1938, p. 15). Предметный анализ того, как американские художники-карикатуристы видели будущее Палестины и Британской колониальной системы в период 1917 – 1919 гг, как оценивали национально-освободительные движения в Палестине, как воспринимали европейский (особенно британский) опыт по поддержанию внутренней безопасности и управления Ближним Востоком, проведён ещё не был.

«Романтический» период в восприятии Палестины в США

В процессе эволюции отношения художников США к Палестине можно выделить два этапа: 1) «романтический» 1917 – первая половина 1918 гг., связанный с успехами арабского восстания и победами британской армии; 2) «критический» – вторая половина 1918 – 1919 гг., на котором основные общественные настроения определись с возобновлением дискуссии о колониализме и империализме (в контексте одобрения или осуждения «14 пунктов Вильсона»).

Первый из выделенных нами этапов характеризуется относительно малым числом карикатур и несколькими устойчивыми образами, которые эксплуатировали художники. Всего за этот период нами обнаружено 9 карикатур (2 в издании “Evening Star”, 1 – в “Cleveland Plaine Dealer”, 1 – в “Pittsburgh Press”, 2 – в “Des Moines Register”, 2 – в “Puck”, 1 – в “Chicago Tribune”). Подобное

небольшое количество рисунков можно объяснить, с одной стороны, весьма коротким первым этапом формирования образа Палестины (ноябрь 1917 – май 1918), а с другой стороны, глобальные военно-политические события, происходившие в это время, «перетягивали» внимание художников на себя (революция в России, Брест-Литовский мир, Весеннее наступление). Из найденных карикатур не все обладали оригинальным сюжетом: 5 рисунков эксплуатировали традиционные образы Британской империи в виде «Джона Буля» или бульдога, а Палестина (или Ближний Восток) были представлены лишь как географический объект (в виде контуров на карте). Поэтому основное внимание будет уделено карикатурам, где появились либо новые образы, либо сочетание старых образов и новых концепций представления Палестины. Первые рисунки об изменении ситуации в Палестине появляются в американских газетах в конце 1917 году и связаны с битвой за Иерусалим.

В ноябре 1917 г. в “Cleveland Plaine Dealer” была напечатана карикатура ведущего художника штата Огайо Джеймса Донохи под названием «К вратам Иеруслаима»: строй британских солдат с винтовками и штыками возглавляет Ричард I Львиное Сердце, призывающий к активным действиям (Cleveland Plaine Dealer. 1917. November 18, p. 5). В ней заложены ведущие образы, которые будут развиваться в «романтическом» изображении Палестины на протяжении всего первого этапа: смелое сращивание современности и прошлого; использование образа крестоносцев; эксплуатация образа «врата Иерусалима». Проблема британского контроля и внутренней безопасности на Ближнем Востоке решена Д. Донохи чрезвычайно просто: власть Великобритании в Палестине неизбежна, исторически обусловлена и решит все проблемы региона.

Характерно, что на первой карикатуре отсутствует какой-либо выраженный текст, но благодаря выразительной прорисовке эмоций ключевых персонажей она получилась буквально наполненная звуками сражения: крики солдат, выстрелы, взрывы – всё это максимально «оживляет» картинку без дополнительной текстуальной информации. В следующем месяце (в декабре 1917 г.) известный художник Дин Дарлинг поместил сам город в центр композиции, а точнее, ворота Иерусалима, через которые Джон Буль изгоняет османов. Наиболее важными являются детали этого рисунка: Джон Буль (облачён в типичный «колониальный костюм») в решительной позе спускает вниз со ступеней Иерусалима турка в чалме, шароварах, кушаке и с кальяном (Des Moines Register. 1917. December 11, p. 2). Такой образ встречается на многих рисунках этого периода (Chicago Tribune. 1917. December 12, p. 1; Evening Star, 1917. November 18, p. 3).

Хорошо видно, что образы главных героев рисунка базовыми элементами восходят в традициям XIX века, и Дарлинг изобразил не просто противостояние двух враждебных государств, а столкновение Востока и Запада, при котором Западу (в олицетворении Великобритании) удалось закрепиться в самом «сердце Востока». Кроме того, конфликт двух империй в Палестине

представлен на рисунке с позиций не стороннего наблюдателя, а союзника «хорошей империи».

Такой подход напрямую следует из текстов американских газет декабря 1917 года. “New York Times” в номере от 11 декабря сообщала, что после многочисленных за 673 года попыток вернуть святые места Иерусалим сдался британской армии (New York Times. 1917. December 11, p. 1). Другая ньюйоркская газета “New York Herald Tribune” также на первой полосе сообщает похожие оптимистичные новости с упором срок борьбы – более чем шесть столетий (New York Herald Tribune. 1917. December 11, p. 1).

Подобные настойчивые упоминания осады Иерусалима 1244 года подействовали и на художников: Дарлинг не только изобразил город подчеркнуто древним, средневековым, но и поместил на его стенах «Тени старых крестоносцев», которые сильно радуются изгнанию турок. Обозначенный акцент делает одним из наиболее существенных вопрос: если в XIII веке были «старые крестоносцы», то в XX в. эта роль, безусловно, принадлежит Великобритании (согласно рисунку Дарлинга). Однако здесь возможна и более широкая трактовка: «новыми крестоносцами» являются все союзники (включая США), т.к. в американской пропаганде 1917 г. использовалась метафора «крестового похода» для характеристики американского участия в Первой мировой войне (O’Keefe, 1972, p. 42; Davis, 1921, p. 9; Millis, 1935, p. 12).

Важную роль в данной карикатуре играет текстовая информация: в центре рисунка над воротами города размещена надпись заглавными буквами «Иерусалим», а строго под ней – более мелким шрифтом – «Родина христианства». Еще ниже – фигура Джона Буля. Получается, что эти вербально-визуальные элементы сливаются в одну целостную структуру, ориентированную по вертикали. Это еще лучше подчеркивает образ Великобритании не только как защитника христианства, но и преемника «старых крестоносцев».

В рисунке Дарлинга можно наблюдать идеализацию британской модели колониального управления: она представляется художником как гарантия стабильности и безопасности в Палестине (на это указывают и решительная поза Джона Буля, и его колониальный костюм, и радость «старых крестоносцев»), в противовес османской модели, основанной на насилии, тирании и моральном разложении (что символизируют обнажённая сабля, архаичный наряд и кальян). Образ Великобритании как крестоносца был одним из наиболее комплиментарных в американском информационном дискурсе 1917 – 1919 гг.

Эта же идея (и сюжет) прослеживается на рисунке «Конец крестоносцев» другого известного художника Джона Касселя, опубликованного в “Pittsburgh Press” 12 декабря 1917 г. (Pittsburgh Press, 1917, December 12. P. 1). Уникальность этой карикатуры в сюжете и образах: рыцарь с мальтийским крестом на груди и обнажённым мечом торжественно открывает окованные железом ворота Иерусалима, а заходящее солнце освещает последними лучами древний город.

Так Британская империя предстаёт преемником рыцарских орденов в противостоянии Востока и Запада. На рисунке присутствует небольшая текстовая информация: слово «Иерусалим», размещённое в самом центре изображения над фигурой крестоносца. Безусловно, эта надпись играет не только пояснительную функцию, но также связана с названием рисунка и таким визуальным эффектом, как лучи заката, что явно указывает (вслед за репортажами в газетах) на выполнение исторической задачи, которая была актуальна на протяжении более чем шести столетий.

Журналисты менее крупных периодических изданий также активно обращали внимание читателей на значительную дату (Pittsburgh Press. 1917. December 12. P. 1). “Berkeley Daily Gazette” поместила сразу на двух страницах большой репортаж об истории «Святого Града», который завершается интересным выводом, что взятие Иерусалима британскими войсками даёт основания думать, что одним из основных условий будущего мирного договора будет христианский контроль над святыми местами. (Berkeley Daily Gazette. 1917. December 10, p. 6). Художники-карикатуристы не оставили без внимания тему «британского контроля», представив его на первом этапе как общую победу союзников. Следовательно, на карикатуре Дина Дарлинга 1917 г. можно увидеть эксплуатацию как старых образов («колониальный» Джон Буль, типичный восточный правитель), так и новых, созданных под влиянием текстуальных материалов прессы США.

Дополняет указанные рисунки карикатура Д. Дарлинга 1917 года «Турция в Азии» с любопытным образом Османской империи: индейка, стремительно убегающая от Джона Буля (Des Moines Register. 1917. December 2, p. 2). При этом он уже схватил напуганную птицу за хвост и занес топор (Editorial Cartoons, p. 1). Сюжет этого произведения не только построен на игре слов («индейка» – “turkey”; «Турция» – “Turkey”), но и в отличие от других карикатур 1917 г. добавлен американский контекст. Данный контекст выражен с помощью персонажей второго плана: «Мать Земля» (изображена в виде хозяйки фермы) и Дядя Сэм (совместно с другими европейскими народами) удовлетворённо и радостно смотрят на предсказуемый финал противостояния индейки и Джона Буля.

Здесь можно наблюдать авторское переосмысление старой метафоры о «больном человеке Европы». Безысходность положения османской империи Дарлинг подчёркивает образами наций (и всего мира в целом), готовых к употреблению будущего блюда. Любопытной является и роль Великобритании, уничтожающей Турцию на благо всему человечеству. В этом плане историческая задача Лондона, на которую был сделан акцент в карикатурах с крестоносцами, дополняется и цивилизационной миссией.

Необходимо отметить, что для американской политической карикатуры «романтического» периода было характерно большое разнообразие в подходах к визуализации Британской империи на Ближнем Востоке. Во-первых, практически во всех карикатурах текстуальная информация является дополняющей

в историко-географическом плане. Это связано с актуализацией относительно нового для американских читателей региона, где трудно было обойтись классическими образами (такими как Дядя Сэм, Джон Буль, Мать Земля). Поэтому потребовалось введение новых персонажей: крестоносцы, Османская империя, Иерусалим. Для их более целостного внедрения в визуальную структуру карикатуры потребовался текст поясняющего характера.

Во-вторых, наблюдается не только традиционное высмеивание, формирование гипертрофированного, комического образа противника, но и одновременная героизация образа Британской империи, которая чаще всего представлена на этом этапе в виде Джона Буля, а реже – в виде крестоносцев и Ричарда Львиное Сердце. Традиционное для конца XIX – начала XX века изображение Великобритании как колониальной империи, угрожающей интересам США, в этот период отсутствует. Наблюдается совершенно иная тенденция: колониальные черты и элементы переданы на карикатурах другой империи – Османской.

В-третьих, большую роль играют на рисунках религиозные символы. Через противопоставление христианства и ислама художники показывают не только борьбу противников в Мировой войне, но и более глобальное цивилизационное противоборство Востока и Запада. Это делает в глазах читателей Британскую империю не просто союзником и партнёром США, но и ведущей, доминирующей силой Антанты. В силу этих особенностей можно заключить, что обозначение периода 1917 – первой половины 1918 гг. как «романтического» — оправдано.

«Критический» период в восприятии Палестины в США

В 1918 г. проблема Палестины и колониализма получает в рисунках американских художников более масштабное осмысление. В период 1918 – 1919 гг. появляются сотни карикатур, посвященных американской внешней политике. Однако большинство из них связаны с Парижской мирной конференцией и Лигой Наций. Непосредственно проблемы Ближнего Востока и Палестины затронуты в этот период на 12 рисунках.

В издании “Herald” (Новый Орлеан) 18 июля 1918 г. выходит карикатура «Непотопляемые»: лодка «Демократия» с Францией, Великобританией, Италией и США борется с волнами «автократии» (Herald. 1918. July 18, p. 1). Похожий сюжет обыгран в карикатуре из газеты “Evening Star”, где союзники в образе английского бульдога (и в английской каске) вцепились в ногу Кайзера (Evening Star. 1918. July 26, p. 4). Такое единство США и не просто союзников, но и колониальных империй редко встречалось в американских карикатурах.

Однако в 1918 г. в визуализации колониальной темы художниками США появляются намеки на актуализацию старых и выявление новых проблем во взаимоотношениях США и колониальных империй. В январском номере “Rocky Mountains News” опубликована карикатура: бог войны Марс с удивле-

нием взирает на Дядю Сэма (держит за спиной дубинку) и Джона Буля (за спиной прячет кирпич). Подпись под рисунком гласит: «И кто же ударит его первым?» (Rocky Mountains News. 1918. January 1, p. 1). Так художник высмеивал не только антивоенные настроения среди общественности союзников, но и очень осторожные, даже нерешительные действия США и Великобритании в плане отношений друг с другом. В издании "Des Moines Register" эта проблема была обозначена в контексте колониальной дискуссии: Дядя Сэм в ярости кричит на предложение Джона Буля о независимости Филиппин, но чуть позже сам не решается подать Великобритании бумаги о независимости колоний (Des Moines Register. 1919. January 13, p. 5).

Дин Дарлинг в 1918 г. также обратился к проблемам современного мира, создав рисунок, на котором популярный персонаж «Мать Земля» в ужасе кричит на огромной кухне, потому что все поверхности, пол, плита уставлены ёмкостями с маринадом: «Американский империализм», «Ирландский вопрос», «Русский вопрос», «Китайский вопрос», «Мексиканская проблема», «Британские проблемы». И все эти проблемы и вопросы очень долго «маринуются», некоторые на рисунке уже явно пропали или начали протекать. А в левом нижнем углу известный производитель соусов Генри Хайнц озадаченно сообщает: «Я-то думал – это у меня фабрика маринада». Очень похожая общая концепция в карикатуре из газеты "New Orleans Item", где тот же главный персонаж («Мать Земля») заботливо перекладывает куриные яйца (на каждой подписана одна из мировых проблем) из корзины в ящик (New Orleans Item. 1919. March 20, p. 4).

Подразумевается, что целый комплекс мировых проблем не решается, а только «маринуется» – и ближневосточные в их числе. Художник особо выделяет самые разные (и по характеру, и по масштабу, и по территориальному признаку) кризисные процессы и явления, показывая, что ни колониальные империи, ни отдельные государства не могут в настоящее время с ними справиться. Любопытно, что объединяет большинство из обозначенных проблем – вопрос о внутренней безопасности, который всё чаще в 1918 – 1919 гг. воспринимается как один из наиболее острых и в Западном, и в Восточном полушарии. Палестина постепенно перестаёт быть «идеальным колониальным примером», образцом британского контроля, объектом восхищения американских журналистов.

Очень любопытным на данном рисунке является текстуальный материал. 18 надписей с обозначением различных мировых проблем окружает «Мать Землю». 5 из данных надписей имеют внутриполитический контекст («Проблема голода», «Проблема американских стариков», «Проблема уровня жизни» и т.д.), а 13 внешнеполитический. Из них 5 напрямую касается вопросов взаимоотношения США с различными империями, колониями и зависимыми территориями («Ирландский вопрос», «Китайская революция», «Австрийская проблема», «Французский маринад», «Британский маринад»). Из количества текста на рисунке и специфики его распределения можно сделать вывод,

что именно отношения с Британской империей в большей степени волновали американское общество в 1918 г.

Американский контекст, представленный на этом рисунке образом промышленника Генри Хайнца, показывает (кроме явного комического мотива) растерянность элиты и общества США перед значительным числом новых мировых проблем. Данное изображение хорошо показывает начало процесса изменений в общественных настроениях США. Очень похожие идеи в это же время были озвучены и американскими политиками, экспертами. Генри Адамс, внук знаменитого президента Джона Куинси Адамса, несколько раз общался с журналистами на тему американского империализма в 1918 году:

> «Теперь я очень сильно склоняюсь к антиимпериализму. В случае, когда США попытается установить политический контроль над миром, боюсь, это приведет к тому, что мы сами настроим весь мир против нас» (Indiana Daily Times. 1918. November 11, p, 7).

Обсуждение возможного практического применения Америкой имперского опыта Британской империи, в плане расширения территории и усиления контроля, считались уже опасными (New York Times. 1918. December 12, p. 13). И Ближний Восток воспринимается американскими журналистами как новая арена столкновений принципов и подходов к решению многих проблем современности, в том числе и сфере внутренней безопасности.

Следовательно, можно отметить, что на втором («критическом») этапе развития восприятия Палестины США происходит разделение общественного мнения (а вслед за ним и художников-карикатуристов) на два направления: критиков империализма и колониализма (особенно британского); апологетов британского контроля над Палестиной (и, возможно, над другими «зонами конфликтов»).

В 1919 году происходит наиболее яркое и контрастное разделение информационного дискурса США по указанным направлениям при обсуждении самых актуальных вопросов: итоги Парижской конференции, будущее Лиги Наций, роль США в послевоенном мире. Один из самых авторитетных художников-карикатуристов штата Иллинойс и всего Среднего Запада Джон Макатчеон опубликовал в “Chicago Tribune” рисунок под заголовком «Семена войны», хорошо демонстрирующий подходы критического направления.

В центре композиции Япония, Великобритания, Италия и Франция, бодро засевающие свежевспаханную землю (а земля, согласно указателям, поделена на Западной и Восточное полушарие) «семенами войн будущего». Дядя Сэм смотрит на происходящее из-за забора, и, подняв ладони вверх, восклицает: «Это лидеры Лиги наций, продвигающие мир во всём мире?!» (Chicago Tribune. 1919. January 15, p. 10). Авторский акцент именно на колониальных империях явно контрастирует с опасениями, высказанными Дядей Сэмом. Одним из ключевых аспектов этой карикатуры являются подписи на пашне «Влади-

восток», «Сирия», «Месопотамия», «Персия», «Турция», «Адриатика», «Саар», «Тироль» и др.

Макатчеон намеренно переплетает европейские и азиатские территории, называя их «семенами будущей войны», показывая, что внутренние конфликты и нестабильность на Ближнем и Среднем Востоке, в России и Средиземном море могут очень скоро превратиться в новую войну. Главными и очевидными для художника виновниками этого процесса являются колониальные империи. Треть из обозначенных на рисунке территорий связана с Ближним Востоком и Британской империй. Этим подчёркивается не только чрезвычайно внимательное отношение американского общества к данному региону, но и значение Ближнего Востока в мировой политики.

Опасность мандатной системы в целом и британского манданта на Палестину в частности подчеркивалась в карикатуре “New York Tribune” (New York Tribune. 1919. July 12, p. 12): Дядя Сэм очень осторожно несёт кактус с огромными шипами, на которых написано «Япония», «Палестина», «Балканы», «Острова Тихого океана», «Европа». Любопытным является оформление шипов в виде штыков, часть из которых уже вонзилась в Дядю Сэма. Здесь очень близкие сюжетные линии с «Семенами войны» – и в том, и в другом случае художники актуализируют страх перед новой войной. При этом, если географические районы потенциального нового в целом совпадают, то его инициаторы принципиально разные: у Макатчеона это колониальные империи, а в карикатуре “New York Tribune” – сама Америка.

Похожие идеи присутствуют и на карикатуре из газеты “The Dearborn Independent”: Дядя Сэм, вернувшийся домой, тоскливо смотрит на уходящий вдаль корабль под названием «Лига Наций» (The Dearborn Independent. 1919. November 8, p. 1). На корабле ему машут флагами Великобритания, Франция и Италия, а около ног Дяди Сэма целое сражение устроила толпа детей (подписана как «Сенат США»). Главный сюжет этого рисунка строится на противопоставлении внешней и внутренней политики США: пока Америка будет решать внутренние проблемы, ведущие колониальные империи «уплывут очень далеко». В данной карикатуре минимум текстуальной информации (всего две надписи), но всё внимание зрителей сосредоточено на словах «Сенат США», т.к. буквы оформлены в виде детских кубиков и разбросаны между детьми. Это прямое указание на конфликт президента Вудро Вильсона и группы сенаторов во главе с Генри Лоджем по вопросам Лиги Наций и международных отношений.

Критическое отношение к возможному расширению Британской империи в 1919 г. за счёт территорий Ближнего Востока посвилось и на рисунках Дарлинга. Карикатура «Мандатная система» насыщена большим количеством деталей и образов: в центре внимания – Дядя Сэм, который в большой ванне (с названием «Мандаты») несколько брезгливо пытается отмыть Турцию, но к нему уже спешат «малые европейские страны», «Армения», «Средиземноморские государства», «азиатские племена». Сюжет рисунка построен

на противопоставлении, т.к. на дальнем плане Дарлинг изобразил двух чистых, прекрасно одетых джентльмена: «Куба» и «Филиппины».

Можно отметить, что художник использовал идею президента Вудро Вильсона о самоопределении, доказывая, что империи будут и дальше дробиться на национальные государства, которые неизбежно обратятся за помощью к США (не совсем одобряемой Дарлингом). Такие предположения происходили из комментариев журналистов к выступлениям и документам Вильсона в период 1917 – 1918 гг., и они основываются, прежде всего, на процессах демонтажа Османской империи и Австро-Венгрии (Hartford Courant. 1917 April 7, p. 1). Наиболее смелые выводы журналистов касались того, что «имперское господство» должно быть заменено принципом «Открытых дверей». В качестве примеров эффективности такого принципа как в плане внутренней безопасности, так и международных отношений приводились чаще всего Куба и Филиппины (Williams, 1980, p. 810).

Поэтому можно предположить, что Дин Дарлинг актуализирует очень популярное в конце XIX – начале XX века направление в американской карикатуристике по сравнению британской и американской модели управления колониями. Художник подчеркивает, что два года британского господства на бывших окраинах Османской империи (подразумевается, прежде всего, Палестина, а под «азиатскими пленами» – арабы и евреи) не исправило ситуацию, тогда как Куба и Филиппины демонстрируют очевидные «цивилизационные» результаты.

Большую настороженность у журналистов США вызывало стремление Великобритании к силовому контролю за частями бывших империй: Австро-Венгерской («малые европейские страны» и «Средиземноморские государства»), Российской («Армения» и отчасти «малые европейские страны»), Османской («Армения» и «азиатские племена»). В качестве противовеса подобный действиям Великобритании в информационном дискурсе США была возрождена идея сравнения двух моделей империализма (британская и американская). Как продвижение американского опыта журналисты, редакторы и художники США в 1918 – 1919 гг. доказывали идею, что американская модель осуществления контроля над Филиппинами и Кубой более гибкая, более эффективная, а самое важное – она опирается на фундаментальные основы демократии (Gurtov, 1974, p. 3). Эта же идея прослеживается на карикатуре в издании “The nonpartisan leader” (The nonpartisan leader): американский солдат срывает занавес, за которым скрывался трон и видны три убегающие фигуры, бросившие свои короны (скорее всего, это указание на три погибших империи). В нижней части рисунка изображены разбросанные страницы с надписями «Империалистические амбиции», «Секретные договоры», «Планы аннексии». Карикатура подчеркивает американские заслуги в преобразовании колониального мира, но поднимает вопрос об оставшихся колониальных империях, в первую очередь, о Великобритании.

Карикатура Дарлинга отражает еще одну информационную тенденцию, популярную в газетах 1918 – 1919 гг.: о переосмыслении роли новых наций в постколониальном мире. Так, “New York Times” привела в статье о будущем колоний в декабре 1918 г. фразу бывшего сенатора от Юты Сазерленда:

> «Теперь базовая сила в мире – это нации. Важнейшая американская задача США – способствовать созданию новых национальных азиатских и африканских государств» (New York Times. 1918. December 24, p. 3).

Любопытно, что в качестве доказательства своей мысли Сазерленд приводил не только постулаты Вильсона о самоопределении, но и ссылки на революционный опыт США, считая, что в таких документах как Конституции США, Билль о правах и Статьи Конфедерации есть универсальная модель мирной трансформации зависимых территорий в национальные государства.

Поэтому идея сохранения британского господства над Палестиной в 1918 – 1919 гг. подверглась разнообразной критике и журналистами, и художниками с помощью самых разнообразных идеологических позиций: принцип «открытых дверей», идея самоопределения, вильсонизм (Tompkins, 1970, p. 162). В целом всё это было направлено на доказательство и продвижение американской модели управления бывшими колониями как наиболее современной и хорошо себя зарекомендовавшей.

Однако в информационном дискурсе США 1918 – 1919 гг. существовало и апологетическое направление в отношении британского контроля над Палестиной (а в глобальном плане – и в отношении всех колоний).

На карикатуре «Приёмная мать» (опубликована в “St. Luis Republic”) поднимается очень похожий вопрос об ответственности за колонии (St. Luis Republic. 1919. June 1, p. 2). На рисунке изображён популярный образ «Матери Земли» в окружении плачущих детей (с подписями «колонии»). Ключевыми являются её слова: «Ну по крайней мере у каждого из вас есть папа». Эксплуатация образа колоний как «проблемных детей» была не оригинальной и не новой в американском информационном дискурсе, но введение в этот сюжет (пусть и только текстуально) образа «папы» – добавляет любопытные акценты. Вместо традиционного осуждения, которое вызвало сравнение детей и колоний (осуждение, направленное, главным образом, на колониальные империи) в данной карикатуре присутствует элемент надежды, связанный именно с образом «папы», т.е. метрополии, несущей всю полноту ответственности за будущее колоний.

Еще более образная карикатура в защиту мандатной системы была опубликована в 1919 г. в издании “The commoner” (Небраска): женщина, одетая в восточный наряд с надписью «Турция», обращается к Дяде Сэму: «Не хочешь ли мандат на меня?». Дядя Сэм с гордым лицом показывает фотографию Колумбии: «Боюсь, моя семья этого не поймёт». Не менее любопытна крошечная фигура Ллойд Джроджа, отталкивающего Сэма от Турции со словами: «Отстань от нее, Дядюшка» (The commoner. 1919. March 1, p 12).

Это один из редких в карикатурах о Ближнем Востоке 1919 года пример диалога практически всех заинтересованных сторон. Мандат на Турцию означал бы и переход под контроль США территории Палестины, что в обществе США после Великой войны воспринималось как проявление империализма. Поэтому на рисунке Дядя Сэм уверенно отказывается от такого предложения. Пропорции и слова главных героев карикатуры дают американским читателям понять: британский империализм, безусловное зло, но в случае с мандатной системой – меньшее зло из возможных.

Подобные образы опирались на материалы периодической печати США. После завершения Первой мировой войны (в конце 1918 – начале 1919 г.) в “New York Times” вышло несколько статей, пропагандирующих демократический подход к колониальной дискуссии. В этих материалах содержалось два основных вопроса: будущее Палестины и будущее колониальных империй.

В материалах конца декабря 1918 г. опубликованы обращения «сионистов Лондона к американцам», в которых прозвучало требование о «принятии особым конгрессом в Филадельфии британской опеки над Палестиной» (New York Times. 1918. December 23, p. 4). А в статье от 6 января 1919 года указывалось, что в Филадельфии прошел еврейский конгресс, который признал Палестину родиной евреев и постановил о необходимости создания государства со столицей в Иерусалиме и под опекой Великобритании (New York Times. 1919. January 6, p. 6). Эта же мысль повторялась и в других газетах США (San Francisco Chronicle. 1918. December 23, p. 10).

Скорее всего, образ колоний-детей был актуализирован американскими художниками из-за термина опека. К данному образу обратился в 1919 г. карикатурист Б.Р. Томас: он представил европейские интересы в колониях в виде плачущих детей, а самые крупные слёзы у Великобритании (Detroit News. 1919. January 11, p. 4). Журналисты США в это же время создали текстуальный фундамент подобных идей. “New York Times” в выпуске от 13 декабря 1919 газета писала: «В мире растёт спрос на британские правила управления колониями. Они зарекомендовали себя как самые эффективные. Юнион Джек обязан быть поднят над всеми колониями Германии и Турции» (New York Times. 1918. December 13, p. 5). Практически с этих же позиций осветил вопрос журналист Чарльз Сендел 23 декабря 1918 года:

> «Восстановление колоний Германии, но под британской властью – удовлетворяет интересам и зависимых народов, и других колониальных империй. Только у Великобритании есть возможности, средства и опыт восстановить колонии, сделав их «дружественной частью мирового сообщества», такой как Австралия или Канада» (New York Times. 1918. December 13, p. 5).

В других статьях американские журналисты выражали данную мысль еще более конкретно: 6 и 29 января 1919 г. “New York Times” публикует несколько материалов, в которых обосновывалась идея о необходимости передачи части Османской империи (прежде всего, Палестины) и колоний Германии в Африке под контроль Великобритании (New York Times. 1919. January 6, p. 2). Ведущими

аргументами здесь были ссылки на британский колониальный опыт и эффективные военные действия на Ближнем Востоке.

Это достаточно любопытный момент: американские журналисты и редакторы апологетического направления сравнивали новые (гипотетические) колонии Великобритании с другими частями британской колониальной империи, тогда как сторонники критического направления – с американскими зависимыми территориями. И выводы из таких сравнений получались строго противоположными.

Выводы

Дискуссия между апологетическим и критическим направлениями в общественном мнении США относительно Палестины и британской модели внутренней безопасности в колониях стала в 1919 г. одии из элементов более глобальных дебатов между демократами и республиканцами о роли США в Лиге Наций. Подводя итоги анализу американских карикатур о Палестине 1917 – 1919 гг., можно сделать следующий выводы.

Во-первых, наблюдается довольно чёткое разделение этого небольшого, но насыщенного периода на два этапа, границей между которыми является лето 1918 года, когда «романтический» настрой в отношении господства Великобритании на Ближнем Востоке сменяется разделением общественного мнения на апологетическое и критическое направления.

Во-вторых, несмотря на выявленную зависимость карикатур о Палестине от текстуальных материалов американских газет, существовал ряд тем, которые практически не затрагивались художниками: противостояние арабского и еврейского населения (причём, как история данного противостояния, так и современность); декларация Бальфура 1917 года; лидеры арабов и евреев (их персонифицированных образов в данный период нет); деятельность сионистских организаций и отношение к ним в США и Великобритании. Одновременно существовал комплекс вопросов, которые были представлены на карикатурах, но периодическая печать писала о них мало: столкновение британских и американских интересов на Ближнем Востоке и гипотетический переход данного региона под контроль США; сравнение британских действий на Востоке с политикой других колониальных империй (включая Японию).

В-третьих, сравнение карикатур и газетных материалов позволяет установить основные американские подходы в поиске наиболее эффективной и оптимальной стратегии построения отношений как с колониальными империями, так и с зависимыми территориями на Ближнем Востоке. На «романтическом» этапе ведущим подходом была передача территорий Ближнего Востока (прежде всего, Палестины) под власть Великобритании. Эта мысль прослеживается и на рисунках, и в газетах материалах. Основные аргументы как художников, так и журналистов сводились к историческим, религиозным и военно-политическим. На «критическом» этапе пробританский подход стал

наименее востребованным в информационном дискурсе США. На смену ему придут два варианта критического взгляда на проблему Палестины. Большая часть карикатур, вслед за республиканской прессой и сенатором Генри Лоджем, критикует попытки участия США в решении международных проблем (в том числе и ближневосточной). Основной аргумент художников: Палестина (как и другие «проблемные территории») лишь отвлечёт внимание от внутриамериканских задач; будет потрачено время и ресурсы, необходимые для самой Америки. А эффект от подобного вмешательства – новая война (отсюда образы «фабрики маринада», «прачечной», «семена войны» и «кактус со штыками»). Журналисты в период 1918 – 1919 гг. также используют эти аргументы, но добавляют и проблему национализма. США, прежде всего, должны быть сосредоточены на решении внутренних проблем; а в международном плане – мировая колониальная система должна быть разрушена, а на её месте возникнут новые национальные государства, ориентированные на США.

В-четвертых, внутренняя безопасность на территории Палестины не является системообразующей сюжетной рамкой карикатур, но прямо или косвенно присутствует на большинстве рисунков. Именно вопрос о возможности Британской империи и её модели внутренней безопасности справиться с ситуацией на Ближнем Востоке после завершения Первой мировой войны стал определяющим маркером общественного мнения в его разделении на апологетическое и критическое направления.

Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00011, http://rscf.ru/project/22-18-00011

Список литературы

Beard, C. A. (1936). *The devil theory of war: An inquiry into the nature of history and the possibility of keeping out of war*. The Vanguard Press.

Berkeley Daily Gazette. (1917).

Chicago Tribune. (1919).

Cleveland Plaine Dealer. (1917).

Crighton, J. C. (1947). *Missouri and the World War, 1914-1917: A study in public opinion*. UMP.

Davis, E. (1921). *History of the New York Times, 1851-1921*. Ulan Press.

Detroit News. (1919).

Deudney, D. (2001). Greater Britain or Greater Synthesis? Seeley, Mackinder, and Wells on Britain in the global industrial era. *Review of International Studies*, 27(2), 187–208. https://doi.org/10.1017/S026021050000187X

Dobson, A., & Marsh, S. (2014). Anglo-American Relations: End of a Special Relationship? *The International History Review*, 36(4), 673–697. https://doi.org/10.1080/07075332.2013.836124

Editorial Cartoons of J.N. "Ding" Darling. University of Iowa. Libraries. Special Collections Dept. MSC0170. Id. 411207I. (n.d.).

Freedman, L. D. (2006). The Special Relationship, Then and Now. *Foreign Affairs*, 85, 61–73. https://doi.org/10.2307/20031967

Groen, P. M. H. (1993). Militant response: The Dutch use of military force and the decolonization of the Dutch East Indies, 1945–50. *The Journal of Imperial and Commonwealth History*, 21(3), 30–44. https://doi.org/10.1080/03086539308582905

Gurtov, M. (1974). *The United States against the Third World; antinationalism and intervention*. Praeger.

Hartford Courant. (1917).

Herald. (1918).

Indiana Daily Times. (1918).

James-Chakraborty, K. (2014). Beyond postcolonialism: New directions for the history of nonwestern architecture. *Frontiers of Architectural Research*, 3(1), 1–9. https://doi.org/10.1016/j.foar.2013.10.001

Louis, W. M., & Robinson, R. (1994). The imperialism of decolonization. *The Journal of Imperial and Commonwealth History*, 22(3), 462–511. https://doi.org/10.1080/03086539408582936

Millis, W. (1935). *Road to War, America 1914-17*. Houghton Mifflin Co.

New York Herald Tribune. (1917).

New York Times. (1917).

O'Keefe, K. J. (1972). *A thousand deadlines: The New York City press and American neutrality, 1914-17*. Nijhoff. https://doi.org/10.1007/978-94-010-2833-2

Peterson, H. C. (1939). *Propaganda for war; the campaign against American neutrality, 1914-1917*. University of Oklahoma Press.

Pittsburgh Press. (1917).

Rocky Mountains News. (1918).

San Francisco Chronicle. (1918).

St. Luis Republic. (1919).

Tansill, C. C. (1938). *America goes to war*. Little, Brown and Co.

The commoner. (1919).

The Dearborn Independent. (1919).

The nonpartisan leader. (1919).

Tompkins, E. B. (1970). *Anti-imperialism in the United States: The great debate, 1890-1920*. University of Pennsylvania Press. https://doi.org/10.9783/9781512807998

Williams, W. L. (1980). United States Indian Policy and the Debate over Philippine Annexation: Implications for the Origins of American Imperialism. *The Journal of American History*, 66(4), 810. https://doi.org/10.2307/1887638

Wolfe, P. (1997). History and Imperialism: A Century of Theory, from Marx to Postcolonialism. *The American Historical Review*, 102(2), 388. https://doi.org/10.2307/2170830

Алентьева, Т. (2020). *Разящее оружие смеха. Американская политическая карикатура XIX века (1800-1877)*. Алетейя.

Журавлёва, В. И. (2012). Русский «Другой» в американской политической карикатуристике: От века XIX к веку XXI. *Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. Зарубежное регионоведение. Востоковедение*, 7, 64–96.

Журавлева, В. И. (2017). Мифы о России в американской политической карикатуристике: История и современность. *СССР и США в XX веке: восприятие «Другого»*, 187–213.

Шустрова, Е. В. (2013). Проявление основных архетипических образов в американской политической карикатуре. *Политическая лингвистика*, 1, 39–58.

References

Alentyeva, T.(2020). *The Crucifying Weapon of Laughter. Nineteenth-Century American Political Caricature* (1800-1877). Aletheia. (In Russian).

Beard, C. A. (1936). *The devil theory of war: An inquiry into the nature of history and the possibility of keeping out of war*. The Vanguard Press.

Berkeley Daily Gazette. (1917).

Chicago Tribune. (1919).

Cleveland Plaine Dealer. (1917).

Crighton, J. C. (1947). *Missouri and the World War, 1914-1917: A study in public opinion*. UMP.

Davis, E. (1921). *History of the New York Times, 1851-1921*. Ulan Press.

Detroit News. (1919).

Deudney, D. (2001). Greater Britain or Greater Synthesis? Seeley, Mackinder, and Wells on Britain in the global industrial era. *Review of International Studies*, 27(2), 187–208. https://doi.org/10.1017/S026021050000187X

Dobson, A., & Marsh, S. (2014). Anglo-American Relations: End of a Special Relationship? *The International History Review*, 36(4), 673–697. https://doi.org/10.1080/07075332.2013.836124

Editorial Cartoons of J.N. "Ding" Darling. University of Iowa. Libraries. Special Collections Dept. MSC0170. Id. 411207I. (n.d.).

Freedman, L. D. (2006). The Special Relationship, Then and Now. *Foreign Affairs*, 85, 61–73. https://doi.org/10.2307/20031967

Groen, P. M. H. (1993). Militant response: The Dutch use of military force and the decolonization of the Dutch East Indies, 1945–50. *The Journal of Imperial and Commonwealth History*, 21(3), 30–44. https://doi.org/10.1080/03086539308582905

Gurtov, M. (1974). *The United States against the Third World; antinationalism and intervention*. Praeger.

Hartford Courant. (1917).

Herald. (1918).

Indiana Daily Times. (1918).

James-Chakraborty, K. (2014). Beyond postcolonialism: New directions for the history of nonwestern architecture. *Frontiers of Architectural Research*, 3(1), 1–9. https://doi.org/10.1016/j.foar.2013.10.001

Louis, W. M., & Robinson, R. (1994). The imperialism of decolonization. *The Journal of Imperial and Commonwealth History*, 22(3), 462–511. https://doi.org/10.1080/03086539408582936

Millis, W. (1935). *Road to War, America 1914-17*. Houghton Mifflin Co.

New York Herald Tribune. (1917).

New York Times. (1917).

O'Keefe, K. J. (1972). *A thousand deadlines: The New York City press and American neutrality, 1914-17*. Nijhoff. https://doi.org/10.1007/978-94-010-2833-2

Peterson, H. C. (1939). *Propaganda for war; the campaign against American neutrality, 1914-1917*. University of Oklahoma Press.

Pittsburgh Press. (1917).

Rocky Mountains News. (1918).

San Francisco Chronicle. (1918).

Shustrova, E. V. (2013). The Manifestation of Basic Archetypal Images in American Political Cartoons. *Political Linguistics*, 1, 39–58. (In Russian).

St. Luis Republic. (1919).

Tansill, C. C. (1938). *America goes to war*. Little, Brown and Co.

The commoner. (1919).

The Dearborn Independent. (1919).

The nonpartisan leader. (1919).

Tompkins, E. B. (1970). *Anti-imperialism in the United States: The great debate, 1890-1920*. University of Pennsylvania Press. https://doi.org/10.9783/9781512807998

Williams, W. L. (1980). United States Indian Policy and the Debate over Philippine Annexation: Implications for the Origins of American Imperialism. *The Journal of American History*, 66(4), 810. https://doi.org/10.2307/1887638

Wolfe, P. (1997). History and Imperialism: A Century of Theory, from Marx to Postcolonialism. *The American Historical Review*, 102(2), 388. https://doi.org/10.2307/2170830

Zhuravleva, V. I. (2017). Myths about Russia in American Political Cartoons: History and Modernity. *The USSR and the United States in the Twentieth Century: Perceptions of the Other*, 187–213. (In Russian).

Zhuravlyova, V. I. (2012). The Russian Other in American Political Cartoonism: From the 19th Century to the 21st Century. *Vestnik (Herald) of the Russian State University for the Humanities. Series: Political Science. History. International Relations. Foreign Regional Studies. Oriental Studies.*, 7, 64–96. (In Russian).

Galactica Media: Journal of Media Studies. 2022. No 4 | ISSN: 2658-7734
Media Literacy Skills | https://doi.org/10.46539/gmd.v4i4.349

Digitalization of Creative Spaces of the Caspian Region Youth

Sergey V. Teterskiy[1], Aman I. Izmailov[2], Elena R. Dakhina[3] & Svetlana V. Ilyasova[4]

Astrakhan State University. Astrakhan, Russia

Received: 28 May 2022 | Revised: 01 September 2022 | Accepted: 16 September 2022

Abstract

The results the Google Forms survey conducted among young people living the Caspian bordering countries (Azerbaijan, Iran, Kazakhstan, Russia, Turkmenistan) revealed the main problems in the development of creative spaces for the youth self-fulfillment: lack of such places or their inaccessibility, lack of variety of the services provided, low level of their digitalization. At the same time, according to the respondents, digital spaces, which are developing especially rapidly during the pandemic, are disparate and sometimes dangerous (because of manipulations and fraud). The need of young people for systematizing and structuring creative spaces both in real and virtual environment is evident. The digital platform Discover Your Mission Through Nine Sources of Giving was developed and successfully implemented within the framework of this study. Thanks to this platform, the students of Astrakhan State University were consciously choosing and building creative spaces (in the roles of followers, creators, mentors). Creative spaces make it possible to find a useful activity according to one's mission and connect it with the future profession or with volunteer, business, blogging activities and research work (graduation thesis or dissertation). Immersion of young people into creative spaces and the process of its digitalization (in three areas: instant messaging, using social media for professional needs, professional software) resulted in the increase of responsibility for their lives and for the development of the Caspian region in comparison with the control study group.

Keywords

Love; Scientific Interest; Responsibility; Mission; Socialization; Social Media; Creative Space; Employment; Digital Spaces; Digitalization

This work is licensed under a Creative Commons «Attribution» 4.0 International License

1 Email: teterski[at]list.ru
2 Email: izmailovaman[at]mail.ru
3 Email: dakhina2019[at]mail.ru
4 Email: shvedka10[at]mail.ru

Galactica Media: Journal of Media Studies. 2022. No 4 | ISSN: 2658-7734
Медийная грамотность | https://doi.org/10.46539/gmd.v4i4.349

Цифровизация творческих пространств Прикаспийской молодёжи

Тетерский Сергей Владимирович[1], Измаилов Аман Игпарович[2], Дахина Елена Рашитовна[3], Илясова Светлана Витальевна[4]

Астраханский государственный университет. Астрахань, Россия

Рукопись получена: 28 мая 2022 | Пересмотрена: 1 сентября 2022 | Принята: 16 сентября 2022

Аннотация

По результатам проведенного Google-опроса молодых людей, проживающих в прикаспийских регионах (Азербайджан, Иран, Казахстан Россия, Туркмения), были выявлены основные проблемы развития творческих пространств для самореализации молодёжи: нехватка подобных пространств или их недоступность, однообразие предоставляемых услуг, слабая их цифровизация. В тоже время, цифровые пространства, особенно стремительно развивающиеся в период пандемии, по мнению опрошенных респондентов, разрозненны, иногда представляют опасность (через манипулирование и мошенничество). Очевидна потребность молодёжи в систематизации и упорядочивании творческих пространств в реальном и виртуальном пространстве. В настоящем исследовании была разработана и успешно реализована цифровая платформа «Узнай своё предназначение через девять источников отдачи», благодаря которой студенты Астраханского государственного университета осознанно выбирали и создавали творческие пространства (в ролях последователя, созидателя, наставника), позволяющие найти полезное дело, исходя из своего предназначения, связав его с получаемой профессией, волонтерской, предпринимательской, блогерской активностью и научным исследованием (выпускной квалификационной работой или диссертацией). Результатом такого погружения молодых людей в творческие пространства и процесса его цифровизации (по трём направлениям: мгновенный обмен сообщениями, профессионализация социальных сетей, профессиональное программное обеспечение) стал рост, в сравнении с контрольной исследовательской группой, ответственности за свою жизнь и за развитие Прикаспийского региона.

Ключевые слова

любовь; научный интерес; ответственность; миссия; социализация; социальные медиа; творческое пространство; занятость; цифровые пространства; цифровизация

Это произведение доступно по лицензии Creative Commons “Attribution” («Атрибуция»)4.0 Всемирная

1 Email: teterski[at]list.ru
2 Email: izmailovaman[at]mail.ru
3 Email: dakhina2019[at]mail.ru
4 Email: shvedka10[at]mail.ru

Introduction

In September 2020, the authors studying digitalization of creative spaces conducted a Google Forms survey among 1100 young people living in the Caspian bordering countries (Azerbaijan, Iran, Kazakhstan, Russia, Turkmenistan) and studying at Astrakhan State University. The survey included the following questions:

- Are there creative spaces for youth self-fulfillment in your region and what problems of their functioning do you consider the most burning?
- What digital spaces and resources do you find the most effective for the youth self-fulfillment, what problems and risks do they hide?

The analyses of the answers to the first question let make the following conclusion: the common problems for young people in all the countries include lack of creative spaces or their inaccessibility, lack of variety of the services provided, low level of their digitalization.

The analyses of the answers to the second question let make the following conclusion: digital spaces, which are developing especially rapidly during the pandemic, are disparate and sometimes dangerous, because of manipulations and fraud.

Systematization of the survey results makes it necessary to structure creative spaces both in real and virtual spaces in accordance with the mission of each person.

A mission is a unique meaningful role, which a person, regardless of his gender, nationality, religion or age, needs to play in order to feel appreciated and to remain in good memory of his descendants. (Tetersky & Rostovskaya, 2016).

"The value of a man should be seen in what he gives and not in what he is able to receive. Try not to become a man of success, but rather try to become a man of value" (Albert Einstein).

The concept "mission" has two aspects: materialistic (atheistic) and idealistic (mysterious) (Frolov, 1991).

From the point of view of materialism, each person, like all other living beings on the Earth, is the result of randomness of natural powers, of natural selection. A person strives to broaden and to deepen understanding of the world and his place in it: "When I view all beings not as special creations, but as the lineal descendants of some few beings which lived long before the first bed of the Silurian system was deposited, they seem to me to become enobled" (Charles Darwin).

From the religious point of view each person is born with a certain goal which he needs to achieve in the earthly and afterlife with the God's help.

Mission means beingness determined by a higher power when a person has a possibility to choose whether to follow this path or to deviate. (Tetersky, 2014).

A person is the top of evolution (in dialectics) or a God's creation (in religion) but both interpretations presuppose conditionality of his development as of a being useful to himself, his family, the society, the state, the world.

A mission is revealed through love to somebody or something. It is the love as the higher power and the source of ideas and inspiration that creates the feeling of joy and happiness in life. The best things are created with love, filling a person's life with bright colors. Life with the mission, the sense, the positive goal and love is much more interesting and fuller than a constant race after the success.

Responsibility is also a positive attitude to the past, the present, and the future. The skills of the confident past, present and future allow to master innovative technologies to create a design of the real life. With the help of science, literature, cinema, theatre, music, Internet they allow to open new possibilities to live, to make friends, to love, to create, to be happy by making other people happy, to believe in oneself and to find soul mates able to change the world for the better (Fundamentals of State Youth Policy of the Russian Federation for the Period up to 2025, 2014).

Review of the references

While analyzing references on the formation of creative spaces in the Caspian region we focused on the studies of the processes of implementing and using digital technologies in culture.

The problem of digitalization in culture is studied by O.N. Miroshnichenko, E.A. Kuzmina. They analyzed the theory and practice of implementing digitalization in culture, revealed tendencies and patterns of digitalization development in Russia and Chuvashia (Miroshnichenko & Kuzmina, 2021).

V.Y. Muzychuk also studies implementation and usage of digital technologies. The author names five main fields of this sphere digitalization, generalizes the foreign and Russian experience of studying, preserving, spreading and consuming cultural values with the help of digital technologies (Muzychuk, 2020).

German researchers O. Ahel and K. Lingenau see digitalization as the key to increasing students' access to education for the sake of sustainable development and they announce the concept *Virtual Academy of Sustainable Development* of Bremen University that promotes UN sustainable development goals with the help of digital media (Ahel et al., 2020).

North American researchers W.F. Crittenden, I.K. Biel, and W.A. Lovely from **Northern Arizona University, summarize** the advanced technologies, concepts, researches, critical, artistic and interactive educational skills, necessary to increase the values in the world where machines will work together with people-specialists. They make a conclusion that it is the digitalization that will provide a new marketing landscape for interaction and mutual support of universities, professional associations, publishing companies and technological industries (Crittenden et al., 2019).

European researchers of the student creative spaces E. Wagner, N. Pachova, A. Suominen, C. Svendler-Nielsen, and L. Veloso in **the Yearbook of the European Network of Observatories in the Field of Arts and Cultural Education reveal** the connection between art, cultural education, digitalization and sustainable development goals and offer innovative fields of study for future specialists in art and culture (Wagner et al., 2021).

In his work ***Allowing Space for Ethnorelative Practices to Emerge in Dance Studio Practices*, the** New Zealand researcher K. Mortimer **shows that it is efficient to include social integrity of various views of life into dance training. It makes it possible to acknowledge and accept cultural differences, create new spaces and relations** (Mortimer, 2021).

Chinese researchers X. Wu and Y. Ye study social responsibility of the youth and focus on employment as the final goal of a person to get family and formal education, as entrance into the society and as fulfillment of social responsibilities (Wu & Ye, 2018).

This references review has resulted in defining the topic of the experimental study.

Materials and methods

The objective of the study is to evaluate the influence of digitalization of the youth creative spaces on the level of a young person's responsibility for his life and for the development of his area of residence.

Having conducted the study, the team of the authors have developed and systematized its results:

- Google Forms survey involving 1,100 young people living in the Caspian region countries (Azerbaijan, Iran, Kazakhstan, Russia, Turkmenistan);
- the digital platform *Discover Your Mission Through Nine Sources of Giving*;
- the experimental programme of the conscious choice and building of creative spaces that allow to find a useful activity according to one's mission and to connect it with the future profession or with volunteer, business, blogging activities and research work;
- methods of evaluating the level of responsibility for one's life and for the development of the area of residence (as a unity of processes of self-consciousness, actions and interactions);
- methods of evaluating digitalization process of the experimental creative space of the youth.

On the basis of the Autonomous non-profit organization "Children's and Youth Social Initiatives" the digital platform *Discover Your Mission Through Nine Sources of Giving* was developed and successfully implemented within the framework of this study http://anodimsi.ru/testy. Thanks to it, 250 students of the faculty of Peda-

gogical Education, Art, Service and Culture (PEASC) of Astrakhan State University were consciously choosing and building creative spaces.

The questions of the digital platform *Discover Your Mission Through Nine Sources of Giving* are structured according to the time lines (the past, the present, the future) and formulated as the pieces of advice of how to achieve one's mission: from the images setting a meaning, through the actions in the here and now, to the connections including the most important mentors in achieving any goal (see Table 1).

	Images	**Actions**	**Connections**
The past	1. AWARDS	2. GIFTS	3. EXPERIENCE
The present	4. CREATIONS	5. HOBBIES	6. TOPICS
The future	7. HEROES	8. DESIRES	9. CARE

Table 1. Nine Favourite Sources of Giving

In order to discover one's mission it is necessary to answer nine questions about something valuable gained in the past (questions 1-3), something that causes excitement and admiration in the present (questions 4-6), something that makes other people, future descendants and followers happy (questions 7-9).

The digital platform *Discover Your Mission Through Nine Sources of Giving* is a study of one's own investment attractiveness, usefulness and value to the world.

During the academic year 2020/2021 150 students of the faculty of Pedagogical Education, Art, Service and Culture of Astrakhan State University were consciously choosing and building creative spaces allowing them to find a useful activity according to their missions and connect it with their future profession, volunteer, business, blogging activity and research work (graduation thesis or dissertation).

The main motive for the students to take part in the experiment was a chance for self-actualization, self-fulfillment, personal growth, professional training, understanding social importance of their activity, communication with the team of fellow-thinkers (Gil & Lukyanova, 2013).

The sense-role approach to the formation of responsibility developed by the authors allows to study interaction of a person with the world through the answers to the questions like "who and why?", which are related to the three fundamental tasks a person faces in the living time:

- Who is my mentor (creator, parent, curator, educator, master, teacher, trainer) and why?
- Who is with me and why?
- Who will be left after me and why?

A person's responsibility is, first of all, to know answers to these questions. In the process of understanding his unity and taking responsibility for his future and future of those he is in charge of, a person undergoes three conditional stages of development:

- A follower: thanks to some experienced others, a person, sometimes losing his own peculiarities, adopts current norms, principles, values, symbols, rules, tools and methods of activity which are used by all members of the group;
- A creator: escalation of controversy between the results of the first stage "to be like everyone else" and strive for individualization is solved by a person's significant contribution to the life of a group or even by assuming its leader's position;
- A mentor: a person fulfills his mission and worldview together with his students-followers, shaping their self-consciousness, self-analysis, assessment and self-assessment.

Sustainability of a personality's structure is provided by multiple reproductions of these stages of responsibility because a person is a member not of one group but of many groups.

Moreover, finding himself in various situations a person whether consciously or subconsciously can break the impact of the environment and take a certain role in it: of a follower, a creator or a mentor. In any conscious age, a child from being a person accepting a social experience can become its creator and reveal himself as a subject and an object of influence.

The control study group included 130 students of the faculty of Psychology.

Methods of evaluating the level of responsibility for one's life and for the development of the area of residence: initial (before being included into the digital platform and being immersed into creative digital spaces) and final:

1. What is your attitude to the life?
1.1. – positive;
1.2. – neutral;
1.3. – negative;
2. Do you have any mentors? If yes, in what fields:
2.1. – in education;
2.2. – in (future) profession;
2.3. – in upbringing;
2.4. – in sport;
2.5. – in entertainment;
2.6. – in a different one, which one _____
2.7. – I don't have mentors;
3. Can you say that your behaviour is perfect?
3.1. – yes;

3.2. – I don't know.
3.3. – no;
4. Do you often ask for help and get it?
4.1. – regularly;
4.2. – seldom;
4.3. – never.
5. Do you often delegate your duties to other people?
5.1. – regularly;
5.2. – seldom;
5.3. – never.

6. Do you take full responsibility for your life?
6.1. – full;
6.2. – partial;
6.3. – I don't take any;
6.4. – I don't;
6.5. – a different answer _____

7. Do you often reshape the life around you (build, create, improve, design, construct, program, etc.)?
7.1. – regularly;
7.2. – seldom;
7.3. – never.
8. Does happiness of close people make you happy?
8.1. – yes;
8.2. – I don't know;
8.3. – no;
8.4. – a different answer _____
9. Do you contribute to the life of close people?
9.1. – yes;
9.2. – I don't know;
9.3. – no;
9.4. – a different answer _____
10. Do you often take a role of a leader in a group?
10.1. – regularly;
10.2. – seldom;
10.3. – never.
11. Do you know your future?
11.1. – I do;
11.2. – I don't;
11.3 – a different answer _____

12. Do you help your close people discover their future by turning it into socially useful activity?
12.1. – I do;

12.2. – I don't;
12.3. – a different answer _____
13. Do you manage to pass your love for some activity to other people?
13.1. – I do;
13.2 – I don't;
13.3. – a different answer _____
14. If you have students-followers, how often do you get feedback from them?
14.1. – regularly;
14.2. – seldom;
14.3. – never;
14.4. – I don't have students-followers.
15. If you have students-followers, how often do you thank them?
15.1. – regularly;
15.2. – seldom;
15.3. – never;
15.4. – I don't have students-followers.
16. If you have mentors, how often do you thank them?
16.1. – regularly;
16.2. – seldom;
16.3. – never;
16.4. – I don't have mentors.

Interpretation of the results of the survey.
Questions 1-5 show the level of mastery of a sense-role "A follower":

- high level: 1.1., 2.1., 2.2., 2.3., 2.4., 2.6., 3.1., 4.1., 5.1.
- average level: 1.2., 2.5., 3.2., 4.2., 5.2.
- low level: 1.3., 2.7., 3.3, 4.3., 5.3.
- Questions 6-10 show the level of mastery of a sense-role "A creator":
- high level: 6.1., 7.1., 8.1., 9.1., 10.1.
- average level: 6.2., 6.4., 7.2., 8.2.,9.2.,10.2.
- low level: 6.3., 7.3, 8.3, 9.3., 10.3.

Questions 11-16 show the level of mastery of a sense-role "A mentor":

- high level: 11.1., 12.1., 13.1., 14.1., 15.1., 16.1.
- average level: 11.3., 12.3., 13.3., 14.2., 15.2, 16.2.
- low level: 11.1., 12.1., 13.2., 14.3., 14.4., 15.3., 15.4., 16.3., 16.4.

Study results

An automated result of participation in the self-study at the digital platform *Discover Your Mission Through Nine Sources of Giving* is shown in the Mission Personal Profile (related to past, present, future events of a person, who has taken the responsibility for himself, the technologies used, his environment, territory), which allows to fulfill one's mission:

- a social one as a possible image-sense of the life, which is the result of brain-work, and which influences decision making;
- a personal one as one's uniqueness on psychological, moral, spiritual levels of existence;
- a professional one as a set of professions which "have chosen a person and follow him" from his early childhood;
- a voluntary and a business one: for early, deep and effective immersion into the basics of a profession, acquisition of a spiritual experience, necessary knowledge and competencies, development of important qualities, networking, finding mentors and followers, creation of reputation of a successful person;
- a scientific one as a systemic and continuous reveal of the patterns in the processes a person likes;
- an informative and a creative one as a public announcement of oneself as of a source of true interesting information, valuable and useful for others.

Mission Personal Profile allows a person to take responsibility for his past, present and future life.

As a result of ***self-comprehension*** a person's positive *Self-image* and a system of values as a guide for his behaviour, are formed, a socially responsible behaviour is demonstrated, a known future, which he together with his students-followers can reshape into socially useful activities, is created; his mission, social roles, personal and professional self-definition are comprehended.

Thanks to existence of mentors ***actions*** lead to constant development; a person reshapes life around him (builds, creates, improves, designs, constructs, programmes, etc.), demonstrates perfect behaviour, feels happy when close people are happy, passes love for his work to other people and gets feedback.

As a result of ***interactions*** a person easily achieves new positive and mutually useful relations, broadens the social circle, asks for help and gets it, delegates some of his duties to somebody, absorbs norms and rules of behaviour accepted in the society, contributes to the life of a group, assumes the position of its leader, thanks his mentors and followers.

The result of immersion of young people into creative spaces (in comparison with the control study group) was the increase of responsibility for their lives and for the development of the Caspian region.

At the moment, ways of spending free time is a burning problem of the Caspian region youth. Creative spaces provide the possibility to reveal and develop one's responsibility, influence social activity and creative potential of a student's personality, organization of various forms of leisure and recreation, creation of comfortable conditions for self-fulfillment.

To solve this problem, Astrakhan State University opened its Cultural Centre. The Cultural Centre is a platform for creative experiments. This centre provides services in the field of cultural activities not only in the university, but in the whole region. The team of the cultural centre organizes and holds master-classes in various artistic fields: choreography, theatre, vocal, etc. On the basis of this centre there are different studios where the Caspian youth can fulfill their creative needs: a vocal studio, a choreography studio, a school of public speaking, a theatre studio, a studio of History and Folk dance, etc. There are also platforms for the development of folk art and national crafts of peoples living in the Astrakhan region (Palatkina & Dakhina, 2016).

A special place in the creative space of the university is taken by a workshop *Art-Salon*. Its main objective is to enhance aesthetic education of students and university employees. Participants of *Art-Salon* obtain practical skills on creation of artistic works: drawings, paintings, graphics, sculpture, etc.). The result of the workshop activity is to hold various artistic exhibitions on university and city levels.

The ASU Faculty of Pedagogical Education, Art, Service and Culture runs a system of creative spaces which includes teams engaging in various areas of culture and education. Creative teams are headed by the university staff and student activists.

In 2011, the ASU Faculty of Pedagogical Education, Art, Service and Culture founded a student theatre *On Konovalov Street*. The amateur student theatre already has a rich repertoire of theatricals, including *Birthday* based on the work of A. Gurkov, *Chasing Two Hares* by M. P. Staritsky, *The Aristocratic Peasant Girl* and *Eugene Onegin* by A.S. Pushkin, and *The Taming of the Shrew* by W. Shakespeare.

Talented students, involved in intense creative activities of the theatre, develop their communication skills, teamwork skills, and skills of interacting with the audience which are necessary not only for their acting, but also for their future professional activities.

The *Caspian Phantom* student fashion theatre was founded in 2018 and functions under the School of Sewing Craft, a structural unit of the ASU Faculty of Pedagogical Education, Art, Service and Culture.

Another interesting area of creativity of the Caspian student youth is the *Club of the Funny and Inventive* (KVN). It is a game competition in which creative teams show humorous items and improvise on various topics.

One of the popular creative teams of the faculty is the *Ethnosphere* student folk art ensemble, founded in September 2018; it combines two activities – singing and choreography – which makes the ensemble so special. The students create vivid stylized singing and choreography items and show their skills not only at the main stage of the university, but also at citywide, regional, all-Russia and international events.

The *Ethnosphere* ensemble consists of two main groups – a singing group and a dancing one. Their repertoire includes a variety of singing and choreographic items – a vocal and choreographic item *Utushka* (eng. A *Little Meadow Duck*), a Tatar composition *Nightingale*, a choreographic performance dedicated to the life of Anna German, a concert folk-styled programme *I'll Go out into the Street*, and a variety show *Without You* for the songs by Alla Pugacheva and Irina Muravieva.

The ensemble consists of students of different majors of the faculty. These are the future organizers of work with youth, social educators, primary school teachers, teachers of additional education, and organizers of sociocultural activities.

Guided by their professor, students go through all the production stages. Together with the leader, talented students develop the topic and idea of the production, design costumes, and get involved in staging and rehearsals. This collaborative process finally results in concert and competition activities of the ensemble.

Arranging the results of digitalization of the experimental creative space of young people – the *Ethnosphere* student folk art ensemble – allowed to identify the following trends in this process:

- instant messaging;
- professionalization of social media;
- professional software.

Instant messaging

The ensemble uses WhatsApp, the most popular free messenger that provides fast exchange of text, audio and video messages, to solve various organizational issues.

On WhatsApp, a special application for mobile devices, there is a closed group for the team members and the leader where they discuss organizational issues about the schedule of rehearsals and staging, get information on the place and time of future concerts, the rules of conduct at such events, the rules of taking care of stage costumes, various reminders and so on. This application allows the team members and the leader to stay in touch with each other all the time, since nowadays information is changing and getting outdated rapidly.

Professionalization of social media

The Russian social network VKontakte (VK), which is quite popular among the Caspian youth, plays an important role in the ensemble's activities.

The ensemble has created a VK group which contributes to the promotion of the ensemble's activities. They have also created a private group for members of the ensemble that plays an important role in the ensemble's activities. This private group is a virtual space for storing photo and video content. This is where the photos of competition and concert items and videos of rehearsals and events are being stored.

All files are stored in the VK group rather than on WhatsApp. They do not swamp the memory of the mobile device and are always available provided that there is a good Internet connection. Once the video is uploaded, the leader can take a close look at and analyze the concert performance, dwell on the mistakes made with the team members, give various advice that will help improve the level of artistic skills in the future and avoid repeating the same mistakes on stage. This is also where constant and lively communication between the team members and the leader takes place. The leader has the opportunity to monitor their activity in the social network, to remind them of proper administration of their profiles and pages, to give advice on creating and developing a positive image of future specialists of the Caspian region.

In the process of communication, the leader has the opportunity to conduct surveys within the VK private group. This allows to get feedback from the participants and to involve them in creative activities. For example, this tool can be used at the very beginning of creating of a singing and choreographic item to find out what style they would like to see it in (variety art, modern, folk-stylized, etc.). One can create a survey to select options for sketches of future costumes.

VKontakte has a rather large library of music, which is very important for the work of the ensemble's leader, who finds it quite challenging to select musical content. This music service allows the leader to keep track of new music, select similar pieces, make a playlist for ensemble's rehearsals, and share the musical content with the members of the ensemble.

Professional software

Working with musical content, the leader uses Adobe Audition software, a useful audio editor that offers various tools for working with sound. Using this program, the leader can edit the audio file – its length and playback speed, – create, reset and mix audio content, add different sounds to the audio file and even improve the sound quality. The program allows the leader to create interesting, vivid, and memorable audio compositions.

Various visual effects are used in the number production. Designing the background with video footage is one of the examples. Video footage is created in Adobe Premiere Pro, a professional video editor, individually for each item of the Ethnosphere student ensemble. Things like the topic of the future performance, colors and dynamics are taken into account. Aspects that require special detail are drawn and created in such programs as Adobe Photoshop or Adobe After Effects.

The process of creating visual effects complements the concerted items of the ensemble and creates a special atmosphere on the stage of Astrakhan State University, and source materials are carefully selected for this purpose. These can be media from personal files, broad access materials from the Net, and handmade things.

The next and most important step is editing the footage, where timeframes, dynamic parts, and transitions are determined. When the footage is ready, it is forwarded to the lighting designer, who designs the stage lighting for the performance in addition to the background. The visual design can change over the course of rehearsals, because the right accompaniment is very important for immersing in the performance to the fullest. At the performance itself, media material is launched with a special program, presetting the timing of the performance and the time of the lighting effects turning on. The footage itself is projected on the main screen to the whole stage. These features allow the ensemble's concerted items to produce a positive impression on the audience and remain memorable for a long time.

Interconnection and interdependence of the three leading areas of digitalization of the youth creative space – instant messaging, professionalization of social media, and professional software – are positively reflected in the ensemble's activities. The Ethnosphere student folk art ensemble has opened its fourth concert season, increased the number of members, and keeps working on creating new performances.

Students of creative and pedagogical majors see the above-mentioned creative teams of the faculty as a special platform and a creative space to form and test their professional competencies, which will certainly be useful in their career.

Astrakhan State University is a space of potential. While studying at the university, students acquire up-to-date knowledge and skills, engage in various, including creative, activities. Finding themselves in such creative spaces, active and creative young people gain teamwork skills, learn how to apportion their free time properly, develop self-discipline, and find ways of self-fulfillment. The university is interested in training successful graduates that will have a significant impact not only on the Caspian region, but also on the world community in general (Palatkina & Akmurzieva, 2021).

Studying at university, successful students can already consider employment opportunities. During their educational (introductory) internships and job placement, talented young people can already earn a good reputation in the employer's eyes and find a job that will open up new horizons. For this purpose, the university concludes internship agreements with leading companies, educational institutions, organizations in the sphere of culture and art, etc. Students can also choose an organization for undertaking an internship themselves by concluding an agreement between the university and the organization in advance.

Currently, the university runs the Center of Career Planning which is mainly aimed at assisting in employment of the students and graduates.

There is a student labor exchange on the official website of Astrakhan State University. It publishes up-to-date information about job openings from leading employers in the Caspian region, specifying the position, employment mode (full- or part-time), contact information, etc.

The official website of the Astrakhan Employment Service (rabota.astrobl.ru) can also help successful graduates find a job. All they need is to register and explore the job bank.

They can also find a job using mobile applications and job search services, like hh.ru and rabota.ru. To do this, they again need to register and prepare a CV.

Conclusions and findings

Arranging the study results for the control and experimental groups allows to draw the following conclusions:

1. Thanks to digital techniques aimed at understanding and implementing students' mission, 100% of students in the experimental group responsibly declare their profession and career height.

2. 99% of students are ready for and actively unite in socio-professional initiative teams, despite the fact that 50% of them initially have individualistic aspirations and values.

3. Foresight immersion in their mission spotlighted the students' interest in socio-professional initiatives in the strategic areas of development of their regions – education, comfortable settlements (urban environment), developing social institutions and conducting effective social policy, medicine and culture.

4. Most participants (70%) are satisfied with the team interaction and mentors' consistent support.

5. Using modern digital technologies allowed most of the teams not only to implement their initiatives in the here and now, but also to launch their video channels, groups, communities, and organizations in social media.

The proposed new digital format of entering the creative space, which allowed the students to make a leap into their better professional future, resulted in comprehension of their value and usefulness in the present. "You always get as much as you give. If you want more, give more, and do it sincerely, with love," – this is the main guideline for the functioning of creative digital spaces (Tetersky & Teterskaya, 2018).

Students learn about their mission based on nine sources of giving: what was already acquired in the past (awards, gifts, experience), what arouses admiration in the present (creations, hobbies, topics), and what appeals in the future (heroes I want to be like; things I dream about; things that will make my neighbours and followers happy).

The efficiency of digitalization of the creative space is ensured by two elements – the known future and relevance in the present, the person's sense of

peace of knowing that his/her job is significant not sometime later, when he/she passes exams, enrolls, graduates, and finds a job, but right now.

Students like this "self-discovery in the destined profession" also because they feel not only as students and apprentices, and not so much as simple volunteers or community leaders, but as co-investors and givers, capable of acting and being perceived as responsible professionals by their environment.

Along with the discovery of an in-demand professional in oneself here and now, the modern system of education and youth policy gets teams of coaches capable of making both the locals, tourists, migrants, and investors, fall in love with their Motherland.

An important result of the experiment is support of the students' desire to unite in socio-professional initiative teams in order to support common goals related to their professional self-determination and the development strategy of the Caspian region in real and online communication, to identify ways and find means to achieve them.

Digitalization of young people's creative spaces is a key element of upgrading the modern education system, aimed at the joint development of a coherent universal picture of the future. This is possible if there is a universal worldview and a unified system of values embedded in education as a process of creating, achieving and distributing ideal images, uniting the efforts of the educational process actors that set conditions for consolidation and proactive interaction ("Russian Federation Law No 273-Fz 'On Education in the Russian Federation'...," 2012).

The public need for creative responsible behavior of each person determines the transition from today's traditional fixation on external affiliation with the future profession and professional community (status, title, degree, position, symbols, corporate values), centered around acquisition and application of skills and knowledge relevant for this profession at the moment, to a deep understanding and instant implementation of the professional mission based on personal life mission, purpose, passion for something, unique qualities and skills, and the opportunity of being useful and valuable.

This new creative responsible thinking will require a transition:

- from the given formats of learning to an increased level of self-awareness about one's abilities, educational methods, adaptation, and value creation;
- from learning to doing for learning, so that one not only constantly learns, but also adapts the gained knowledge for the present and a better future;
- from accumulation of knowledge to the desire for acquiring new interdisciplinary knowledge and skills in real professional activities (according to the age).

A rapidly changing economy determines active introduction of digitalization, where people not only reflect on what future professional roles they will perform

and how they will do it, but also aim at applying their unique abilities in the here and now.

Acknowledgements

The authors are grateful to Astrakhan State University for administrative support of the study.

The authors are especially grateful to the organizations that provided consulting and methodological support for the study:

- Autonomous Nonprofit Organization Russia – a Country of Opportunities.
- Association of Volunteer Centers.
- Autonomous Nonprofit Organization Child and Youth Social Initiatives.
- Unified Information System Volunteers of Russia.
- Federal Agency for Youth Affairs (Rosmolodezh).

References

Ahel, K. L., Salvia, L. A. L., Pretorius, R. W., Brandli, L. L., Manolas, E., Alves, F., Azeiteiro, U., & Rogers, J. (2020). Opportunities and challenges of digitalization to improve access to education for sustainable development in higher education. In C. Shiel & A. D. Paco (Eds.), F.W (pp. 341–356). WSS, Springer. https://doi.org/10.1007/978-3-030-15604-6_219

Crittenden, W. F., Biel, I. K., & Lovely, W. A. (2019). Embracing Digitalization: Student Learning and New Technologies. *Journal of Marketing Education*, 41(1), 5–14. https://doi.org/10.1177/0273475318820895

Frolov, I. G. (1991). *Philosophical Dictionary*. Politizdat (In Russian).

Fundamentals of State Youth Policy of the Russian Federation for the Period up to 2025. (2014). http://www.rgub.ru/files/state_policy-1021-2.pdf (In Russian).

Gil, S. S., & Lukyanova, E. V. (2013). On the Subtle Tools of Youth Personal Success in the Market Space. In *Socio-cultural Environment of Youth: A Cross-Cultural Analysis (on the Example of Russia and the United States)*. Publishing House of the Russian State Pedagogical University (In Russian).

Miroshnichenko, O. N., & Kuzmina, E. A. (2021). Realization of the Main Directions of Digitalization of the Sphere of Culture by Public Authorities. *Bulletin of the Cheboksary Branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation*, 2(25), 46–68 (In Russian).

Mortimer, K. (2021). Allowing Space for Ethnorelative Practices to Emerge in Dance Studio Practices. In K. Mortimer, *Dance and Cultural Difference in Aotearoa* (pp. 105–121). Springer Singapore. https://doi.org/10.1007/978-981-16-1171-1_8

Muzychuk, V. Y. (2020). Main Directions of Digitalization in the Sphere of Culture: Foreign Experience and Russian Realities. *Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences*, 5, 49–63. https://doi.org/10.24411/2073-6487-2020-10056 (In Russian).

Palatkina, G. V., & Akmurzieva, G. B. (2021). The Role of the Tutor in Students' Project Activities. *Tutor Support in General Education, Proceedings of the All-Russian Scientific-Practical Conference with International Participation, Astrakhan, January* 1-31, 2021, 44–46. (In Russian).

Palatkina, G. V., & Dakhina, E. R. (2016). The Readiness of University Graduates for Employment as a Pedagogical Problem. *Society: Sociology, Psychology, Pedagogy*, 1, 77–79 (In Russian).

Russian Federation Law No 273-Fz "On Education in the Russian Federation" of December 29, 2012 with Amendments and Additions as Amended on March 4, 2016. (2012). *Rossiyskaya Gazeta*, 5976(303). https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/ (In Russian).

Tetersky, S. V. (2014). Pedagogical Management of the Clique Mentality of Contemporary Youth. *Values and meanings*, 1(29), 56–62 (In Russian).

Tetersky, S. V., & Rostovskaya, T. K. (Eds.). (2016). *Theory and Practice of Sustainable Value-Positive Youth Development*. Perspective (In Russian).

Tetersky, S. V., & Teterskaya, S. G. (2018). *Regional Cadres of the Future: Methodological Training and Methodological Set of Exercises for Children, Their Mentors and Supervisors, and Coaches of the Agency for Strategic Initiatives: In* 5 *Vols* (p. 160) (In Russian).

Wagner, E., Pachova, N., Suominen, A., Svendler-Nielsen, C., & Veloso, L. (2021). The Role of Arts and Cultural Education in the Context of Sustainable Development—Concluding Remarks. In E. Wagner, C. Svendler Nielsen, L. Veloso, A. Suominen, & N. Pachova (Eds.), *Arts, Sustainability and Education: ENO Yearbook 2* (pp. 361–370). Springer. https://doi.org/10.1007/978-981-16-3452-9_18

Wu, X., & Ye, Y. (2018). Vocational Training and Employment. In X. Wu & Y. Ye (Eds.), *Technical and Vocational Education in China* (pp. 45–60). Springer. https://doi.org/10.1007/978-981-13-0839-0_2

Список литературы

Ahel, K. L., Salvia, L. A. L., Pretorius, R. W., Brandli, L. L., Manolas, E., Alves, F., Azeiteiro, U., & Rogers, J. (2020). Opportunities and challenges of digitalization to improve access to education for sustainable development in higher education. B C. Shiel & A. D. Paco (Eds.), F.W (pp. 341–356). WSS, Springer. https://doi.org/10.1007/978-3-030-15604-6_219

Crittenden, W. F., Biel, I. K., & Lovely, W. A. (2019). Embracing Digitalization: Student Learning and New Technologies. *Journal of Marketing Education*, 41(1), 5–14. https://doi.org/10.1177/0273475318820895

Mortimer, K. (2021). Allowing Space for Ethnorelative Practices to Emerge in Dance Studio Practices. In K. Mortimer, *Dance and Cultural Difference in Aotearoa* (pp. 105–121). Springer Singapore. https://doi.org/10.1007/978-981-16-1171-1_8

Wagner, E., Pachova, N., Suominen, A., Svendler-Nielsen, C., & Veloso, L. (2021). The Role of Arts and Cultural Education in the Context of Sustainable Development—Concluding Remarks. In E. Wagner, C. Svendler Nielsen, L. Veloso, A. Suominen, & N. Pachova (Eds.), *Arts, Sustainability and Education: ENO Yearbook 2* (pp. 361–370). Springer. https://doi.org/10.1007/978-981-16-3452-9_18

Wu, X., & Ye, Y. (2018). Vocational Training and Employment. In X. Wu & Y. Ye (Eds.), *Technical and Vocational Education in China* (pp. 45–60). Springer. https://doi.org/10.1007/978-981-13-0839-0_2

Гиль, С. С., & Лукьянова, Е. В. (2013). *О тонких инструментах личного успеха молодежи в рыночном пространстве*, в: *Социокультурная среда молодежи: Кросс-культурный анализ (на примере России и США)*. Изд. дом Российского государственного педагогического университета, Москва.

Закон Российской Федерации No 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» от 29 декабря 2012 года, в: *Российская газета*, 2012, No. 5976 (303), *с изменениями и дополнениями в редакции от 4 марта 2016 года*. (б. д.). https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/

Мирошниченко, О. Н., & Кузьмина, Е. А. (2021). Реализация основных направлений цифровизации сферы культуры органами государственной власти. *Вестник Чебоксарского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации*, *2*(25), 46–68.

Музычук, В. Ю. (2020). Основные направления цифровизации в сфере культуры: Зарубежный опыт и российские реалии. *Вестник Института экономики РАН*, 5, 49–63. https://doi.org/10.24411/2073-6487-2020-10056

Основы государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 года. (2014). http://www.rgub.ru/files/state_policy-1021-2.pdf

Палаткина, Г. В., & Акмурзиева, Г. Б. (2021). Роль тьютора в проектной деятельности учащихся, в. *Тьюторское сопровождение в общем образовании, материалы всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Астрахань, 1-31 января 2021 г*, 44–46.

Палаткина, Г. В., & Дахина, Е. Р. (2016). Готовность выпускников вузов к трудоустройству как педагогическая проблема. *Общество: социология, психология, педагогика*, 1, 77–79.

Тетерский, С. В. (2014). Педагогическое управление клиповым сознанием современной молодежи. *Ценности и смыслы*, 1 (29), 56–62.

Тетерский, С. В. (2016). *Теория и практика устойчивого ценностно-позитивного развития молодежи* (Т. К. Ростовская, Ред.). Перспектива.

Тетерский, С. В., & Тетерская, С. Г. (2018). *Региональные кадры будущего: Методический учебно-методический комплект упражнений для детей, их наставников и кураторов, тренеров Агентства стратегических инициатив: В 5 т* (с. 160).

Фролов, И. Г. (1991). *Философский словарь*. Политиздат.

Galactica Media: Journal of Media Studies. 2022. No 4 | ISSN: 2658-7734
Медийная грамотность | https://doi.org/10.46539/gmd.v4i4.350

Digital Transformation of the Russian Historical Education: Regional Aspect

Elena G. Timofeeva[1] & Anastasiya A. Dorofeeva[2]

Astrakhan State University. Astrakhan, Russia

Received: 15 May 2022 | Revised: 28 August 2022 | Accepted: 8 September 2022

Abstract

The modern Russian education system is on the path of digital modernization, which is accompanied by a paradigm shift in the choice of models of educational institutions, approaches to the management of the educational process, modification of learning conditions, innovations within the methodological arsenal of teachers, modern digital technologies are being introduced. Digital transformation or digitalization of education, along with computerization, individualization, etc., is one of the key trends in the development of the education sector. Undoubtedly, for the successful digital transformation of the educational system Russia needs to solve many tasks, both global (logistics, upgrading professional competencies, stimulating the development of educational IT technologies, etc.) and local. Among the local, but no less significant, tasks is the search for digital learning tools that can improve the effectiveness of the educational environment. It is necessary to answer the question: how is it possible to train qualified specialists basing on digital educational tools? In this article, the authors consider the use of machine learning technology in successful educational practices, as well as highlight "digital products" tested by teachers of the Department of History of Astrakhan State University. Digital transformation of education is considered by the authors of the article in relation to the economic development of the country, The Caspian region and the Astrakhan region, which characterizes the features of the "state order" in the educational sphere.

Keywords

Digital Transformation of Education; "Digital Economy"; Digitalization; Digital Tools; Digital Learning Tools; Machine Learning; Chat-Bot; Visualization Using Neural Network; Moodle

This work is licensed under a Creative Commons «Attribution» 4.0 International License

1 Email: timofeeva.asu[at]mail.ru
2 Email: ms.abramtsova[at]mail.ru

Galactica Media: Journal of Media Studies. 2022. No 4 | ISSN: 2658-7734
Media Literacy Skills | https://doi.org/10.46539/gmd.v4i4.350

Цифровая трансформация российского исторического образования: региональный аспект

Тимофеева Елена Георгиевна[1], **Дорофеева Анастасия Александровна**[2]

Астраханский государственный университет. Астрахань, Россия

Рукопись получена: 15 мая 2022 | Пересмотрена: 28 августа 2022 | Принята: 8 сентября 2022

Аннотация

Современная система образования России стоит на пути цифровой модернизации, которая сопровождается сменой парадигм в выборе моделей деятельности образовательных учреждений, подходов к управлению образовательным процессом, меняются условия обучения, появляются новации в методическом арсенале преподавателей, внедряются современные цифровые технологии. Цифровая трансформация или цифровизация образования, наряду с компьютеризацией, индивидуализацией и др., входит в число ключевых тенденций развития сферы образования. Несомненно, для успешной цифровой трансформации образовательной системы России требуется решение многих задач, как глобальных (материально-техническое обеспечение, апгрейд профессиональных компетенций, стимулирование развития образовательных IT-технологий и т.д.), так и локальных. К числу локальных, но не менее значимых, задач относится поиск цифровых средств обучения, способных повысить эффективность образовательной среды. Необходимо ответить на вопрос: каким образом возможно осуществлять подготовку квалифицированных специалистов, опираясь на инструменты цифрового образования? В данной статье авторами рассматривается использование технологии машинного обучения в успешных образовательных практиках, а также освещаются «цифровые продукты», апробированные преподавателями исторического факультета Астраханского государственного университета. Цифровая трансформация образования рассматривается авторами во взаимосвязи с экономическим развитием страны, Каспийского региона и Астраханской области, что характеризует особенности «государственного заказа» в образовательной сфере.

Ключевые слова

цифровая трансформация образования; «цифровая экономика»; цифровизация; цифровые инструменты; цифровые инструменты обучения; машинное обучение; чат-бот; визуализация с помощью нейронной сети; Moodle

Это произведение доступно по лицензии Creative Commons “Attribution” («Атрибуция»)4.0 Всемирная

1 Email: timofeeva.asu[at]mail.ru
2 Email: ms.abramtsova[at]mail.ru

The development of digital space in modern Russia

The modern world is undergoing the period of unfolding of the fourth industrial revolution, which is characterized by merging of material production and digital technologies. “Smart Products” are becoming the norm in the world, where intellectual properties computerized devices (robots), therefore the complexes and networks consisting of them acquire the ability to interact independently in the preparation and deployment of automated production processes (Uvarov et al., 2019). Digitalization of all spheres of public life is becoming a priority task of state policy in the world, and its level is a key criterion in the “stratification of states”.

The digitalization of the Russian state takes place within the framework of the implementation of Presidential Decrees No. 204 dated May 7, 2018 “On National Goals and Strategic Objectives of the Development of the Russian Federation for the period up to 2024” (Decree of the President of the Russian Federation of May 7, 2018 No 204 ..., 2018) and No. 474 dated 07/21/2020 “On National Development Goals of the Russian Federation for the period up to 2030” (Decree of the President of the Russian Federation of July 21, 2020 No 474..., 2020). In order to solve the problem of ensuring the accelerated introduction of digital technologies in the economy and social sphere, the Government of the Russian Federation has formed the national program “Digital Economy of the Russian Federation” (Passport of the National Program “Digital Economy of the Russian Federation,” 2019), approved by the minutes of the meeting of the Presidium of the Presidential Council for Strategic Development and National Projects dated June 4, 2019 No. 7.

The development of the “digital economy” is actionable only with the implementation of the digital transformation of Russian education. Therefore, the Federal project “Digital Educational Environment” is currently being implemented in the field of education (Federal Project “Digital Educational Environment,” 2019) (within the framework of the National Project “Education”), aimed at “creating and implementing a digital educational environment in educational organizations, as well as ensuring the implementation of the digital transformation of the education system” (*ibid*). By 2024, it is planned to update the material and technical base of schools on the territory of the Russian Federation, create a federal information and service platform and connect teachers to it, as well as open centers for digital education of children (*ibid*). In relation to higher education, the “Strategy of Digital Transformation of the branch of Science and Higher Education” has been in effect since 2021 (Strategy of Digital Transformation of the Sphere of Science and Higher Education, 2021). It contains project passports that build the conceptual orientation of the digital transformation of higher education and science.

The creation of a digital educational environment is not just an accompanying direction of digitalization, but also one of its engine rooms. Since the education itself influences the economic development of a country, a particular region or municipality, it helps to reduce the level of social differentiation.

The digital transformation of the education system depends on external and internal factors of regional development. Therefore, each subject of the Russian Federation, taking into account the economic resources of the region, builds its own development strategy, including educational sphere.

The Strategy of socio-economic development of the Astrakhan Region for the period up to 2035 (hereinafter referred to as the "Strategy") aims to develop economic ties with the countries of the Caspian region (On the Strategy of Socio-Economic Development of the Astrakhan Region..., 2020). According to positive plans, it is the Astrakhan Region that should become the centre of "a comfortable socio-cultural space for the development of human capital, public institutions in which human capital is in demand by the economy and can function successfully" (*ibid*). To do this, it is necessary to achieve solutions to problems in the field of the regional education system. Among them we will designate: "insufficient level of technical equipment of educational institutions; low degree of realization of individual trajectories of development of students; insufficient level of introduction of digital technologies of the organization of educational activities and communications in the practice of educational organizations; lagging competencies of teachers from the requirements of the digital economy; inertia of the educational system in relation to the dynamics of the needs of the labour market" (*ibid*).

In this regard, the task of training highly qualified professional personnel (teachers, experts, IT specialists, education managers, methodologists, masters of industrial training, etc.) is actualized. This human resources will be able to search for and introduce effective digital technologies into the digital space of education, contribute to improving the level of education, and, in general, the intensive development of the region's economy.

The implementation of machine learning in educational process

Machine learning is one of the priority directions of artificial intelligence. The basic principle of this technology operation is that machines receiving data are "trained" on the data they are receiving (Flach, 2015). Despite the fact that technology is more widely used in the IT industry, marketing research and advertising business, machine learning is beginning to contribute to the digital transformation of education. There are some examples that illustrate how to solve diverse educational tasks.

In order to implement the state policy in the field of education, an analytical "tool" is needed that will allow building a collaboration of all levels of the educational system with state authorities. Such a digital solution in Russia was the project "Datahab: data management system for science and higher education". It "is aimed at introducing advanced analytics capabilities, including using machine learning methods to optimize management and decision-making processes" (Strategy of Digital Transformation of the Sphere of Science and Higher Education, 2021).

The implementation of the project will: "simplify the process of data collection and improve their quality for federal executive authorities; optimize resources to reduce the administrative burden for reporting organizations, both scientific and educational; provide seamless business access to the results of scientific research and research datasets; increase transparency of the work of federal executive authorities for citizens; implement management and research services available to a wide range of users on the collected data" (Strategy of Digital Transformation of the Sphere of Science and Higher Education, 2021).

In particular, this digital technology will be able to ensure the fulfilment of the tasks of the regional project of the Astrakhan region "Young Professionals". These include: "organization and formation of a consolidated order for personnel training in the regional system of professional and higher education; creation of a system for independent assessment of the quality of personnel training in the Astrakhan region" (On the Strategy of Socio-Economic Development of the Astrakhan Region..., 2020).

After analysing the data on the types of economic activity of the region, the number of vacancies at enterprises, innovations in the field of production, the system will identify the range of professions in demand, as well as predict their required number. In addition, based on the analysis of the students' learning process, their acquisition of professional competencies, assessment of the level of knowledge of students by the time of graduation, the system will generate conclusions about the quality of graduate training, the effectiveness of a separate faculty, university and the regional system of vocational education as a whole.

The expansion of the educational field in the modern world is available thanks to the popularization of self-education, so the educational landscape is replenished by various online learning services and platforms.

Based on the use of machine learning, the MOOC technology platform operates – massive open online courses[1]. The personification of educational experience in this technology platform is achieved through elements of a unique ecosystem: data array analysis systems (Big data) generated by users; specialized social networks; "factories" for the production of educational content (For example, "Coursera"[2]). All this allows you to access online training organized by the best universities in the world, anytime and anywhere. Such intelligent learning systems, simulating the presence of a teacher, check the level of knowledge of students, using the analysis of their answers, make an individual training plan and give practical advice. This significantly reduces the level of workload for teachers, and forms a new trend in the field of vocational education. The teacher becomes a third-party consultant, one of the sources of knowledge translation, and not the leading subject of activity.

1 The technological platform "MOOC". https://mooc.asu.edu.ru/
2 Educational platform "Coursera". https://www.coursera.org/

Among the Russian IT companies, actively implementing machine learning in the educational sphere is "Yandex". Of the projects implemented by the company, we note "Yandex.Practicum" and "Yandex.Tutor".

"Yandex. Practicum" is an educational environment built on the learning process in real situations, therefore, as the course- developers note, "you learn programming and write code from the first lesson; in design classes you work with real layouts, and in English lessons you will immediately start talking"[1]. The service is aimed at improving professional competencies and retraining specialists in the IT field.

Since 2018, the company has launched the educational service "Yandex. Tutor"[2]. The interface of the service is represented by a set of interrelated elements: tasks are classified according to the level of complexity, thematic affiliation or integrated into variants of training control and measuring materials of the General State Exam / GSE and video tutorials on various subjects. In these projects, smart Service is not just a platform with video tutorials and online tests, it collects individual indicators of cognitive activity and practical skills of users. This allows you to apply the knowledge gained from machine data processing to make forecasts, identify patterns, build an individual growth trajectory, etc. (such data is reflected in the section "Smart recommendations based on your progress").

Thus, by studying the indicators of an individual user, the services perform the function of programmed learning.

Intellectual services for the processing of bibliographic data are being popularized in the system of professional education and science. For example, "Bibloid" – is a subsidiary commercial project of the CyberLeninka electronic scientific library[3]. The functionality of which includes: processing the user's request, by keywords, generating a list of references, designed according to the requirements of GOST (All-Union State Standard). The machine learning-based service processes an array of information in a short period, providing a ready-made bibliography as a result. For modern researchers, this service allows you to save the most important resource - time. Therefore, its benefits are obvious. However, the array of open information may be insufficient, due to the variety of types of research sources and the specifics of a particular field of scientific knowledge.

Pedagogical practices related to machine learning involve the personalization of the learning process; automation of knowledge assessment; configuration and setting of educational materials; analysis and visualization of educational material. Next, let us consider the prospects of digital solutions as learning tools tested at the Faculty of History of Astrakhan State University.

The introduction of new tools into the learning process should always be justified by logical answers to the questions: "What educational task can be solved with their help?", "How will this affect the quality of training of students?"

1 Yandex.Practicum is an online education service. https://practicum.yandex.ru/
2 Yandex.Tutor – video tutorials, search for materials and analysis. https://yandex.ru/tutor/
3 Bibloid is an intellectual assistant for the researcher. https://bibloid.ru/

Taking into account the peculiarities of the regional scale, it is possible to identify the main problems and tasks that must be solved by the educational system.

Thus, the rich historical and cultural space of the Astrakhan region forms the basis for "diversification of the existing tourist product and the formation of the region as a centre of cultural and educational, event, pilgrimage, ecological, sports and amateur fishing tourism" (On the Strategy of Socio-Economic Development of the Astrakhan Region..., 2020). This means that the region needs professional historians, guides and local historians who are able to popularize the Astrakhan region as a centre of cultural heritage of the Caspian region.

In addition to the economic goal, it is necessary to take into account that the digital transformation of education requires the "rejuvenation" of teaching staff. As for young professionals, innovations are a catalyst for everyday life and career growth. In turn, this requires the increase in number and improvement of the quality of the group of applicants entering historical specialties.

At the same time, according to the statistics of 2021, due to the results of the final certification (USE) of graduates of Russian schools in the academic subject "History", the average score was 54.9. Over the past 5 years, there has been a negative trend in dynamics: a decrease in the number of graduates choosing history as an exam subject. Therefore, for example, compared to 2020, the number of people who took the Unified State Exam in history in 2021 decreased by 3 thousand people, the average score remains unchanged from 2019. The reasons for such indicators are the complication of the tasks of the control and measuring materials of the Unified State Exam in history (including working with sources, historical maps and writing a historical essay), as well as the expansion of the content by including a large volume of topics on the universal history.

Despite the general decline in the Unified State Exam in history, there is a consistently high competition among applicants at the ASU Faculty of History. Therefore, in 2021, the passing score in the direction of Pedagogical education profile "History and foreign language" was 209 points and the profile "History and social studies" – 201 points. The formed contingent of students of the Faculty of History provides a qualitative basis for building up the professional capital of historical personnel of the Astrakhan region. In turn, the historical and pedagogical staff of the faculty needs to introduce such digital tools that could solve the key and system-forming task of increasing the motivation of students to become professional historians.

In a representative respect, the following digital technologies introduced into the educational process of students of the Faculty of History as a means of teaching have shown their effectiveness at the testing stage. Let us characterize some of them.

1. Chatbots are programs developed by and for people, based on machine learning and neural networks. They are used to automate or personalize the educational process. Chatbots differ in their target orientation, they can be created

to remind or notify (about upcoming classes in a discipline; about the topics of an upcoming seminar; about the necessary materials for classes, etc.). Alternatively, to provide students with educational content. In terms of reducing classroom time, teachers narrow the scope of the content of the lecture material. It is convenient to broadcast this material via chatbots, which will not just deliver it to the addressee, but check whether he has read it, and how much successfully. In addition, with the help of chatbots, it is possible to broaden the horizons of students in the discipline by investing in the program articles on problematic issues of historical science, historical or documentary films, and digital copies from historical sources. The undoubted convenience of chatbots lies in the assessment of students' academic performance. In the chatbot functionality, tests, quizzes or simplified cases are easily configured to test students' knowledge. He is able to "train" students in historical terminology and dating, personally identifying the problematic areas of knowledge of the student. In addition, the chatbot is a convenient place to collect tasks of an increased level of complexity, for example, detailed answers in the essay format. In order to optimize the time, chatbots can be used as «responder» to students' questions. In the process of independent preparation for seminars, or, after lectures, students have a range of diverse questions, but as a rule typical for pedagogical practice. Chatbots respond to them independently, thereby saving time and labor costs of teachers. At the same time, this method is more effective from a psychological point of view, since it eliminates the possibility of discomfort during communication (Flach, 2015).

The Aimylogic software is used to construct chatbots[1] and is implemented within the framework of teaching the disciplines "Methods of teaching History" and "Methods of teaching Social Studies".

2. For modern visualization of the content of historical education, it is important to use services that "enliven" with the help of neural networks, artistic paintings of historical events, historical portraits and photographs. For example, this is the free service "Deep Nostalgia"[2]. With the help of a neural network, the system independently analyzes the input data (a photograph, a digital copy of the picture), highlights and improves the parameters of the face, and animation becomes the output data. Animation creation takes a few seconds, the service itself is easy to use, which is an undoubted advantage, since it does not require specialized skills in working with digital technologies.

Such "live" visual learning tools significantly increase the cognitive interest of students; contribute to the development of visual memory. At the same time, the use of this tool in teaching poses an individual task for the teacher – the adaptation of traditional methods and techniques of using visualization tools or their complete methodological update.

1 Puzzle Bot Aimylogic. https://aimylogic.com/ru

2 The instrument Deep Nostalgia from Myheritage – a machine learning technology for animating faces. https://www.myheritage.com/deep-nostalgia?lang=RU

3. LMS platforms ((Learning Management System – learning management system). To date, the LMS Moodle system (Modular Object-Oriented Dynamic Learning Environment – modular object-Oriented Dynamic learning environment) has been integrated into the educational activities of many Russian universities, including ASU[1].

The architecture of the system consists of modules for courses - "workbook", "lesson", "test", "glossary", "questionnaire", "wiki", "seminar", "resource", "task", "chat", "survey", "and forum" and others. The functionality of LMS Moodle determines the advantages of its use: it allows you to control the work of students in the system; provides the ability to store and systematize educational material that allows students to study theory and assess the degree of its assimilation.

The system is based on collaborative learning technologies (joint solution of educational tasks, exchange of knowledge and materials, building various models of communication of users "teacher-student", "teacher-students", "student-student").

The enriched assessment system provides new opportunities for designing independent activities of students. LMS Moodle evaluates tests, analyzes students' academic performance and compiles statistics on the assimilation of the studied materia

In addition, the system optimizes the learning process based on time management. Moodle saves the teacher's time by automating the assessment and analysis of students' progress, as well as through the video content generated by the teacher. This allows you to reduce the level of labor costs of the teacher and increase the time for interaction with students. For students, Moodle effectively builds a learning trajectory based on the ordering of tasks, evaluating the duration of actions in the system, reserving time, helping to make decisions on priorities, accounting for completed learning tasks.

Among the advantages of using Moodle, identified on the basis of a survey of teachers of the Faculty of History of Astrakhan State University, we designate: a high level of visualization of educational content. The system allows not only to work in the "screen demonstration" mode or online lectures, but also to integrate other services, systems into the learning process, to include interactive learning tools in the process (excerpts from films, videos, and copies of sources, interactive maps and other visual material). Improving the level of academic performance among students who are absent during classes. This can be traced due to the openness and systematization of educational material to which every student has access, which significantly reduces the percentage of non-completion of tasks and improves the key characteristics of teaching (clarity and communication). Thus, differentiation and catching up of educational material is effectively carried out, the construction of individual student learning routes.

It is worth noting that at Astrakhan State University, the Moodle system, as a platform for distance learning, has been successfully integrated into the educa-

1 Moodle – digital learning. https://moodle.asu.edu.ru/

tional process. At the Faculty of History, this system is included in the mixed learning format. This is manifested in the proportional distribution of study time (lectures are held online, practical classes are held in person). During the period of restrictive measures introduced in the Astrakhan region, due to the spread of coronavirus infection, students of the second and third courses of the ASU Faculty of History were fully transferred to distance learning. Communication of students and teachers during the passage of industrial and pedagogical practices has been simplified. Questions of reporting, consulting and evaluation are held on the Moodle platform, which allows students not to interrupt the internship process for face-to-face meetings. The system is used as a platform for students' teamwork in creating projects, performing creative tasks or research activities. The distribution of responsibilities, ranking by roles in the team, quick exchange of materials and convenient communication are among the few advantages for students. For teachers, the main advantages are the ability to monitor the success of team activities at each stage of implementation, its correction and navigation of participants in the process of completing tasks.

Conclusions

The digital transformation of the education system in general, historical education in particular, is associated with the optimization of the process of training professional personnel, taking into account the needs of the region that is building its development strategy.

Astrakhan historically played an important role in the Caspian region, was a crossroads of cultures and civilizations. The status of a geostrategic region at the present stage strengthens the role of the Astrakhan Region in building an intercultural dialogue with its neighbors in the Greater Caspian. The preservation of historical and cultural heritage, acquaintance with it not only by Astrakhan residents, citizens of Russia, but also the broadcast of the best samples into the world space, becomes a factor of cultural security of our country, its openness and attractiveness. A lot of work needs to be done in this direction. In this regard, the task of training highly qualified professional personnel, including historians, with the help of digital educational tools capable of solving problems of regional development, seems relevant. This was the purpose of the authors' research, the results of which are presented in this article.

For the system of historical education, these processes are no less relevant. Digitalization of education is able to optimize the process of training personnel (analysts, experts, teachers) who will be in demand by the modern labor market. Software solutions based on machine learning not only improve students' academic performance, optimize the educational process, but also contribute to increasing motivation for learning activities, further professional development and growth.

References

Decree of the President of the Russian Federation of July 21, 2020 No 474 "National Development Goals of the Russian Federation for the period up to 2030" (Issue 474). (2020) (In Russian).

Decree of the President of the Russian Federation of May 7, 2018 No 204 "National Goals and Strategic Objectives for the Development of the Russian Federation for the Period up to 2024." (2018) (In Russian).

Federal Project "Digital Educational Environment." (2019). https://edu.gov.ru/national-project/projects/cos/ (In Russian).

Flach, P. (2015). *Machine learning*. DMK Press (In Russian).

On the Strategy of Socio-Economic Development of the Astrakhan Region for the Period up to 2035 / Law of the Astrakhan Region of December 25, 2020 No 115/2020-Oz. (2020). https://docs.cntd.ru/document/571051911 (In Russian).

Passport of the National Program "Digital Economy of the Russian Federation." (2019). http://government.ru/info/35568/ (In Russian).

Strategy of Digital Transformation of the Sphere of Science and Higher Education (p. 259). (2021) (In Russian).

Uvarov, A. U., Gable, E., & Dvoretskaya, I. V. (2019). *Difficulties and Prospects of Digital Transformation of Education*. Higher School of Economics Publishing House (In Russian).

Список литературы

О Стратегии социально-экономического развития Астраханской области на период до 2035 года / Закон Астраханской области от 25 декабря 2020 г. № 115/2020-ОЗ. (2020). https://docs.cntd.ru/document/571051911

Паспорт национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации». (2019). http://government.ru/info/35568/

Стратегия цифровой трансформации сферы науки и высшего образования (с. 259). (2021).

Уваров, А. У. (2019). *Трудности и перспективы цифровой трансформации образования*. Издательский дом «Высшей школы экономики».

Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2018 г. No 204 «Национальные цели и стратегические задачи развития Российской Федерации на период до 2024 года». (2018).

Указ Президента Российской Федерации от 21 июля 2020 г. No 474 «Национальные цели развития Российской Федерации на период до 2030 года». (2020).

Федеральный проект «Цифровая образовательная среда». (2019). https://edu.gov.ru/national-project/projects/cos/

Флах, П. (2015). *Машинное обучение*. ДМК Пресс.

Galactica Media: Journal of Media Studies. 2022. No 4 | ISSN: 2658-7734
General Theory | https://doi.org/10.46539/gmd.v4i4.275

Strategic Concepts of Media Studies: from Marshall McLuhan to Manuel Castells

Natalia B. Kirillova

Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin.
Yekaterinburg, Russia. Email: urfo[at]bk.ru

Received: 7 April 2022 | Revised: 17 July 2022 | Accepted: 1 August 2022

Abstract

The research object is the evolution of the main strategic concepts that determine the impact of information technologies on the socio-cultural development of society at the turn of the 20th and 21st centuries and lay the foundations of a new humanitarian science on the media, i.e. medialogy. The study is relevant since globalization and digital revolutions change not only the reality and spiritual existence of a person but also the science that studies all these issues. Within the socio-cultural system of media civilization, there is an obvious integration of various humanities that study the role of the media in the formation of civil institutions and personality. The study considers different approaches of both foreign and Russian scholars (sociologists, philosophers, culture experts, philologists) to media science in its historical context and modern realities. The study results substantiate strategic concepts of media science, its issues, and development prospects as a factor in the formation of a citizen in the globalized world.

Keywords

Information Age; Media Science; Digital Revolution; Media Sphere; Strategic Concepts; Civil Society; Media Culture; Internet Culture; Mcluhan; Castells

This work is licensed under a Creative Commons «Attribution» 4.0 International License

Стратегические концепции медианауки: от Маршалла Маклюэна до Мануэля Кастельса

Кириллова Наталья Борисовна

Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина. Екатеринбург, Россия. Email: urfo[at]bk.ru

Рукопись получена: 7 апреля 2022 | Пересмотрена: 17 июля 2022 | Принята: 1 августа 2022

Аннотация

Объект исследования – эволюция основных стратегических концепций, которые определяют степень воздействия информационных технологий на социально-культурное развитие общества на рубеже XX-XXI веков и являются платформой новой гуманитарной науки о медиа – медиалогии.

Актуальность исследования обусловлена тем, что процессы глобализации и цифровой революции меняют не только реальность и духовное бытие человека, но и науку, исследующую все эти вопросы. Неоспорим и тот факт, что в социально-культурной системе медийной цивилизации очевиден процесс интеграции разных гуманитарных наук, изучающих роль медиасферы в становлении институтов гражданского общества и в формировании личности.

Исследование базируется на анализе разных подходов зарубежных и российских ученых (социологов, философов, культурологов, филологов) к проблемам медианауки в ее историческом контексте и в современных реалиях. Результаты исследования связаны с обоснованием стратегических концепций медианауки, ее проблемных зон и перспектив развития как фактора формирования гражданина глобализованного мира.

Ключевые слова

информационная эпоха; медианаука; цифровая революция; медиасфера; стратегические концепции; гражданское общество; медиакультура; интернет-культура; Маклюэн; Кастельс

Это произведение доступно по лицензии Creative Commons “Attribution” («Атрибуция»)4.0 Всемирная

Introduction

The information age in which humanity has been living for several decades, has radically changed our existence. The media civilization that has turned the planet into a "global village" (McLuhan, 2003, p. 7) affects the intelligence and life of a modern person. Thus, the media sphere becomes the research of many humanities. In this regard, we have to study those theoretical concepts of media science that united anthropologists and historians, sociologists and philosophers, culture experts and philologists at the turn of the 20th and 21st centuries.

Media science originated in the studies of the German philosopher and cultural historian Walter Benjamin conducted between the 1920s and 1930s and updated in the postwar period by representatives of the Frankfurt School. W. Benjamin's famous essay "The Work of Art in the Age of Mechanical Reproduction" (1936) provides a deep analysis of a new type of "reproduced" culture based on the synthesis of technology and creativity. According to the philosopher, "reproduction" contributes to the disappearance of ontological and social boundaries between the copy and the original, destroying the "aura" of the same work and devaluing such a concept as creativity (Benjamin, 1996, p. 5).

The intensive study of the media sphere took place in the second half of the 20th century thanks to the Canadian sociologist Herbert Marshall McLuhan, who introduced the term "media" (plural from Latin medium – means, mediator) and the new concept of "media culture" into the scientific vocabulary. The scholar wrote his main works on this topic: "The Gutenberg Galaxy. The Making of Typographic Man" (McLuhan, 2018) and "Understanding Media: The Extensions of Man" (McLuhan, 2003).

The mediatization and formation of the information society became the research object in the works of famous American sociologists: D. Bell, A. Toffler, M. Castells, etc. The history of media science was influenced by the French works on semiotics (R. Barthes, J. Baudrillard, G. Deleuze, J. Kristeva), as well as those Russian scholars whose works analyze the language of media culture, primarily M. Bakhtin, Y. Lotman, and M. Yampolsky.

The information explosion at the turn of the 20th and 21st centuries associated with the digital revolution led to the emergence of a different reality (virtual), which environment has become a new socio-cultural habitat. Understanding of "virtuality" as another form of existence as well as its comprehension was proposed in antiquity. In the late 1990s, such concepts as "virtual reality", "cyberspace" and "virtualization of culture", etc. became popular and formed the trends that were inseparable from the sociocultural sphere, whether it is theoretical research or real life.

Following the French post-structuralism, in particular Jean Baudrillard, many scholars began to write about new media as "simulacra" of physical reality (Baudrillard, 2007, p. 5—7), which have a negative impact on the life of an individual

or, in accordance with the theory of Roland Barthes, consider the media sphere as a "semiotic system of mythologizing reality" (Barthes, 2008, p. 271).

Manuel Castells contributed to the solution of this problem by devoting his main works to the study of virtual (digital) culture: the three-volume work "The Information Age: Economy, Society and Culture" (Castells, 1996) and the monograph "The Internet Galaxy. Reflections on the Internet, Business and Society" published in 2001 (Castells, 2001) and translated into Russian in 2004 (Castells, 2004).

Thus, this study aims at conducting a conceptual analysis of media science, which underwent a complex evolution in the 20th and 21st centuries, formed its own methodology and language, and enriched the sphere of Humanities with new paradigms and meanings, thereby proving the key role of media culture in shaping public consciousness and socializing an individual.

Since this study is interdisciplinary, it combines general scientific, cultural, and sociological methods. At the same time, the integral (synergetic) approach served as the methodological basis for the analysis of this issue, thereby allowing considering the entire complex of relationships between the media sphere, society, and the individual, multiple trajectories of a person's spiritual existence in the global media environment.

Results

The evolution of media science in the 20th and 21st centuries allows stating that it is concerned with a wide range of issues: these are the development of the media sphere and the creation of a virtual human environment; the formation of media culture, its sign system, and language; the specifics of functioning; media policy, the development of information society institutions, including the issues of managing the media sphere.

H.M. McLuhan's cultural typology

Herbert Marshall McLuhan, as a like-minded and follower of the famous Canadian scientist Harold Adams Innis (1894—1952), is the creator of a unique cultural-historical typology and is regarded as one of the first media theorists. While analyzing communication channels in culture, the scholar considered the daily life of a person in the information society, i.e. in a world created by the latest media (although he did not use the term "information society" in his works). McLuhan perceived technical innovations as metaphors: "All media are active metaphors"; "Media language, like any other language, is a technology"; "Only an artist is given the right to be the nation's antenna"; "Being an artist means to manage metaphors". This is McLuhan's manifesto, which became the core of the fundamental scientific work "Understanding Media: The Extensions of Man" (McLuhan, 2003, p. 135—136).

The historical typology of culture proposed by McLuhan overturned the official theory. Many works of the 1950s and 1960s concerned with mass communication mentioned the loss of classical moral values by society. There are the works

prepared by representatives of the Frankfurt School: Theodor Adorno, Max Horkheimer (Adorno, Horkheimer, 1944), Herbert Marcuse (1994), who recorded the formation of "mass consciousness" and conducted a critical analysis of the media, and their role in the cultural industry as a platform for "mass society". In "One-Dimensional Man", H. Marcuse reflected on the degradation of culture in the so-called "consumer society", proved that media "harmoniously, often imperceptibly, mixes art, politics, philosophy, and religion with commerce"; as a result, "these spheres of culture lead to a common denominator, i.e. the commodity form" (Marcuse, 1994, p. 74). Thus, "high culture" is transformed into "pop culture", and "one-dimensional thinking" begins to prevail in society (1994, p. 93).

Unlike his predecessors, H.M. McLuhan did not draw parallels between "traditional" and "new" (media) culture. He stated the loss of humanistic ideals and enlightenment illusions typical of the 20th century. In the history of human civilization and media communication, the scholar determined the following main periods: 1) Pre-literate barbarism; 2) Millennium of the alphabet and phonetic writing; 3) Written and printed culture ("the Gutenberg Galaxy"); 4) Electronic culture ("the Marconi Galaxy"). At the turn of the 20th and 21st centuries, they were replaced by the "Internet Galaxy" in the digital age (M. Castells).

According to M. McLuhan, the decisive factor in historical progress is the change of technology, which gives rise to a change in communication methods. This means that "the type of society is largely determined by the type of communication that dominates in this society, and human perception is determined by the speed of information transmission" (McLuhan, 2018, p. 13).

Thanks to McLuhan, media culture became the main concept of media science, the essence of which is "the totality of information and communication tools developed by humankind in the process of cultural and historical development, contributing to the formation of public consciousness and the socialization of the individual". It includes "the culture of production, transmission of information and the culture of its perception; it also acts as an indicator of the development of a person who is able to perceive, analyze, evaluate media text, engage in media creativity, acquire new knowledge through the media" (Kirillova, 2016, p. 8). These aspects are highlighted in H.M. McLuhan's "Understanding Media: The Extensions of Man".

Media culture, as a polyfunctional system, performs a number of important social functions: information, communication, normative (ideological), relaxation, creative, integration, and mediation. This proves that "we live today in the age of information and communication ... which create a total field of interacting events in which all men participate" (McLuhan, 2003, p. 282). Thus, information becomes a kind of "technological weapon" and reminds us that "politics and history must be translated into the concretized form of human brotherhood" (2003, p. 396—397).

Based on the cultural typology of H.M. McLuhan, one should also consider the evolution of media language as a sign system. From the information-semiotic

viewpoint, media culture exists in three main aspects: a system of artifacts — from Latin arte (artificial) and factus (made), symbols, and signs. "Any system that serves the purposes of communication can be defined as a language", Yuri Lotman argued (Lotman, 2000, p. 19). While exploring the language of artworks, Lotman proved that any cultural phenomena "should be considered text containing information and meaning" (2000, p. 284). "Text" is a multi-valued concept, and it refers not only to a literary work or article but also to any information carrier, including modern electronic sources.

The evolution of media language as a sign system

Thus, the language of media culture is signs and sets of signs ("texts") in which social information is "encrypted", i.e. the content, idea, or meaning embedded in them. One of the "cross-cutting" issues is the connection between text and ideology. In accordance with Mikhail Bakhtin's theory, text is ideological if its idea is "an ongoing event that takes place at the point of a dialogical meeting of two or more minds" (Bakhtin, 2017, p. 130). Considering the ideas of F.M. Dostoevsky, Bakhtin introduced not only the concept of "dialogue" ("dialogism") but also "polyphony" ("polylogue") into media science.

This allowed Julia Kristeva, a follower of M. Bakhtin, to look "beyond the language", to reveal the "pre-verbal" existence of a subject, where the "unconscious" dominates, and to destroy the priority of the sign, thereby moving from semiotics to "semantic analysis". Kristeva differentiated the traditional structure of text, marking the boundaries between "hypertext" and "intertext", "genotext" and "phenotext", which correlate with each other like formula and symbolism, like surface and depth. Thus, the scholar proved that any text is polyphonic and a "special device or platform on which different ideologies come into a severe conflict" (Kristeva, 2004, p. 21).

There is a significant difference between the language of auditory and visual media. In the former systems, sign-related factors are sound, speech, music, and vocalism, as well as time in two dimensions: sequence and simultaneity. The structuring of the latter systems (visual) is connected with space. At the same time, iconic sign systems dominate in traditional visual arts (painting, graphics, or posters).

Technical media culture that reproduces reality is associated with "photogeny" (L. Delluc's term), i.e. the aesthetics of the frame. Currently, this property is typical not only of cinema and television but also of other audiovisual (screen) means of communication (video, animation, computer graphics, instant messengers, social networks, and other screen technologies). In written culture, the basis of the sign system is a letter or a word. In audiovisual media, the "first brick" is laid by the frame.

A photograph conveying a direct impression of a real event is static. According to Sergey Eisenstein, cinema uses the frame as a "montage cell", which allows not only to capture any movement but also the impression of some event, as well as

to reveal its meaning (Eisenstein, 1964, p. 290). The TV frame helps the viewer to be included in the "stream of events" and see it "from the inside".

We can agree with the opinion of Gilles Deleuze that the screen frame gives "virtual visibility which is inhabited by "images-movements" opposite to fixed sections" (Deleuze, 2004, p. 20). In a globalized world, the language of new media transforms. Thus, the language of modern digital screen based on digital coding becomes a form of dialogue in the "man – machine" opposition (Manovich, 2001).

The evolution of media language as the sign system of media culture was analyzed by the author in one of his works (Kirillova, 2020).

Mediatization Theory and the Shaping of the Information Society

These global processes were considered by well-known US sociologists Daniel Bell and Alvin Toffler. In the 1970s, Bell's book "The Coming of Post-Industrial Society. A Venture in Social Forecasting" made the headlines (Bell, 2000). It analyzes various social transformations associated with the technological revolution. Bell introduced the so-called "axial principle" into his scientific concept as a theoretical and methodological foundation. Its essence lies in the fact that different types of society develop in the context of a certain line that determines the social, cultural, political, and economic image of their understanding. Focusing on the post-industrial development of society, Bell proved that, unlike previous eras, the main source of wealth and power, and hence the means of control, are intellectual technologies, whose engine is the "telecommunications revolution" as the basis for organizing and processing information (2000). Bell also introduced the concept of "information society" that, due to the market system of the economy, faces the danger of a deep gap between cultural and social life (2000).

In the trilogy "Future Shock" (Toffler, 1970), "The Third Wave" (Toffler, 1980), and "Power Shift" (Toffler, 2003), Alvin Toffler presented his forecasts for the future in parallel with Bell. In those works, Toffler proved that humanity moved on to a new technological revolution that had changed the life of the entire planet. The sociologist addressed the issue of power and its transformation. Power is the ability and real possibility of rulers or people to impose a radical impact on the activities, consciousness, and thoughts of people, to control their destinies. The concept of power justified by Toffler is not violence and money but rather information, knowledge, and intelligence. Predicting the coming world, the scholar considered social transformations of power as a direct reflection of technological progress, including the ideology of globalism: "Globalism, or at least supranationalism, is a natural expression of new management that should function regardless of state borders. It is obvious that the spread of this ideology corresponds to the personal interests of those who manage the media today" (Toffler, 2003, p. 415). The transition to a knowledge-based economy dramatically increases the need for communication and contributes to the death of the old symbol system. "The new economy is closely connected not only with knowledge and technical skills; it cannot do without media culture and an ever-expanding market of

images…" (2003, p. 8-9). Such is globalization in Toffler's interpretation, for whom it is the ambiguity of processes in which chance and necessity, chaos and order are combined.

The world that Toffler described in his books is harsh, full of anxiety and collisions. However, there is no exaggeration of those negative consequences of the information civilization mentioned by the Frankfurt School, in particular, Daniel Bell or Erich Fromm. In the late 1970s, these scholars announced the emergence of the so-called "information imperialism" in a technocratic society (Fromm, 2006). According to Toffler, modern civilization is truly democratic as it is based on the dominance of media technologies that can change the entire social life, proving that the real power in the age of computerization, changing human consciousness and transforming human nature, is the power of information, intelligence and knowledge.

The French scholar Roland Barthes provided his own interpretation of the role of media in society. Instead of the "media" term, Barthes used the concept of "modern myths". In his viewpoint, "myth" and "media" are synonyms since both interpret reality in their own way. However, myths lose the function of interpretation and acquire the ability to disguise ideology. Barthes' myths serve not to resolve or get rid of social contradictions but to "naturalize" them (Barthes, 2008, p. 233-234).

The internet culture strategy in Manuel Castells' concept

Manuel Castells' monograph "The Internet Galaxy: Reflections on the Internet, Business and Society" immediately became a scientific bestseller, popular in many countries of the world. The scholar wrote his book in 2001 (the initial period of the Internet civilization), which caused tremendous changes in various spheres of society: politics, business, and culture. His analysis of the new socio-cultural environment was far from direct prophecies and forecasts but it remains relevant and in demand, logically continuing many fundamental studies of media communications and media culture of the information age, presented in the works of his predecessors.

While considering the specifics of the Internet, the sociologist emphasized that even at the initial stage it was not subject to strict censorship, being a closed network, communications in which were available only to a narrow circle of the military, students and teachers. In the new millennium, the Internet environment of each country is, to one degree or another, subject to its legislation, which includes control over the illegal distribution of prohibited goods. According to M. Castells, the Internet cannot be completely "controlled" by its technological nature. However, Clyde Wayne Crews, a researcher at the Cato Institute, coined the term "splinternet", first using it in 2001 to describe his concept of "parallel internets that would be run as district, private and autonomous universes" (A virtual counter-revolution, 2010). The Chinese government erected the "Great Firewall" for

political reasons, and Russia has enacted the Sovereign Internet Law that allows it to partition itself from the rest of the Internet.

In the preface of the book "The Internet Galaxy. Reflections on the Internet, Business and Society" addressed to Russian readers, M. Castells called the Internet "a universal means of free global communication" (2004, p. 5), as well as "the key technology of the information age", considering it an embodied metaphor of "freedom and creativity as a way of life" (2004, p. 9). How to use it or what content it has – it all depends on the will of users. In the culture of the Internet, Castells highlighted four equivalent subcultures: the techno-elite culture, the hacker culture, the inhabitant culture, and the entrepreneur culture. The "freest" is the techno-elite, i.e. developers (2001, p. 49—51). One can argue with the author's opinion but it is obvious that the Internet as a "technology of free communication" requires special skills for its implementation. The wider their toolkit, the freer access to information is.

Following such scholars as R. Packer and K. Jordan (2001), Castells defined the specifics of Internet culture as a "new communication model" based on the simultaneous implementation of the following five processes: 1. *Integration*: the combination of art forms and technologies together with the formation of a hybrid form of expressiveness; 2. *Interactivity*: the user's ability to manipulate and directly influence their perception of media, as well as communicate through media with other people; 3. *Hypermediality*: the connection of individual media elements to create a network of individual associations; 4. *Immersion*: the experience of simulating a 3D environment model; 5. *Narrative*: aesthetic and formal strategies for non-linear forms of narration and representation (Castells, 2001, p. 190—191).

Calling the culture of the Internet a "virtual reality culture," Castells emphasized that it was virtual "because it was built on electronically driven virtual communication processes". At the same time, "it is real (and not imaginary) because it is our fundamental reality, the physical basis on which we plan our lives, create our representation systems, participate in the labor process, find the necessary information, form our opinion… This virtuality is our reality. This is what characterizes the culture of the information age: we mainly produce meanings through virtuality" (2001, p. 192). Using the first sociological studies of the Internet, Castells questioned social reality in a virtual environment and argued that the Internet was "the material basis of network individualism" since "each person would be who or what they call themselves on the Internet because a network of social interaction was created over time on the basis of these expectations" (2001, p. 88—89). Furthermore, "network individualism is a social structure, not a collection of isolated individuals... Thanks to flexibility and communication capabilities of the Internet, online social interaction plays an ever-increasing role in social organization" (2001, p. 90). It is worth mentioning the sociologist's attitude to the role of the Internet in terms of democracy and information policy, although a few years earlier, Castells had already given a negative answer to this question (1996, p. 195). His conclusion drawn

in “The Internet Galaxy” is even harsher: “…The use of the Internet leads to a deepening crisis of political legitimacy by providing a wider launching pad for the politics of scandal. The problem is not the Internet itself but the policy followed by our society” (2001, p. 102).

Defining a security strategy in the Internet age, Castells introduced the concept of “noopolitics” as opposed to “real politics”, the term proposed by J. Arkill and D. Ronfeldt (1999) in connection with the emergence of a global information environment (“noosphere”) covering cyberspace and all other media systems. According to Castells, strategic terms are also “swarming” and “cyber warfare” as the spectra of conflicts and contradictions in the era of globalization and digitalization.

The culture of the Internet as an integral part of the general media culture is multifunctional. As M. Castells proved, it is one of the foundations on which modern global culture is built: it is the fastest, most complete, and accessible means of production, exchange, and storage of information; it is a communicator and intermediary, a source of knowledge and relaxation surpassing printing, radio, and television. Internet is a “zone of freedom”, a tribune of public opinion, and a platform for creative self-expression, i.e. a tool of modern political and sociocultural activity.

The reality created by television differs from the Internet reality as the TV viewer deals with an “imitation” of reality and the Internet user faces its “simulation”. In accordance with the analysis conducted by M. Castells, “simulation” involves not just the image of a real-life object but also the creation of a new reality, i.e. “cyberreality”. Virtual reality has no certain pattern. Television, which is especially evident in the format of reality shows, strives to depict the real world as believably and convincingly as possible. In this regard, virtual reality is more independent and creatively accessible.

The assessment of the socio-cultural impact of the Internet on a modern person and society as a whole remains one of the most urgent challenges. On the one hand, the computer and the Internet open up new opportunities for communication, learning, and leisure activities. The use of Internet resources can significantly reduce physical and economic costs. On the other hand, the Internet immerses a person into a different reality and introduces them to other forms of communication, which often negatively affects their ability to establish contacts and interact with objects of the physical world.

Many technologically advanced countries have a special phenomenon – “*hikikomori*” in Japanese or “*neet*” in English. It stands for a generation of young people who use the Internet and manage to live their life without leaving their homes: they visit online stores, casinos, cinemas, and forums and live such an intense e-life that they physically become recluses (Teo, 2013, p. 339—341). This is one of the urgent issues that representatives of psychology and media pedagogy should solve.

Anticipating many problems associated with the development of the Internet, Manuel Castells emphasized the need to develop the ability to “process information

and generate knowledge in each of us, including every child". By this description, the scholar meant not "literacy in the use of the Internet in its evolving forms, which goes without saying". It is "about education in a broader and fundamental sense, i.e. to acquire the intellectual ability to be educated and learn throughout one's life" (Castells, 2001, p. 280).

By M. Castells' efforts, the emergence and study of the Internet culture led to the functioning and triumph of new media, which specifics were first described by L. Manovich, T. Nelson, N. Negroponte, I. Sutherland, W. Russell Neuman, E.L. Shapiro, etc. The development of new media based on the fusion of traditional media (the synthesis of screen visuals, and music, spoken and written language with the interactive power of computer technology) has caused an unprecedented effect. New media got the synonym "social media" because they began to integrate public and private information.

According to Lev Manovich, the emergence of new media is aimed at creating a new environment with new properties and forms of communication that would allow people to communicate, learn and create in a new way. Are there special forms used by the information society, given that computer networks redefine the very notion of form? We can agree with L. Manovich that "in the end, new forms are not stable, definite, finite and limited in space and time; they often vary, arise spontaneously, are blurred, and cannot be observed directly" (2013, p. 78). Moreover, human-computer interaction, information processing, and Internet communication are dynamic processes, indicating that the current information structures have reached such superhuman scales that an individual is not able to fully perceive and cognize.

Even earlier, Manovich's book "The Language of New Media" (2001) emphasized that computers "as new and universal media machines produced new discourses and new terms, therefore a new language" (Manovich, 2001).

Moreover, the emergence of a new media language due to the transformation of the information environment allowed scholars to create a modern information-semiotic theory of culture, which opens up new horizons for cultural studies and the philosophy of culture, as well as new practical and applied tools and socio-cultural mechanisms.

In a nutshell, Manuel Castells, in one way or another, launched the media science of the 21st century.

Conclusion

On the basis of the study, we have concluded that the conceptual aspects of media science that developed at the turn of the 20th and 21st centuries provided certain results, thereby proving the formation and development prospects of a new science of the globalized world (medialogy), which is able to expand and combine the cognitive capabilities of various Humanities (Kirillova, 2015).

Many ideas of M. McLuhan, D. Bell, A. Toffler, and M. Castells are relevant for studying the strategy of modern Internet culture.

The virtual world of computer reality and the Internet has become the most important factor in the new millennium culture. Unlike traditional media, social networks contribute to the active and independent formation of an individual information and communication field, which makes it a universal platform for communication between people from different continents, thereby contributing to the sociocultural and creative activities of the individual.

References

A virtual counter-revolution. Briefing: The future of the Internet. (2010, September 2). *The Economist*. https://www.economist.com/briefing/2010/09/02/a-virtual-counter-revolution

Adorno, T. W., & Horkheimer, M. (1944). The Cultural Industry: Enlightenment as Mass Deception. In *Dialectic of Enlightenment* (pp. 120–168). Verso.

Arquilla, J., Ronfeldt, D., Barnes-Proby, D., Williams, E., & Christian, J. (1999). *The Emergence of Noopolitik: Toward An American Information Strategy*. RAND National Defense Research Institute. https://doi.org/10.7249/MR1033

Bakhtin, M. M. (2017). *Problems of Dostoyevsky's Poetics*. Azbuka. (In Russian).

Barthes, R. (2008). *Mythologies* (S. Zenkina, Trans.). Akademicheskij proekt. (In Russian).

Baudrillard, J. (2007). *For a critique of the political economy of the sign*. Akademicheskij proekt. (In Russian).

Bell, D. (2000). *The coming post-industrial society*. Academia. (In Russian).

Benjamin, W. (1996). *The Work of Art in the Age of Mechanical Reproduction. Selected Essays*. Medium. (In Russian).

Castells, M. (1996). *The Information Age: Economy, Society and Culture* (Vol. 1–3). Cambridge.

Castells, M. (2001). *The Internet Galaxy: Reflections on the Internet, Business, and Society*. OUP Oxford. https://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780199255771.001.0001

Castells, M. (2004). Foreword to the Russian edition of the book: The Internet Galaxy: Reflections on the Internet, Business, and Society. In V. Kharitonov (Ed.), & A. Matveev (Trans.), *The Internet Galaxy: Reflections on the Internet, Business, and Society* (pp. 5–9). U-Faktoria. (In Russian).

Deleuze, J. (2004). *Cinema*. Ad Marginem. (In Russian).

Eisenstein, S. M. (1964). Behind the Scenes. In S. M. Eisenstein, *Selected Works in 6 Volumes* (Vol. 2, pp. 283–296). Iskusstvo. (In Russian).

Fromm, E. (2006). *The Revolution of Hope, toward a humanized technology* (T. V. Panfilova, Trans.). AST. (In Russian).

Kirillova, N. B. (2015). Concepts of Mediology as a Synthetic Science of XXI Century. *Asian Social Science*, 11(8), Article 8. https://doi.org/10.5539/ass.v11n8p173

Kirillova, N. B. (2016). Evolution of Media Culture in the Context of McLuhans Typology: History, Reality, Prospects. *Global Media Journal*, 14(26).

Kirillova, N. B. (2020). Media Culture of a Globalised World: Evolution of Language Technologies. *Changing Societies & Personalities*, 4(4), 427. https://doi.org/10.15826/csp.2020.4.4.109

Kristeva, J. (2004). *The Destruction of Poetics. Selected Works*. ROSSPEN. (In Russian).

Lotman, Y. M. (2000). The structure of the artistic text. In *About art*. Iskusstvo. (In Russian).

Manovich, L. (2001). *The Language of New Media*. The MIT Press. https://doi.org/10.22230/cjc.2002v27n1a1280

Manovich, L. (2013). Media After Software. *Journal of Visual Culture*, 12(1), 30–37. https://doi.org/10.1177/1470412912470237

Marcuse, H. (1994). *One-Dimensional Man: Studies in the Ideology of Advanced Industrial Society* (A. Yudin, Trans.). REFL-book. (In Russian).

McLuhan, G. M. (2003). *Understanding Media: The Extensions of Man* (V. Nikolaev, Trans.). Kanon-press. (In Russian).

McLuhan, G. M. (2018). *The Gutenberg Galaxy: The Making of Typographic Man* (I. O. Tyurina, Trans.). Akademicheskij proekt. (In Russian).

Packer, R., Jordan, K., Gibson, W., & Anderson, L. (2001). *Multimedia: From Wagner to virtual reality* (Expanded edition). W.W. Norton & Company.

Teo, A. R. (2013). Social isolation associated with depression: A case report of hikikomori. *International Journal of Social Psychiatry*, 59(4), 339–341. https://doi.org/10.1177/0020764012437128

Toffler, A. (1970). *Future shock*. Random House.

Toffler, A. (1980). *The third wave*. Morrow.

Toffler, A. (2003). *Powershift: Knowledge, Wealth and Violence at the Edge of the 21st Century*. AST. (In Russian).

Список литературы

A virtual counter-revolution. Briefing: The future of the Internet. (2010, September 2). *The Economist*. https://www.economist.com/briefing/2010/09/02/a-virtual-counter-revolution

Adorno, T. W., & Horkheimer, M. (1944). The Cultural Industry: Enlightenment as Mass Deception. In *Dialectic of Enlightenment* (pp. 120–168). Verso.

Arquilla, J., Ronfeldt, D., Barnes-Proby, D., Williams, E., & Christian, J. (1999). *The Emergence of Noopolitik: Toward An American Information Strategy*. RAND National Defense Research Institute. https://doi.org/10.7249/MR1033

Castells, M. (1996). *The Information Age: Economy, Society and Culture* (Vol. 1–3). Cambridge.

Castells, M. (2001). *The Internet Galaxy: Reflections on the Internet, Business, and Society*. OUP Oxford. https://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780199255771.001.0001

Kirillova, N. B. (2015). Concepts of Mediology as a Synthetic Science of XXI Century. *Asian Social Science*, 11(8), Article 8. https://doi.org/10.5539/ass.v11n8p173

Kirillova, N. B. (2016). Evolution of Media Culture in the Context of McLuhans Typology: History, Reality, Prospects. *Global Media Journal*, 14(26).

Kirillova, N. B. (2020). Media Culture of a Globalised World: Evolution of Language Technologies. *Changing Societies & Personalities*, 4(4), 427. https://doi.org/10.15826/csp.2020.4.4.109

Manovich, L. (2001). *The Language of New Media*. The MIT Press. https://doi.org/10.22230/cjc.2002v27n1a1280

Manovich, L. (2013). Media After Software. *Journal of Visual Culture*, 12(1), 30–37. https://doi.org/10.1177/1470412912470237

Packer, R., Jordan, K., Gibson, W., & Anderson, L. (2001). *Multimedia: From Wagner to virtual reality* (Expanded edition). W.W. Norton & Company.

Teo, A. R. (2013). Social isolation associated with depression: A case report of hikikomori. *International Journal of Social Psychiatry*, 59(4), 339–341. https://doi.org/10.1177/0020764012437128

Toffler, A. (1970). *Future shock*. Random House.

Toffler, A. (1980). *The third wave*. Morrow.

Барт, Р. (2008). *Мифологии* (С. Зенкина, Пер.). Академический проект.

Бахтин, М. М. (2017). *Проблемы поэтики Достоевского*. Азбука.

Белл, Д. (2000). *Грядущее постиндустриальное общество*. Academia.

Беньямин, В. (1996). *Произведение искусства в эпоху механического воспроизводства. Избранные эссе*. Медиум.

Бодрийяр, Ж. (2007). *К критике политической экономии знака*. Академический проект.

Делёз, Ж. (2004). *Кино*. Ад Маргинем.

Кастеллс, М. (2004). Предисловие к российскому изданию книги: Галактика Интернет: Размышления об Интернете, бизнесе и обществе. В В. Харитонов (Ред.), & А. Матвеев (Пер.), *Галактика Интернет: Размышления об Интернете, бизнесе и обществе* (сс. 5–9). У-Фактория.

Кристева, Ю. (2004). *Разрушение поэтики. Избранные работы*. РОССПЭН.

Лотман, Ю. М. (2000). Структура художественного текста. В *Об искусстве*. Искусство.

Маклюэн, Г. М. (2003). *Понимание медиа: Внешние расширения человека* (В. Николаев, Пер.). Канон-пресс.

Маклюэн, Г. М. (2018). *Галактика Гутенберга. Становление человека печатающего* (И. О. Тюрина, Пер.). Академический проект.

Маркузе, Г. (1994). *Одномерный человек. Исследование идеологии развитого индустриального общества* (А. Юдин, Пер.). REFL-book.

Тоффлер, Э. (2003). *Метаморфозы власти. Знание, богатство и сила на пороге XXI века*. АСТ.

Фромм, Э. (2006). *Революция надежды. Навстречу гуманизированной технологии* (Т. В. Панфилова, Пер.). АСТ.

Эйзенштейн, С. М. (1964). За кулисами. В С. М. Эйзенштейн, *Избранные произведения в 6 томах* (Т. 2, сс. 283–296). Искусство.

Galactica Media: Journal of Media Studies. 2022. No 4 | ISSN: 2658-7734
General Theory | https://doi.org/10.46539/gmd.v4i4.287

Scientists in Power in Science and Techno-Utopias ("Flight of the Earth" and "The Transhumanist Wager")

Svetlana V. Shibarshina

Russian Society for the History and Philosophy of Science. Moscow, Russia.
Email: svet.shib[at]gmail.com

Received: 14 May 2022 | Revised: 30 July 2022 | Accepted: 9 August 2022

Abstract

The article considers the social-political power of scientists and engineers in science fiction illustrated by F. Carsak's "Flight of the Earth" and Z. Istvan's "The Transhumanist Wager". These novels depict scientists and engineers as full-fledged political agents possessing or sharing with others the supreme power and describe situations of conflicts between them and other social groups. The article focuses on how such utopias deal with scientists' social responsibility and interactions between scientists and non-scientists. In F. Carsak's novel, scientists form the social-political group of technas along with technicians and engineers. They behave in a noble, highly moral, hyper-responsible and self-sacrificing way. As for Z. Istvan, he empowers transhumanists who have taken over the world and founded a global technological society; yet, he says nothing about their social and ethical responsibility. Another most important component of the plot is the confrontation between scientists and "ordinary citizens". The author finalizes her article with the following conclusions. First, both novels ignore the complex nature of scientists and engineers as social groups and of the intersection of interests between scientists and non-scientists. F. Carsak portrays the technas as a close-knit community, a collective consciousness endowed with organic solidarity and collective identity. Secondly, both novels are marked with a certain schematicity of the patterns, such as science vs religion, scientists as carriers of progress, etc. Third, both novels appear belletristic manifestos: "The Flight of the Earth" is full of philosophical optimism, while "The Transhumanist Wager" seems a manifesto of techno-scientific rationalism, ethical individualism and rational egoism.

Keywords

Political Agency of Science; Science Utopia; Techno-Utopia; Scientists' Governance; Science and Society; Francis Carsak; Techna; Trills; Zoltan Istvan; Transhumanism

This work is licensed under a Creative Commons «Attribution» 4.0 International License

Galactica Media: Journal of Media Studies. 2022. No 4 | ISSN: 2658-7734
Общетеоретические вопросы | https://doi.org/10.46539/gmd.v4i4.287

К проблеме власти ученых в научных и техно-утопиях (на примере романов «Бегство земли» и «Пари трансгуманистов»)

Шибаршина Светлана Викторовна

Межрегиональная общественная организация «Русское общество истории и философии науки». Москва, Россия. Email: svet.shib[at]gmail.com

Рукопись получена: 14 мая 2022 | Пересмотрена: 30 июля 2022 | Принята: 9 августа 2022

Аннотация

В статье исследуется проблема социально-политической власти научной и инженерно-технической интеллигенции в научной фантастике (на примере романов «Бегство Земли» Ф. Карсака и «Пари трансгуманистов» З. Иштвана). Вышеуказанные произведения выбраны автором потому, что, во-первых, учёные в них являются полноценными политическими субъектами, составляющими фундамент верховной власти. Во-вторых, в романах описывается противостояние между учёными и другими социальными группами. Автор фокусируется на том, как в подобных утопиях решается проблема социальной ответственности учёных и взаимодействия между учёными и не учёными. В романе Ф. Карсака учёные входят в социально-политическую группу текнов наряду с техниками и инженерами и описываются как благородная высокоморальная и гипер-ответственная прослойка общества, готовая на самопожертвование ради научно-технического прогресса. У З. Иштвана это трансгуманисты, путем революции захватившие весь мир и основавшие глобальное технологическое общество: проблема их социальной и этической ответственности здесь не рассматривается. Другой существенной проблемой является противостояние между учёными и «обычными гражданами» как важнейшая составляющая сюжета обоих произведений. В заключении автор приходит к следующим выводам. Во-первых, в обоих романах не показан, либо поверхностно отражен сложный характер социального состава научной и инженерно-технической интеллигенции, а также за рамками остаются сложные пересечения интересов между учеными и не учёными. Ф. Карсак изображает текнов как некую сплоченную общность, коллективное сознание, наделенное органической солидарностью, в духе коллективной идентичности. Во-вторых, у обоих авторов ощущается некая схематичность предложенных паттернов (наука vs религия, учёные как носители прогресса и т.д.). В-третьих, оба романа напоминают художественные манифесты: «Бегство Земли» – манифест научно-технологического и социально-философского оптимизма, «Пари Трансгуманистов» – манифест техно-научного рационализма, этического индивидуализма и рационального эгоизма в обертке трансгуманистической идеологии.

Ключевые слова

политическая субъектность науки; научная утопия; техно-утопия; власть учёных; наука и общество; Франсис Карсак; текны; триллы; Золтан Иштван; трансгуманизм

Это произведение доступно по лицензии Creative Commons “Attribution” («Атрибуция»)4.0 Всемирная

Введение

Развитие современного общества, формирование высокотехнологичной экономики подразумевают активное использование научно-технического знания. При этом область науки и технологий приобретает определенный политический статус, связанный со всё большей возможностью оказывать влияние на принимаемые политические и социальные решения. Развитие научного знания приводит к формированию новых социально-политических повесток, где важнейшими вопросами становятся программы трансгуманизма, формирования новой «зеленой» экономики, так называемого «умного» движения[1] и т.д. Вместе с тем в настоящее время научно-технические проблемы всё чаще выносятся на широкое общественное обсуждение, а взаимодействие науки и иных социальных акторов трансформируется в ответ на изменяющийся научный, социальный, политический, экономический и прочий контекст.

Современные исследования политической роли науки обращаются к анализу политико-экономической составляющей науки и техники и роли науки в принятии экономических и политических решений, к определению специфики технонауки и механизмов управления в этой области, к вопросу о науке как общественном благе и т.д. При этом дискуссионным остаётся вопрос о том, превратило ли это науку в политический субъект (Касавин, 2020, с. 3). Несмотря на существенное значение, которое область науки и техники имеет в становлении европейской цивилизации, вряд ли можно утверждать, что это сделало ученых полноценной социально-политической силой. В сегодняшнем политическом климате наука «не участвует в политике независимым образом в качестве самостоятельного актора», равноценного участника политических процессов (Порус, Бажанов, 2021, с. 15).

Кроме того, следует иметь в виду распределённый характер современной науки как социального института, который не исчерпывается научным сообществом как участником производства и экспертизы научного знания. С этой точки зрения, наука в целом «не является целостным, властным» политическим субъектом, «не представляет собой скоординированной системы коммуникации и субординации» (Касавин, 2020, с. 12). В обсуждении научных открытий, новых технологий и их последствий принимают участие различные политические и социальные группы. Это дает возможность учёным привлечь на сторону науки и технологий больше сторонников и одновременно с этим усложняет задачу продвижения научных интересов в социально-политическом поле в контексте многоакторности социального процесса.

Возможна ли ситуация, в которой научно-техническая интеллигенция играла бы решающую роль в социально-политическом управлении? Подобное

1 (От англ. smart). Под ним также понимается внедрение IoT в управление всеми процессами на планете, хотя существуют и другие трактовки.

реализуется в научно-технических утопиях, основанных на сциентократии (власти учёных) либо технократии (власти научно-технических специалистов). Идеи Ф. Бэкона о государственном устройстве научного исследования, изложенные им в утопии «Новая Атлантида» (Bacon, 2010), по сути заложили мировоззренческие основания для выделения особой области науки и технологий, а также её представителей в качестве существенной политической силы. В подобной ассоциации утопия Ф. Бэкона нередко прочитывается как убеждённость в том, что не существует границ господства людей над окружающим миром. Ряд трансгуманистов также видят в нём одного из своих предтеч (More, 2013; Hughes, 2012; Whitney, 2018 и др.), угадывая в «Новой Атлантиде» прообраз «прототрансгуманистической утопии без рабства и бедности, управляемой религиозно терпимой научной элитой и сосредоточенной на исследованиях, нацеленных на то, чтобы “все вещи стали возможными”» (Hughes, 2012, p. 758).

В рамках бэконианского представления учёные имеют особый, высокий статус в обществе, образуя своего рода орден, пользующийся исключительным положением в стране, полной государственной поддержкой и почестями, владеющий природными ресурсами, зданиями, коллекциями, инструментами. В контексте всего наследия Ф. Бэкона его проект «Великое Восстановление Наук» подразумевает «жёсткое разделение научной и профанной сфер жизни» (Дмитриев, 2015, с. 10). Доступ к знанию возможен только для «посвященных», а все остальные просвещаются с ведома эпистемократов и знакомы, как правило, лишь с конечным продуктом некоторых научных открытий. Подобное привилегированное положение наделяет научное сообщество особой социально-политической силой, важной в контексте дискуссии о политической субъектности науки.

В той или иной степени, высокий социально-политический статус научной и инженерно-технической интеллигенции прослеживается в ряде научно-фантастических произведений, к примеру, в социально-фантастической повести А. и Б. Стругацких «Трудно быть богом» (1964). Учёные здесь всемогущи, но предпочитают не вмешиваться напрямую в ход истории, «помогая» историческому прогрессу. При этом их образ вполне соответствует широко распространённым представлениям о людях науки, сложившимся в СССР конца 1950-х – начала 1960-х гг. (Филиппов, 2021, с. 496). Советская научно-академическая интеллигенция того периода вообще самоидентифицировалась как особая, элитарная группа, что обусловлено социальными условиями развития науки в Союзе тех времен: престижем научной и академической деятельности, высокими общественными ожиданиями от науки, а также созданием особой среды для плодотворных научных исследований – относительно автономных научных центров (там же).

Вообще говоря, в советской масс-культуре образ учёного-героя, подвижника был весьма распространен, особенно в эпоху Сталина, будучи частью общей культурно-идеологической стратегии, основанной в том числе

на конструировании «людей новой эпохи» (см., напр. Абрамов, 2013, с. 84). Образы «благородных» учёных плотно населяли советскую массовую культуру, включая научную фантастику. Неслучайно в Советском Союзе был популярен Франсис Карсак (псевдоним французского учёного, геолога, археолога и писателя-фантаста Франсуа Борда (фр. François Bordes; 1919–1981)), предложивший образ учёных у власти, способных решать любые глобальные проблемы, высокоморальных, далеких от корысти, действующих во благо науки и социального прогресса.

Тема успешности политической власти научной и технической интеллигенции обнаруживается также в современных художественных произведениях, к примеру, З. Иштвана, обретая при этом новые грани интерпретации.

Утопия Ф. Карсака как пример научно-технологического и социально-философского оптимизма

> Никогда не отчаивайтесь! Даже если будущее покажется вам беспросветным, даже если вы узнаете, что ваша цивилизация исчезнет подо льдами нового палеолита, не прекращайте борьбу! (Ф. *Карсак «Бегство Земли»*)

В научно-фантастическом романе «Бегство Земли» (Terre en fuite, 1960; на русском языке впервые опубликован в 1972 г.) рисуется картина героических подвигов учёных и инженеров, а также их противостояния с другими социальными группами (Карсак, 1972). Землянин по имени Орк Акеран делает масштабное по своим последствиям астрономическое открытие, свидетельствующее о том, что через несколько лет Солнце взорвется и поглотит большую часть Солнечной системы, включая Землю. Правительство человеческой цивилизации приходит к решению, которое подается в романе как единственно правильное, – установить сверхмощные космомагниты на полюсах Земли и Венеры (эта планета также давно колонизирована людьми) и отбуксировать небесные тела, включая Луну, в соседнюю звёздную систему. Уровень поставленных задач предельно высок, и решить их необходимо меньше чем за десятилетие.

Роман повествует о далеком будущем Земли, в котором человечество состоит из двух непропорциональных по численности групп ***текнов и триллов***. Первые – меньшинство, являющее собой основу научно-технического прогресса человечества: это учёные, исследователи, инженеры, техники, врачи. Вторые – большая часть населения планеты, включающая всех остальных.

Текны являются верховной властью планеты, формируя Совет Властителей, включающий самых компетентных специалистов в своей области (Властителя Неба – главного астрофизика; Властителя Жизни – главного биолога и т.д.). Помимо них существует Правительство триллов, которое

должно работать в чёткой координации и согласии с Советом. При этом рассказчиком с самого начала оговаривается, что текны властью не злоупотребляют.

Разделение на группы возникло на одном из витков человеческой истории, когда земляне выработали совместную стратегию по поводу того, как быть с новейшими технологиями и фундаментальными знаниями. Неконтролируемый доступ грозил подорвать само существование человечества, и решено было перепоручить контроль над наукой исключительно текнам. Последние при этом *не являются замкнутой или наследственной кастой*. Разделение на текнов и триллов происходит путём специальных экзаменов-испытаний после окончания учебного заведения, и каждый учащийся в зависимости от своих способностей и наклонностей получает звание текна или трилла. Трилл, который позднее проявляет какие-либо способности к науке, может ходатайствовать о переводе его в категорию текнов, что, однако, случается редко. Может произойти и обратное, если Совет уличит текна в нечистоплотности.

При этом вряд ли можно утверждать, что Ф. Карсак предлагает модель особой «касты учёных». Скорее он, на наш взгляд, тестирует на страницах романа идею о *компетентных и ответственных учёных*, которые объединились в огромную всепланетарную корпорацию ради управления человечеством. По словам рассказчика (им является главный герой, Орк Акеран), между двумя группами нет ни соперничества, ни вражды, поскольку звание текна в обычное время не даёт никаких общественных преимуществ. Зачастую в одной семье уживаются и триллы, и текны. Каждый ребенок от рождения имеет одинаковые права, и общество описывается автором как подлинно демократическое (демократическое в понимании Ф. Карсака). Вместе с тем *о полном равноправии речь в романе не идёт*.

Основой цивилизации является представление о науке как о могучем, благородном и очень опасном оружии, поэтому научные открытия доверяются проверенным людям, не имеющим корыстных интересов в их использовании. Полуобразованные дилетанты считаются опасными, поэтому *отсутствует открытое массовое научное просвещение*. Здесь, на наш взгляд, прослеживается ненамеренное сходство с моделью организации науки в «Новой Атлантиде» Ф. Бэкона, где доступ к научному знанию строго ограничен узким кругом посвящённых, что в бэконианской утопии гарантирует развитие науки исключительно во благо общества (Schwartz, 2014).

В «Бегстве Земли» ситуация в той или иной степени схожа. Текны должны торжественно поклясться перед Советом Властителей, что никогда никому не откроют никаких научных знаний, кроме тех, которые можно распространять. Клятва подразумевает, что текн способен превзойти собственную гордость, тщеславие, корысть, небрежение и любые политические расчеты и *не имеет права разглашать научные сведения триллам* без разрешения

Совета Властителей. Закон текнов суровее и требовательнее закона триллов, поскольку текны несут особую ответственность перед всем человечеством, причем как перед современниками, так и потомками. Среди текнов же никаких ограничений не существует, и между собой они могут свободно обсуждать любую проблему, даже если работают в разных областях.

Существует ли при этом равноценное разделение власти между текнами и триллами? На наш взгляд, нет. Описываемая цивилизация представляет собой единое глобальное сообщество, подчиненное единому правительству – Совету Властителей. Сосуществование текнов и триллов напоминает следующую ситуацию: в процессе обсуждения и принятия решений формально могут участвовать и те, и другие, однако ряд высших органов управления закрыт для непосвященных. Что примечательно, описываемые Карсаком сюжетные перипетии наводят на мысль о том, что именно подобным образом организованное человечество легче мобилизовать на глобальные проекты, нежели общество, построенное на принципах делиберативной демократии. В самом деле, когда астрофизики выяснили, что Солнце в ближайшем будущем должно взорваться и уничтожить огненным ураганом Меркурий, Землю и всю Солнечную систему, Совет Властителей наук через правительство триллов ввел закон Алькитта, который позволял Совету в случае необходимости мобилизовать все энергетические и людские резервы Земли и Венеры, и с этого момента всё на обеих планетах было подчинено одной великой цели.

Франсис Карсак в своём романе-утопии выступает с позиции научного и, шире говоря, философского оптимизма. В духе своего предшественника Жюля Верна он пишет свой роман в эпоху технологического и социального оптимизма, на рубеже 1950-1960-х годов. При этом верно и то, что утопиям в целом свойственно гипертрофировать тот мировоззренческий фундамент, на котором они основаны. Как отмечает Е.Л. Черткова, и для утопизма в широком смысле слова, и для сциентизма характерны гипертрофированный негативизм в отношении иных способов познания, которые трактуются как ненаучные, иррациональные (Черткова, 2010, с. 267).

С первой же главы читателю передается авторская уверенность в том, что какая бы катастрофа ни грозила отдельному человеку и всему человечеству в целом, человечество – прежде всего в лице научной и инженерно-технической интеллигенции – способно с помощью разума, научного творчества, практики и создаваемых технологий решать глобальные проблемы. В частности, Орк, как всякий текн, «воспитан на мысли, что *человек может и должен бороться с враждебными силами природы*», и ему «*трудно было поверить, что кто-то думает иначе*» (Карсак, 1972), в чем опять видятся отголоски социально-философского оптимизма самого автора и его эпохи.

«Изнаночная» сторона утопии, или сопротивление триллов

– А кто подтвердит, что всё это правда? Вы мне можете это доказать?

– И вы ещё были текном! – с горечью воскликнул я. – Неужели вы думаете, что можно так просто доказать нечто бесконечно сложное? Мне самому понадобилось несколько недель, чтобы всё понять до конца.

– Иными словами, вы отказываетесь?

– Я просто не могу. Поверьте, я предпочел бы вас убедить с цифрами в руках...

– В таком случае мне здесь больше нечего делать.

(*Ф. Карсак «Бегство Земли»*)

Хотя рассказчиком и утверждается, что между текнами и триллами нет противоречий, обнаружение опасности глобальной катастрофы активизировало весьма нетерпимую часть населения из триллов – фаталистов. Следует отметить, что в романе большая часть людей будущего – атеисты; тем не менее, некоторые верования еще остались. Среди них «верование Книги Киристан», что, по всей видимости, созвучно современному христианству. Часть киристан упорно сопротивляется идее спасения человечества, утверждая, что если Солнце взорвётся, значит, такова судьба, фатум, рок, и Земля должна погибнуть. По мнению фаталистов, спасая свою плоть, люди губят душу, и солнечный огонь должен очистить их. По словам текнов, они основывают свою веру на «всяких вздорных пророчествах, сохранившихся в священных книгах киристан» (Карсак, 1972). При этом законы карсаковской цивилизации гарантируют свободу мысли и вероисповеданий, и полиция не может арестовать человека лишь за его верования.

Вполне вероятно, здесь Ф. Карсак отразил реальные настроения, возникшие в послевоенном европейском обществе и отмеченные враждебностью по отношению к науке и технологиям. После Второй мировой войны оптимистичная вера в разум и науку стала уступать всё большей убеждённости в том, что именно научно-технический прогресс стал причиной массовых разрушений и страданий. Часть общественности опасалась непредсказуемости практических и моральных последствий развития науки, того, что она по сути своей «вмешивается в естественный порядок вещей» (Hobsbawm, 1994, p. 530; Schirrmacher, 2013, p. 393).

Отразил Ф. Карсак и известную проблему популяризации науки: как доступно объяснить научное знание не учёному? В его романе текны ничего не могут объяснить триллам: метод расчётов, позволивший обнаружить, что Солнце скоро взорвется, доступен лишь нескольким десяткам мате-

матиков на всей планете. Как отмечает рассказчик, текны «сами стали жертвами своей старой политики значительного ограничения знаний масс», и теперь из-за нее «не могли объяснить народу, насколько реальна была нависшая над ним угроза, причём объяснить так», чтобы их поняли (Карсак, 1972). Мало того, среди самих текнов лишь немногие могли усвоить выдвигаемые доказательства. Таким образом, даже сам автор намекает на неидеальность описанной им модели социума, управляемого Советом Властителей Наук.

Если соотнести описываемую ситуацию с реальностью, мы можем обнаружить, что современная экстра-научная коммуникация часто сталкивается с этическими коллизиями. В идеале основной задачей коммуникатора становится максимально объективная и доступная для понимания передача научных знаний не-экспертной аудитории. Однако на практике всё гораздо сложнее. Как отмечают Роберт О. Кохейн и его коллеги, применение этических норм в экстра-научной коммуникации зависит от характера аудитории, с которой взаимодействуют ученые, а также от целей общения (Keohane, Lane & Oppenheimer, 2014, p. 349–350). Более того, данные нормы могут вступать в конфликт друг с другом.

В частности, они указывают на коллизию между точностью, тщательностью и прозрачностью научного сообщения, с одной стороны, и релевантностью сообщения для аудитории, с другой (2014, p. 353). По словам Оноры О'Нил, передача научного знания «этически приемлема только тогда, когда она происходит в форме, доступной для понимания и оценки аудиторией» (2002, p. 186). То есть качественное с точки зрения научного дискурса объяснение может показаться «китайской грамотой» обывателю и, таким образом, оказывается неприемлемым. В определенных случаях, как отмечает С. Джон, даже честность может вступить в конфликт с релевантностью сообщения для аудитории, будучи опасной (2017). Например, учёные могут считать правдоподобными определённые выводы относительно изменения климата, сделанные на основе проведённых исследований, которые ещё не прошли процесс научного рецензирования. Однако делиться подобными выводами с общественностью было бы этически неуместно.

В романе Ф. Карсака текны оказываются не в состоянии решить данную проблему, адекватно объяснить сложное научное открытие и убедить радикально настроенную часть триллов в своей точке зрения. Главный герой Орк Акеран, назначенный Координатором общего проекта по спасению цивилизации, вынужден встретиться на личных переговорах с Ужьяхом, главой экономистов, который изначально был отнесен к текнам, однако в 17 лет исключен из этой категории как неспособный заниматься науками и властолюбивый. Глава экономистов настаивает на отмене привилегий текнов и передачи общего руководства проекта по спасению правительству триллов; также он обвиняет Совет в распространении сознательной лжи относительно буду-

щего состояния Солнца. Ужьях требует неопровержимых доказательств того, что людям грозит катастрофа. Главный герой замечает в ответ, что *нечто бесконечно сложное* невозможно доказать в двух словах, однако лидер экономистов решает, что ученый просто не желает ничего ему объяснять, и прекращает дальнейшее общение с Координатором. На наш взгляд, Ужьях в данном случае воплощает собой «обывателя», «широкую публику», приписывая мотивам учёных лишь пустое любопытство к тому, что находится за пределами изученной части Космоса.

Поскольку мирный диалог между текнами и триллами не состоялся, последовало восстание триллов, устроенное фаталистами и включавшее террористические акты, преследования и убийства текнов. Здесь мы сталкиваемся с такой ситуацией, когда учёные решаются на крайние насильственные действия. Совет принимает решение убить всех мятежников, объясняя это тем, что нельзя «позволить этим кретинам отнять у человечества единственную возможность выжить ради удовлетворения их мании» (Карсак, 1972). Это позволило осуществить проект «бегства» Земли и Венеры.

В романе триллы, можно сказать, олицетворяют вненаучные круги в связке «наука-общество», в настоящее время именуемые «обычными гражданами», «профанами», «не учёными», «обывателями», «широкой публикой» и т.п. Карсак показывает определенные дилеммы взаимоотношений между учеными и не учёными на показательном примере внештатной ситуации глобальной угрозы. Однако в обычное время их отношения описываются как относительно гармоничные и бесконфликтные, что в действительности выглядит довольно утопично. Почему религиозная группа фаталистов проявила себя только в ситуации глобальной угрозы? Неужели до этого они молчаливо принимали все решения Властителей Наук? Делая скидку на то, что это художественный вымысел[1], отметим, что многие аспекты сосуществования различных социальных групп не освещены автором, поскольку этого не требовал задуманный им сюжет. Здесь нет места описанию и оценке публичных дискуссий: социальные, технические, политические и прочие проблемы решаются в ходе собрания Совета должностными лицами. По всей видимости, отчетность перед широкой публикой и учёт её мнения сведены к минимуму.

Подобное обстоятельство вполне объяснимо с точки зрения более широкого социального контекста эпохи написания романа: модель общественного участия в процессах производства и оценки научно-технического знания и его продуктов стала развиваться позже 1960-х гг. Исторически информирование общественности о научной деятельности было инициировано самим научным сообществом, а не широкой общественностью, что связано с потребностью научного сообщества в общественной поддержке и средствах на проведение исследований (Абрамов, Кожанов, 2015, с. 49). Кроме того, в 1960-е гг.

1 Ограниченные проблематикой исследования и объёмом статьи, мы оставляем за рамками обсуждения вопрос об эстетической деконструкции реальности в романе.

господствовал формат научной коммуникации, получивший название модели когнитивного дефицита (Bucchi, 2008), которая не учитывала интересы и потребности самой общественности, культурный контекст своей разнообразной аудитории. Соответственно, вряд ли справедливо упрекать Ф. Карсака в отсутствии у него современного представления о делиберативно-демократическом участии общественности в экспертизе науки и технологий. Кроме того, социально-политический статус текнов и не требовал завоевания социальной поддержки.

Тем острее воспринимается конфликт между текнами и триллами. Напомним, что сама сложность цивилизации, описанной Карсаком, требовала, чтобы правительство было коллегиальным со строгим иерархическим разделением функций. В определенной степени это напоминает идею эпистемического разделение труда, описанную, к примеру, Филипом Китчером. В рамках подхода Китчера учёные представляются обладателями исключительных компетенций, делающих их ответственными за порождение знаний наивысшей эпистемической ценности (2011). Китчер не обсуждает всерьёз возможность реального участия общественности в экспертизе. Однако карсаковская картина отношений между учеными и не учёными заходит куда дальше и исключает даже научно-техническое просвещение масс.

Власть учёных Ф. Карсака и трансгуманистическая утопия З. Иштвана

Описанная Ф. Карсаком картина отношений между текнами и триллами выглядит более гуманной по сравнению с техно-утопией современного писателя-трансгуманиста Золтана Иштвана, который в «Пари трансгуманистов» (The Transhumanist Wager, 2013) отразил противостояние, с одной стороны, между сторонниками свободы научного прогресса и противниками религии, а с другой – техноалармистами, включая религиозных фундаменталистов (Istvan, 2013). В конце показана тотальная победа первых, вкупе с наступлением трансгуманистического «рая», не допускавшего альтернативных трансгуманизму идеологий и построенного буквально на костях противников трансгуманизма. В целом, как и у Карсака, власть научной и инженерно-технической интеллигенции описывается Иштваном положительно. Оба автора не прорабатывают подробно этические и моральные аспекты всевластия науки, сциентистского мировоззрения и социального проектирования. При этом Карсак, в отличие от Иштвана, акцентирует некоторое внимание на строгом осознании учёными своей социально-этической ответственности в деле научных открытий. Текны должны руководствоваться исключительно общественными интересами в реализации своего научного призвания (это напоминает принцип внезаинтересованности в этике науки Роберта Мёртона), а также не имеют права разглашать триллам информацию о научных открытиях. В романе Иштвана научно-техническое просвещение,

напротив, не просто открыто для всех, но и активно насаждается среди широких слоёв населения. При этом у него отсутствуют какие-либо указания на ответственность научной и инженерно-технической интеллигенции перед обществом. Демократическая партиципация у Иштвана также отсутствует.

Далее, у Иштвана философско-мировоззренческий фундамент романа завязан на идеях рационального и этического эгоизма, на безоговорочном принятии принципа индивидуализма, отвергающего любые формы коллективизма и примат общественных интересов над индивидуальными (подр. см.: Шибаршина, 2021). По замечанию М. Хаускеллер, это своего рода «леденящая кровь смесь технофилии, этического эгоизма, социального дарвинизма, антирелигиозности, антиконсьюмеризма, антиэгалитаризма и противостояния концепции всеобщего благосостояния» (Hauskeller, 2016, p. 93). Карсак, наоборот, описывает общество, которое, хотя и построено на рациональных началах, но нацелено прежде всего на общественные приоритеты – вплоть до ситуаций подвижничества ради науки (пример главы археологической экспедиции на Марс, который отдал свою жизнь, чтобы передать согражданам знания о необходимых им технологиях космических путешествий). В рамках типологии Р. Хейнс, выделившей несколько наиболее распространённых стереотипов учёных в западной поп-культуре (Haynes, 2003, p. 244), роман Карсака населяют исключительно благородные учёные и инженеры. Безумных и злодеев среди них нет – однако они имеются среди радикально настроенных триллов (фаталистов и экономистов), что весьма показательно. По сути, Карсак рисует эпическую картину борьбы добра (наука и техника) со злом (противники науки и техники).

В «Пари трансгуманистов» главный герой Джетро Найтс, будущий лидер новой трансгуманистической цивилизации, в студенческие годы посетил форум, где стал свидетелем протеста представителей религиозных конфессий – противников трансгуманизма. Трансгуманисты были представлены небольшой командой, включавшей робототехников, исследователей в области продления жизни, специалиста по крионике, генетика, вирусолога, эксперта по клонированию, специалиста по биоэтике, программиста искусственного интеллекта и т.д. Демонстранты же, более 5000 человек, заполонили улицу перед зданием, где проходил форум; некоторые пришли также и на форум. Протестующие несли транспаранты и вывески: «Искусственный Разум нас уничтожит», «Клонирование – это зло», «Быть человеком значит оставаться человеком», «Биология и Машины никогда не должны сливаться» и т.д. Однако серьезного обсуждения проблемы трансгуманизма не было до тех пор, пока Найтс неожиданно не произнес речь – обычный студент философии, чьё выступление не было запланировано. Провокационные заявления Найтса, а впоследствии и его диссертационная работа, в которой он предложил разработанный им манифест трансгуманизма, обратили на него внимание Президента Всемирного трансгуманистического института.

Несколько позже Найтс попал в список наиболее опасных трансгуманистов, который составлял для себя самопровозглашенный проповедник Церкви Искупления, преподобный Белинас. Последний действовал публично как известный «моральный лидер», оказывающий влияние на общественное мнение и видных политиков, настраивая их против радикального технологического прогресса и фактически ведя социально-политическую войну против трансгуманистического движения. Белинас похитил Найтса, пытаясь избавиться от лидера трансгуманистов, однако будущий глава глобального государства был спасён своими единомышленниками и созданными ими роботами.

В определенном смысле конфликт между трансгуманистическим и радикальным религиозным лагерем напоминает конфликт текнов и триллов (а точнее фаталистов). С одной стороны, противники науки и технологий в обоих романах не настроены на диалог с учёными и готовы к применению насилия для достижения своих целей, с другой же – трансгуманисты и текны так же готовы идти на крайние меры, включая насилие. Найтс начинает глобальную трансгуманистическую революцию и сокрушает противостоящие ему правительства различных стран. При этом он идет гораздо дальше Совета Властителей в «Бегстве Земли», и после установления глобальной диктатуры Трансгумании любые религиозные, политические и мировоззренческие движения оказываются официально запрещенными, в то время как у Карсака религии имеют права на существование. В Трансгумании основной предпосылкой технократии становится насильственно внедряемая вера в то, что наука и технологии с тотальной рационализацией всего – единственный путь к социальному прогрессу и всеобщему счастью. В принципе, в описанном Иштваном сценарии развития романа трансгуманистическая идеология становится своего рода новой религией (Шибаршина, 2021, с. 79), если трактовать последнюю расширительно и не строго.

Хотелось бы к этому добавить, что религия далеко не всегда противостоит науке, тем более в современном мире. Что касается философии, хрестоматийным примером является религиозный космизм; кроме того, в настоящее время существует движение религиозного трансгуманизма (см., напр.: Cole-Turner, 2011; Mercer, Trothen (eds.), 2015) и т.д.

В обоих романах либо вообще не показан, либо поверхностно отражен сложный характер социального состава научной и инженерно-технической интеллигенции. За рамками остались сложные пересечения интересов как разных групп, её составляющих, так и пересечения интересов между нею и не научными группами. Конфликты между различными социальными силами представлены в эпическом духе борьбы добра со злом – учёных и фанатиков-алармистов. И фаталисты с экономистами, и противники трансгуманизма типа Белинаса описываются скорее как опасные безумцы, нежели социальные субъекты со своими мотивами, желаниями, чаяниями и оправданиями.

Ф. Карсак изображает текнов как некую сплочённую общность в духе идей Э. Дюркгейма и других социологов о коллективном сознании, органической солидарности, этосе определённой социальной группы, коллективной идентичности. За рамками остается микро-описание повседневной жизни учёного: в картине Карсака перед нами предстает повседневность на мега- и макро-уровне как нечто типичное для жизни определённой группы людей, объединенной общими ментальными установками, стереотипными реакциями на окружающий мир, где поведение отдельной личности предстает в виде функции господствующего в данном социуме мировоззрения. Не зря рассказчик периодически выдает либо собственные, либо исходящие от других текнов стереотипные реакции на те или иные ситуации. (К примеру, Орк как типичный представитель научной интеллигенции не испытывает симпатии к начальнику секретной информационной службы Совета Властителей, а также недоумевает при виде упорства фаталистов).

Выводы

В целом следует заметить, что и Ф. Карсак, и З. Иштван демонстрируют схематичность предложенных паттернов (наука vs религия, учёные как носители прогресса и т.д.). Оба романа напоминают художественные манифесты: «Бегство Земли» – манифест научно-технологического и социально-философского оптимизма, «Пари Трансгуманистов» – манифест техно-научного рационализма, этического индивидуализма и рационального эгоизма в обертке трансгуманистической идеологии.

Одновременно с этим в обоих произведениях политическая субъектность науки достигает автономии и полноценности, однако это происходит за счёт доминирования сциентизма, научной рациональности и либо вытеснения, либо подчинения научному разуму альтернативных форм разума и практики. В целом, подобная картина нередко наблюдается в утопиях вообще – не зря в XX веке они начинают зачастую восприниматься как анти-утопии. Декларируемая вначале гармония между текнами и триллами оборачивается конфликтами и нестабильным перемирием, хотя, как было упомянуто выше, именно неочевидное, но фактическое доминирование текнов сделало возможным спасение описанной Карсаком цивилизации. В романе же Иштвана социально-политическая победа трансгуманистов позволила уцелевшему человечеству сделать рывок в технологическую сингулярность. В связи с этим возникает вопрос: насколько делиберативное участие широкой публики в процессе оценки науки и технологий способствует / препятствует научно-техническому прогрессу? По сути, научные утопии / техно-утопии представляют собой мысленные эксперименты, тестирующие идею социально-политической власти научно-технической интеллигенции, и выбранные нами авторы фактически указывают на вредность включения не учёных в столь важные вещи. Безусловно, об этом говорилось уже давно (см., напр., «Государство» Платона,

где каждому сословию положено свое место), и ряд более современных утопий как бы следует за классиками. Мы же хотели бы сделать из анализа выбранных утопий три основных вывода: (1) возрастание социально-политической роли научно-технической интеллигенции чревато усилением когнитивного и социально-политического неравенства (об этом свидетельствуют оба романа); (2) участие масс в решении глобальных проблем может быть чревато («Бегство Земли»); (3) власть радикальных сциентистов способна превратить науку в новую религию (в «Пари трансгуманистов», став мировым лидером и ниспровергнув институт религии, Джетро Найтс претендует на то, чтобы стать новым богом). Все это усложняет следующую проблему: на каких условиях возможна полноценная политическая субъектность науки? Не требуется ли для этого слишком больших жертв?..

Благодарности

Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ проект № 21-18-00428 «Политическая субъектность современной науки: междисциплинарный анализ на перекрестье философии науки и философии политики» в Русском обществе истории и философии науки.

Список литературы

Bacon, F. (2010). *The New Atlantis*. Watchmaker Publishing.

Bucchi, M. (2008). Of deficits, deviations and dialogues: Theories of public communication of science. In M. Bucchi & B. Trench (Eds.), *Handbook of Public Communication of Science and Technology* (pp. 57–76). Routledge. https://doi.org/10.4324/9780203928240-11

Cole-Turner, R. (2011). *Transhumanism and transcendence: Christian hope in an age of technological enhancement*. Georgetown University Press.

Hauskeller, M. (2016). *Mythologies of Transhumanism*. Springer International Publishing. https://doi.org/10.1007/978-3-319-39741-2

Haynes, R. (2003). From Alchemy to Artificial Intelligence: Stereotypes of the Scientist in Western Literature. *Public Understanding of Science*, 12(3), 243–253. https://doi.org/10.1177/0963662503123003

Hobsbawm, E. J. (1994). *The age of extremes: A history of the world, 1914-1991* (First American edition). Pantheon Books.

Hughes, J. J. (2012). The Politics of Transhumanism and the Techno-Millennial Imagination, 1626-2030. *Zygon®*, 47(4), 757–776. https://doi.org/10.1111/j.1467-9744.2012.01289.x

Istvan, Z. (2013). *The transhumanist wager*. Futurity Imagine Media LLC.

John, S. (2018). Epistemic trust and the ethics of science communication: Against transparency, openness, sincerity and honesty. *Social Epistemology*, 32(2), 75–87. https://doi.org/10.1080/02691728.2017.1410864

Keohane, R. O., Lane, M., & Oppenheimer, M. (2014). The ethics of scientific communication under uncertainty. *Politics, Philosophy & Economics*, 13(4), 343–368. https://doi.org/10.1177/1470594X14538570

Kitcher, P. (2011). *Science in a democratic society*. Prometheus Books.

Mercer, C. R., & Trothen, T. J. (Eds.). (2015). *Religion and transhumanism: The unknown future of human enhancement*. Praeger, an imprint of ABC-CLIO, LLC.

More, M. (2013). The Philosophy of Transhumanism. In M. More & N. Vita-More, *The Transhumanist Reader: Classical and Contemporary Essays on the Science, Technology, and Philosophy of the Human Future* (pp. 3–17). John Wiley & Sons. https://doi.org/10.1002/9781118555927.ch1

O'Neill, O. (2002). *Autonomy and trust in bioethics*. Cambridge University Press. https://doi.org/10.1017/CBO9780511606250

Schirrmacher, A. (2013). Introduction: Communicating Science: National Approaches in Twentieth-Century Europe. *Science in Context*, 26(3), 393–404. https://doi.org/10.1017/S0269889713000112

Schwartz, D. (2014). Why Bacon's Utopia is not a Dystopia: Technological and Ethical Progress in The New Atlantis. *Utopia in the Arts, Humanities and Social Sciences, University of North Georgia.* Utopia in the Arts, Humanities and Social Sciences, University of North Georgia. https://digitalcommons.northgeorgia.edu/alconf/2014/2014/8/

Whitney, D. (2018, June 7). Salvation Through Science? Bacon's New Atlantis and Transhumanism. *VoegelinView*. https://voegelinview.com/salvation-science-bacons-new-atlantis-transhumanism/

Абрамов, Р. (2013). Популяризация науки в СССР как элемент культурной политики. В *Время, вперед! Культурная политика в СССР* (сс. 80–88). Издательский дом Высшей школы экономики.

Абрамов, Р. Н., & Кожанов, А. А. (2015). Концептуализация феномена Popular Science: Модели взаимодействия науки, общества и медиа. *Социология науки и технологий*, 6(2), 45–59.

Дмитриев, И. С. (2015). Хромой, обгоняющий бегуна (Instauratio Magna Scientiarum Ф. Бэкона как проект создания эффективной институализованной науки). *Социология науки и технологий*, 6(4), 9–33.

Карсак, Ф. (1972). Бегство Земли. В *Львы Эльдорадо. Бегство Земли* (сс. 196–327). Молодая гвардия.

Касавин, И. Т. (2020). Наука как политический субъект. *Социологические исследования*, 7, 3–14. https://doi.org/10.31857/S013216250009293-5

Порус, В. Н., & Бажанов, В. А. (2021). Постнормальная наука: Между Сциллой неопределенности и Харибдой политизации знания. *Философия. Журнал Высшей школы экономики*, 5(4), 15–33. https://doi.org/10.17323/2587-8719-2021-4-15-33

Филиппов, С. И. (2021). Быть Богом: Социальный аспект одной позднесоветской утопии. В *Революция и эволюция: Модели развития в науке, культуре, социуме: Труды III Всероссийской научной конференции* (сс. 495–498). Русское общество истории и философии науки.

Черткова, Е. Л. (2010). Наука в контексте утопии: Уроки истории. *Философия науки и техники*, 15(1), 263–276.

Шибаршина, С. В. (2021). «Пари трансгуманистов» как предложение, от которого нельзя отказаться. *Цифровой ученый: лаборатория философа*, 4(4), 69–82.

References

Abramov, R. (2013). Popularization of Science in the USSR as an Element of Cultural Policy. In *Time, forward! Cultural Policy in the USSR* (pp. 80–88). Higher School of Economics Publishing House. (In Russian).

Abramov, R. N., & Kozhanov, A. A. (2015). Conceptualization of the Popular Science phenomenon: Models of interaction between science, society, and media. *Sociology of Science and Technology*, 6(2), 45–59. (In Russian).

Bacon, F. (2010). *The New Atlantis*. Watchmaker Publishing.

Bucchi, M. (2008). Of deficits, deviations and dialogues: Theories of public communication of science. In M. Bucchi & B. Trench (Eds.), *Handbook of Public Communication of Science and Technology* (pp. 57–76). Routledge. https://doi.org/10.4324/9780203928240-11

Chertkova, E. L. (2010). Science in the Context of Utopia: Lessons from History. *Philosophy of Science and Technology*, 15(1), 263–276. (In Russian).

Cole-Turner, R. (2011). *Transhumanism and transcendence: Christian hope in an age of technological enhancement*. Georgetown University Press.

Dmitriev, I. S. (2015). The Lame One Overtaking the Runner (Bacon's Instauratio Magna Scientiarum as a Project for the Creation of Effective Institutionalized Science).. *Sociology of Science and Technology*, 6(4), 9–33. (In Russian).

Filippov, S. I. (2021). Being God: The Social Aspect of One Late Soviet Utopia. In *Revolution and Evolution: Models of Development in Science, Culture, and Society: Proceedings of the Third All-Russian Scientific Conference* (pp. 495–498). Russian Society for the History and Philosophy of Science. (In Russian).

Hauskeller, M. (2016). *Mythologies of Transhumanism*. Springer International Publishing. https://doi.org/10.1007/978-3-319-39741-2

Haynes, R. (2003). From Alchemy to Artificial Intelligence: Stereotypes of the Scientist in Western Literature. *Public Understanding of Science*, 12(3), 243–253. https://doi.org/10.1177/0963662503123003

Hobsbawm, E. J. (1994). *The age of extremes: A history of the world, 1914-1991* (First American edition). Pantheon Books.

Hughes, J. J. (2012). The Politics of Transhumanism and the Techno-Millennial Imagination, 1626-2030. *Zygon®*, 47(4), 757–776. https://doi.org/10.1111/j.1467-9744.2012.01289.x

Istvan, Z. (2013). *The transhumanist wager*. Futurity Imagine Media LLC.

John, S. (2018). Epistemic trust and the ethics of science communication: Against transparency, openness, sincerity and honesty. *Social Epistemology*, 32(2), 75–87. https://doi.org/10.1080/02691728.2017.1410864

Karsak, F. (1972). The Escape of the Earth. In *Lions of El Dorado. The Escape of the Earth* (pp. 196–327). Molodaja gvardija. (In Russian).

Kasavin, I. T. (2020). Science as a Political Agent. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 7, 3–14. https://doi.org/10.31857/S013216250009293-5 (In Russian).

Keohane, R. O., Lane, M., & Oppenheimer, M. (2014). The ethics of scientific communication under uncertainty. *Politics, Philosophy & Economics*, 13(4), 343–368. https://doi.org/10.1177/1470594X14538570

Kitcher, P. (2011). *Science in a democratic society*. Prometheus Books.

Mercer, C. R., & Trothen, T. J. (Eds.). (2015). *Religion and transhumanism: The unknown future of human enhancement*. Praeger, an imprint of ABC-CLIO, LLC.

More, M. (2013). The Philosophy of Transhumanism. In M. More & N. Vita-More, *The Transhumanist Reader: Classical and Contemporary Essays on the Science, Technology, and Philosophy of the Human Future* (pp. 3–17). John Wiley & Sons. https://doi.org/10.1002/9781118555927.ch1

O'Neill, O. (2002). *Autonomy and trust in bioethics*. Cambridge University Press. https://doi.org/10.1017/CBO9780511606250

Porus, V. N., & Bazhanov, V. A. (2021). Post-Normal Science: Passing the Scylla of Uncertainty and the Charybdis of the Politicization of Knowledge. *Philosophy. Journal of the Higher School of Economics*, 5(4), 15–33. https://doi.org/10.17323/2587-8719-2021-4-15-33 (In Russian).

Schirrmacher, A. (2013). Introduction: Communicating Science: National Approaches in Twentieth-Century Europe. *Science in Context*, 26(3), 393–404. https://doi.org/10.1017/S0269889713000112

Schwartz, D. (2014). Why Bacon's Utopia is not a Dystopia: Technological and Ethical Progress in The New Atlantis. *Utopia in the Arts, Humanities and Social Sciences, University of North Georgia.* Utopia in the Arts, Humanities and Social Sciences, University of North Georgia. https://digitalcommons.northgeorgia.edu/alconf/2014/2014/8/

Shibarshina, S. V. (2021). "Transhumanist wager" as an offer that cannot be refused. *Digital Scientist: The Philosopher's Lab*, 4(4), 69–82. (In Russian).

Whitney, D. (2018, June 7). Salvation Through Science? Bacon's New Atlantis and Transhumanism. *VoegelinView*. https://voegelinview.com/salvation-science-bacons-new-atlantis-transhumanism/

Galactica Media: Journal of Media Studies. 2022. No 4 | ISSN: 2658-7734
Critics & Reviews | https://doi.org/10.46539/gmd.v4i4.292

Review of the Dictionary "Ecology of Human Existence. Part II. Media Ecology"

Dmitry V. Solomko

South Ural State University. Chelyabinsk, Russia. Email: dimiurg85[at]mail.ru

Received: 20 June 2022 | Revised: 14 September 2022 | Accepted: 24 September 2022

Abstract

The subject of this review is the second part of the information-military dictionary "Ecology of human existence: media ecology". The dictionary presents the theme of media ecology or ecology of communications through a number of terms in the aspect of the ecohumanist approach. The authors of the vocabulary articles developed and used it as a new methodology in the study and understanding of the capabilities of modern digital technologies that form the information environment for the existence of a contemporary human. The editors and authors of the vocabulary set a goal of carrying out a philosophical interpretation of the technical and technological conditions of human 'in-der-Welt-Sein', in the aspect of information environment (media space), and propose a new, namely, eco-humanistic approach for solving the main problems of the relationship "human – technical and technological world". The texts of vocabulary articles substantiate the thesis that the capabilities and power of modern digital technologies actualize the need for an eco-humanistic measurement of the relationship "human – technical and technological world", which does not pre-refuse digital technologies, but means the optimal use of all technological tools, taking into account the detection and preservation of their humanistic potential. The review pays attention to the specifics of the theoretical development of the eco-humanistic approach and its main principles: integrity, optimality, coordination, and eco-systemity. As a result of the analysis the reviewer concludes that the eco-humanistic approach proposed and used by the authors will allow to study and explore the processes and phenomena of contemporary culture in a multidimensional manner, to receive a more accurate interpretation of the ways of human existence and eco-cultural practices that ensure the effect of the staneity of the "ecosystems" in the situations of any intensive technological transformations.

Keywords

Human Existence; Technical and Technological World; Digital Technologies; Ecology; Media; Media Ecology; Eco-Humanistic Approach

This work is licensed under a Creative Commons «Attribution» 4.0 International License

Galactica Media: Journal of Media Studies. 2022. No 4 | ISSN: 2658-7734
Критика и рецензии | https://doi.org/10.46539/gmd.v4i4.292

Рецензия на словарь «Экология человеческого бытия. Часть II. Медиаэкология»

Соломко Дмитрий Витальевич

Южно-Уральский государственный университет. Челябинск, Россия.
Email: dimiurg85[at]mail.ru

Рукопись получена: 20 июня 2022 | Пересмотрена: 14 сентября 2022 | Принята: 24 сентября 2022

Аннотация

Предметом рецензирования выступает вторая часть информационно-вводного словаря «Экология человеческого бытия: Медиаэкология». В словаре через ряд терминов представлена тема медиаэкологии, или экологии средств коммуникации, в аспекте экогуманистического подхода, который авторы словарных статей разрабатывают и используют как новую методологию в исследовании и осмыслении возможностей современных цифровых технологий, формирующих информационную среду существования современного человека. Редакторы и авторы словарного издания ставят цель – осуществить философскую интерпретацию технико-технологизированных условий бытия человека-в-мире в информационной среде (медиапространстве) и предложить новый, экогуманистический подход в решении проблемы «человек – технико-технологизированный мир». Тексты словарных статей содержательно обосновывают тезис о том, что возможности и мощь современных цифровых технологий актуализируют потребность именно экогуманистического измерения отношения «человек – технико-технологизированный мир», в котором не предполагается отказ от цифровых технологий, но имеется ввиду оптимальное использование всех технологических средств, с учетом обнаружения и сохранения их человекотворческого, гуманистического потенциала. В рецензии уделяется внимание особенностям теоретической разработки экогуманистического подхода и основным его принципам: целостности, оптимальности, координации и экосистемности. В результате проведенного анализа рецензент приходит к выводу, что предлагаемый и используемый авторами экогуманистический подход позволит многосторонне изучать и исследовать процессы и явления современной культуры, получать более точную интерпретацию способов существования человека и эко-культурных практик, обеспечивающих эффект устойчивости «экосистемы» в ситуациях любых интенсивных технологических трансформаций.

Ключевые слова

бытие человека; технико-технологизированный мир; цифровые технологии; экология; медиа; медиаэкология; экогуманисический подход

Это произведение доступно по лицензии Creative Commons “Attribution” («Атрибуция»)4.0 Всемирная

Введение

Использование современных цифровых технологий в медиапространстве как актуальной информационной среде существования человека дает возможность объединять текст, звук, графику, фото и видео в единый мультимедийный продукт на одной цифровой площадке, которая может быть практически любым цифровым/техническим устройством: персональный компьютер, ноутбук, планшет, смартфон. Диджитализация обусловила специфику коммуникационного процесса практически во всех сферах бытия современного человека, особенностью которого стало многократное увеличение объемов информации, повышение скорости её создания и распространения, а также существенное упрощение способов её передачи. Все это повысило степень проникновения цифровых технологий практически во все сферы существования человека и усилило влияние на его образ мышления и поведения. С развитием и повсеместным использованием цифровых технологий укрепляется доминирующая позиция «информационной парадигмы» жизни и деятельности человека. Среда обитания человека становится информационной. Однако степень и качество освоения информации, когда бы она становилась «личностной», когда в личностном смысле человек что-либо приобретал, резко снижается. Человек просто не справляется с ее объемом, он не успевает ее как следует обдумать, осмыслить. В этой ситуации человек, вероятно, успевает освоить чисто технические навыки по ее обработке (что тоже важно), сформировать умение работать с постоянно обновляющейся информацией, использовать ее в прагматических целях. Однако это не значит, что она освоена/осмыслена, стала знанием.

Доминанта цифровых технологий в коммуникативной деятельности (когда концептуальные основания формируются постфактум, «за» технологиями, хотя они должны, наоборот, фундировать технологии) закрепляет чисто функциональный, технико-технологический, узко-рациональный подходы, которые не учитывают всю сложность и неопределенность основного субъекта информационной среды – человека. Эта сложность фактически обусловливает укрепление тенденции «ухода» от человека, которая особенно явно прослеживается в дискурсах актуальных (нетрадиционных) антропологических концепций. Например, новая форма антропологии – «машинная антропология» – обозначает тенденцию постгуманистического дискурса своеобразного «избавления» от человека, пытаясь высвободить «машинное» и отбросить человеческое как таковое, манифестируя принципиальное «человек – это машина» (Чубаров, 2015, с. 122). На дискурсивном уровне человеческое заменяется машинным – технико-технологическим, виртуальным, цифровым. Иными словами, живое (антропологическое) вытесняется неживым (машинным, техническим), становясь в новом понимании иным живым, иными формами и форматами жизни. Фактически предметом машинной антропологии стано-

вится не столько человек/человеческое, сколько машина/машинное. Из этого следовало бы несколько скорректировать название данного «направления», приведя его в соответствие с представленным содержанием, т. е. называть вещи своими именами, а именно, не «машинной антропологией», но, как минимум, «антропологической машинологией».

Вопрос о перспективах человека как особого рода сущего, сохранении человека и человеческого в нем, его живого начала (*непосредственного сцепления в единство всех природных и социокультурных свойств человека, всякий раз воспроизводящееся в уникальной форме*) в технико-технологизированном мире представляется одним из актуальных и может быть решен посредством развития и расширения вектора экологизации человека и его мира. Необходимо формирование и укрепление своеобразной экологической парадигмы человеческого существования, содержательным выражением которой может стать экогуманистический подход. Он определяется как альтернатива укрепляющейся тенденции технологизации, цифровизации и медиатизации человека и его мира и связан с тем, что приобщение к новым цифровым и медийным технологиям должно сопровождаться осмыслением как их человекосозидающих возможностей, так и неблагоприятных рисков: это низкая социализация, гиподинамия, снижение умственной активности, нарушение биологических ритмов, преждевременное старение, сокращение продолжительности жизни и т. п. (Антипин, 2010, с. 138). Недопустимо чисто функциональное освоение и использование современных цифровых технологий, такое отношение способствует тому, что «многие люди предпочитают выбирать тренд «ухода» из жизни в качестве активного, мыслящего субъекта, принимающего решения» (Смирнов, 2018, с. 69).

Медиаэкология в аспекте экогуманистического подхода

Необходимость формирования нового методологического подхода к человеку и его существованию в технико-технологизированном мире отмечают авторы второй части справочного издания «Информационно-вводный словарь «Экология человеческого бытия: Медиаэкология». Издание выступает своеобразным ответом на запрос о необходимости формирования нового философско-методологического подхода, новой парадигмальной установки мышления и практической деятельности современного человека, включающей в себя философский уровень осмысления как базовый, основной, т. к. «процесс медиатизации затрагивает человеческое бытие на разных уровнях – от индивидуально-личностного до социокультурного» (Гончарова, 2019, с. 66). В качестве такой установки сегодня может выступить экогуманистический подход, представляющий собой экологическую и гуманитарно-антропологическую «экспертизу» современного технико-технологизированного мира, ориентированную на поиск способов и средств достижения оптимальности в отношениях различных сторон бытия человека, целостности и полноценности его суще-

ствования. В разработку экогуманистического подхода авторы словаря закладывают именно философские основания, представленные, если обозначать в самом общем виде, следующими важными аспектами.

Онтологический (онтолого-антропологический) аспект позволяет рассмотреть экологию бытия человека как безотносительно к любым видам его отношений с миром, так и экологию бытия человека-в-мире, различные виды его отношения к миру. В *философско-антропологическом ракурсе* экогуманистический подход направлен на исследование бытия человека в технико-технологизированном мире с целью решения проблемы сохранения / воспроизводства человека как родового существа, его живого начала. *Аксиологический аспект* определяет «экологический вектор» исследования как вектор заботы и попечения, сохранения и сбережения многообразия отношений человека с миром, способов человеческого бытия-в-мире. В призме *герменевтического аспекта* экогуманистический взгляд преодолевает отношения человека и мира как взаимодействия сторон, в котором действует принцип властного превосходства. Мир человека и человек – это целое и часть, которые могут существовать и эволюционировать только совместно. В формате экогуманистического подхода авторы словаря используют диалектическую, системную и синергетическую методологии, идеи коэволюции и экосистемности.

Экогуманистический подход, согласно общей концепции словаря, отвечает на вызовы технико-технологического мира акцентуацией внимания на живом начале в человеке, которое связывается с бытийными характеристиками человека (Губин, 2008), его антропологическими константами (Моторина, 2007), экзистенциалами (Гуревич, 2016), предельными основаниями человеческого бытия: целостность, субъектность, открытость, свобода, творчество и т. п. Воспроизводство пяти «не-», на которые указывают В. Д. Губин и Е. Н. Некрасова, есть основание одновременно уникальности и универсальности человеческого существа: несводимости, непредопределенности, невыразимости, незаменимости и неповторимости. Живое начало в человеке всерьез ставится под вопрос с алгоритмизацией жизненного уклада, нерефлексивной деятельностью самого человека, многозадачностью повседневных практик.

На сегодняшний день, как показывают немногочисленные ссылки на пилотные исследования, концептуальная рамка подхода еще находится на стадии разработки. Принципиально значимо и то обстоятельство, что практический и прикладной аспекты экогуманистического подхода фактически не результируются конкретными инициативами, мерами и программами. Между тем в условиях пандемии, идеологических атак, критического прироста заведомо ложной информации и иных масштабных вызовов современности актуальность оптимальных, координируемых отношений человека и его мира, человека и общества, человека и природы и, наконец, межличностных взаимодействий не вызывает сомнений. Экогуманистический подход в сложившихся

условиях не может ограничиваться теоретической рамкой – необходима разработка комплекса практик, непосредственно решающих поставленные задачи.

Именно поэтому рассматриваемый словарь «Медиаэкология» можно считать одним из малочисленных практических примеров и эффективной рабочей площадкой по осмыслению экологических вопросов медиапространства. Словарь в определенном смысле уникален. Это успешно реализованный на базе кафедры философии ЮУрГУ (НИУ) проект. В словаре через ряд частотных терминов представлена тема медиаэкологии или экологии средств коммуникации, где экогуманистический подход направлен на осмысление возможностей цифровых технологий, формирующих информационную среду обитания современного человека. В издании собрана первичная и необходимая информация, предназначенная для развития концептуальных идей и раскрытия темы в аспекте медиаэкологии.

«Медиаэкология» является второй частью серии словаря «Экология человеческого бытия». С обзором и краткой рецензией первой части можно ознакомиться в статье Вестника Томского государственного университета «Бытие человека: формирование экологической культуры» (Соломко, 2021b). Говоря о контексте возникновения словаря, можно отметить, что впервые идея его создания была озвучена в февраля 2019 года на годовом собрании Челябинского регионального отделения Российского философского общества, в котором приняли участие ученые-философы из 7 вузов Челябинской области. В марте этого же года было принято решение организовать отдельный межвузовский семинар, посвященный презентации концепции словаря. По итогам семинара была коллегиально утверждена общая рабочая концепция, определено тематическое поле, распределены термины. Издательским центром ЮУрГУ была издана сначала первая (Экология человеческого…, 2020), а затем два года спустя и вторая часть словаря, которая и получила название «Медиаэкология» (Экология человеческого…, 2022).

Целью серии данного словарного издания является консолидация ученых и философов для осмысления научного ресурса темы «экологии бытия человека», в том числе и в аспекте медиаэкологии. Задачи эти таковы: 1) прояснение степени проработанности наиболее частотных категорий в историко-научном и историко-философском аспектах; 2) определение степени возможности прояснения категорий в философско-антропологической интерпретации; 3) определение междисциплинарного ресурса категорий темы; 4) выявление и обоснование гуманитарной специфики экологической тематики.

Словарь по своему формату – информационно-вводный. По своей междисциплинарной тематике и философско-научной направленности он является уникальным изданием. Это билингвистический словарь: русскоязычный и англоязычный. Выбранный формат нацелен на интеграцию проекта в международном пространстве. Специально разработанные дизайн и иконографика сориентированы на привлечение молодой аудитории. Вторая

часть словаря «Медиаэкология» включает 54 статьи, среди которых и статьи зарубежных авторов. В его составе 35 авторов: кандидаты и доктора наук 9 российских вузов Челябинска, Екатеринбурга, Санкт-Петербурга, Москвы. Словарь выступил своеобразной платформой для консолидации философов и ученых для осмысления научного ресурса темы экологии бытия человека в аспекте медиаэкологии.

Словарные статьи написаны с учетом следующей структуры:

1) *Определение или дефиниция термина в авторской интерпретации*: дать формулировку, разъясняющую значение, содержание, смысл термина (первый абзац).
2) *Степень проработанности категории*: этимология, истоки формирования понятия, карьера понятия, отсылки к авторитетным персоналиям и их работам, культурно-исторические коннотации и иллюстрации: *в историко-философском и историко-научном контекстах.*
3) *Степень проблематизации и (не-)проясненности категории*: ключевые проблемные аспекты, точки зрения их рассмотрения, варианты разрешения: *в социально-гуманитарном аспекте*.
4) *Дискурсивные взаимосвязи* термина с другими категориями информационного словаря «Медиаэкология».

В качестве теоретического основания издания была использована идея М. Маклюэна о технологии как «самоампутации» бытия человека (Маклюэн, 2012). Любые технологии, в том числе и цифровые, дают человеку очевидные преимущества (например, существенно ускоряют обмен информацией) и вместе с тем формируют новое восприятие действительности, «разрушают приоритет видимого мира». Иными словами, технологии являются призмой, сквозь которую человек видит, оценивает действительность и определенным образом к ней относится. Мысль, выраженная в книге «Война и мир в глобальной деревне», заставляет вновь поставить вопросы о том, что человек приобретает и чего лишается в связи с изобретением и использованием новой технологии, о месте и роли цифровых технологий в коммуникации. Ответам на эти вопросы посвящены статьи словаря.

Исходя из обозначенной идеи, авторы осуществили попытку корреляции содержания статей с основными принципами экогуманистического подхода: *целостность*, *оптимальность*, *координация* и *экосистемность* (Соломко, 2021а). На основе этих принципов в отношении между различными сторонами (технической/цифровой/медийной и антропологической) создаются максимально благоприятные возможности развития, реализации внутреннего потенциала каждой из сторон, осуществляется сознательный и активный поиск согласованного со-существования между сторонами. Эффективность и необходимость использования данных принципов отмечается авторами в текстах словарных статей.

Например, об актуальности и важности использования принципа *координации*, понимаемого как существование не по принципу подчинения (главный–второстепенный), но по принципу со-существования на равных в различных формах бытия человека в информационной среде, рассуждает автор словарной статьи «Киберсреда» А. А. Дыдров. Исследователем отмечается, что именно киберсреда, сформированная в соответствии с принципом координации, способна взять на себя роль своеобразного буфера, погасить накал противостояния различных сторон, не допуская наступления стадии их глобального взаимоуничтожения. В соответствии с принципом координации должна формироваться и информационная культура современного общества, пишет Е. А. Дамман в статье «Информационная культура». При этом оговаривается, что под равенством сторон, которое предлагается к достижению, понимается не абсолютное равенство, но соподчинение сторон, их взаимозависимость и, как следствие, взаимоупорядоченность. Уровень организации информационных процессов должен быть таким, чтобы обеспечивалась «возможность свободного выхода личности в информационное бытие; свобода выхода и доступ к информационному бытию на всех уровнях от глобального до локального».

Во избежание появления и укрепления различных форм медиамистификаций, обострения моральных паник, роста числа фейков и псевдо-новостей в медиапространстве, для повышения уровня медийной и информационной грамотности, осуществления практик цифровой гигиены, формирования экологического поведения и т. п. важно соблюдение принципа *оптимальности* в отношениях человека с окружающей средой (природной, социальной, информационной, технизированной) отмечают в своих статьях А. А. Ефанов «Медиамистификация», «Моральные паники», «Псевдо-новость»; С. Н. Ильченко «Фейк», Е. М. Хакимова «Медийная и информационная грамотность»; О. А. Блинова «Практики цифровой гигиены»; Т. Мортсон и К. Е. Резвушкин «Экологическое поведение». Авторы сходятся на том, что стремление к *оптимальности* как максимально возможному в определенных условиях варианту согласованности различного, учитывающему различие сторон компромиссу, необходимо для достижения согласованного определенным образом со-бытия всех частей внутреннего и внешнего мира человека, которое способствует обретению человеком *целостности* и полноценности его бытия. В связи с этим подавляющее большинство авторов считают, что отношение «человек – технико-технологизированный мир» может быть представлено как *экосистема* – комплекс, единство взаимосвязанных и взаимодействующих основных ее элементов (технического и антропологического), находящихся в закономерной взаимосвязи, синергии и кооперации.

«В современной цифровой реальности информационное перенасыщение практически неизбежно» (Петрова, 2019, с. 108). Появляются и укрепляются в повседневном и научном дискурсах такие термины как информационный

мусор, информационное загрязнение (Дружилов, 2013, с. 89-92), информационный стресс, информационный хаос (Шапцев, 2003, с. 33-44), информационная комфортность (Парахонский, 2009, с. 8) и т. п. Для минимизации накопления информационного мусора, снижения рисков возникновения информационного загрязнения, хаоса и различных форм медианасилия в жизни и деятельности человека авторы статей «Медианасилие» В. И. Гладышев, «Экология коммуникации» О. Ю. Харитонова, «Экология социальных сетей» А. Б. Чередняков и Е. Г. Миляева отмечают необходимость сохранения целостности восприятия, чтения и понимания медиатекста, что в социальном контексте означает сохранение целостности личности в процессе коммуникации с медиатекстом. Именно о целостности человека и полноценности его бытия, их сохранении, сбережении и актуальном воспроизводстве необходимо вести речь, т. к. целостность есть фундаментальное, сущностное свойство человека, его интегративное качество, часто утрачивающееся в процессе существования.

Проблема целостности с точки зрения обнаружения системности не утрачивает своей актуальности, о ней говорят многие современные философы-ученые, обращая к ней свое пристальное внимание (Беляев, 2012; Герт, 2016; Гуревич, 2016; Дыдров, 2019, с. 35-48; Моторина, 2007). В этой связи отмечается содержательная необходимость взаимодействия и сопряжения экологии и частных ее направлений, включая информационную экологию и медиаэкологию, именно с философией, для разработки оптимальной модели взаимоотношения «человек – информационная среда». Подобная модель позволит избегать таких крайностей как, с одной стороны, пассивного и бездумного «погружения» человека в информационную цифровую среду, с другой – полного от нее отказа. Исследования в области информатизации и медиатизации как процессов интеграции информационных и медийных технологий практически во все сферы существования современного человека приобретают особую актуальность, причем в них «сходятся научные интересы представителей различных наук – философии, социологии, филологии, культурологии, психологии» (Гончарова, 2019, с. 65). Однако разрозненность и многоаспектность работ современных ученых (социологов, экономистов, культурологов) в области исследования и решения проблемы адаптации человека к цифровой эпохе «свидетельствуют об отсутствии целостного осмысления проблемы. Здесь и должна сыграть свою роль философия как рефлексия наиболее общего порядка, имеющая все возможности для комплексного анализа» (Петрова, 2019, с. 108.). Безусловно, актуальные направления экологии социально-гуманитарного толка – антропоэкология (Бабкин, 2014, с. 183-186; Бейтсон, 2000; Гуляев, 2012; Дерябо, 1999; Казначеев, 1986), социальная экология (Лилейкина, 2012, с. 221-224; Маркович, 1998; Нусупов, 2019, с. 219-222; Сосунова, 2010; Шоричева, 2013, с. 88-91; Sajjad, Li, Chan, & Khalid, 2019, p. 805-818; Vista, Shibao, de Oliveira Neto, Costabile, Shibuya, & Vendrametto, 2015,

p. 647-654), информационная экология и медиаэкология занимаются многими важными и значимыми проблемами современного мира и человеческого существования в нем, но зачастую ограничиваясь вопросами общенаучного и конкретно-научного уровней исследования: миграции, генетики, здоровьесбережения, питания, благоприятных и неблагоприятных влияний среды обитания и т. д. Уровень философской рефлексии практически не обнаруживается (однако необходимость в нем все чаще и чаще отмечается), разве что, за исключением вопросов этики в экологии, ярко представленных в концепциях «экологического императива» (Моисеев, 1988) и «глобально-экологического мышления» (Апухтина, 2006).

К сожалению, формат и замысел словарного издания «Медиаэкология» изначально не позволил авторам основательно разработать теоретико-фундаментальное обоснование и содержательно проработать практико-прикладные аспекты экогуманистического подхода и использования его принципов в медиаэкологии. Однако научная концептуализация, как отмечалось выше, не входила в задачи словаря. Редакторы и авторы намерено, учитывая выбранный формат, ограничились сбором вводной информации для последующего формирования и развития идей на концептуальном уровне, сделав первичную разметку и обозначив перспективы дальнейшего исследования. К 2024 году в планах у коллектива кафедры философии ЮУрГУ подготовить третью часть словаря «Экология человеческого бытия: Цифровая экология», создав тем самым своеобразную трилогию. В авторский коллектив приглашаются ученые и философы, доктора и кандидаты наук, чьи научные интересы связаны с вопросами сохранения и воспроизводства человека как уникального рода сущего в «цифровую эпоху».

Выводы

В качестве несомненно положительного момента необходимо отметить попытку авторского коллектива разработать и апробировать новую методологию осмысления отношения «человек – технико-технологизированный мир». Разработка экогуманистического подхода как специфической методологии в сфере теоретических исследований и в организации эко-практических отношений человека с технико-технологизированным миром есть ответ на вызовы современности, своеобразная альтернатива редукционизму технико-технологического подхода. Конечно, экогуманистический подход на сегодняшний день не имеет достаточной содержательной проработки и конкретных методов реализации. Требуется серьезная методологическая и концептуальная работа в этой сфере, обобщающая на философском уровне результаты междисциплинарного исследования, совмещающая теоретический базис и конкретные методы и технологии.

Экогуманистический подход отражает активную позицию по укреплению ответственности человека в технико-технологизированном мире. Он возвра-

щает человека в созданный им же самим техномир как сознательного и целеустремленного деятеля (субъекта), на взаимокомфортных, экологичных (поддерживающих и обеспечивающих оптимальное существование различных сторон) основаниях. В настоящее время это важно, ибо отказ от субъектной функции означает отказ от активной позиции человека и по отношению к его миру, к другим людям, и по отношению к себе. Современный человек должен обнаружить в себе, сохранить и активно воспроизводить свою антропологическую целостность, свои онтологические и экзистенциальные константы, себя как родовое существо, а также не замещать возможность развития своего физического и духовного потенциала технико-технологическими средствами, стремиться не растворять себя в технологиях, но и не противопоставлять себя им, встраивая их в свою жизнь. Отметим, что это не просто воспроизводство, но «расширенное воспроизводство» – одновременно сохранение и развитие экосистемы «человек – технико-технологизированный мир», сопровождающиеся необходимыми изменениями, взаимоукреплением и расширением потенциала каждого элемента.

Обозначенная перспектива создания третьей части словаря «Цифровая экология» не вызывает вопросов по своей актуальности и необходимости. В современной культуре происходит своеобразная экспансия со стороны цифровых технологий – конечно, в том числе, и по вынужденным / объективным причинам (условия борьбы с вирусом Covid-2019). Человек традиционно создает технологии, ориентируясь на себя, потребности усиления собственной силы как субъекта. Но увлекшись этой технологической гонкой, человек сам ставит себя в зависимость от созданного им же технико-технологизированного мира. Цифровые технологии становятся все более изощренными, создавая невиданные возможности в решении самых разных задач. Однако никакие технологии вопросов о бытии и смысле человеческой жизни не ставят и не решают. Их необходимо ставит и решает только человек. Цифровые технологии, информационно «поддерживающие» в этом человека, сами по себе не представляют угрозы. Смысложизненные вопросы, соответствующие экзистенциальным и аксиологическим аспектам бытия современного человека, являются своеобразной границей возможностей цифровизации. Но такого рода вопросы – непременная часть бытия человека.

Экогуманистический подход призван ответить на многие проблемные вопросы, связанные с приоритетом технико-технологической установки современной культуры. Как технико-технологический мир влияет на человека? Как человеку оптимально существовать в технико-технологизированном мире? Сможет ли он остаться в нем человеком, живым человеком, сохраняя целостность своего бытия, себя как уникальный род сущего? Возможен ли вообще человек в технико-технологизированном мире? На все эти вопросы-вызовы технико-технологической эпохи пока сложно обнаружить одно-

значные и исчерпывающие ответы, но это никак не снимает их растущей актуальности.

В решении этих вопросов может реализоваться теоретический потенциал и практическая значимость философской антропологии в качестве основы выработки экогуманистических принципов теоретической и практической деятельности человека. Для современного человека важно, опираясь на возможности цифровых технологий, активно и осознанно воспроизводить себя как антропологическую целостность в единстве онтологических и экзистенциальных констант, как сознательного и целеустремленного деятеля (субъекта). Новый уклад жизни невозможен без или вне цифровых технологий. Однако их использование следует нацеливать на овладение информацией, превращение ее в «личностное знание», без которого невозможно самоопределение человека. Такое знание предполагает рефлексию над информацией, понимание ее личностного смысла и значения. Без подобного отношения информация утрачивает антропологическое измерение, человек не становится знающим, знание не выступает основой ответственного поведения, развития и саморазвития личности.

Представленное к рецензированию справочное издание выступает консолидирующим и системообразующим «началом», базовым алфавитом основных положений актуальных «экологий» социально-гуманитарного толка. Традиционная экология фокусируется на определении сущности и специфических закономерностях взаимоотношений растительных и животных организмов между собой и окружающей средой, понимая под последней исключительно естественные условия их существования – природу. Формы социогуманитарной экологии под окружающей средой понимают не только природу, но и мир человека как искусственно созданные условия существования – социум, культуру, технико-технологизированный мир. В актуальных направлениях экологии, несмотря на их междисциплинарный характер, отмечается недостаток философского уровня осмысления отношений человека со своим миром. В этом смысле словарь «Экология человеческого бытия: Медиаэкология» можно назвать новационным, т. к. он является удачным примером опыта восполнения обозначенного пробела.

Список литературы

Sajjad, M., Li, Y., Li, Y., Chan, J. C. L., & Khalid, S. (2019). Integrating Typhoon Destructive Potential and Social-Ecological Systems Toward Resilient Coastal Communities. *Earth's Future*, 7(7), 805-818. https://doi.org/10.1029/2019EF001226

Vista, H. A. B., Shibao, F. Y., de Oliveira Neto, G. C., Costabile, L. T., Shibuya, M. K., & Vendrametto, O. (2015). Social Environmental Assessment in the Oil and Gas Industry Suppliers. In S. Umeda, M. Nakano, H. Mizuyama, N. Hibino, D. Kiritsis, & G. von Cieminski (Eds.), *Advances in Production Management Systems: Innovative Production Management Towards Sustainable Growth*

(pp. 647–654). Springer International Publishing. https://doi.org/10.1007/978-3-319-22756-6_79

Антипин, Н. А. (2010). Урбанизация и здоровое население: Экологический аспект. *Здоровье – основа человеческого потенциала, проблемы и пути их решения*, 5(1), 137–142.

Апухтина, Н. Г. (2006). *От истоков к основаниям глобально-экологической культуры мышления*. ЧГАКИ.

Бабкин, В. О. (2014). Социальная экология как новая развивающаяся дисциплина и ее взаимосвязь с экологией человека. *Известия Оренбургского государственного аграрного университета*, 3, 183–186.

Бейтсон, Г. (2000). *Экология разума. Избранные статьи по антропологии, психиатрии и эпистемологии*. Смысл.

Беляев, И. А. (2012). *Целостность человека в аспекте взаимосвязи его способностей и потребностей: Опыт типологизации*. ЧГАКИ.

Герт, В. А. (2016). *Целостность и субъектность индивидуального бытия человека*. ЧГАКИ.

Губин, В. Д., & Некрасова, Е. Н. (2008). *Философская антропология*. Форум.

Гуляев, В. Т. (2012). Для чего нужна экология личности? В *Философия XXI века: Вызовы и ответы на них*. Орион.

Гуревич, П. С. (2016). *Грани человеческого бытия*. ИФ РАН.

Дерябо, С. Д. (1999). *Экологическая психология: Диагностика экологического сознания*. Московский психолого-социальный институт.

Дружилов, С. А. (2013). «Загрязненность» информационной среды и проблемы психологического здоровья личности. *Современные наукоемкие технологии*, 4, 89–92.

Дыдров, А. А., & Невелева, В. С. (2019). Антропология инноваций. *Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология*, 48, 35–48. https://doi.org/10.17223/1998863X/48/4

Казначеев, В. П. (1986). *Проблемы экологии человека*. Наука.

Колесникова, И. А. (2020). Регуманитаризация образования: Методологическая перезагрузка. *Экопоэзис: экогуманитарные теория и практика*, 1(2), 20–34.

Лилейкина, В. А. (2012). Составление геоэкологического паспорта города на практических занятиях по социальной экологии. *Экологические, экономические и социально-культурные предпосылки трансграничного сотрудничества в Балтийском регионе. Материалы международной научно-практической конференции*, 221–224.

Маклюэн, М. (2012). *Война и мир в глобальной деревне*. АСТ.

Маркович, Д. Ж. (1998). *Социальная экология*. МГСУ «Союз».

Моисеев, Н. Н. (1988). *Экология человечества глазами математика: Человек, природа и будущее цивилизации*. Молодая гвардия.

Моторина, Л. Е. (2007). *Феномен человека: Методология исследования*. МАИ.

Невелева, В. С., & Соломко, Д. В. (Ред.). (2020). *Экология человеческого бытия: Информационно-вводный словарь*. Издательский центр ЮУрГУ.

Нусупов, Ч. Т. (2019). Функциональная роль социальной экологии в обеспечении принципа социальной справедливости. *Modern Science*, 11–4, 219–222.

Парахонский, А. П., & Еремин, А. Л. (2009). Проблемы информационной экологии в ноосфере. *Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований*, 7, 8–17.

Петрова, Е. В. (2019). Информационная экология в цифровой среде. *Экономические и социально-гуманитарные исследования*, 3, 103–108. https://doi.org/10.24151/2409-1073-2019-3-103-108

Смирнов, С. А. (2018). Антропологическая платформа для национальной технологической инициативы (приглашение к дискуссии). *Философская антропология*, 4(2), 69–80. https://doi.org/10.21146/2414-3715-2018-4-2-69-80

Соломко, Д. В. (2021a). Основные принципы экогуманистического подхода. *Вестник Омского университета*, 26(3), 68–75.

Соломко, Д. В. (2021b). Бытие человека: Формирование экологической культуры. *Вестник Томского государственного университета*, 463, 63–68. https://doi.org/10.17223/15617793/463/8

Соломко, Д. В., & Емченко, Е. П. (Ред.). (2022). *Экология человеческого бытия: Словарь. Часть II. Медиаэкология*. Издательский центр ЮУрГУ.

Сосунова, И. А. (2010). *Методология и методы современной социальной экологии*. МНЭПУ.

Чубаров, И. (2015). Машинная антропология. Запоздалый манифест. *Логос*, 25(2), 122–141.

Шапцев, В. А. (2003). Информационная экология информационного общества. В *Информационная экология. Сборник статей. Материалы семинара «Информационная кампания по пропаганде экологических знаний в информационном обществе»* (сс. 33–44). Высший химический колледж РАН.

Шоричева, А. Ю., & Карасёв, И. Е. (2013). Нормативное регулирование охотничьего туризма в Омске. *Современное состояние и потенциал развития туризма в России: материалы научно-практической конференции*, 88–91.

References

Alexandrova, L.A., Apukhtina, N.G., Bogdanova, V.O., Blinova, O.A., Valko, D.V., Vishev, I.V., Vostrikov, I.V., Gladyshev, V.I., Grednovskaya, E.V., Di, K.D, Dydrov, A. A., Emchenko, E. P., Kamalieva, I. R., Kovtun, O. A., Matsyna, A. I., Milyaeva, E. G., Neveleva, V. S., Paschenko, O. V., Penner, R. V., ...Schreiber, V. K. (2020). *Ecology of human existence: An informational and introductory dictionary*. SUSU Publishing Center. (In Russian).

Antipin, N. A. (2010). Urbanization and Healthy Population: Ecological Aspect. *Health – the basis of human potential, problems and solutions*, 5(1), 137–142. (In Russian).

Apukhtina, N. G. (2006). *From the origins to the foundations of a global-ecological culture of thought*. CHGAKI. (In Russian).

Babkin, V. O. (2014). Social ecology as a new emerging discipline and its relationship with human ecology. *Proceedings of the Orenburg State Agrarian University*, 3, 183–186. (In Russian).

Bateson, G. (2000). *Ecology of Mind. Selected Articles in Anthropology, Psychiatry, and Epistemology*. Smysl. (In Russian).

Belyaev, I. A. (2012). *Human Integrity in the Interrelationship of Ability and Need: A Typological Approach*. CHGAKI. (In Russian).

Chubarov, I. (2015). Machine Anthropology. A belated manifesto. *Logos*, 25(2), 122–141.

Deryabo, S. D. (1999). *Environmental Psychology: Diagnosis of Environmental Consciousness*. Moscow Psychological-Social Institute. (In Russian).

Druzhilov, S. A. (2013). "Pollution" of the information environment and the problems of psychological health of the individual. *Modern knowledge-intensive technologies*, 4, 89–92. (In Russian).

Dydrov, A. A., & Neveleva, V. S. (2019). The anthropology of innovations. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya, sotsiologiya, politologiya*, 48, 35–48. https://doi.org/10.17223/1998863X/48/4 (In Russian).

Gert, V. A. (2016). *The wholeness and subjectivity of individual human existence*. CHGAKI. (In Russian).

Gubin, V. D., & Nekrasova, E. N. (2008). *Philosophical Anthropology*. Forum. (In Russian).

Gulyaev, V. T. (2012). What is the Ecology of Personality for? In *Philosophy in the 21st Century: Challenges and Responses*. Orion. (In Russian).

Gurevich, P. S. (2016). *Facets of human existence*. Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences. (In Russian).

Kaznacheev, V. P. (1986). *Problems of human ecology*. Nauka. (In Russian).

Kolesnikova, I. A. (2020). The Regularization of Education: A Methodological Reset. *Ecopoiesis: ecohumanitarian theory and practice*, 1(2), 20–34. (In Russian).

Lileykina, V. A. (2012). Making geo-ecological passport of the city in practical classes on social ecology. *Ecological, economic and socio-cultural prerequisites for transboundary cooperation in the Baltic region. Materials of the international scientific-practical conference*, 221–224. (In Russian).

Markovich, D. J. (1998). *Social ecology*. MGSU Soyuz. (In Russian).

McLuhan, M. (2012). *War and Peace in the Global Village*. AST. (In Russian).

Moiseyev, N. N. (1988). *Human Ecology through the Eyes of a Mathematician: Man, Nature, and the Future of Civilization*. Molodaja gvardija. (In Russian).

Motorina, L. E. (2007). *The Human Phenomenon: Research Methodology*. MAI. (In Russian).

Neveleva, V. S., & Solomko, D. V. (Eds.). (2020). *Ecology of Human Being: An Informational and Introductory Dictionary*. SUSU Publishing Center. (In Russian).

Nusupov, Ch. T. (2019). The functional role of social ecology in ensuring the principle of social justice. *Modern Science*, 11–4, 219–222. (In Russian).

Parakhonsky, A. P., & Eremin, A. L. (2009). Problems of information ecology in the noosphere. *International Journal of Applied and Basic Research*, 7, 8–17. (In Russian).

Petrova, E. V. (2019). Information ecology in the digital. *Ekonomicheskie i sotsial'no-gumanitarnye issledovaniya*, 3, 103–108. https://doi.org/10.24151/2409-1073-2019-3-103-108 (In Russian).

Sajjad, M., Li, Y., Li, Y., Chan, J. C. L., & Khalid, S. (2019). Integrating Typhoon Destructive Potential and Social-Ecological Systems Toward Resilient Coastal Communities. *Earth's Future*, 7(7), 805-818. https://doi.org/10.1029/2019EF001226

Shaptsev, V. A. (2003). Information Ecology of the Information Society. In *Information Ecology. Collection of articles. Proceedings of the seminar "Information campaign to promote ecological knowledge in the information society"*. (pp. 33–44). Higher Chemical College of the Russian Academy of Sciences. (In Russian).

Shoricheva, A. Y., & Karasev, I. E. (2013). Regulation of hunting tourism in Omsk. *The current state and potential of tourism development in Russia : materials of the scientific-practical conference*, 88-91. (In Russian).

Smirnov, S. A. (2018). Anthropological Platform for National Technological Initiative. *Philosophical anthropology*, 4(2), 69–80. https://doi.org/10.21146/2414-3715-2018-4-2-69-80 (In Russian).

Solomko, D. V. (2021a). Basic principles of the ecohumanistic approach. *Bulletin of Omsk University*, 26(3), 68-75 (In Russian).

Solomko, D. V. (2021b). Human Existence: Formation of Ecological Culture. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, 463, 63–68. https://doi.org/10.17223/15617793/463/8 (In Russian).

Solomko, D. V., & Emchenko, E. P. (Eds.). (2022). *Ecology of Human Being: A Dictionary. Part II. Mediaecology*. SUSU Publishing Center. (In Russian).

Sosunova, I. A. (2010). *Methodology and Methods of Modern Social Ecology*. MNJePU. (In Russian).

Vista, H. A. B., Shibao, F. Y., de Oliveira Neto, G. C., Costabile, L. T., Shibuya, M. K., & Vendrametto, O. (2015). Social Environmental Assessment in the Oil and Gas Industry Suppliers. In S. Umeda, M. Nakano, H. Mizuyama, N. Hibino, D. Kiritsis, & G. von Cieminski (Eds.), *Advances in Production Management Systems: Innovative Production Management Towards Sustainable Growth* (pp. 647–654). Springer International Publishing. https://doi.org/10.1007/978-3-319-22756-6_79

Certificate of registration issued by Roskomnadzor: ЭЛ № ФС77-75215 since 07 march 2019

Founder: Limited Liability Company Scientific Industrial Enterprise “Genesis. Frontier. Science”

Address: 24, Savushkina St. apt. 88, Astrakhan, Russia, 414056

Address of Editorial board: 57, Granovskiy per. apt. 2, Astrakhan, Russia, 414038

Editor-in-Chief: Rastyam T. Aliev, PhD

In case you have any questions about co-operation please write an e-mail the following address: admin@galacticamedia.com

or galacticamedia@gmail.com

Phone: +7 (988) 068-63-72

Materials are intended for persons over 18 years old

This journal is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International

© 2019 Galactica Media: Journal of Media Studies. E-ISSN: 2658-7734

Свидетельство о регистрации выдано Роскомнадзором: ЭЛ № ФС77-75215 от 07 марта 2019

Учредитель: Общество с ограниченной ответственностью научно-производственное предприятие «Генезис.Фронтир.Наука». ИНН/ОГРН: 3019005706/1123019003678

Юр. Адрес: Российская Федерация, 414056, г. Астрахань, ул. Савушкина, д. 24, кв. 88

Адрес редакции: 414038, Астраханская обл., г. Астрахань, Грановский пер., д. 57, кв. 2

Главный редактор: к.и.н. Растям Туктарович Алиев

По всем вопросам сотрудничества и публикации материалов обращаться по e-mail: admin@galacticamedia.com

или galacticamedia@gmail.com

Телефон: +7 (988) 068-63-72

Опубликованные в сетевом издании материалы предназначены для лиц старше 18 лет

Сетевое издание доступно по лицензии Creative Commons “Attribution” («Атрибуция») 4.0 Международная

© 2019 Галактика медиа: журнал медиа исследований. e-ISSN: 2658-7734